

XX

В Е К

**В документах
и исследованиях**

Чехия и Словакия в XX веке

Очерки истории

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES

20th Century in Documents and Research

Czech Lands and Slovakia in the 20th Century

Essays of history

In two books

Book 1

MOSCOW NAUKA 2005

XX век в документах и исследованиях

Чехия и Словакия в XX веке

Очерки истории

В двух книгах

Книга 1

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(437)"654"
ББК 63.3(4Чех)
Ч-56

*Серия "XX век в документах и исследованиях"
основана в 2001 году*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук *Э.Г. Загорожнюк*,
доктор исторических наук *В.В. Марьина* (ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Е.П. Серапионова*

Рецензенты:

доктор исторических наук *И.И. Костюшко*,
кандидат исторических наук *Ю.А. Щербакова*

Чехия и Словакия в XX веке : очерки истории : в 2 кн. / [отв. ред. В.В. Марьина] ; Ин-т славяноведения. — М. : Наука, 2005. — (XX век в документах и исследованиях). — ISBN 5-02-010278-4.

Кн. 1. — 2005. — 453 с. : ил. — ISBN 5-02-010349-7 (в пер.).

В коллективной монографии при опоре на новейшую литературу, документальные публикации, а также материалы российских, чешских и словацких архивов обозначен новый поворот в изучении истории Чехии и Словакии (Чехословакии) в XX в. В первой книге прослеживается возникновение чехословацкого государства в 1918 г., складывание его демократических институтов и политической системы, освещаются проблемы социального развития независимой Чехословакии 1918—1939 гг., история чешского и словацкого Сопротивления в годы Второй мировой войны. Значительное место уделено развитию чешской и словацкой культуры в первой половине XX в.

Для историков, политологов и широкого круга читателей.

Темплан 2005-I-354

ISBN 5-02-010278-4

ISBN 5-02-010349-7 (кн. 1)

© Коллектив авторов, 2005

© Российская академия наук и издательство "Наука", серия "XX век в документах и исследованиях" (разработка, редакционно-издательское оформление), 2001 (год основания), 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление.....	6
(В.В. Марьина)	
Чешские земли в начале XX века.....	15
(Е.П. Серапионова)	
Словакия в составе Венгерского королевства в начале XX в.	32
(Е.П. Серапионова)	
Чехи и словаки в огне Первой мировой войны.....	44
(Е.П. Серапионова)	
Последний год войны и образование Чехословацкой республики...	78
(Е.П. Серапионова)	
Определение границ. Первые шаги нового государства (1918 – 1920 гг.)	95
(Е.П. Серапионова)	
Политическое и экономическое положение Чехословакии в начале 20-х годов XX в.	114
(Е.П. Серапионова)	
"Золотые годы" Чехословацкой республики (1924 – 1929 гг.)	135
(Е.П. Серапионова)	
Тяжелые тридцатые годы	156
(Е.П. Серапионова)	
"Вторая республика" (30 сентября 1938 – 15 марта 1939 гг.)	195
(Е.П. Серапионова)	
Культура чехов и словаков в первой половине XX в. (конец XIX в. – 30-е годы XX в.)	218
(Г.П. Мельников)	
Чехи и словаки в годы Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Дви- жение Сопротивления: вектор нарастания	346
(В.В. Марьина)	
Восстановление Чехословацкого государства: международные ас- пекты 1939 – 1945 гг.	390
(В.В. Марьина)	
Культура во время Второй мировой войны	428
(Г.П. Мельников)	
Указатель имен	439
Список сокращений	451
Источники иллюстраций	453

ВСТУПЛЕНИЕ

Мировой значимости события конца XX века по-новому высвечивают исторические процессы, имевшие место на протяжении этого столетия. Крах идей социализма в их советском обличье, глубокая дискредитация мирового коммунистического движения, распад СССР и связанного с ним "социалистического содружества", демократические, "нежные" и с кровавым отливом, революции 1989 г. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, покончившие с ослабленными к концу века, но продолжавшими существовать в этом регионе тоталитарными режимами, новые внутри- и внешнеполитические ориентиры бывших союзников СССР, распад воссозданных после Второй мировой войны многонациональной Югославии и двунациональной Чехословакии, — всё это диктует необходимость взглянуть на новейшую историю стран указанного региона под иным, чем прежде, углом зрения.

Необходимость нового подхода определяется также появлением в связи с открытием (в странах бывшего советского блока) и приоткрытием (в России) архивов огромного количества ранее неизвестных документов, вносящих существенные, а иногда и радикальные коррективы в историю стран региона XX века. Исследователи получили возможность по-новому взглянуть на прошлое, на, казалось бы, уже известные события, на деятельность многих политических лидеров, сыгравших важную роль в судьбах того или иного народа или страны. Революции 1989 г. и стремление к построению нового демократического общества создали условия для плюрализма взглядов и интерпретаций национальной истории стран региона и их взаимоотношений с внешним миром.

Истории Чехословакии в XX в. посвящено немало работ российских (советских) и зарубежных, главным образом чешских и словацких, ученых. Последний из обобщающих советских трудов — "Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней" — вышел в 1988 г. Однако с позиций сегодняшнего дня имеющиеся в ней оценки сильно идеологизированы и политизированы, особенно что касается истории прошлого столетия, и несомненно, требуют пересмотра. Иной взгляд, вместе с тем, не предполагает простую смену в оценках знака "плюс" на знак "минус", не означает, что должны быть отброшены за ненадобностью достойные и серьезные работы исследователей предшествующих поколений. Тем не менее следует заметить, что нередко весьма ценные наблюдения и выводы, сделанные учеными в прежние годы, терялись в массе клише и идеологических схем, свойственных послевоенной историографии, так что отделить зерна от плевел подчас очень трудно.

С точки зрения накопленного в историографии фактического материала, но не его интерпретации, можно считать отчасти разработанными вопросы, касающиеся образования Чехословацкой республики в 1918 г., её политической системы в межвоенные годы, коммунистического и рабочего движения в стране, социально-экономического развития довоенной ЧСР, движения Соппротивления в Чешских землях и Словакии, деятельности чехословацкой эмиграции в годы Второй мировой войны, восстановления Чехословакии в 1945 г. и первых послевоенных лет её развития (1945—1948 гг., февраль 1948 г.). Вопросы истории страны в период социалистического строительства (50—80-е годы XX в.) практически стали разрабатываться и освещаться преимущественно в последнее десятилетие, хотя и ранее такие, более или менее удачные, попытки имели место, как в отечественной, так и в чехословацкой историографии. Сейчас историки сделали уже первые шаги в изучении процессов, связанных с формированием и эволюцией чехословацкого оппозиционного движения, историей "бархатной" революции, распадом Чехословакии в 1993 г. и развитием Чехии и Словакии в конце XX — начале XXI в.

Что касается мировой науки, то исследование обращено в сторону как детального, углубленного изучения отдельных, ключевых вопросов истории чехов и словаков в XX в. (с акцентом на период Мюнхенского кризиса, время Второй мировой войны, первые послевоенные годы, начальный период становления социалистической системы советского образца — 1948—1953 гг., события 1968 г. и "бархатной" революции 1989 г.), так и обобщения на базе новых архивных материалов. Немало появляется здесь, особенно что касается публицистики, поверхностных, подчас основанных лишь на эмоциях умозаключений, не имеющих под собой серьезной документальной базы.

Совершенно естественно, что изучение всякой проблемы по истечении какого-то времени требует возврата к себе, и не только потому, что появляются новые источники и документы, проливающие свет на те или иные события и меняющие наше представление о них, но и потому, что сама историческая наука находится в постоянном движении, что в науке-истории нет ничего окончательного, что она меняется вместе со временем, отражает требования сегодняшнего дня. Связано это, очевидно, с тем, что каждое поколение видит или хочет видеть прошлое, особенно недавнее, своими глазами, имеет или хочет иметь о нем свое представление. Поэтому историографию всегда надо видеть в развитии, в движении: представления меняются не только от поколения к поколению, но с годами эволюционируют или, по меньшей мере, уточняются и позиции отдельных исследователей. Это вполне естественно, если учесть, какое огромное количество новых документов увидело свет в последнее время.

Историография, в основном национальная и отчасти отечественная, в последнее десятилетие обогатилась значительным количеством более или менее серьезных работ, для которых характерен новый взгляд на историю албанцев, болгар, венгров, поляков, румын, словаков, чехов, сербов, хорватов и других югославянских народов. В частности, значимым для Института славяноведения РАН явился выход в свет коллективной монографии "Болгария в XX веке. Очерки политической истории". Идет работа

по написанию истории народов Югославии в ушедшем веке. Авторский коллектив данного труда в составе д.и.н. Э.Г. Задорожнюк, д.и.н. Н.В. Ковицына, д.и.н. В.В. Марьиной (отв. редактор), к.и.н. Г.П. Мельникова, к.и.н. В.А. Мусатова, к.и.н. Е.П. Серапионовой; к.и.н. Я.В. Шимова, — представляет читателю книгу "Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории" (в 2-х книгах).

Весьма непростым для авторов был выбор названия труда: ведь на протяжении XX века территории (и государства), на которых (в которых) проживали чехи и словаки, неоднократно меняли наименование. В начале столетия Чешские земли, включавшие Чехию, Моравию и Силезию, входили в состав австрийской части Австро-Венгерской монархии, а Словакия являлась частью её венгерской составляющей. Созданная в 1918 г. Чехословацкая республика (ЧСР) объединяла Чешские земли, Словакию и Подкарпатскую Русь (ныне Закарпатскую Украину). После Мюнхена возникла так называемая вторая республика, получившая наименование Чехо-Словакия. В марте 1939 г. она усилиями гитлеровской Германии была расчленена: Чешские земли под названием Протекторат Богемия и Моравия вошли в состав "третьего рейха", Словакия обрела самостоятельность и получила наименование Словацкая республика. Подкарпатскую Русь оккупировала Венгрия. В 1945 г. Чехословакия была восстановлена как государство, но уже без Подкарпатя (Закарпатя), отошедшего к СССР (УССР). В 1960 г. ЧСР, завершившая, согласно терминологии того времени, построение основ социализма, стала называться Чехословацкая социалистическая республика (ЧССР). 1 января 1969 г. вступил в силу закон о преобразовании государства в федерацию двух союзных республик — Чешской социалистической республики и Словацкой социалистической республики. После "бархатной" революции оно стало именоваться Чехо-Словацкая федеративная республика, которая опять же в результате "бархатного развода" распалась на Чешскую Республику и Словацкую Республику. Неоднократно на протяжении столетия менялись внутренние и внешние ориентиры развития государств, в которых проживали чехи и словаки. В последнее десятилетие XX в., по-

сле крушения "коммунистического" режима, Чехия и Словакия, переживающие трудный и противоречивый период очередной смены общественно-политического строя, пытаются обрести новое, демократическое лицо, обратив его к Западу, ведут поиск своего места в современном мире. Такой калейдоскоп названий и превращений привел авторский коллектив к мысли озаглавить труд "Чехия и Словакия в XX веке", хотя условность термина Чехия очевидна, поскольку она является частью нынешней Чешской Республики, включающей также Моравию и Силезию.

Жанр исследования — *очерки истории*. Это значит, во-первых, что хотя книга охватывает весь XX век, но не все страницы и аспекты истории Чехии и Словакии в этом столетии рассматриваются с одинаковой степенью подробности. Ракурс освещения избирался автором каждого очерка самостоятельно, сопрягаясь с его представлениями о том, что нуждается в пересмотре и уточнении оценок на конкретном этапе исторического развития чешского и словацкого народов. Во-вторых, очерковый характер труда предполагает, что каждый из авторов представляет свою точку зрения, даже, если она не совпадает со взглядом редколлегии и ответственного редактора книги. Такой подход оставляет возможность для открытой дискуссии по тем или иным поставленным проблемам. Единным в плане подхода авторского коллектива к освещению истории Чехии и Словакии в XX веке было избрание в качестве предмета исследования тех проблем и вопросов, которые в прошлом недостаточно освещались, фальсифицировались или идеологизировались в интересах правящих коммунистических партий, а также тех исторических событий, которые, по мнению авторов, мифологизируются уже в настоящее время в угоду тем или иным нынешним политическим течениям и группировкам. Это касается, в частности, возникновения Чехословацкой республики в 1918 г. и её расчленения в 1939 г., истории Словацкой республики (1939—1945 гг.), Словацкого национального восстания 1944 г., восстания чешского народа в 1945 г., деятельности чехословацкой эмиграции в годы Второй мировой войны, её лондонского и московского крыльев, характеристики режима "народной

демократии", методов установления монопольной власти коммунистической партии, политических процессов конца 40-х — начала 50-х годов, решения национального вопроса в стране, взаимоотношений церкви и государства, событий 1968 года, характеристики возникшего вслед за подавлением Пражской весны режима, "бархатной" революции, распада Чехословакии в 1993 году, внутренней и внешней политики Чехии и Словакии в конце прошлого и начале нынешнего века. Серьезные дискуссии и споры ведутся вокруг оценок роли и деятельности многих видных чешских и словацких политиков XX столетия, в частности первого президента ЧСР Т.Г. Масарика, второго президента страны Э. Бенеша, президента Словацкой республики Й. Тисо, руководителей Чехословакии К. Крамаржа, К. Готвальда, Г. Гусака, Й. Новотного, А. Дубчека, Л. Свободы и др.

Основной задачей, стоявшей в центре внимания авторского коллектива, являлся конкретно-исторический анализ причин, факторов, механизмов, приведших сначала к возникновению, а затем к распаду государства чехов и словаков, появлению в конце XX в. двух независимых государств — Чешской и Словацкой Республик. Основной акцент в книге сделан на социально-политической истории чехов и словаков. Достаточно подробно рассмотрено развитие чешской и словацкой культуры на протяжении XX столетия, выявлены его доминанты, даны новые оценки тех явлений и фигур, которые ранее рассматривались однопланово. Обозначены вехи общественной трансформации чешского и словацкого общества во второй половине прошлого века. Обращалось внимание на взаимоотношение Чехословакии (Чехии и Словакии) с СССР (Россией) и странами Запада. Авторы стремились показать историю Чехии и Словакии в контексте мировой и прежде всего европейской истории.

Авторский коллектив пытался создать, по возможности, объективную картину истории исследуемых стран и населяющих их народов, давая ответ не только на вопрос, что произошло, но, как и почему это произошло. Поставленные задачи решались преимущественно на новой документальной базе, на основе новых архивных материалов из храни-

лиц России, Чехии и Словакии, опубликованных в последнее десятилетие сборников документов, многочисленных работ чешских, словацких и отечественных историков. Не остались без внимания и ранее изданные документы, требовавшие, подчас, нового прочтения, осмысления и трактовки. При освещении ряда вопросов использовались данные социологии, политологии, культурологии, политической психологии и т.д., что нашло отражение в научном аппарате очерков. Всё это, по мнению авторов, дало возможность скорректировать установившиеся представления и оценки истории Чехословакии (Чехии и Словакии) в XX в., освободиться от многих априорных, схематичных, субъективистских деформаций, которыми была отмечена разработка рассматриваемого периода в предшествовавшие, начиная с 50-х, годы и которые являлись следствием пресловутого классового подхода к оценкам сложных явлений общественной жизни.

На основе новой документальной базы и с учетом последних разработок отечественной и зарубежной историографии в книге рассмотрены важнейшие вопросы истории Чехословакии (Чехии и Словакии) в прошлом столетии:

Чешские земли и Словакия в составе Австро-Венгрии, проекты решения чешско-словацкого вопроса в начале века; чехи и словаки в период Первой мировой войны: внутренняя обстановка, движение Сопротивления за границей; образование чехословацкого государства, экономические и социальные реформы, политическая система, её эволюция, чешско-словацкие отношения, положение национальных меньшинств, церковная политика, чехословацко-советские отношения, мюнхенский кризис и конец так называемой первой республики, вторая республика — Чехословакия, расчленение страны гитлеровской Германией;

Протекторат Богемия и Моравия, Словацкая республика в годы Второй мировой войны, антинацистское движение Сопротивления, деятельность чешской и словацкой эмиграции по восстановлению независимой Чехословакии;

чехословацкое общество на пути от правого к левому тоталитарному режиму (1945—1948 гг.), установление монополии коммунистической партии в феврале 1948 г.;

становление режима советского типа в Чехословакии (1948—1953 гг.): социально-экономические преобразования, формирование политической системы, политические репрессии, национальный вопрос, церковная политика;

непоследовательность шагов по десталинизации, постепенное вызревание общественно-политического кризиса, осторожные попытки реформирования социалистической системы;

"Пражская весна", позиция Москвы, введение войск стран Варшавского договора в Чехословакию (август 1968 г.);

конфронтация пражского режима и чехословацкого оппозиционного движения в конце 80-х годов XX в., основные контуры идейных ориентаций и программ оппозиции;

"бархатная" революция, варианты демонтажа "режима нормализации", концепции и программы демократизации чехословацкого общества, формирование высших органов исполнительной и законодательной власти;

образование Чешской Республики и Словацкой Республики, становление, развитие и специфика их политических систем, изменение внешнеполитических ориентаций, основные векторы политического развития ЧР и СР в начале XX в. чешская и словацкая культура в XX в.: образование, наука, литература, искусство, музыка, театр, кино, их эволюция на протяжении столетия, вклад в мировую культуру;

этапы социокультурной трансформации чешского и словацкого обществ второй половины XX столетия; народы Чехии и Словакии в контексте революционных перемен в Центральной и Юго-Восточной Европе в конце XX в., жизненные пути и духовные ценности трех поколений чехов и словаков.

Некоторые из указанных проблем, в частности, упрочение и трансформация политической системы советского типа, поливариантность концепций и программ чехословацкого оппозиционного движения, становление в ходе "бархатной" революции и функционирование новых политических структур в Чешской и Словацкой Республиках являются практически малоисследованными, а то и вовсе не исследованными, как в российской, так и в зарубежной историографии. Им посвящена вторая книга

данного издания, охватывающая историю Чехии и Словакии во второй половине XX в.

Авторы не претендуют на окончательность предлагаемых ими оценок и суждений, понимая, что историография, как и всякая наука, — это процесс познания, который никогда не может считаться полностью завершенным, он бесконечен. И уже завтра, возможно, появятся новые материалы по исследуемым в труде проблемам, которые расширят знания о них и потребуют создания следующей, более совершенной книги. Предлагая свое видение, свои взгляды на историю Чехии и Словакии (Чехословакии) в XX веке, авторы оставляют простор для дискуссий и сопоставления с иными точками зрения. Первая книга посвящена зарождению, становлению Чехословакии в первой половине XX в. и нелегким испытаниям народа и государственности чехов и словаков в годы Второй мировой войны.

Книга подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (исследовательский грант № 01-01-00280а).

ЧЕШСКИЕ ЗЕМЛИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Когда преодолеваешь рубеж веков (а в нашем случае еще и тысячелетий!), неизбежно появляется соблазн бросить взгляд на ушедшее столетие, описать, обобщить, оценить жизнь общества, донести до современников и потомков наше сегодняшнее видение возникавших идей и происходивших событий. За несколько дней до начала нового XX в. русский публицист, ярчайший летописец своей эпохи М.О. Меньшиков писал: "Наконец, вот он, таинственный XX век, неведомый, загадочный и, во всяком случае, еще чуждый нам, надвигающийся как бледное привидение с закрытыми глазами"¹.

Периодизация истории не всегда совпадает с рубежами столетий, исторические эпохи могут охватывать несколько веков и даже тысячелетий (если речь идет о древности) или сокращаться до нескольких десятков лет. Многие историки склонны "удлинять" XIX в. (1790—1918) и "укорачивать" век XX (1918—1989)². Никак не оспаривая логику выделения исторических периодов, чисто условно берем за точку отсчета начало уже прошлого XX столетия.

Этот минувший век в жизни чехов, как, впрочем, и других народов, богат переменами, когда рушились одни государства и возникали другие, устанавливались новые границы, вспыхивали войны, заключались мирные договоры, менялась политическая сцена, происходили социальные перевороты, совершались научные открытия и создавались мировые шедевры в искусстве и литературе.

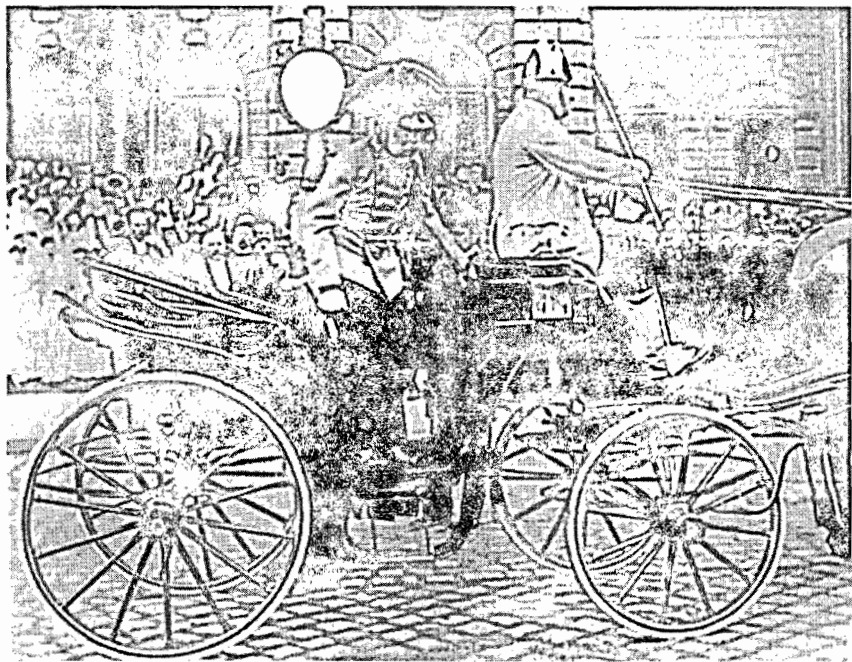
Чехи вступили в новый век, не имея собственного государства, в составе австрийской части монархии Габсбургов (Цислейтании). В политико-административном плане они также не были едины, проживая в Чешском королевстве, маркграфстве Моравском и воеводстве Силезском. Цислейтания являлась конституционным парламентским государством. Согласно конституции 1867 г., когда Австрийская империя

была преобразована в Австро-Венгрию, все королевства и земли Цислейтании считались отдельными государственными единицами, объединенными представительством в рейхсрате.

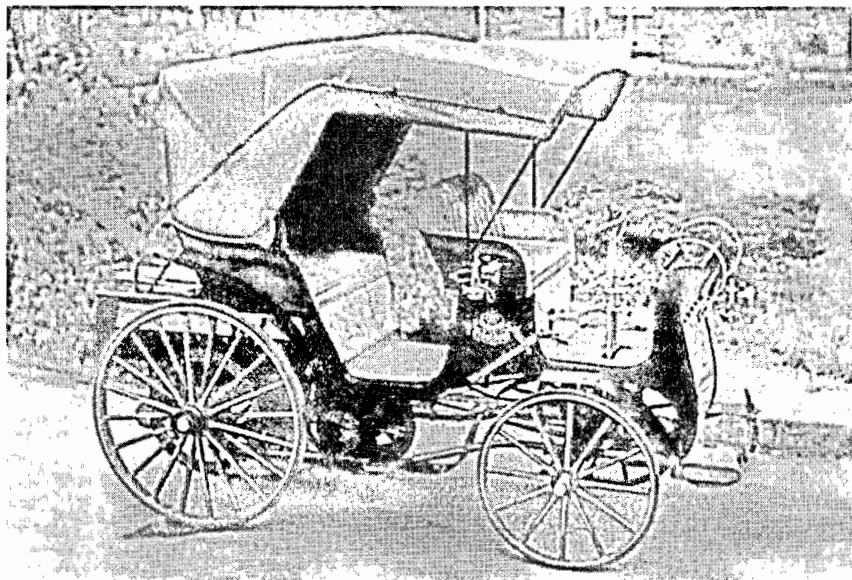
Экономическое развитие Чешских земель

В экономическом плане Австро-Венгрия была единой таможенной территорией, с общей денежной единицей, общим министерством финансов и общим Австро-Венгерским банком. Экономическая интеграция австрийских и венгерских земель вела к складыванию единого внутреннего рынка и единой экономики. Однако параллельно интеграционным шли процессы национальной экономической эмансипации. В начале XX в. противоречия между крупным венским капиталом и чешскими предпринимателями носили уже характер конкуренции³. Экономическое развитие Габсбургской империи в это время отставало от развития Англии, США, Германии, Франции, но опережало развитие, скажем, Балканских стран. Чешские земли занимали особое место в экономике государства по удельному весу в национальном валовом продукте и уровню развития производительных сил. Вместе с Нижней Австрией они представляли собой наиболее развитую часть страны, ее экономическое ядро. Чешские территории в начале XX в. можно характеризовать уже как промышленно-аграрные. 35,5% населения страны, проживавшего в Цислейтании, производило почти половину ее национального дохода⁴. Если говорить об экономическом развитии в общеевропейском контексте, то доход на душу населения там составлял 67% по сравнению с соседней Германией⁵. По темпам экономического развития Чешские земли с 90-х годов XIX в. опережали другие регионы страны. Здесь осуществлялась практически вся добыча каменного и бурого угля, значительного количества железной руды, более половины выплавки чугуна и стали. Ведущее положение занимали сахароварение, производство стекла, хрусталя и керамики, выработка льняного полотна и тканей.

Наиболее динамично в начале века развивались такие отрасли промышленности, как машиностроение, химическая, электротехническая и текстильная. В тяжелой индустрии преобладали крупные предприятия, такие как заводы "Шкода" по выпуску машин и вооружения (в Пльзене), Витковицкие и Пражские металлургические предприятия, северочешские

Приезд императора Франца Иосифа в Прагу в 1907 г.

Первый автомобиль "Президент", 1897 г.

угольные шахты. Но 90% общего количества чешских предприятий составляли мелкие ремесленные мастерские, нередко вообще не использовавшие наемную силу и станки с моторами⁶. Продолжалось интенсивное строительство железных дорог и телеграфных линий.

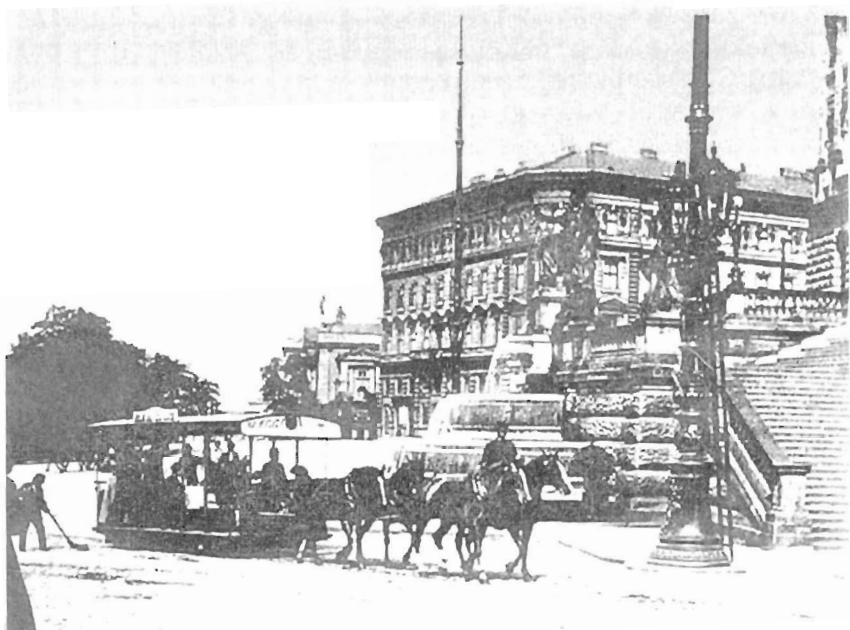
Новому импульсу в развитии сельского хозяйства способствовали процессы интенсификации и специализации производства. На чешских территориях выращивались зерновые, картофель, хмель, сахарная свекла. В середине 90-х годов XIX в. закончился длительный аграрный кризис, и условия развития чешской деревни стали более благоприятными.

Наблюдался активный рост чешского банковского и промышленного капитала. Акционерный капитал чешских банков в 1900—1913 гг. увеличился в 7 раз⁷. Начинается вывоз капитала в Галицию, Словацкие земли, Венгрию, Словению, Хорватию, а также в Сербию, Болгарию, Румынию и Россию. Участие чешского капитала в промышленности самих чешских земель составляло лишь 20—25% из-за сильной конкуренции австро-немецкого капитала⁸. Экономическим центром Чехии, Моравии и Силезии оставалась Вена. Экспорт чешских товаров осуществлялся в основном через порты Триеста и Гамбурга.

Самое начало века совпало с очередным циклическим кризисом в экономике. Зимой—весной 1900 г. по всей Цислейтании прошла крупная забастовка шахтеров с требованиями увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня. В промышленности Чехии, Моравии и особенно Силезии главную роль играли местные немецкие предприниматели, тесно сотрудничавшие с венскими, а в северной Чехии и Силезии также с германскими фирмами. Эти фирмы имели большое влияние на экономическую политику австрийского правительства. Экономическое соперничество чехов и немцев отражалось и на политическом противостоянии двух крупнейших этнических групп Чешских земель (около 7 млн чехов и 3 млн немцев).

Социальные характеристики населения

Индустриализация второй половины XIX в., связанная с промышленной революцией, оказывала значительное влияние на изменения в социальной структуре общества, которая постепенно усложнялась. Появлялись новые социальные прослойки. Основными группами населения к концу

Первая конка. Конец XIX в.

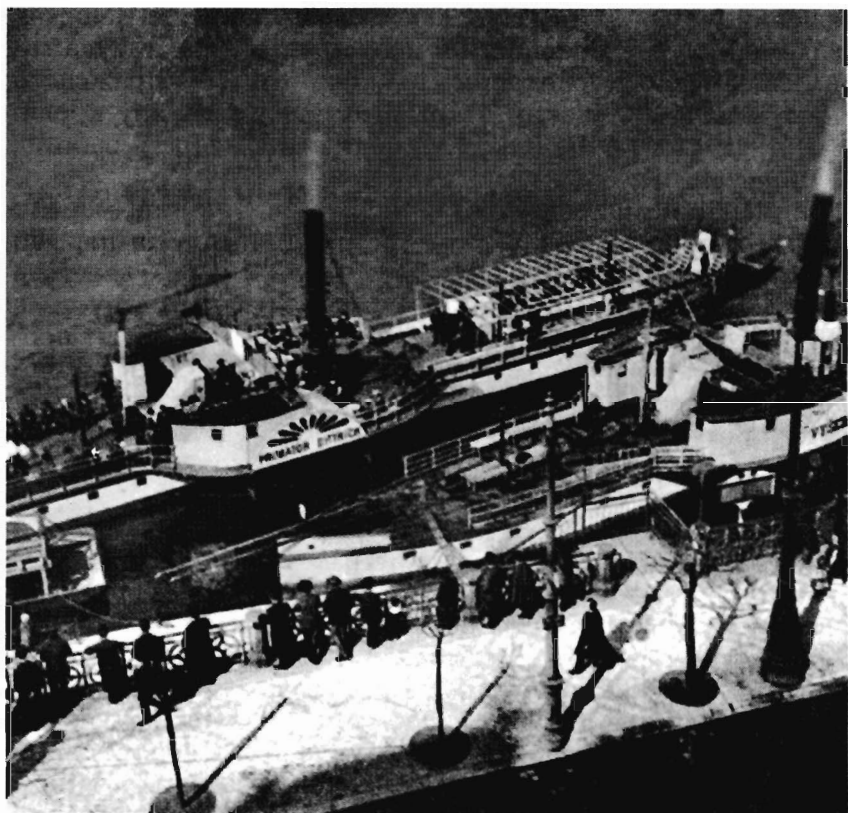
Железнодорожный перрон в Йиндржихове Градце. 1903—1904 гг.

столетия были рабочие, крестьяне, буржуазия и аристократия. Каждая из них в свою очередь делилась на различные подгруппы. Так например, необходимо различать заводских рабочих, кустарей, сельскохозяйственных работников, рабочих в сфере обслуживания, торговли и транспорта, городских служащих, сельскохозяйственных и городских ремесленников. Крестьяне делились на мелких, средних и зажиточных хозяев. Буржуазию составляли мелкие и средние предприниматели, занимавшиеся небольшим ремесленным производством и торговлей, крупные промышленные и финансовые воротилы. Отдельные прослойки образовывали техническая интеллигенция, низшие государственные и частные служащие, духовенство, люди свободных профессий, художники, музыканты, артисты. Наверху общественной лестницы стояли крупные землевладельцы, богатые представители финансовых кругов, хозяева заводов и фабрик, интеллектуальная элита, высшие государственные чиновники и служащие частных фирм, церковные прелаты, аристократы и лица, живущие за счет доходов от капиталов.

Социальная структура общества в начале века не только усложняется, но идет рост одних социальных групп за счет сокращения других. С одной стороны, возрастает число крупных предпринимателей, складывается узкий слой финансовых олигархов, с другой — растет удельный вес лиц наемного труда (57% в отношении ко всему активному населению⁹). Появляются новые социальные явления — безработица и массовая миграция сельского населения. Особенностью Чешских земель было существование значительных средних слоев, составлявших около 1/3 активного населения.

Согласно переписи населения, в 1900 г. в Чешских землях проживало 9 372 000 жителей. По сравнению с 1840 г. население увеличилось на 3 млн, а по сравнению с 1860 г. — на 2 млн жителей¹⁰. С 1880-х годов вплоть до Первой мировой войны наблюдался быстрый рост городского населения. В Чешских землях возникали крупные города и целые промышленные области (Северная Чехия, Кладненская, Остравская). Перед Первой мировой войной Прага становится вторым по значению финансовым центром Цислейтании.

Широко развито в Чехии было кооперативное движение. В Чешских землях к 1909 г. было основано около 6 тыс. коо-

Прогулки по Влтаве на пароходе "Приматор Диттрих"

перативов, быстро распространялись товарищества для совместного пользования машинами. Несмотря на карликовый размер крестьянских хозяйств, земледельцы имели возможность при помощи таких товариществ использовать современные сельскохозяйственные машины¹¹.

Нужды бурно развивавшейся промышленности и сельского хозяйства требовали высокообразованных квалифицированных кадров. К началу XX в. в Чехии практически была достигнута всеобщая грамотность. Была создана целая сеть начальных, средних и профессиональных учебных заведений и просветительских обществ. В 1882 г. Пражский университет был разделен на чешский и немецкий. Через три года в Праге была основана Высшая художественно-промышленная школа. В Брно в 1899 г. открылась высшая техническая школа (в ответ на требование создать второй

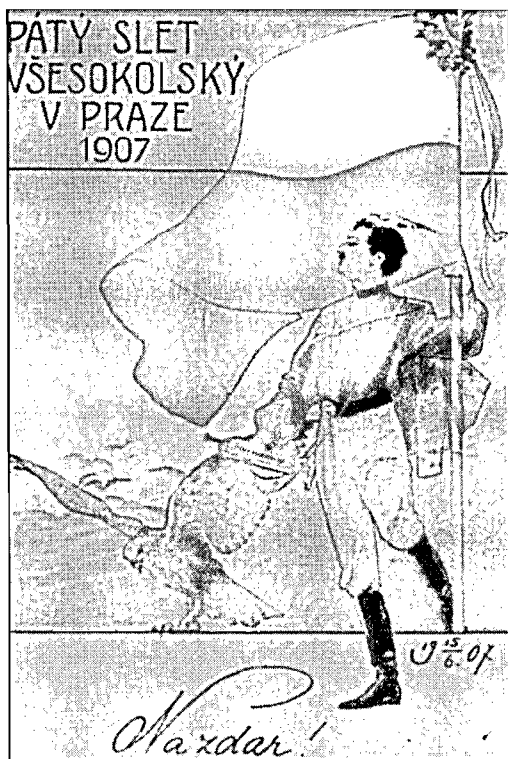
чешский университет). В 1890 г. была образована Чешская академия наук, словесности и искусств. Чешская наука добилась заметных успехов: в 1907 г. профессор Пражского университета Я. Янский открыл четвертую группу крови. В 1911 – 1912 гг. в немецком университете в Праге работал А. Эйнштейн.

Внедрение научно-технических достижений меняло стиль жизни, привычки, моду. В 1897 г. появился первый чешский автомобиль марки "Президент", через два года фирма "Лаурин и Клемент" в Мале Болеславле выпустила первый мотоцикл. В 1902 г. фирма "Вальтер" начинает производство первых мопедов. На рубеже 1910-х годов Й. Кашпар создал летательный аппарат собственной конструкции, на котором в 1912 г. совершил перелет из Праги до Пардубиц. В это же время профессор технических наук В. Каплан изобрел новый тип водной турбины.

На рубеже веков создается ряд спортивных союзов и обществ. В 1900 г. в Париже, где в то время проходила и Всемирная выставка, чешские атлеты впервые приняли участие в Олимпийских играх. Чешский дискобол Ф. Янда-Сук получил серебряную медаль. В 1901 г. был заложен чешский футбольный клуб и теннисная ассоциация. Через два года возник Союз рабочих физкультурных обществ (DTJ). На первом чемпионате мира по спортивной гимнастике в 1907 г. чешская мужская команда заняла первое место. В последующие три года создается Чешский союз хоккеистов. В 1909 г. возникла католическая физкультурная организация "Орел". В стране продолжало развиваться сокольское движение¹², которое распространялось и на другие страны Америки и Европы. В России сокольскую систему высоко оценил император Николай II, начав вводить ее в армии и на флоте, сокольские организации возникали и среди российского гражданского населения¹³.

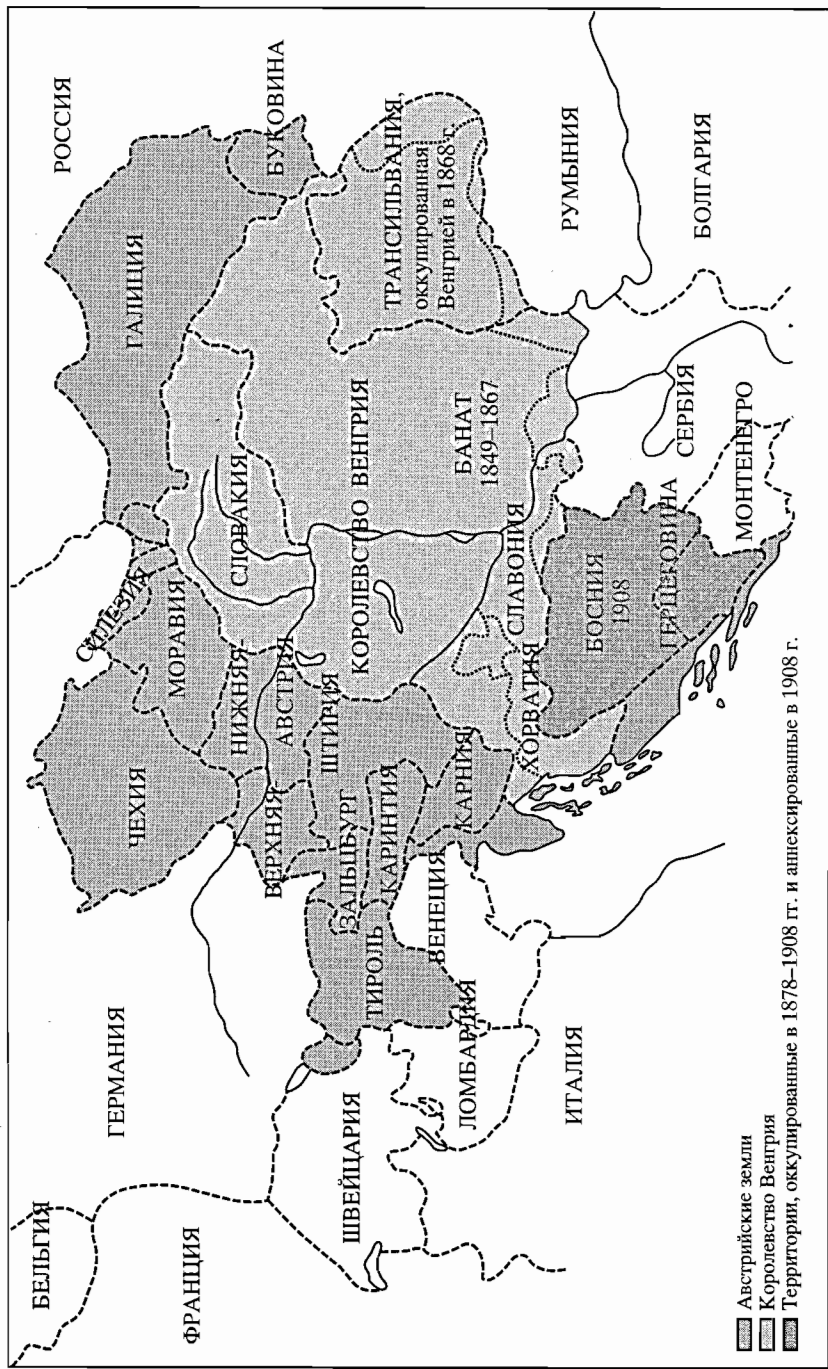
Политическая жизнь чешского общества

Усложнение социальной структуры вело к появлению на рубеже XIX – XX вв. новых политических партий, отражавших интересы различных слоев общества. Чешская партийная система в начале века представляла собой следующее: Национальная партия (старочехи) – самая старая чешская политическая партия, заложенная еще в 1848 г.

Плакат Пятого Всесокольского слета в Праге 1907 г.

Франтишком Палацким, Ф.Л. Ригером и Ф.А. Браунером, до 80-х годов XIX в. являлась ведущей чешской политической силой. Основное ее требование — осуществление чешского исторического государственного права. Партия была достаточно консервативной и тесно связанной с чешской исторической шляхтой; издавала ежедневные газеты "Глас народа" и "Народни политика". В 1891 г. она потерпела тяжелое поражение на выборах (ей удалось провести в австрийский рейхсрат лишь двух депутатов, тогда как младочехи получили 37 мест в парламенте)¹⁴. Но старочехи продолжали удерживать значительное влияние в аппарате самоуправления и хозяйственных органах. После смерти Ф.Л. Ригера партию возглавили А. Браф и К. Маттуш. С начала XX в. она стала сближаться с партией младочехов, а в 1918 г. объединилась с ними и другими чешскими партиями в партию под названием Чешская государственно-правовая демократия¹⁵.

Австро-Венгрия, 1867—1918 гг.

Национальная партия свободомыслящих (младочехи) в 1874 г. выделились из Национальной партии. Это национально-либеральная партия во главе с К. Сладковским, Й. и Э. Греграми выступала за активную борьбу в законодательных органах. Требование чешского исторического государственного права она объединяла с либерально-демократической программой¹⁶. В 1891 — 1906 гг. это была самая влиятельная чешская политическая партия. Ключевой фигурой в ней являлся Йозеф Кайзл, а после его смерти в 1901 г. новым лидером партии стал Карел Крамарж, сторонник так называемой "позитивной" политики, т.е. постепенного улучшения экономических, политических и культурных позиций чешского народа в Австро-Венгрии. Младочехи выступали в парламенте то в поддержку правительства, то против него, в зависимости от отношения властей к их требованиям. Они не ограничивались парламентской деятельностью в Вене и на местах, стараясь получить посты и в органах исполнительной власти на всех уровнях, посадить своих людей в министерские кресла. Сочетание законотворчества с повседневной практической работой по претворению этих законов в жизнь позволило создать квалифицированные опытные кадры. По мнению О. Урбана, именно усилия этой партии привели к тому, что после образования Чехословацкой республики она имела практически готовый государственный аппарат¹⁷. Партия активно боролась за введение всеобщего и равного избирательного права; ее партийным органом стала ежедневная газета "Народни листы".

В апреле 1878 г. состоялся съезд Чешскославянской социал-демократической рабочей партии в Праге — Бревнове. Он заявил о праве наций на самоопределение и о необходимости автономной чешской социал-демократической организации. На съезде была принята политическая программа, в которой, в частности, говорилось: "Борьба за освобождение рабочего класса — это не борьба за классовые привилегии и монополию, а за равные права и обязанности и за уничтожение всякого классового господства"¹⁸. Главными представителями этой автономной организации в рамках общевосточной социал-демократии были Й.Б. Пецка-Страговский, Л. Запотоцкий, Й. Гибеш. В 1893 г. она выделилась в самостоятельную партию; с 1897 г. издавала газету "Право лиду". В 1906 — 1907 гг. активно участвовала в борьбе за всеобщее избирательное право, а в 1907 г. одержала ре-

шительную победу на парламентских выборах и стала одной из самых влиятельных в Чешских землях.

В 1897 г. Антонин Гайн основал Чешскую радикально-прогрессистскую партию, оставаясь ее председателем до 1908 г. Партия выступала против сотрудничества с клерикалами, старочехами, историческим дворянством, за всеобщее избирательное право, равноправие женщин. Через два года образовалась Радикальная государственно-правовая партия Карела Станислава Сокола. В 1908 г. обе партии слились в единую Чешскую государственно-правовую-прогрессистскую партию, которая объединяла в своих рядах националистически, антиавстрийски настроенную интеллигенцию, часть предпринимателей и средних слоев. Ее программа включала требования обновления чешской государственной самостоятельности на основе исторического права, политической демократизации и социальных реформ. Лидерами партии были: А. Гайн, А. Калина, В. Дик и Л. Борский, печатным органом — газета "Самостатность".

Главой Чешской национально-социальной партии (позднее национально-социалистической), возникшей в 1897 г., стал Вацлав Ярослав Клофач. Политическая цель партии — право свободного самоопределения, государственная самостоятельность, законность и полное равноправие с немцами. В экономической области национальные социалисты выступали за полную экономическую независимость Чешских земель. В социальном плане партия предполагала сделать из рабочего и любого угнетенного человека равноценного члена общества¹⁹. Идейной основой партии был синтез национализма и социализма. Клофач не рассматривал социальный вопрос узко, как дело только рабочего класса, он считал, что это проблемы всего общества, а следовательно, общенациональные²⁰. Кроме националистически настроенных рабочих партия объединяла в своих рядах ремесленников, мелких торговцев, служащих, часть низших чиновников, учителей. Печатным органом была газета "Чешске слово".

В 1899 г. возникла Моравскосилезская христианско-социальная партия во главе с Яном Шрамеком. Она сотрудничала с консервативной католической национальной партией, а в 1918 г. объединилась с ней под названием Чешскословацкая народная партия.

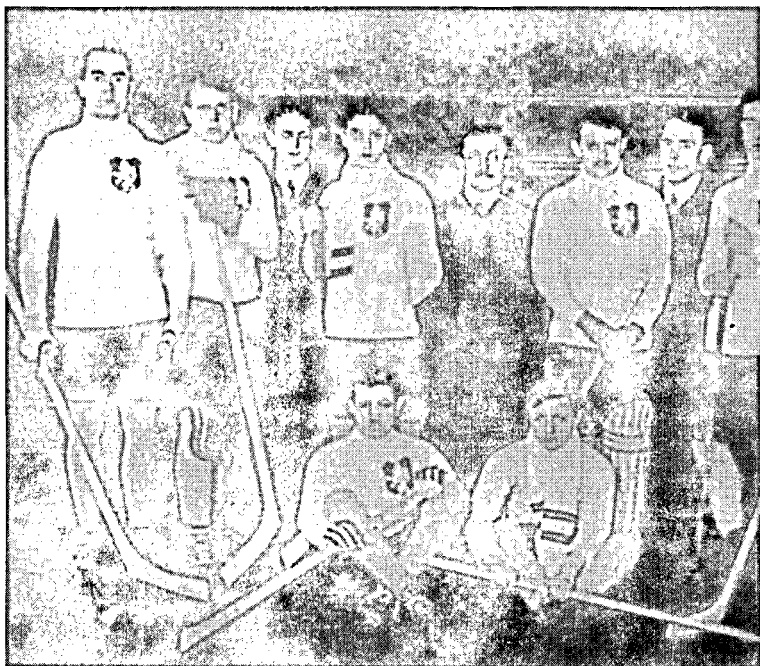
В том же году на собрании Содружества чешских земледельцев принимается решение основать в Чехии незави-

симую Аграрную партию. В ее создании деятельно участвовали С. Кубр, а также А. Швегла (старший). В 1903 г. был принят устав и программа партии, провозгласившая сплочение всех социальных слоев деревни под лозунгом "Деревня — единая семья". В 1905 г. партия объединилась с моравскими аграриями и стала называться Чехославянская аграрная партия. После образования ЧСР в 1918 г. она изменила название на Республиканскую партию чехословацкой деревни. С 1905 г. ведущее место в партии занимал Антонин Швегла²¹. Партийным органом стала ежедневная газета "Венков".

В 1900 г. профессор Пражского университета Томаш Гарриг Масарик со своими приверженцами заложил новую Чешскую народно-реалистическую партию (реалисты). Массового влияния она не приобрела. В 1906 г. из этой партии и части так называемых прогрессистов была создана Чешская партия прогрессивная. Политическая программа партии предполагала постепенную демократизацию Австро-Венгрии, равноправие всех ее народов на основе естественного права и национально-территориальной автономии. Особый акцент делался на ежедневной политической и просветительной деятельности. Партия имела свой печатный орган "Час". В 1918 г. большая часть партии перешла во вновь образовавшуюся партию Чешская государственно-правовая демократия.

Основным содержанием политической жизни начала XX в. была борьба за всеобщее избирательное право, имевшая массовый характер. Революционизирующее влияние на внутреннюю ситуацию в Австро-Венгрии оказали российские события 1905 г. В конце 1906 г. под угрозой всеобщей забастовки в Цислейтании австрийские власти приняли закон о всеобщем, равном, прямом и тайном избирательном праве для мужчин старше 24 лет. В мае следующего года были проведены новые выборы в рейхсрат: 28 мандатов получили аграрии, 24 — чешские социал-демократы (21 — немецкие социал-демократы чешских земель), 18 — младочехи, 17 — католики, 9 — чешские мелкобуржуазные партии, объединившиеся в единый блок, по два мандата независимые депутаты и реалисты²².

Позднее в беседах с К. Чапеком Т.Г. Масарик рассуждал: "Нет слов, любопытно проследить, отчего у нас образовалось столько партий, хотя англичане или американцы довольствуются двумя или тремя. Это не только чешская

*Чешская хоккейная команда впервые выиграла чемпионат Европы.
Берлин 1911 г.*

специфика, наши немцы разделены подобным же образом²³. В обоих случаях причиной раздробленности явилась собственно Вена. Вена господствовала и администрировала, парламент и сеймы находились в подчинении у правительства и короны; таким образом, партии не несли бремени ответственности, а правительству было безразлично, если они раскалывались"²⁴.

Экономическое соперничество чехов и немцев в чешских землях вело и к их политическому противостоянию. Борьба велась с 60 — 70-х годов XIX в. в венском парламенте, а также чешском и моравском сеймах прежде всего за равноправие чешского языка с языком немецким в земских и государственных органах и системе образования. Требования чехов вызывали опасения чешских немцев в том, что они могут лишиться привилегированного положения. Немцы высказывали категорическое несогласие с чешским государственным правом и языковыми уступками. В 1880 г., после распоряжения министра Таафе об обязательности приема прошений на чешском языке в адми-

Катание на санях и лыжах в Йилемницах. Февраль 1907 г.

нистративных и судебных органах Чехии, немцы выдвинули встречную идею о полном выделении немецких районов чешских земель²⁵. Особый взрыв негодования со стороны немцев вызвали указы правительства К. Бадени о равноправии чешского и немецкого языков в судопроизводстве и административных органах чешских земель. Это привело даже к уличным потасовкам в 1897 г. Немцы возражали против преподавания на чешском языке в высшей школе. Споры эти не ограничивались парламентом и сеймами, но проникали в повседневную жизнь. Национализм захватил все слои населения. Чешско-немецкое противостояние усиливало русофильство чехов и способствовало распространению идей неославизма в Чехии, где в 1908 г. был проведен первый неославянский съезд²⁶. Попытки чешско-немецкого соглашения, предпринимаемые с 1890 г., проваливались одна за другой. Российский консул в Праге коллежский советник Жуковский 12 августа

1913 г. сообщал в российский МИД: "Борьба двух элементов продолжалась и привела к тому безвыходному положению, которое наблюдается в настоящее время. Последняя попытка чешско-немецкого соглашения состоялась в 1913 г. и, конечно, не могла привести к успеху, так как за все время борьбы чехи в сущности были победителями и не могут уступить немцам в тех вопросах, которые составляют основу борьбы, т.е. о равноправности языков и признании прав меньшинства"²⁷.

Напряженные отношения между чехами и немцами явились в какой-то степени причиной распространения идей австрославизма, неославизма, способствовали усилению взаимного сотрудничества со словаками накануне Первой мировой войны.

¹ Меньшиков М.О. Кончина века. М., 2000. С. 5.

² См. например: *Hlavačka M. Historiography on the "Long" 19th Century (1790 – 1918) // Historica. Series Nova 7 – 8. Prague, 2001. S. 81 – 111.*

³ *Lacina V. Zlatá léta československého hospodářství (1918 – 1929). Praha, 2000. S. 12.*

⁴ *Ibid. S. 14.*

⁵ *Ibid. S. 15.*

⁶ Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 253.

⁷ Там же.

⁸ *Lacina V. Op. cit. S. 16.*

⁹ Краткая история Чехословакии... С. 254.

¹⁰ *Bartoš J. Dějepis 2. České dějiny v datech. Olomouc, 1994. S. 70 – 71.*

¹¹ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 541. Д.Н. Вергун. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

¹² "Физкультурное гражданское объединение", вскоре переименованное в "Сокол Пражский", возникло 16 февраля 1862 г. Первым старостой был избран Й. Фюгнер, его заместителем, а позже главой общества стал М. Тиш. В основе сокольской идеи была гармония тела и духа с акцентом на нравственности. Первый сокольский слет состоялся в 1882 г. С 1869 г. действовало "Физкультурное общество чешских женщин и девушек", постепенно слившееся с "Соколом". В 1895 г. возникла единая организация "Чешское сокольное общество". Кроме физкультуры его деятельность предполагала воспитание в патриотическом духе. Проводились сокольские слеты. Деятельность общества была возобновлена в 1989 г. См.: В сердце Европы. 1999. № 5. С. 12 – 19.

¹³ Новое время. 1909. 3 (16) ноября.

¹⁴ *Bartoš J. Op. cit. S. 50 – 51.*

¹⁵ *Tomeš J. Slovník k politickým dějinám Československa 1918 – 1992. Praha, 1994. S. 131.*

¹⁶ О политических программах национальных партий см.: *Politické programy českých národních stran 1860 – 1890. Praha, 2000. Sv. 3.*

¹⁷ Urban O. České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. S. 233.

¹⁸ Politické programy Československé a Československé sociálně demokratické strany dělnické 1878 – 1948. Sv. 2. Praha, 1999. S. 21.

¹⁹ Politické programy Českého národního socialismu. Sv. 1. Praha, 1998. S. 36 – 39.

²⁰ Krečmer J. Václav Klofač a jeho národní socialismus. Praha, 2000. S. 53.

²¹ О нем подробнее см.: Politická elita meziválečného Československa 1918 – 1938. Kdo byl kdo za první republiky. Praha, 1998. S. 262 – 266.

²² История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 633.

²³ Немцы чешских земель имели собственные партии: социал-демократическую, аграрную, либеральную, народную, национально-радикальную.

²⁴ Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 98.

²⁵ Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 133 Канцелярия. 1913 г. Оп. 470. Д. 2. Л. 19.

²⁶ Подробнее о неославизме см.: Ненашева З.С. Идеино-политическая борьба в Чехии и Словакии в начале XX в. М., 1984.

²⁷ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 2. Л. 19 об. – 20.

СЛОВАКИЯ В СОСТАВЕ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЕВСТВА В НАЧАЛЕ XX в.

Начиная с X в. Словацкие земли находились в составе венгерских государственных образований. С конца XVIII в. шел процесс словацкого национального возрождения, вырабатывались основы словацкого литературного языка. В XIX столетии в связи с ростом национального самосознания усиливается национальное движение словаков. В донесении С.Н. Свербееву из Будапешта 25 ноября (8 декабря) 1908 г. консул Муравьев-Апостол Корабьинский писал о словаках: "Для Венгрии эта славянская народность представляет гораздо более этнографического значения и политического интереса нежели сербская, главным образом, ввиду ее сплоченности и сгущенному населению, к тому же значительно превышающему по количеству своему сербов. Словацкий вопрос в Венгрии занимает в настоящее время одинаковое место с другим не менее большим вопросом, а именно — румынским; обе эти национальности ведут упорную борьбу с направленной против них мадьяризацией¹; обе представляют собой весьма внушительный и жизненный элемент оппозиции и, развивая все более и более свою националистическую политику, обе они готовятся дать ожесточенный отпор натиску на них со стороны мадьяр"². Российский консул называл словаков наиболее "аристократическими" из всех немадьярских национальностей Венгрии ввиду их древнего происхождения.

Экономическое и социальное развитие

Основной отраслью экономики как Венгрии в целом, так и Словакии, в начале XX в. оставалось сельское хозяйство. Аграрный кризис последней четверти XIX в. привел к снижению цен на зерно и изменению структуры посевных площадей, в основном земли стали засеваться кормовыми и тех-

ническими культурами. Возросло значение животноводства. В горных районах выращивали картофель, традиционным занятием было разведение овец. Важным предметом словацкого экспорта становится высококачественный ячмень. Возделывание сахарной свеклы ведет к развитию сахарной промышленности. Овощеводство и выработка молочной продукции также играют заметную роль в словацком сельскохозяйственном производстве.

Идет постепенная механизация земледелия, начинают использоваться химические удобрения, применяться научные методы хозяйствования. Растет специализация различных районов, наиболее интенсивно развиваются юго-западные области Словакии. В равнинных местностях сеют пшеницу, кукурузу, сахарную свеклу, табак, возделывают виноградники и абрикосовые сады, выращивают дыни и разводят свиней. Здесь быстрее идут процессы модернизации. В горных районах в основном разводят крупный рогатый скот и овец, собирают урожаи овса, ячменя, проса, гречихи и капусты, занимаются мелкой торговлей³.

В середине XIX в. Словакия была наиболее промышленно развитой частью Венгрии, однако после соглашения 1867 г. начинается усиленная индустриализация и концентрация промышленности в Будапеште. Словацкие районы Липтова, Спиша, Гемера, Зволена занимают второе место по концентрации предприятий в Венгерском королевстве. В этих районах занятость населения в промышленности составляла более 40%⁴. Но это были лишь отдельные индустриальные островки в целом сельскохозяйственном регионе. В среднем же занятость в промышленном и ремесленном производстве не превышала 20%⁵. Доля Словакии в промышленном производстве Венгрии неуклонно снижалась. На словацкого жителя приходилось приблизительно 50% промышленной продукции по сравнению с западным европейцем⁶. Основными отраслями промышленности были горнодобывающая, лесная, пищевая, текстильная, металлургическая и целлюлозно-бумажная. Усилилась концентрация производства: в Словакии насчитывалось около 8 крупных предприятий с числом рабочих более 1 тыс. человек. Но в основном преобладали мелкие фабрики и мастерские. Большую роль в промышленном развитии Словакии играли венгерский, австро-немецкий, германский и французский капиталы. Словацкий национальный капитал вкладывался преимущественно в легкую промышленность⁷.

Некоторые словацкие историки считают, что нельзя однозначно говорить об экономической отсталости Словакии⁸, и с этим мнением нельзя не согласиться. По мнению Л. Липтака, Словакия занимала промежуточное положение между промышленно развитыми странами Запада и менее развитыми европейскими странами. Темпы роста промышленного производства в Венгрии, частью которой являлась Словакия, в целом были весьма высоки (7,3%)⁹, выше лишь в России¹⁰. Именно в начале XX в. закладываются основы словацкой промышленности, растут текстильные предприятия в Жилине, хлопчатобумажные фабрики в Ружомберке и в Братиславе, табачные в Кошице, металлургические заводы в Подбрзевой и многие, многие другие¹¹. Но общая доля Словакии в промышленном производстве Венгрии составляла лишь 19%¹².

В начале века увеличивается сеть железных дорог, к 1915 г. она составила 3219 км (89% протяженности современной ж/д сети)¹³. Движение товаров частично осуществлялось через дунайские порты Братиславы и Комарно.

Развивалась финансовая система, был основан центральный Словацкий банк, появлялись кредитные общества, сберегательные кассы. Акционерный словацкий капитал вырос в 6 раз, но все еще соответствовал 10% венгерского капитала¹⁴. В выше цитировавшемся донесении российского консула из Будапешта специально обращалось внимание на то, что все словацкие "банки и их отделения имеют связь исключительно с Прагою"¹⁵.

Несмотря на процессы индустриализации и модернизации, в экономике Словакии, являвшейся частью венгерской экономики, оставалось немало феодальных пережитков. Сохранялось крупное землевладение, занимавшее более трети словацкой земли. Результатом этого являлись катастрофическая нехватка земли, разорение многих мелких крестьянских хозяйств и массовая эмиграция в другие части Венгрии, Австрии, в США и частично в Россию. К 1914 г. 600 тыс. словаков оставили родину. Лишь в Ирландии уровень эмиграции был выше¹⁶. В словацкой деревне вплоть до распада Австро-Венгрии существовали и такие формы эксплуатации крестьян, как отработки, испольщина, издольщина и т.п. Уровень зарплаты словацких рабочих был значительно ниже, чем в венгерских районах. Из Словакии шел постоянный отток рабочей силы.

По переписи 1900 г. в Словакии проживало 2 млн 780 тыс. человек. По сравнению с 1850 г. прирост населения составил

лишь 15,2%, тогда как в Чешских землях он достигал 40,8%, а в Венгрии — 51,3%¹⁷. Согласно данным переписей, сокращается и количество словаков на словацкой территории с 63,08% в 1880 г. до 57,66% в 1910 г.¹⁸ Здесь, правда, надо учитывать, что в условиях политики мадьяризации многие словаки записывались венграми, что было выгоднее и к тому же не составляло труда, так как критерием определения национальности являлся родной язык, а школьные законы 90-х годов предписывали обязательное знание для всех государственного венгерского языка. Соответственно, число венгров в Словакии по этим данным увеличивалось с 22,1% в 1880 г. до 30,3% в 1910 г. Среди крупных и средних землевладельцев количество венгров преобладало. В среде промышленников и торговцев словаки тоже были в меньшинстве. По числу служащих в государственных учреждениях, на почте и железнодорожном транспорте также лидировали венгры. И хотя они составляли около трети населения Словакии, их доля в городском населении возрастала до 50%¹⁹. Всего же в 1910 г. в городах (с числом более 5 тыс. чел.) проживало лишь 10% населения Словакии²⁰.

На рубеже веков шел рост сельскохозяйственных рабочих в крупных имениях, принадлежавших аристократии и церкви. Промышленный пролетариат в основном концентрировался в крупных городах — Будапеште, Братиславе и Кошицах. В своей массе это были неквалифицированные рабочие, уровень эксплуатации которых был значительно выше, чем в австрийской части империи.

Две трети словацкого населения исповедовали католичество и одна треть — протестантство. На 1900 г. это выглядело так: 70% словаков в Венгрии были римо-католиками, 5% — греко-католиками, 24% — лютеранами или евангелистами, 0,5% — кальвинистами и 0,5% — иудеями²¹.

Что касается общеобразовательного уровня словацкого общества, то он также был средним: ниже, чем в чешских землях, но выше чем, скажем, в России и Румынии. В 1890 г. в Венгерском королевстве было 50% неграмотных, в 1910 — 33%²². В Словакии около 70% молодежи старше 20 лет умели читать и писать²³. Для сравнения — в России уровень грамотности в начале века для тех, кто родился в 1875 г. и позже, составлял 50%²⁴. Однако у словаков не было высшей школы, а количество народных словацких школ под напором мадьяризации уменьшилось. В 1899 г. существовало 519 народных школ с преподаванием на словацком языке и 1189 школ с препода-

ванием на словацком и венгерском языках²⁵. В 1910 г. лишь 1946 человек с законченным средним образованием назвали своим родным языком словацкий²⁶. Словаки учились в венгерских гимназиях и высших школах, но нередко исключались за "славянские симпатии", поэтому вынуждены были заканчивать образование либо в Праге, либо в России. Большое влияние на словацкую культуру оказывала Чехия. В письме видному словацкому деятелю В. Шробару директор одной из школ в Спише Й. Миколай, вспоминая обстановку конца XIX — начала XX в., писал: "Многих выгоняли из всех школ Венгрии за панславизм, который был распространен, и многие из тех, кого выгоняли, уезжали в чешские средние школы"²⁷. Словакам отнюдь не чуждо было и русофильство.

В начале века издавалось около 30 словацких газет и журналов. Наиболее распространенным являлся словацкий еженедельник "Словенски тыжденик", выходивший в Будапеште 15-тысячным тиражом, а самой популярной — газета "Народные новины", печатавшаяся в Мартинах с 1869 г. Последнее издание читали не только словаки на родине, но и словацкие эмигранты в Америке. Русский консул в Будапеште сообщал: "Вся словацкая интеллигенция настроена весьма гуманно и тепло к славянству... Вообще же интеллигенция их отличается громадной патриотичностью по отношению к своей расе. Наилучшим подтверждением этому служат те деньги — и не в малом количестве — которые словацкие эмигранты высылают в Европу из Америки, где их насчитывается теперь свыше 500 000 человек. Поддерживая свои семьи и родину, эти эмигранты жертвуют также и на культурные цели и материальную поддержку словацких депутатов и учреждений"²⁸. Не только богатые американские словаки посылали домой в Словакию деньги, но помогали кто чем может очень многие. Весьма трогательно, например, записка кливлендского священника Я. Лишчинского от декабря 1908 г., который, извиняясь за то, что приход бедный, посылал несколько центов (10 крон) для погорельцев одной из словацких деревушек"²⁹.

Процессы индустриализации и урбанизации усилили различия между тремя основными частями Словакии: западной, центральной и восточной. Городская культура быстрее развивалась в западной Словакии. Тип жилищ, одежда, еда, привычки весьма различались в зависимости от социальной

группы. В конце XIX в. заметно повысился интерес к спорту, который ранее был распространен лишь среди аристократов и буржуа. С 80-х годов стали организовываться союзы гимнастов, общества велосипедистов, пловцов и атлетов. В начале века выросла популярность футбола, тенниса, лыжного спорта. Но попытки словаков создать сокольскую организацию наталкивались на запрет властей³⁰.

Политическая жизнь и национальное движение

Экономические и социальные изменения в обществе отражались и на политической жизни словаков, которые стремились противостоять политике ассимиляции, проводимой венгерскими властями. Шотландский публицист, автор известного труда "Национальные проблемы в Венгрии" (1908) Р.В. Сетон-Ватсон в 1942 г. опубликовал воспоминания о своих первых поездках в Венгрию и Словакию (в 1906 и 1907 гг.) и контактах с местными политиками. Он писал, что венгерский профессор либерал Л. Ланг заявил ему о перспективе полной ассимиляции словаков и продолжении этой политики до тех пор, пока не останется ни одного словака. Из беседы с Лангом Сетон-Ватсон понял, что привлечение сельского населения в города, являвшиеся центрами мадьяризации, проводилось для ускорения этого процесса. Слова Ланга весьма расходились с уже цитировавшимся донесением российского консула из Будапешта, так как венгерский профессор считал, что словаков нельзя воспринимать серьезно в отличие от румын, которые для венгров представляли большую опасность из-за "своего фанатизма и невежества" и наличия собственной национальной церкви³¹. Однако вскоре, познакомившись со словацкими деятелями, Сетон-Ватсон понял, что дело обстоит далеко не так. Его глубоко возмутили события октября 1907 г. в Черновой, когда местные жители не хотели пустить присланных священнослужителей в храм вместо своего священника А. Глинки. В результате вмешательства полиции погибли 15 человек, а 59 предстали перед судом³². Он написал статью в журнал "Spectator" о преследованиях словаков в Венгрии³³.

Словаки отстаивали свою национальную идентичность. Но следует подчеркнуть, что они выступали не против венгерского государства, которое рассматривали как свое собственное, а лишь за равноправное положение в нем³⁴. В сво-

ей борьбе они объединялись с другими немадьярскими народами Венгерского королевства. 10 августа 1895 г. в Будапеште состоялся национальный конгресс, где представители румынской, словацкой и сербской национальных партий приняли программу совместных действий по демократизации Венгрии. В этом документе указывалось, что объединение не является противозаконным, а, наоборот, оно легальными средствами стремится изменить отношения в Венгрии, которые считает нужным строить на основе национальной автономии церкви и школы, свободы использования родного языка в административных и судебных органах, всеобщего избирательного права и гражданских свобод. В программе содержалось также требование назначения министра без портфеля по делам каждой национальности. Для координации действий был создан исполнительный комитет³⁵. В апреле 1896 г. представители этих же народов выступили во время юбилейных торжеств по случаю 1000-летия прихода венгров в Карпатский бассейн против восприятия Венгрии как мадьярского национального государства с единым государствообразующим народом — венграми³⁶.

В Словакии формально в начале века продолжала существовать единая Словацкая национальная партия, но внутри нее уже выкристаллизовывались различные фракции и течения. Лидером одной из фракций, так называемых мартинцев, стал юрист, писатель, журналист и литературный критик Светозар Гурбан Ваянский. Это было консервативное крыло Национальной партии, объединявшее живших в Мартине словацких литераторов, юристов, евангелических священников. Они исповедовали идеи самобытности словацкого народа и славянской взаимности, ориентировались на Россию и сотрудничество невенгерских народов Трансильвании. Ваянскому, одному из главных идейных противников Масарика, принадлежит высказывание: если уж не быть словаком, то "лучше раствориться в русском море, чем в чешской луже"³⁷. Умеренное крыло партии возглавляли П. Мудронь и М. Дула.

В предвыборной программе Национальной партии (апрель 1901 г.) говорилось: "Мы за целостность, нераздельность и независимость нашей венгерской родины. Как словаки мы требуем признания и равноправия словацкого языка в школе, суде и административных органах..."³⁸ Там содержались также требования государственной политики в области развития народных школ, административных ре-

форм, автономии национальных округов, расширения избирательных прав, введения тайного голосования и свободы собраний и союзов. В манифесте партии от 5 апреля 1906 г. кроме уже упоминавшихся требований гражданских свобод и всеобщего равного и тайного избирательного права, говорилось о необходимости пересмотра налогообложения для низкоурожайных горных районов, государственной поддержки словацкому сельскому хозяйству, промышленности и культурным начинаниям³⁹.

Параллельно с образованием различных венгерских партий (в некоторые из них на первом этапе входили и словаки) шел процесс выделения новых словацких политических течений и оформления партий. Группа молодых либерально настроенных словацких политиков во главе с В. Шробаром объединилась вокруг журнала "Глас". Их программа исходила из необходимости демократизировать политику, вести повседневную работу в экономической, социальной и культурной областях и акцентировала внимание на "культурном единстве чехословацкого народа"⁴⁰. Большое внимание на гласистов оказали идеи пражского профессора Т.Г. Масарика. В 1896 г. ими было создано общество Чешскославянское единство (Ческослованска еднота). В 1904 г. группа гласистов распалась, но их идеи продолжали существовать. Новый журнал "Прұды" (1909) объединил последователей этих идей.

В 1905 г. словацкие социал-демократы предприняли попытку выделиться из Социал-демократической партии Венгрии, существовавшей с 1890 г., и создать собственную партийную организацию. Через год они вновь вошли в венгерскую социал-демократическую партию, сохранив значительную долю автономии. Демократические свободы и всеобщее избирательное право были их лозунгом.

Группа словацких католических священников вышла из Венгерской католической народной партии и 5 декабря 1905 г. провозгласила независимую Словацкую народную партию. Окончательно партия организовалась на совещании в Жилине в конце июля 1913 г.⁴¹, ее лидером стал Андрей Глинка. Влияние политического католицизма, выражавшего интересы католической иерархии, крестьянства и сельской интеллигенции, было достаточно сильным. Центром его стал город Ружомберок⁴².

Еще одно направление словацкой политики представлял Милан Годжа. Он пытался с 1905 г. возродить словацко-серб-

ско-румынское сотрудничество и создать парламентскую национальную партию. Годжа выступал против дуализма, за федерализацию империи и демократизацию Венгрии. В своей политике он ориентировался на крестьянство. После образования Чехословацкой республики, уже в 1919 г. он стал основателем Национальной республиканской крестьянской партии.

Борьба за всеобщее избирательное право в Транслейтании 1905 — 1907 гг. окончилась неудачей. Поэтому требования гражданских свобод и демократизации избирательных законов были по-прежнему одними из основных в программах различных политических направлений в Словакии⁴³. Неизменным оставалось и требование национального равноправия в Венгрии. Муравьев-Апостол Корабьинский в конце 1908 г. сообщал: "Несмотря на свою многочисленность и на все свои усилия, словакам не удавалось выбрать до 1905 года более 2 — 4 депутатов в парламент, и лишь с невероятным трудом выбрали они в 1906 г. 7 депутатов, заседающих и поныне в Будапеште под просвещенным руководством некоего Милана Ходжи (Годжи. — *Е.С.*). Такое положение вещей тем более аномально, что и при нынешнем пристрастном распределении выборных округов словаки располагают 56 округами и должны были выбирать столько же депутатов. Несмотря на эти неблагоприятные условия, словаки не отчаиваются и возлагают все надежды на новую выборную реформу, к которой они деятельно готовятся"⁴⁴. Словацкие общественные и политические деятели были большими патриотами. На бланках секретариата Центрального клуба словацких депутатов сейма (1912 г.) в колонке слева в качестве призыва или наказа депутатам значилось: «Сразу же отвечайте на каждое обращение... Помните о моральном долге перед народом... Постоянно соблюдайте и охраняйте права нашего народа. Всюду говорите по-словацки. В гостиницах требуйте словацкие журналы, от ремесленников, купцов вывески по-словацки и обслуживание на словацком. Не продавайте дома и землю не словакам. Детей, челядь учите любить родную речь, заботьтесь о том, чтобы дети получали образование не только в школе, но и дома. Основывайте профессиональные союзы и ремесленные, экономические кооперативы. Поддерживайте словацкого работника, торговлю и промышленность. Придерживайтесь лозунга "Свой к своему!"... Молитесь и работайте, оставшееся помещайте в словацкие банки...»⁴⁵

Накануне Первой мировой войны активизируется чешско-словацкое сотрудничество. Общество Чешско-славянское единство, созданное еще в 1896 г., стало инициатором проведения с 1908 г. ежегодных чешско-словацких совещаний в Лугачовицах об экономическом и культурном сотрудничестве. Здесь неофициально обсуждались и политические вопросы⁴⁶. С 1911 г. в этих совещаниях стали принимать участие руководители Словацкой национальной партии. В докладе чешского финансиста, представителя Живнostenского банка, деятеля неославянского движения, активно выступавшего за развитие торгово-экономических отношений со славянскими землями, Я. Прейсса, представленном на совещании в Лугачовицах 11 — 12 августа 1913 г., говорилось: "Ежегодные Лугачовицкие совещания стали важным форумом обсуждения вопросов, возникающих из идеи чешско-словацкой взаимности, они представляют собой реальную картину развития нашего движения и дают возможность установления и укрепления более тесных отношений между чехами и словаками. Их значение таково, что в них стоит принимать участие всем, кто трудится на благо взаимности»⁴⁷.

Особую активность перед Первой мировой войной развила созданная в 1907 г. организация американских словаков — Словацкая лига. Ее деятели критиковали программу Словацкой национальной партии, их требования шли дальше, они желали выхода из состава венгерского королевства⁴⁸.

26 мая 1914 г. в Будапеште в отеле "Метрополь" состоялось заседание Центрального клуба Словацкой парламентской национальной партии, объединявшей словацких депутатов, на котором была предпринята попытка создать единый политический орган, который бы объединял все политические направления в Словакии — Словацкий национальный совет⁴⁹. Однако подготовка создания этого органа была прервана началом мировой войны.

¹ То есть попытками венгерских властей создать из многонациональной Венгрии государство с единым венгерским народом, см. Закон о национальностях от 1868 года.: *Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti*. (DSNIŠ.) Bratislava, 1998. Zv. 1. S. 361.

² Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 151. Политархив. Оп. 482. 1907 — 1909. Д. 3417. Л. 95 — 95 об.

³ *A Concise History of Slovakia*. Bratislava, 2000. P. 215; История Словакии: пер. со словац. и англ. яз. М., 2003. С. 267 — 268.

- ⁴ Ibid. P. 202; Там же. С. 253.
- ⁵ Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., 1988. С. 257.
- ⁶ Lipták L'. Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000. S. 15.
- ⁷ История южных и западных славян. М., 1998. Т. 1. С. 658.
- ⁸ См., например: Lipták L'. Op. cit. S. 14 – 18.
- ⁹ Ibid. S. 14.
- ¹⁰ Итогом промышленного подъема 1893 – 1899 гг. в России явилось общее увеличение промышленной продукции в два раза. За 1909 – 1913 гг. темпы роста производства в ряде ведущих отраслей промышленности были выше, чем в высокоразвитых странах Европы и США. См.: История России XIX – начала XX вв. М., 1998. С. 443 – 444. Объем промышленного производства за 1887 – 1913 гг. вырос в 4,6 раза. См.: Россия в начале XX века: Исследования. М., 2002. С. 170.
- ¹¹ Lipták L'. Op. cit. S. 15.
- ¹² Fabricius M. Vývoj názorov na postavenie Slovenska v hospodárstve Československa 1918 – 1938 // Československo 1918 – 1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Praha, 1999. Sv. 1. S. 283.
- ¹³ A Concise History of Slovakia... P. 204; История Словакии... С. 255.
- ¹⁴ Краткая история Чехословакии... С. 257.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 98 об.
- ¹⁶ A Concise History of Slovakia... P. 202; История Словакии... С. 253.
- ¹⁷ Lipták L'. Op. cit. S. 19.
- ¹⁸ Ibid. S. 20.
- ¹⁹ Ibid. S. 22.
- ²⁰ A Concise History of Slovakia... P. 216; История Словакии... С. 268 – 269.
- ²¹ Ibid. P. 219; Там же. С. 273 – 274.
- ²² Ibid. P. 223; Там же. С. 279.
- ²³ Lipták L'. Op. cit. S. 17.
- ²⁴ Россия в начале XX века. С. 578.
- ²⁵ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 98 об.
- ²⁶ Lipták L'. Op. cit. S. 22.
- ²⁷ Slovenský národný archív. (Далее: SNA.) F. Vavro Šrobár. Šk. 7. inv.č. 492.
- ²⁸ АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3417. Л. 98.
- ²⁹ SNA. F. Vavro Šrobár. Šk. 7. inv. č. 529.
- ³⁰ A Concise History of Slovakia... P. 218; История Словакии... С. 272.
- ³¹ Seton-Watson R.W. Documents 1906 – 1951. Praha; Martin, 1995. Vol. 1. P. 110.
- ³² Holec R. Od národnostného kongresu k černovskej tragédii. (Slováci na prelome 19. a 20. storočia a francúzska verejnosť) // Francúzsko a stredná Európa (1867 – 1914). Bratislava, 1995. S. 111 – 112.
- ³³ Seton-Watson R.W. Op. cit. Vol. 1. P. 126 – 128.
- ³⁴ Kováč D. Česka-slovenská štátnosť v kontexte slovenských dejín. Otázka kontinuity a diskontinuity // Československo 1918 – 1938. S. 24.
- ³⁵ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. (Далее: DSNIŠ.) Bratislava, 1998. Zv. 1. S. 372 – 376.
- ³⁶ Ibid. S. 377 – 379.
- ³⁷ Подробнее о взглядах С. Гурбана Ваянского см.: Gniazdovský M. Predstavy národa v publicistike S.H. Vajanského // Proglas. 2001. Roč. XII. С. 1. S. 3 – 5.

³⁸ DSNIŠ. Zv. 1. S. 382.

³⁹ Ibid. S. 383–386.

⁴⁰ Ibid. S. 380–381.

⁴¹ Подробнее о словацком народном (людацком) движении см.: *Letz R. Slovenské L'udatstvo ako prejav konservativneho myslenia* // *Proglas*. 2001. Roč. XII. C. 1. S. 5–10.

⁴² История южных и западных славян. Т. 1. С. 659.

⁴² См., например, программы Словацкой национальной партии от 8 августа 1913 г. и марта – мая 1914 г. в кн.: DSNIŠ. Zv. 1. S. 395; 401–406, а также программу словацкой социал-демократии от апреля 1914 г. – S. 409–410.

⁴⁴ АВПРИ. Ф. 151. Политархив. Оп. 482. Д. 3417. Л. 98.

⁴⁵ SNA. F. Vavro Šrobár. Šk. 2. inv. č. 115.

⁴⁶ DSNIŠ. Zv. 1. S. 396–400.

⁴⁷ SNA. F. Vavro Šrobár. Šk. 5. inv. č. 337.

⁴⁸ DSNIŠ. Zv. 1. S. 407–408.

⁴⁹ Ibid. S. 411–413.

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ОГНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война является особым периодом в чешской и словацкой истории. Именно тогда произошли события, определившие дальнейшие судьбы чехов и словаков. Война привела к распаду Австро-Венгерской империи и созданию независимого Чехословацкого государства. В это время окончательно оформились концепции решения чешского и словацкого вопросов, был взят курс на создание общего государства. Кончилась одна историческая эпоха, и началась другая.

Положение в Чешских землях

Убийство в Сараево наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, ставшее формальным поводом для развязывания мировой войны, судя по сообщению управляющего российским консульством в Праге коллежского асессора М. Казанского, "не произвело среди чехов особенно горестного впечатления"¹. Политическое значение этого события обсуждалось в чешской прессе и обществе достаточно сдержанно. Наряду с официальным порицанием убийства и лояльным выражением сочувствия в чешских партийных кругах высказывалось скорее удовлетворение относительно возможного изменения антиславянской политики Австрии. Даже опытные политические деятели, такие как В. Крамарж, В. Клофач, Й. Шейнер, не подозревали, что это событие приведет к началу бойни. Они лишь выражали опасения относительно участи боснийского народа, у которого могли бы быть отняты последние признаки местного самоуправления. В донесении Казанского от 27 июня (10 июля) 1914 г. читаем: "В общем, средними обывателями довольно откровенно выражается радостное чувство по поводу того, что инициатор противославянской и противорусской политики сошел со сцены"². О войне говорили, предполагали, что

она может вспыхнуть, но ее начало все-таки застало врасплох и оказалось неожиданным. Позднее российский агент В.П. Сватковский, ссылаясь на слова Масарика, описывал настроения в Чехии: "В войну никто не верил. Для чехов она была полной неожиданностью"³.

В самом начале вряд ли кто-нибудь мог предположить, насколько тяжелой и длительной станет война и к каким результатам приведет. В течение недели с момента объявления 28 июля 1914 г. Австро-Венгрии войны Сербии в нее втянулись почти все великие державы Европы. Определилось военное противостояние двух блоков — Центральных держав (Германия и Австро-Венгрия) и Антанты (Великобритания, Франция, Россия). В ноябре к Центральным державам официально примкнула Турция. Сербия, Черногория и подвергшаяся нападению нейтральная Бельгия выступили на стороне Антанты. В августе к ним присоединилась и Япония, объявив войну Германии. Военный конфликт разгорался, постепенно втягивая все новых и новых участников. Впервые в истории военные действия разрослись до мирового масштаба. Существовали различные оценки характера войны: одни считали ее столкновением германского и славянского миров, другие — борьбой демократии против консервативных сил, третьи — захватническим, империалистическим столкновением воюющих сторон.

*Наследник трона эрцгерцог
Франц Фердинанд д'Эсте*

25 июля в Австро-Венгрии объявили о частичной мобилизации. На основе 14-го пункта Конституции еще в марте 1914 г. был распущен австрийский парламент. После начала войны приостанавливалось действие тех статей Конституции, которые гарантировали гражданские права и свободы. Вводилась цензура, ограничивалась выдача паспортов, посылка почтовых отправок, телеграфная и телефонная связь, гражданское железнодорожное сообщение, запрещались выступления иностранцев и хранение оружия,

*Эрцгерцог Франц Фердинанд с супругой Софией по приезду в Сараево
28 июня 1914 г.*

за некоторые провинности и преступления гражданские лица подлежали юрисдикции военных судов. В конце августа на всей территории государства были ликвидированы суды присяжных.

31 июля после введения мобилизации в России Австро-Венгрия объявила всеобщую мобилизацию. Начались верноподданнические манифестации в поддержку войны, в том числе и в Праге. С патриотическим обращением выступил и староста г. Праги Карел Грош. Однако эти демонстрации организовывались властями. Действительной поддержки война в чешском обществе не имела. Масарик вспоминал впоследствии, что, вернувшись из саксонского города Жандау, где его застало начало войны, он наблюдал за мобилизацией в Чешских землях: "призывники шли в армию с отвращением, как на бойню; были случаи неповиновения, отказов, начались преследования"⁴. Однако в целом в первые дни мобилизация проходила организовано и без задержек⁵.

Согласно переписи населения 1910 г., чехи составляли 12,5% всего населения страны, в армии их количество достигло 12,9%, призывались они в основном в артиллерию,

конницу, а также служили в новых родах войск летчиками и подводниками⁶. В литературе традиционно большее внимание уделялось борьбе чехов на стороне Антанты, но чехи, как граждане Австрии воюя в ее армии, не всегда походили на Швейка, часто проявляя стойкость и героизм. Так, например, Третьему кромержижскому пехотному полку сразу после начала войны дали прозвище "железный", которое он сохранил до конца войны⁷. Чешский историк И. Шедивы приводит следующие цифры: число павших на поле боя за "Бога, императора и отечество" до конца 1917 г. (призванных исключительно из чешских округов) равнялось 138 128, а число убитых чешских legionеров (добровольцев из пленных и местных жителей, сражавшихся на стороне Антанты во Франции, России и Италии) составило 5 405⁸.

Но повод для критики чешских солдат немецкой пропагандой давало почти полное отсутствие урапатриотических, шовинистических настроений. Поведение чешских бойцов на Восточном фронте и на Юго-Западном против Италии, вступившей в войну в лагере Антанты, существенно отличалось⁹. Война против "славянского брата" среди чехов действительно не пользовалась популярностью. Были случаи массового добровольного перехода на сторону противника: так, 3 апреля 1915 г. несколько сот солдат 28-го Пражского пехотного полка перешли на сторону русских. Однако по этому поводу в секретной записке в российский МИД указывалось: "Следует впрочем отметить, что если известные чешские части действительно сдавались во имя национального принципа, то другие делали это лишь уступая силе русского оружия, для сохранения жизни, и предварительно не уклонялись от кровавой борьбы с русскими воинами"¹⁰. Чешский историк И. Шедивы утверждает также, что, моральный дух чешских солдат был низок и на Балканском фронте, где они сражались в 1914 г. против сербов, тогда как на итальянском фронте в 1915—1918 гг. чехи, наоборот, проявили себя как отличные воины¹¹.

В обществе нередко наблюдались вспышки русофильства и ненависти к евреям из-за устраиваемых ими чешско-немецких братаний. Наместнику Чешских земель графу Туру приписывали слова, что "все чехи русофилы, разница только в том, что одни русофилы явные, а другие тайные"¹². Эти настроения ширились, так как обещанная австрийской пропагандой быстрая победа не приходила; в 1916 г. стала ощущаться нехватка продовольствия¹³.

Недовольство вызывало и ужесточение национальной политики. Чешский язык в административных учреждениях заменялся немецким. Этот язык вводился в начальной школе как обязательный, чешские школы в "немецких областях" ликвидировались, запрещалось создание ненемецких высших школ¹⁴. Закрывались чешские общественные организации, газеты и журналы. В начале сентября 1914 г. был остановлен выход печатных органов национальных социалистов "České slovo" и государственно-правовой прогрессивной партии "Samostatnost". Арестам подверглись некоторые чешские журналисты и политики, среди них 4 сентября 1914 г. оказался лидер национальных социалистов В. Клофач. До конца 1914 г. в Чешских землях были лишены свободы 950 человек, 704 из которых были переданы военным судам¹⁵. Позднее в ходе войны преследованиям подверглись и такие чешские политические и общественные деятели, как К. Крамарж, А. Рашин, Й. Шейнер, В. Дик, Я. Прейсс и многие другие. Крамарж и еще несколько видных общественных деятелей Австрии были приговорены к смертной казни по обвинению в государственной измене (затем, осенью 1916 г., в связи со смертью Франца Иосифа и вступлением на престол нового императора Карла, смертная казнь была заменена пятнадцатилетним заключением).

Ситуация в Словакии

В Венгрии, северную часть которой составляла Словакия, начало войны вызвало шовинистическую волну. Началась "шпиономания", преследование "панславистов". Во всех словацких областях власти составили списки подозрительных, установив за ними наблюдение. Многие из подозреваемых призывались в армию и направлялись на фронт с записью о политической неблагонадежности¹⁶. Венгерские власти преследовали цель создать единый народ путем мадьяризации, подавив любое сопротивление. Именно в период войны отмечался пик мадьяризаторской политики в Венгрии¹⁷. Аресту подверглись ряд политиков и публицистов: И. Дерер, М. Годжа, Р. Маркович, Я. Есенский и др. К октябрю 1914 г. в тюрьмы по политическим мотивам были заключены около 600 словаков¹⁸. На промышленных предприятиях, работавших на войну, был введен военный режим. Нарушавшим дисциплину грозила отправка на фронт.

Из 3 млн населения 400 — 450 тыс. мужчин были мобилизованы на фронт¹⁹. Словацкие солдаты, как и чешские, в основном воевали на Балканском фронте против Сербии, на Восточном фронте против русских и в северной Италии после ее вступления в войну. В меньшем количестве словаки сражались на других фронтах — в Палестине, Сирии²⁰. Военная разведка в 1915 г. передавала, что лучше всего воюют словаки²¹.

В начале была надежда, что война продлится недолго. Часть населения верила официальной пропаганде, использовавшей трагическую смерть наследника престола и его жены графини Хотек для создания мифа об оборонительной войне со стороны Австро-Венгрии. Большую роль в этой пропаганде сыграла и церковь. В.П. Сватковский, характеризуя настроение общества в Венгрии в конце 1914 г., писал, что по сравнению с Чешскими землями оно более бодрое, но демонстрации против дороговизны иногда выдвигают и лозунги против войны²². По мере развития дальнейших военных действий иллюзии рассеивались, и словаки все меньше и меньше проявляли желание умирать за империю.

Бои на территории Словакии велись в небольшом масштабе. Осенью 1914 г., разгромив австро-венгерскую армию у Львова, русские войска через Дукельский и Лупковский перевалы вступили на территорию Венгрии. Лишь помощь немецких войск спасла австро-венгерскую армию от окончательного разгрома. В. Сватковский сообщал из Цюриха в конце 1914 г.: "Австро-Венгрия держится против России исключительно из-за военной опеки Германии, так как австро-венгерская организация потерпела полное банкротство"²³. В феврале — марте 1915 г. 8-я армия Брусилова, развивая контрнаступление, проникла через карпатский перевал к Бардейову, стремясь к Прешову, Кошицам в направлении на Будапешт²⁴. Лишь первого мая 1915 г. под ударами немецких армий и австрийских частей началось отступление русских войск.

Таким образом, бои шли лишь на небольшой части словацкой территории, но за годы войны положение в Словакии значительно ухудшилось ввиду мобилизации на фронт основных рабочих сил. Особенно страдало сельское хозяйство, основная отрасль словацкой экономики. Позднее начались насильственные реквизиции, росли цены на продукты и промышленные товары, процветали спекуляция и торгов-

ля на черном рынке. За первый год войны расходы на жизнеобеспечение возросли в два раза²⁵. Военно-полицейский режим, жертвы на фронтах и материальные лишения вызывали естественный отпор.

Начало чешско-словацкого сопротивления

Часть чешской политической элиты еще накануне войны разрабатывала планы действий на стороне России. В январе 1914 г. В. Клофач побывал в Санкт-Петербурге, где имел беседы с министром иностранных дел С.Д. Сазоновым и начальником Генерального штаба Я.Г. Жилинским, которым предложил создать в чешских землях прорусскую саботажную и разведовательную сеть на случай войны²⁶. Подобные предложения о создании тайных организаций в разных чешских городах Клофач делал и российскому консулу в Праге В.Г. Жуковскому. Проекты оказания политических услуг в обмен на финансовую поддержку строил Клофач и в письмах к своему знакомому по неославянскому движению Д.Н. Вергуну²⁷.

К. Крамарж в середине июня 1914 г. передал Д.Н. Сазонову свой меморандум под названием "Устав славянской империи", которую он желал видеть под скипетром династии Романовых²⁸. Основной идеей проекта было стремление "при тесном единении с Россией обеспечить на вечные времена полную внутреннюю автономию будущего чешского королевства"²⁹. По мысли Крамаржа, вице-королем мог быть кто-либо из членов российской императорской фамилии, но с непременным условием, чтобы этот пост не был наследственным. Крамарж предлагал передать России руководство чешской оборонной и внешней политикой, включить Чехию в пределы русской таможенной территории, сделать русский язык наравне с чешским обязательным. Во всех других отношениях чешская жизнь должна была быть самостоятельной. Чешско-русский союз должен был стать основой для более широкого славянского единения по образцу германской империи. На полях этого документа кто-то из чиновников российского МИДа, возможно, сам министр иностранных дел Д.Н. Сазонов, в раздумье написал "А кто от этого выиграет?"³⁰

Государственно-правовая прогрессивная партия на своем съезде еще в мае 1914 г. приняла внешнеполитическую программу, прямо предусматривавшую решение чешского вопроса в ходе войны.

Манифестация чехов и словаков на Тверской улице в Москве в августе 1914 г.

В самом начале военных действий проавстрийскую позицию заняли социал-демократы и аграрии, однако уже к концу 1914 г., по сообщению Сватковского, под влиянием русских побед их австрофильство "как рукой сняло"³¹. Проавстрийское заявление в начале августа опубликовали католические партии Моравии. Но в целом чешские политики не выступили с лояльным заявлением³². Сватковский сообщал, что "славянские политики отмолчались (не сделали заявлений о лояльности и по поводу годовщины, 2 декабря, вступления на престол Франца Иосифа)"³³.

Однако уже в середине марта 1915 г. Сватковский передавал, что лидер близкой младочехам моравской народной партии А. Странский по требованию наместника Моравии подписал заявление о лояльности, что произвело в чешском обществе тяжелое впечатление. Удручающе подействовало лояльное заявление председателя союза адвокатов депутата младочешской партии Келлера. Неблагоприятные толки вызвало и повторное избрание городским головою Праги младочеха Гроша, известного своими лояльными демонстрациями по заказу наместника кн. Туна. Правда, как полагал Сватковский, подобная политика Гроша нужна была для

отдаления введения военного положения³⁴. В это же время Крамарж через доверенное лицо сообщал Сватковскому, что среди настроенных антигабсбургски чешских политических лидеров достигнуто полное согласие. Касаясь обстановки в стране, он передавал: "Чехи ждут. Активно выступить они не могли, но их пассивное сопротивление весьма чувствительно в Вене... Приходится несколько опасаться клерикалов и аграриев, как стоящих ближе к правительству. Напротив, все другие, не исключая и социал-демократических масс и многих их вождей (Соукуп, Гудец, Габрман) вполне явно проявляют свои русофильские чувства. Исключение составляют, может быть, социал-демократы Шмераль и Немец"³⁵.

Обычная политическая жизнь в Чешских землях замерла, но нелегально политические деятели различных направлений продолжали общаться, обсуждали чешский национальный план. Как передавал Сватковский, Крамарж и Масарик являлись "главными идеологами чешского будущего и посредниками между партиями"³⁶, пытаясь объединить их лидеров. Крамарж и в конце 1914 г. настаивал на своем плане Славянской империи, причем уже тогда он очертил границы будущего чехословацкого королевства, куда предполагалось включить Чехию, Моравию и Силезию, вместе с их полунемецкими окраинами, а также словацкие земли Венгрии до Дуная, исключая Вену.

Масарик вел переговоры с реалистами, чешскими государственниками, национальными социалистами, социал-демократами и отчасти с аграриями, лишь с Крамаржем прямых переговоров не было (однако обмен мнениями проводился через Шейнера). В октябре 1914 г. Масарик находился в Роттердаме и через журналиста и агента британской разведки Сетон-Ватсона передал свой меморандум правительствам Тройственного согласия³⁷. Он считал идею Крамаржа об образовании чешского вице-королевства под скипетром российского государя императора весьма выгодной для промышленной Чехии в экономическом плане. Однако оценивал этот проект как максималистский. Являясь более прагматичным политиком, он полагал, что реализация этого плана будет напрямую зависеть от степени политического и военного могущества России к моменту окончания войны. Встречаясь со Сватковским, Масарик подчеркивал, что если Россия не захочет или не сможет осуществить максималистский план (имелся в виду проект Крамаржа. — *Е.С.*), но будет

в состоянии обеспечить чешскую государственную независимость, то "чехи хотели бы своего собственного короля, всего лучше из дома Романовых, а если бы и это оказалось невозможным, то англичанина, датчанина и т.д., только не немца..."³⁸. Весьма желательным, по его словам, было бы избрание королем сербского королевича Александра и вступление в личную унию с будущей Великой Сербией. План Масарика предусматривал ослабление Берлина, создание сильного в военном отношении Чешского государства, которое проводило бы единую внешнюю политику с Россией и имело бы с последней тесные экономические связи. Масарик полагал, что будущие границы государства должны быть географическими (по водоразделам, руслам больших рек, горным хребтам), предлагая объединить исторический и этнографический принципы, а также учитывать стратегические соображения. Уже в конце 1914 г. Масарик считал включение в пределы чешского королевства "некоторых русских меньшинств в области близ Ужгорода" желательным, так как это дало бы повод к провозглашению в будущем королевстве русского литературного языка официальным наравне с чешским, немецким и польским. Несмотря на некоторые отличия, взгляды двух чешских политиков Крамаржа и Масарика в этот период во многом совпадали. Оба они настаивали на том, чтобы оккупация русскими войсками чешской и словацкой территорий была планомерной и осуществлялась с опорой на местные силы и национальный чешский комитет, куда предлагалось ввести чешских политических лидеров: К. Крамаржа, К. Маттуша, В. Клофача, А. Гайна, А. Швеглу и Т.Г. Масарика, и словацких: А. Штефанека, В. Шробара и Э. Стодолу. Интересно, что и бывший имперский консул в Праге Жуковский предлагал осенью 1914 г. создать подобный комитет, когда русские войска войдут в Чехию. В его состав он советовал включить: Я. Челаковско-го, Крамаржа, Клофача, Масарика, Прейсса, Й. Голечка, Й. Каллаша, В. Грубого, Я. Черного, Й. Шейнера, Й. Поливку, Пинкаса, Я. Псоту и словака С. Гурбана Ваянского³⁹.

Жуковский пытался влиять на позицию российского МИДа, который в это время склонялся к сохранению после войны Австро-Венгрии и преобразованию ее в триединую монархию⁴⁰. Он объяснял, что для государственных интересов России "вредно создание триединой монархии (Австро-Венгеро-Чешской. — Е.С.); по его мнению, надо было поддерживать план создания чешско-моравско-словацкого ко-

ролевства. При этом он приводил следующие доводы: "Слияние Чехии и Моравии оправдывается тем, что это одно племя; Словачина (до 3 млн населения) сама по себе нежизнеспособная, охотно присоединится к Чехо-Моравии на основе сохранения автономии в управлении, языке и школе. Чехи, со своей стороны, охотно соединятся со Словачиной (у словаков сохранились более чистые начала славянского быта и языка) и будут уважать их требования самоуправления. В Словачине есть отчасти стремления слиться с Россией, но для России Словачина была бы лишней окраиной, требующей расходов. Гораздо выгоднее усилить ядро Чешское, соединить с ним Словачину".

В первые же недели после начала войны внутри некоторых чешских политических течений стали формироваться группы сопротивления Австро-Венгрии, которые устанавливали связи с представителями Антанты и передавали им разведывательные данные. Одну из первых таких групп создал К. Крамарж и его сторонники по партии А. Рашин, Ф. Сис, Б. Франта и другие. Через корреспондента "Народных листов" в Софии В. Сиса им удалось установить связи с В.П. Сватковским.

Второй центр сопротивления возник из руководства государственно-правовой прогрессивной партии. В него входили А. Гайн, Л. Борский, В. Дик. Представитель группы Л. Сыхрава выехал в Швейцарию, став первым чешским политическим эмигрантом в годы войны.

Третьим центром антиавстрийского сопротивления стала прогрессивная партия (реалистов), членами которой помимо Масарика являлись Э. Бенеш, П. Шамал и др. Они установили контакт с некоторыми чешскими антиавстрийскими центрами (кроме группы Крамаржа)⁴². Масарик наладил тайные связи с британскими журналистами, работавшими на разведку, В. Стидом, Р. Сетон-Ватсоном⁴³.

В дальнейшем чешские группы сопротивления объединились и получили название "Маффия". Ее организационное оформление датируется декабрем 1914 г., вскоре после отъезда Масарика за границу. Главой этой тайной организации стал Э. Бенеш. В пятерку ее ведущих деятелей вошли П. Шамал, Э. Бенеш, Й. Шейнер, К. Крамарж и А. Рашин. Посредством курьеров Маффия поддерживала связь внутреннего и заграничного движения сопротивления, информировала союзников о положении в Чехии и в Австро-Венгрии в целом, иногда передавала добытые секретные сведе-

ния. В середине марта 1915 г. Крамарж через Сватковского сообщал в Россию, что скептически относится к взглядам Масарика, допускавшего в случае невозможности объединения Чехии с Россией, призвание на чешский трон английского, датского или иного принца. Он также обращался к русским военным властям с предложением образовать из чешских пленных особый корпус, который бы сражался на стороне Антанты⁴⁴.

Единомышленники Крамаржа настоятельно советовали ему отправиться для пропаганды чешских интересов за границу, прежде всего в Россию. Он же полагал, что его присутствие необходимо в Чехии, чтобы помешать заявлениям о чешской лояльности Австрии, чего усиленно добивались власти, а кроме того, чтобы быть на месте ко времени прихода русских войск и принять руководство делами. Однако отступление русской армии изменило ситуацию. Значительным ударом по Маффии оказался арест в мае 1915 г. К. Крамаржа, Й. Шейнера, а позднее и А. Рашина. Опасаясь преследований, Э. Бенеш в сентябре 1915 г. эмигрировал на Запад. Но Маффия продолжала существовать под руководством П. Шамала, привлекая к своей деятельности новых членов. В начале июня 1916 г. Сватковский сообщал из Берна, что с началом войны большую роль в политике снова стал играть официальный глава старочешской партии, "последний из вождей второго периода чешского возрождения (40 — 60-е годы), друг Палацкого и Ригера" Маттуш. Последний решительно воспротивился планам правительства заставить чехов подписать декларацию политического характера в Национальном совете, заняв непримиримую в отношении Австрии позицию. В этом же сообщении читаем, что лидер социал-демократов Шмераль — австрофил и поддерживает державы Согласия, но настоящим руководителем партии является Сокуп. Антиавстрийски настроенные представители разных политических партий и члены Сокольских организаций организуют в стране сеть "людей доверия", чтобы быть едиными и готовыми к решительному моменту освобождения⁴⁵.

Политическая жизнь в Словакии была также парализована введением законов и декретов военного времени. Стремясь избежать преследований, Словацкая национальная партия избрала испытанную политическую тактику — пассивность⁴⁶. В заявлении руководства партии от 5 августа 1914 г. говорилось, что на весь период начавшейся войны

партия прекращает всякую деятельность и склоняется к тому, чтобы и уже объявленные собрания словацких культурных объединений были отложены⁴⁷. Но представители отдельных политических партий, так же как в Чешских землях, создавали небольшие группы в различных городах и конспиративно занимались разведывательной деятельностью. В конце 1914 — начале 1915 г., когда русские войска, преодолев Карпаты, вступили на территорию восточной Словакии, среди словаков заметно активизировались русофильские настроения. Однако чаяния словацкого населения не реализовались в связи с последовавшим отступлением русской армии во второй половине 1915 г. Тайные словацкие группы устанавливали связь между собой и с чешскими политическими центрами. В Вене действовали словаки М. Годжа, Я. Цаблк, К. Стодола, в Праге — Ф. Вотруба, А. Штефанек. В Будапеште активную деятельность развили Э. Стодола и депутат венгерского парламента Ф. Юрига, в Братиславе конспиративная работа была сосредоточена в руках лидера социал-демократов Э. Легоцкого, в Мартине — среди уцелевших членов руководства Словацкой национальной партии, в Ружомберке — сопротивление возглавляли В. Шробар, а позднее А. Глинка. До войны позиция словацких политиков в отношении монархии была лояльной, но война изменила настроения, появилась альтернатива создания после войны единого государственного целого с чехами⁴⁸.

Национально-освободительное движение чехов и словаков за границей

В России

К началу Первой мировой войны в Российской империи проживало около 100 тыс. чехов и словаков. Самая большая чешская колония находилась на Волыни, там осели чешские земледельцы, прибывшие в Россию в 70—80-е годы XIX в. Кроме того, чехи и словаки селились в других частях Российской империи, работая учителями, торговцами, пивоварами, мельниками. В Киеве, Москве, Петрограде, Варшаве существовали различные чешские и словацкие объединения и общества. После начала войны представители этих организаций выразили лояльность России и высказались за создание дружины чехов и словаков, которая воевала бы на стороне Антанты. В секретной записке на высочайшее имя в ав-

густе 1914 г. Чешские комитеты в Москве и Киеве, Чешско-Словенское (правильно — Чешско-Словацкое. — Е.С.) общество в Варшаве и Чешское вспомогательное общество в Петрограде заявляли о своем объединении и просили о приеме у царя. В записке говорилось о необходимости организовать Чешскую дружину добровольцев, привлечь всех чехов в России, Америке и других странах к сбору пожертвований в пользу жертв войны и восстановить Чешское королевство с династией из рода Романовых⁴⁹.

10 (23) августа в газете "Русское слово" в рубрике *Письмо в редакцию* была опубликована статья "Чешский вопрос" за подписью представителей Чешского комитета в Москве Л.В. Тучека и С.О. Коничека. В статье говорилось о богатой истории Чехии, указывалось на ее выгодное географическое и стратегическое положение, высокоразвитую экономику, наличие полезных ископаемых и целебных источников. Далее авторы письма высказывались за таможенный союз славянских государств, за свободное чешское государство. В заключение они писали: "Чешские дружины пойдут вместе с доблестной русской армией в бой с вековым врагом — германизмом для торжества идеи великого, свободного, единого славянства под сенью великой Руси"⁵⁰.

20 августа делегация названных выше объединений была принята Николаем II. Во время аудиенции российскому императору передали меморандум о решении чешского вопроса путем восстановления Королевства с династией Романовых во главе. Интересно, что в границы будущего Королевства предполагалось включить даже Вену, поскольку половину ее населения, как считали авторы, составляли славяне, а еще на четверть — онемеченные славяне⁵¹. 12 августа 1914 г. русское военное ведомство одобрило предложение московских чехов об образовании Чешской дружины. Но в ее ряды могли вступить лишь подавшие прошение о принятии российского гражданства. Командирами дружины становились русские офицеры.

Чешский комитет в Киеве опубликовал воззвание "Всем чехам России!", в котором говорилось, что московской и петроградской чешским организациям с трудом удалось добиться создания "Чешской дружины" (куда сразу же записалось 500 добровольцев). Сообщалось, что дружина будет формироваться в Киеве, так как это центр чешской области на Волыни, где проживают 60 тыс. чехов и выходит журнал "Čechoslovan" ("Чехослован"). В воззвании указывалось на

обязанность каждого чеха помогать семьям ушедших на войну, необходимость образовать фонд для обеспечения калек, вдов, сирот и стариков родителей, в каждом городе создавать чешские комитеты помощи жертвам войны. Целями этих акций было объединить чехов, создать массовую дружину, организовать сбор пожертвований и обеспечить чехам право голоса при решении судьбы короны св. Вацлава⁵². 21 августа Чешское вспомогательное общество в Санкт-Петербурге направило докладную записку о чешско-словацком вопросе в Совет министров⁵³.

В конце августа — начале сентября 1914 г. в Петрограде состоялся съезд чехов и словаков, уполномоченные которого обратились к кн. Трубецкому с просьбой опубликовать в газетах разъяснения по поводу современных общеславянских вопросов. В письме говорилось, что среди словаков существуют несколько направлений: одни выступают за создание независимого государства, другие — за автономную Словакию в составе России, но представители словаков на съезде высказались за полное единение с чешским народом. Далее в письме достаточно примитивно объяснялось, что как малороссы, белоруссы, червоноруссы и утроруссы — те же русские, восточные славяне, как сербы, хорваты, словенцы — южные славяне, так и словаки, мораване и слезаки (жители Силезии. — *Е.С.*) — те же чехи, западные славяне. В заключении авторы обращения писали: "Образовать из 2 млн словаков отдельное крохотное государство рядом с мадьярским и румынским или как автономную единицу прилечь их к России — вряд ли послужило бы на пользу самим словакам и ослабило бы чешское королевство как стража славянских интересов на западе... Готовому чешскому королевству нужен лишь король славянской крови, который любил бы чешский народ и был бы им любим"⁵⁴.

В конце сентября 700 членов дружины приняли присягу на верность своему знамени перед Софийским собором в Киеве⁵⁵. В начале дружина использовалась в основном в пропагандистских и разведывательных целях. В декабре 1914 г. из существовавших ранее чешских и словацких благотворительных организаций был основан Союз Чешско-Словацких обществ в России, в руководстве которого находились сторонники Масарика. Союз обратился за разрешением на зачисление в состав дружины военнопленных чехов и словаков, а затем разработал проект создания в более широком масштабе отдельного чешско-словацкого войска. В соответ-

ствии с этим было возбуждено ходатайство об освобождении военнопленных под ручательство Союза за их благонадежность. 2 июня 1915 г. проект вместе с представленными на него возражениями некоторых ведомств рассматривался в Совете министров, но поставленные в нем вопросы не получили тогда окончательного разрешения⁵⁶.

Идея чешско-словацкого единства завоевывала все большую популярность. В мае 1915 г. Союз чешско-словацких обществ в России выступил с заявлением, в котором указывалось, что настоящая война поставила на повестку дня вопрос чешско-словацкого политического единства и независимости. Основой этого объединения должно было стать полное равноправие чешского и словацкого языков: "единый народ с общим культурным прошлым и будущим и двумя литературными языками"⁵⁷. В будущем чешско-словацком королевстве предполагалось создать словацкий земский сейм с тем, чтобы Словакия в политическом и языковом отношении могла быть самостоятельной. В заявлении подчеркивались традиции совместной государственности Великой Моравии. Воззвание к австро-венгерским народам верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, где целью России провозглашалась их свобода и возможность объединения с родными братьями⁵⁸, трактовалось как гарантия объединения западных славян — чехов и словаков. Говорилось и о том, что Его Величество российский государь-император во время второго приема представителей русских чехов и словаков в Царском селе 17 сентября 1914 г. выразил свое "милостивое расположение" в отношении будущего объединения⁵⁹.

В Западной Европе

Как уже говорилось, в середине декабря 1914 г. Т.Г. Масарик выехал в Италию, планируя вернуться, но, получив известие о готовившихся на родине арестах, вынужден был остаться за границей до конца войны. В Италии он возобновил старые и начал устанавливать новые связи, разыскал знакомых сербов, хорватов, словенцев, познакомился с английским посланником, информировал его о положении в Австрии, через него передавал послания для Стида, встречался со Сватковским, который затем пересылал его информацию в Россию. После Венеции, Флоренции и Рима он едет в Геную, а затем в Женеву. 21 марта (3 апреля) 1915 г. Сватковский в

телеграмме из Рима в российский МИД цитирует сообщение Масарика о том, что Крамарж просил его не препятствовать плану Славянской империи под русской державой. Масарик, по словам Сватковского, согласился с этим, но желал бы знать отношение официальной России к указанному плану⁶⁰. Масарик внимательно следил за ходом событий на фронтах, просчитывал ситуацию, устанавливал нужные контакты, через посыльных поддерживал связь с Прагой. Позднее в разговорах с К. Чапекон он вспоминал: "В Женеве я нашел нескольких чехов: доктора Сыхраву, потом появился Божинов, инженер Барачек, сконструировавший нам шифровальную установку; несколько студентов и чешский рабочий кружок; позже к нам присоединился депутат Дюрих. В Женеве сохранилась связь с Парижем, приезжал Кепл. Штефаник (Милан Растислав⁶¹. — Е.С.) развернул в Париже свою пропаганду в салонах и свете; он обладал совершенно особым даром светского апостольского красноречия, умел вдохновить слушателей, чем вызывал к нам интерес и любовь. Дважды с докладами приезжал ко мне Бенеш. Сватковский приезжал тоже; я вел переговоры с Дени и профессором Эйземанном, тогда служившим во Французском военном министерстве"⁶². Масарик ездил во Францию и Англию по сербскому паспорту, выданному ему сербским представителем в Женеве.

Уже в первых двух меморандумах от октября 1914 г. и от января 1915 г. чешский политик выступал за включение словацких районов в состав будущего Чехо-Словацкого национального государства.

В конце января — начале февраля 1915 г. в Париже состоялось учредительное собрание Национального совета чешско-словацких общин, на котором было решено обратиться с посланием к Словакии. В обращении говорилось о желании чешского народа создать вместе со словацким народом независимое чехословацкое государство с полной автономией Словацкого края, с собственным словацким сеймом⁶³.

С мая 1915 в Париже под редакцией французского славянофила проф. Э. Дени начал выходить журнал "La Nation Tchèque" ("Чешская нация"), а с августа еще и двухнедельник (а затем еженедельник) под редакцией Л. Сыхравы — "Československá samostatnost" ("Чехословацкая независимость"). В сентябре к Масарику за границей присоединился Бенеш. Ранее он учился в Париже, где

у него осталось много знакомых и друзей. Затем Масарик перебрался в Лондон, куда его пригласили читать лекции в университете, а Бенеш и Штефаник продолжали действовать в Париже. В 1915 г. Масарик в Женеве впервые вместе с проф. Дени открыто выступил против Австрии⁶⁴.

В опубликованном 14 ноября 1915 г. заявлении Чешского заграничного комитета, под которым среди прочих стояли подписи депутатов Масарика и Дюриха, говорилось о стремлении к независимому чехословацкому государству вне Австро-Венгрии. В 1916 г. комитет был переименован в Чехословацкий национальный совет (ЧСНС). Председателем его стал Масарик, заместителем председателя Дюрих, генеральным секретарем — Бенеш. Осенью 1916 г. в совет вошел и М.Р. Штефаник. ЧСНС исходил из теории так называемого "чехословакизма", считая чехов и словаков двумя "ветвями" единого чехословацкого народа⁶⁵. Организационным центром ЧСНС стал Париж. В распоряжении совета имелись также пропагандистские канцелярии в Британии, Италии и Швейцарии. Совет вел дипломатическую и пропагандистскую деятельность, стремясь заручиться согласием Антанты на создание после войны независимого чехословацкого государства. С этой же целью планировалось создание чехословацкого войска, сражавшегося на стороне союзников.

Еще в августе 1914 г. 300 добровольцев из числа чешских и словацких колонистов, которых во Франции насчитывалось около 2 тыс. человек, вступили в Иностранный легион, сформировав роту "Nazdar" ("Наздар"). В ноябре 1914 г. чешские и словацкие добровольцы уже находились на фронте и воевали в составе Марокканской дивизии. В мае 1915 г. они участвовали в битве у Арраса (в северной Франции), выполнив поставленную перед ними задачу. Но потери были велики: 42 человека погибли, около 100 были ранены. Рота "Nazdar" как отдельная часть перестала существовать. Оставшиеся в живых и новые добровольцы в дальнейшем воевали на разных участках французского фронта. В целом в рядах Иностранного легиона за годы войны сражались 600 чешских и словацких добровольцев, из них 200 погибли, 300 остались инвалидами⁶⁶.

В Словакии фактически не было возможности вести активную политическую деятельность, поэтому национальное движение словаков развивалось преимущественно за границей, в России и США. 10 сентября 1914 г. Словацкая лига в Америке опубликовала меморандум, в котором говорилось, что американские словаки ввиду того, что "наши в Словакии под угрозой штыков не имеют возможности действовать, берут судьбы народа в свои руки"⁶⁷. В меморандуме содержалось два требования: 1) предоставление полного равноправия и свободы всем народам, в том числе и словакам, 2) полное самоуправление и свобода самоопределения в политической, культурной и экономической областях⁶⁸. У словаков существовали различные планы решения словацкого вопроса, в частности создание автономной Словакии в рамках федеративного славянского государства, образование словако-русского, словако-польского, словако-венгерского государственных образований⁶⁹. Но вскоре стало преобладать направление, выступавшее за объединение с чехами. В декабре 1914 г. появился новый меморандум американских словаков, в котором выдвигался лозунг "Прочь от мадьяров!". Меморандум ратовал за конфедеративную республику либо монархию с чехами, с единым верховным правительством, внешней политикой и армией, но самостоятельностью во всех других областях. В будущем объединении предполагалась автономия Словакии, с собственным парламентом и словацким языком в качестве государственного⁷⁰. 22 октября 1915 г. в Кливленде состоялось совещание высших организаций американских чехов и словаков, на котором было заключено соглашение, между Словацкой лигой и Чешским национальным объединением. Второй пункт программной части договора предусматривал объединение чешского и словацкого народа в федеративном государственном союзе с полной национальной автономией Словакии, с собственным сеймом, собственным государственным управлением, полной свободой в сфере культуры, включая и полное использование словацкого языка, а также собственной финансовой и политической администрации с государственным словацким языком⁷¹. Таким образом, постепенно за границей, в США, Франции и России, крепла идея послевоенного чешско-словацкого государственного единства.

Внутренние проблемы чехословацкого сопротивления. Формирование за границей военных легионов

Задача создания чехословацкой воинской части во Франции из пленных была не из легких — так как чехи и словаки не воевали на этом фронте, их надо было доставить во Францию, которой стало не хватать собственных людских резервов. Следует отметить, что в России к 1917 г. находилось около 250 тыс. чехов и словаков⁷². Французское правительство выразило желание создать автономные чехословацкие части из пленных, если российское правительство позволит перевезти часть пленных из России во Францию. Летом 1916 г. в Россию прибыл депутат австрийского парламента аграрий Й. Дюрих, целью которого являлось договориться с российскими властями о перевозке чешских и словацких пленных, пожелавших добровольно отправиться во Францию⁷³.

Между тем, в апреле 1916 г. Союз Чешско-Словацких обществ в России обратился с ходатайством об освобождении военнопленных чехов и словаков, доказавших свою преданность и имевших поручительство Чешско-Словацкой организации. Генерал от инфантерии М.В. Алексеев поддержал ходатайство, заявив, что чешско-словацкие части (имелась в виду Чешская дружина, затем чехословацкий полк, еще позднее бригада) прекрасно зарекомендовали себя. На докладе генерала собственной рукою Его Величества была начертана резолюция "Согласен. Ставка, 8 апреля 1916 г."⁷⁴ Любопытно, что освобождались чехи и словаки согласно 11 пункту положения о военнопленных просто под "честное слово". Освобожденные имели полную свободу передвижения и выбора места жительства (кроме района театра войны), право переходить в русское подданство. Было получено и разрешение на привлечение в дружину на добровольных началах военнопленных: в феврале 1916 г. Чешская дружина преобразовалась в Чехословацкий стрелецкий полк, а в середине апреля генерал Алексеев дал добро на формирование Чехословацкой стрелковой бригады⁷⁵.

Однако российский МИД, недовольный переориентацией Масарика на западных союзников и его идеей поставить во главе будущего Чешского королевства представителя английской династии, попытался использовать прибывшего в Россию Й. Дюриха для создания пророссийского чехословацкого центра сопротивления⁷⁶. В конце июня Дюрих был принят министром иностранных дел Сазоновым⁷⁷, а в август-

Й. Дюрих (слева) в Киеве в 1916 г.

Милан Растислав Штефаник и Радола Гайда перед чехословацкими легионерами в Екатеринбурге 10 декабря 1918 г.

те состоялась его аудиенция в Ставке у Верховного главнокомандующего императора Николая II⁷⁸. Некоторые представители чешских и словацких обществ в России поддерживали создание такого центра⁷⁹. Другие же остались на позициях 2-го съезда Союза Чешско-словацких обществ, состоявшегося 25 апреля — 1 мая 1916 г. в Киеве, который в качестве цели национально-освободительного движения провозгласил полное политическое освобождение чехов и словаков и создание независимого Чешско-Словацкого государства. На нем была признана руководящая роль Чешского заграничного комитета Масарика (позднее ЧСНС)⁸⁰.

В докладах и записках специалистов и дипломатов в Российский МИД подчеркивались полномочия Дюриха как представителя всех чешских партий за исключением социал-демократов и клерикалов. Вместе с тем говорилось о том, что Масарик, уехавший за границу еще до образования Маффии, представляет лишь одну партию реалистов (т.е. менее 1% чешского народа!)⁸¹. Масарику припомнили и его вышедшую в 1913 г. книгу "Россия и Европа", негативно воспринятую и запрещенную в России. Дюриху предоставили возможность создать чехословацкий комитет в России как противовес масариковскому и выделили кредит. Позиция МИДа состояла в том, что "России необходимо взять чехо-словацкий вопрос в свои руки, само собой разумеется, не предпреляя той формы, в которой могло бы в конце концов создасться чехо-словацкое государство"⁸².

В августе 1916 г. в Россию в качестве официального представителя французских военных властей и с инструкциями от Масарика прибыл М.Р. Штефаник. Его целью было ускорить формирование воинских частей из пленных чехов и словаков в России, добиться разрешения дополнить русский экспедиционный корпус во Франции военнопленными чехами и словаками или согласия на включение их в Иностранный легион. Кроме того, Штефаник стремился подчинить расколовшиеся чешские и словацкие группировки в России идейно-политическому руководству ЧСНС в Париже, нейтрализовав влияние Дюриха⁸³. 29 августа в Киеве представители ЧСНС Й. Дюрих и М.Р. Штефаник, деятели Союза Чешско-Словацких обществ в России В. Вондрак и Я. Волф, а также делегат Словацкой лиги в Америке Г. Кошик заключили так называемое Киевское соглашение, в котором говорилось, что чехи и словаки желают образовать единый политически нераздельный и свободный народ под защитой и

*Людовиг Свобода, чехословацкий
легионер. Россия. 1917 г.*

протекцией Антанты. Суть предложений Штефаника Дюриху состояла в следующем: Дюрих становится представителем чехов и словаков в России при условии признания им ЧСНС как руководящего центра антиавстрийского сопротивления за границей. Дюрих согласился⁸⁴.

Штефаник произвел весьма благоприятное впечатление в Ставке, но российский МИД отнесся к его миссии весьма негативно⁸⁵. В августе 1916 г. Совет министров отклонил идею о переброске во Францию военнопленных чехов и словаков в качестве рабочих и солдат.

В секретной записке в МИД от 6 сентября 1916 г. высказывались опасения иметь

в России строго дисциплинированные военно-политические организации и части, руководимые из-за границы, так как ими могли воспользоваться в целях, не совпадавших с российскими государственными интересами. Поэтому рекомендовалось устранить внешнюю зависимость чешских организаций, центр чешского движения создать в России, с тем чтобы она имела "довлеющее значение" в решении чехословацкого вопроса при определении послевоенного устройства Центральной Европы на новых началах. Для этого предполагалось удерживать всех военнопленных чехов и словаков в России, передать Военному ведомству дело образования чешско-словацких частей, поставить во главе всего дела Дюриха и организовать в помощь ему особый комитет⁸⁶. И действительно такой орган был создан. 20 января 1917 г. Министерство внутренних дел утвердило Устав Чешско-Словацкого национального совета в России⁸⁷.

В начале 1917 г. Штефаник еще раз побывал в России и, узнав о последних событиях, исключил Дюриха из членов ЧСНС.

Ситуация кардинально изменилась после Февральской революции в России. Чешско-Словацкий национальный совет Дюриха лишился финансовой поддержки Временного правительства. Очередной киевский съезд Союза Чешско-Словацких обществ в России признал национальный совет в Париже руководящим центром чехословацкого движения за границей. В мае 1917 г. в Россию прибыл Т.Г. Масарик. Целью его поездки было развертывание значительной отдельной группировки чехословацких войск в составе русской армии. В июне 1917 г. началось наступление русских войск. В битве у Зборова

приняла участие чехословацкая бригада в составе 49-го армейского корпуса 11-й армии⁸⁸. Успех бригады, пленившей 62 офицера, более 3 тыс. солдат, захватившей 15 орудий и множество пулеметов, изменил отношение Временного правительства к формированию чехословацких воинских частей. Масарик сумел использовать благоприятную ситуацию. В конце сентября 1917 г. было разрешено сформировать Отдельный чехословацкий корпус в составе двух дивизий и запасной бригады. В это время в частях корпуса вместе со вспомогательными и запасными подразделениями числилось около 30 тыс. человек⁸⁹. Одновременно французское правительство возобновило ходатайство о переброске во Францию чехословацких военнопленных. Масарику, хотя и не без трудностей, в течение 1917 г. удалось решить вопрос о создании в России самостоятельного чехословацкого войска и добиться перевоза в конце 1917 г. двух контингентов воинов чехословацкого корпуса (около 2 тыс. человек) из России во Францию. К началу марта 1918 г. чехословацкий корпус в России уже состоял из двух дивизий, восьми пехотных полков, двух артиллерийских бригад, ин-

*Милан Растислав Штефаник —
лейтенант французской авиации*

женерного полка, многих команд и запасной бригады, общей численностью около 45 тыс. человек⁹⁰.

Октябрьская революция 1917 г. привела к выходу России из войны и подписанию Брест-Литовского мирного договора. В этих условиях чехословацкие вооруженные силы на территории России были объявлены составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции⁹¹. В начале марта 1918 г. последовал приказ об отводе чехословацкого корпуса с Украины и транспортировке его во Францию через Владивосток. В середине марта 6-й, частично 7-й и 4-й полки вели арьергардные бои с 91-й немецкой дивизией у Бахмача, что позволило остальным частям корпуса срочно эвакуироваться⁹². Часть чехов и словаков, не пожелавшие отправиться во Францию, вступили в чехословацкие части при Красной Армии⁹³.

В конце мая 1918 г. вспыхнул вооруженный конфликт частей чехословацкого корпуса с большевиками. За короткое время 50-тысячный корпус, растянувшись от Волги до Тихого океана, стал контролировать огромную территорию и способствовал установлению антибольшевистских правительств в Поволжье и Сибири⁹⁴. Великобритания, Франция и США стремились использовать чехословацких легионеров в России для свержения большевиков и возвращения России в стан союзников для продолжения войны. Заслуги чехословацких легионеров в борьбе с большевиками высоко оценивались западными союзниками, а впоследствии в немалой степени содействовали принятию чехословацких требований на Парижской мирной конференции⁹⁵.

Правительство РСФСР и командование чехословацких войск в Сибири заключили мирное соглашение лишь 7 февраля 1920 г.⁹⁶, а эвакуация чехословацких частей из Владивостока закончилась 2 сентября того же года (т.е. почти через два года после образования самостоятельной Чехословацкой республики).

В декабре 1917 г. французские власти приняли декрет об организации во Франции автономной армии из чехов и словаков. К этому времени во Франции благодаря активным усилиям Штефаника были сосредоточены несколько тысяч привезенных со всех концов света чешских и словацких добровольцев из числа военнопленных⁹⁷. К весне 1918 г. во Франции сформировались 21-й и 22-й стрелковые полки и 1-я бригада (общей численностью 11 264 человека⁹⁸), кото-

рые приняли участие в военных действиях на французском фронте осенью 1918 г.

В Италии в 1917 г. находилось 22 тыс. пленных чехов и словаков. Э. Бенеш в июле 1917 г. обратился к итальянскому правительству с ходатайством о разрешении на перемещение чехословацких пленных во Францию, но это предложение в начале сентября было решительно отклонено. Лишь Штефанику в феврале 1918 г. удалось добиться согласия на создание чехословацких воинских частей в Италии. В мае 1918 г. в ряды чехословацкой бригады вступило около 14 тыс. добровольцев. Около 2 тыс. чешских и словацких добровольцев сражались в рядах итальянской армии. В основном они использовались в разведке и для ведения пропагандистской работы; осенью из них был сформирован 39-й полк. В августе 1918 г. в сражении у Досс Альто приняла участие и чехословацкая бригада. Чехословацкий корпус в составе шести полков, двух эскадронов конницы, артиллерийской и специальной частей формировался уже в условиях мира. Впоследствии он был перевезен на родину и принимал участие в боях с венгерской армией летом 1919 г.

Обратившись к истории формирования и боевых действий чехословацких воинских частей за границей, нельзя не согласиться с утверждением коллеги из Чехии И.П. Савицкого о том, что позднейшие заявления Масарика и Бенеша о незначительности вклада России в решение чехословацкого вопроса, мягко говоря, не корректны и не соответствуют действительности⁹⁹. Создание чехословацкого войска в России действительно шло не без сложностей, но окончательный результат, величина военного контингента и роль, сыгранная им, говорят сами за себя.

С.Д. Сазонов в своих воспоминаниях специально останавливался на этом вопросе, замечая, что в "Чехии и по сей день (воспоминания вышли в Париже в 1927 г. — *Е.С.*) есть люди, которые утверждают, что монархическая Россия не только ничего не сделала для возрождения Чехии, но даже ему мешала"¹⁰⁰. Он признавал, что с формированием чехословацких частей было немало прискорбных недоразумений, но утверждал, что "ни у русского правительства, ни у русского народа не было ни тени какого бы то ни было недружелюбия"¹⁰¹. Он писал, что, напротив, ему лично не раз "приходилось отстаивать интересы славян, как сербов, так и чехословаков, перед французскими союзниками"¹⁰², у которых одно время замечались стремления привлечь Австро-

Венгрию на сторону Антанты против Германии посредством уступок за счет славянских народов. По его мнению, тормозом в признании за чехословацкими частями характера национального войска была не недоброжелательность по отношению к чехам и не желание затянуть создание их государственности, а опасения, что в ряды чехословацких добровольцев могли проникнуть враги России. Именно поэтому на первом этапе чехам и словакам представлялась возможность участвовать в боевых действиях в составе русских вооруженных сил. В Архиве внешней политики Российской империи хранится телеграмма Николая II от 9 января 1917 г. из Царского Села на имя Главного начальника Киевского военного округа следующего содержания: "Поручаю Вам передать бывшим пленным офицерам чехам и словакам, что, веря в их преданность славянству, я предоставляю им с оружием в руках завоевать себе свободу и под сенью русских знамен сражаться за осуществление национальных стремлений угнетаемых ныне славянских народностей"¹⁰³. Другой упрек, обращенный к России враждебно настроенной к ней частью чехословацкого общества, состоял в том, что у российского правительства не было точно разработанного плана создания чехословацкого государства. Сазонов же полагал правильным решение русских не вмешиваться во внутреннюю национальную задачу чехов и словаков. Однако утверждение о том, что Россия не сочувствовала или тем более мешала осуществлению великой мечты чехов и словаков достичь политической свободы Сазонов считал "не оправданным ни фактами, ни здравым смыслом"¹⁰⁴.

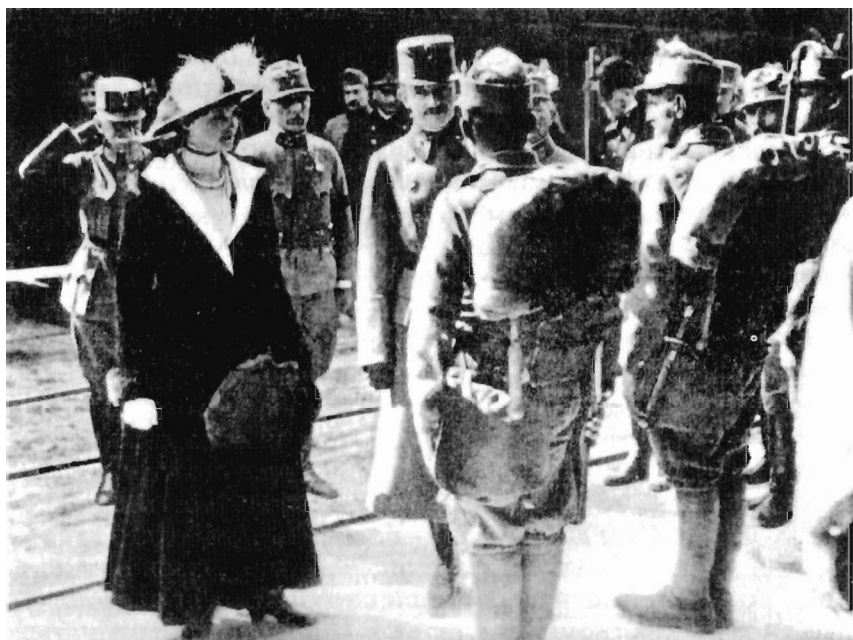
Чешская и словацкая политика в 1917 г.

В конце ноября 1916 г. скончался Франц Иосиф, новым австрийским императором стал Карл I. Парижская газета "Československá Samostatnost" в связи с этим писала: "Мы уверены, однако, что при нем не разрешится конфликт между чешским народом и австрийским правительством, тем более, что все зависит теперь от Берлина... Чешский народ ничего уже не ждет от Габсбургов, тем более, что стремления чехов вышли за рамки чешского государственного права — они требуют объединения со словаками. Чехи примкнули к революции в Австрии, они стоят на стороне России и ее союзников"¹⁰⁵. Немецкая пресса в середине января 1917 г. также отмечала, что "о какой-либо перемене взглядов чешских

партий в благоприятном для Австрии смысле еще говорить не приходится. Чехи ничему не научились за время войны, и потому не исключена возможность новых репрессий со стороны австрийского правительства"¹⁰⁶. Осенью 1916 г. чешские политические партии создали два центра — Чешский союз в Вене, объединявший депутатов парламентских фракций, и Национальный комитет в Праге под председательством К. Маттуша.

10 января 1917 г. была опубликована нота держав согласия, где помимо прочего говорилось, что целями войны является "освобождение итальянцев, румын, чехов и словаков от иностранного господства"¹⁰⁷. В связи с этим часть проавстрийски настроенных чешских политиков от имени Чешского союза опубликовала протест против попыток союзников выступить в роли их освободителей. В нем, в частности, говорилось: "Чехи никогда ни под чьим игом не находились и не находятся. Они добровольно подчинились династии Габсбургов и уже 400 лет нерушимо хранят свою преданность этому дому. Борьба чехов за свои справедливые национальные требования, приобретающая временами напряженный характер, никогда не носила характер борьбы против династии. Всякий чешский патриот уверен, что только под властью Габсбургов Чехии обеспечено дальнейшее процветание в национальном чешском духе"¹⁰⁸. Под заявлением стояли подписи Ф. Станека, Б. Шмерала и Й. Машталки¹⁰⁹. Этот документ свидетельствовал о продолжавшемся в среде чешских политиков на родине расколе на активистов (сторонников Австро-Венгрии) и радикалов (ориентировавшихся на Антанту).

Инициатива американского президента В. Вильсона, призвавшего 18 декабря 1916 г. обе воюющие стороны определить свои цели в войне, в ответ на которую и была опубликована нота держав согласия, активизировала дискуссию о проведении принципа национального самоопределения при организации послевоенной Европы. Венгерская пресса доказывала абсурдность реализации этого принципа в Восточной Европе, где смешанно проживали разные народы. Будапештская газета писала: "Надо осуществить национальный принцип, создав иную политическую систему, а не прибегая к раздроблению существующих государств... Глупо русским освобождать чехов или словаков. Ни одно государство не может вмешиваться во внутреннюю политику другого"¹¹⁰.

Последний австрийский император, венгерский и чешский король Карл I с императрицей Зитой перед альпийскими стрелками при их отправке на фронт

Февральская революция в России способствовала усилению национально-освободительной борьбы чехов и словаков и дальнейшей радикализации их настроений. Другим важным международным событием, оказавшим большое влияние на ход войны, оказалось вступление в войну на стороне Антанты в апреле 1917 г. Соединенных Штатов Америки.

Карл I, вступив на престол, несколько изменил политический курс, была возобновлена деятельность австрийского рейхсрата. Впервые после долгого перерыва он собрался на заседания в конце мая 1917 г. Накануне 222 чешских писателя обратились к чешским депутатам с манифестом, в котором призывали их вести переговоры в австрийском парламенте с целью обеспечить полную свободу общественной жизни чехов. "Европа демократическая, Европа полноправных и свободных народов является Европой завтрашнего дня, Европой будущего"¹¹¹, — говорилось в манифесте. На первом же заседании рейхсрата 30 мая председатель Чешского союза Ф. Станек огласил совместное заявление чеш-

ских депутатов, в котором подчеркивалось: "В этот исторический момент, опираясь на естественное право народов на самоопределение и свободное развитие, усиленное у нас, кроме того, и неотчуждаемыми историческими правами и полностью признанными историческими государственными актами, мы во главе своего народа будем добиваться объединения всех ветвей чехословацкой нации в чешское демократическое государство, включая и словацкую ветвь нации, проживающую в неразрывном единстве с чешской исторической родиной"¹¹². Большую роль при включении требования объединения со словаками сыграл побывавший перед этим в Праге словацкий политик В. Шробар, связанный с Маффией и поставлявший ей в годы войны информацию из Словакии, Швейцарии и России¹¹³, а также А. Штефанек и Ф. Вотруба¹¹⁴. Заявление чешских политиков еще предусматривало сохранение Австро-Венгрии и ее федерализацию, однако, уже содержало важный тезис об объединении чехов и словаков в единое государственное целое, а это означало ликвидацию системы дуализма. Однако некоторые словацкие политики считали, что идея совместного чешско-словацкого государства окончательно еще не победила в Чешских землях¹¹⁵. Это заявление было с негодованием встречено в Будапеште. Оно расценивалось не только как покушение на систему дуализма, но и как угроза целостности венгерского государства. От Словацкой национальной партии венгерские власти потребовали выступления против чешского заявления, но партия использовала свою декларированную ранее пассивность и не выступила с протестом. Редакция газеты "Národné Noviny" ("Народные новости") выразила мысль о том, что от имени словацкого народа смогут выступить лишь депутаты, избранные на основе всеобщего избирательного права¹¹⁶.

2 июля 1917 г. австро-венгерским императором был одобрен декрет о широкой политической амнистии. Хотя она не касалась лиц, эмигрировавших за границу и легионеров, в результате ее были освобождены из заключения 719 чешских деятелей, в том числе Крамарж, Рашин и Клофач¹¹⁷. По иронии судьбы амнистия совпала с боевым крещением чехословацкой стрелковой бригады у Зборова.

Летом — осенью 1917 г. шла дальнейшая радикализация настроений в чешском обществе, ширилось забастовочное движение, участвовали так называемые "голодные" демонстрации. В чешском политическом лагере усилилась борьба

против чешских активистов, вытеснение их с ведущих постов в Чешском союзе, Национальном комитете и в печатных органах, проводились "чистки" политических партий. Четыре партии (младочешская, прогрессивная, государственно-правовая прогрессивная и моравско-силезская народная прогрессивная партия), согласовав свои позиции, как уже отмечалось, объединились в начале 1918 г. в Чешскую государственно-правовую демократическую партию во главе с К. Крамаржем. Национальные социалисты на съезде в марте — апреле 1918 г. изменили название партии на Чешскую социалистическую. Ее председателем был избран В. Клófач.

Осенью 1917 г. М.Р. Штефаник, прибывший в США, обратился к американским чехам и словакам с манифестом ЧСНС "Кто за правду горит", призывавшим к всеобщей национальной мобилизации¹¹⁸. В январе 1918 г. ЧСНС объявил национальную мобилизацию во Франции¹¹⁹, а в мае 1918 г. М.Р. Штефаник обратился к чехам и словакам в Италии с призывом воевать против Австро-Венгрии¹²⁰.

К 1918 г. и словацкие политики на родине стали постепенно переходить от пассивной тактики к активным действиям.

¹ Архив внешней политики Российской империи. (Далее: АВПРИ.) Ф. 133. Политический архив. Канцелярия. 1914 г. Оп. 470. Д. 170. Л. 40.

² Там же. Л. 41.

³ АВПРИ. Ф. 135. Особый политический отдел. Оп. 474. Д. 209. Л. 15 об.

⁴ Чапек К. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 111.

⁵ Havel P. Čestí vojáci bojovali i za Rakousko-Uhersko // Lidové noviny. 1998. 27 října.

⁶ Šedivý I. Češi, České země a velká válka 1914 — 1918. Praha, 2001. S. 66.

⁷ Havel P. Op. cit.

⁸ Šedivý I. Op. cit. S. 149.

⁹ Ibid. S. 146.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 284.

¹¹ Šedivý I. Op. cit. S. 150.

¹² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 16.

¹³ Pláč, hlad, krev — a nový stát. Jak prožíval česky rolník Jan Vávra první světovou válku a vznik ČSR // Myty a skutečnost. Mimořádná příloha Lidových novin. 1998. 27 říjen.

¹⁴ Galandauer J. a kol. O samostatný Československý stát 1914 — 1918. Praha, 1992. S. 13.

¹⁵ Šedivý I. Op. cit. S. 56.

¹⁶ Galandauer J. Op. cit. S. 13.

¹⁷ Hronský M., Pekník M. Vo víre "Vel'kej vojny" — v zápase za nový stát // Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. Bratislava, 1998. (Далее: ДСНИШ.) Зв. 1. S. 423.

- 18 Ibid. S. 13.
- 19 *Lipták L'*. Slovensko v XX. Storočí. Bratislava, 2000. S. 50.
- 20 Ibid. S. 51.
- 21 *Havel P.* Op. cit.
- 22 АВПРИ. Ф. 135. Д. 209. Л. 12.
- 23 Там же.
- 24 *Черников И.* Гибель империи. М., СПб., 2002. С. 511.
- 25 *Lipták L'*. Op. cit. S. 56.
- 26 *Šedivý I.* Op. cit. S. 27.
- 27 Российский государственный исторический архив. (Далее: РГИА.) Ф. 909. Д. 156. Л. 37, 38, 49, 52.
- 28 АВПРИ. Ф. 135. Д. 209. Л. 19.
- 29 Там же.
- 30 Там же.
- 31 Там же. Л. 16.
- 32 *Galandauer J.* Op. cit. S. 62.
- 33 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 15.
- 34 Там же. Д. 204. Л. 65—66.
- 35 Там же. Л. 68.
- 36 Там же. Д. 209. Л. 19.
- 37 *Seton-Watson R.W. and His Relations with Czechs and Slovaks: Documenty 1906—1951.* Praha, 1995. Vol. 1. S. 20—215.
- 38 АВПРИ. Ф. 135. Ф. 474. Д. 209. Л. 21.
- 39 Там же. Л. 5.
- 40 Эту позицию поддержал министр иностранных дел С.Д. Сазонов в беседе с французским послом М. Палеологом в сентябре 1914 г., см.: *Савваитова М.Д.* Чешский вопрос в официальных кругах России в годы первой мировой войны // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 118.
- 41 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 10.
- 42 *Šedivý I.* Op. cit. S. 57—58.
- 43 *Seton-Watson R.W.* S. 205—208.
- 44 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 64.
- 45 Там же. Д. 231. Л. 4.
- 46 *Hronský M., Pekník M.* Op. cit. S. 423.
- 47 *DSNÍŠ. Zv. 1.* S. 433.
- 48 *A Concise History of Slovakia.* Bratislava, 2000. S. 235. История Словакии: пер. со словац. и англ. яз. М., 2003. С. 293.
- 49 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 11.
- 50 Там же. Л. 8.
- 51 Там же. Л. 12—21.
- 52 Там же. Д. 211. Л. 3—4.
- 53 Там же. Д. 212. Л. 35.
- 54 Там же. Д. 204. Л. 44.
- 55 *Galandauer J.* Op. cit. S. 36.
- 56 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 285—286.
- 57 *Galandauer J.* Op. cit. S. 442.
- 58 Само воззвание см.: АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 211. Л. 2.
- 59 *DSNÍŠ. Zv. 1.* S. 444.
- 60 АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 62.

⁶¹ Милан Растислав Штефаник (1880 — 1919) — словак по происхождению, французский гражданин, ученый-астроном, с началом войны военный летчик, подробнее о нем см.: Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001.

⁶² Чапек К. Указ. соч. С. 113.

⁶³ Ibid. S. 441.

⁶⁴ Чапек К. С. 116 — 117.

⁶⁵ Подробнее о "чехословакизме" см.: Серапионова Е.П. Идея "чехословакизма". Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе — прошлое и настоящее. М., 1995.

⁶⁶ Galandauer J. Op. cit. S 24 — 28.

⁶⁷ DSNIŠ. Zv. 1. S. 434.

⁶⁸ Ibid. S. 437 — 438.

⁶⁹ Pekník M. Náznaky na riešenie slovenskej otázky za prvej svetovej vojny mimo rámec samostatného Česko-Slovenska // Česko-slovenské vzťahy. Slovensko-české vzťahy. Liberecký seminár 1996, 1997. Liberec, 1998. S. 67 — 71.

⁷⁰ DSNIŠ. Zv. 1. S. 439 — 440.

⁷¹ Ibid. S. 445 — 447.

⁷² Солнцева С.А. Военнопленные в России в 1917 г. (март — октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 144.

⁷³ Galandauer J. Op. cit. S. 37.

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 137 — 138.

⁷⁵ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. С. 37.

⁷⁶ Еще раньше подобные попытки предпринимал член Чешского комитета в Москве С. Коничек-Горский, который выехал в декабре 1914 г. во Францию с целью объединить чешское и словацкое движение сопротивление за границей, создав единый руководящий орган, ориентированный на Россию. Подробнее см.: Galandauer J. Op. cit. S. 28.

⁷⁷ Českoslovak. 1916. 30. VI. (13. VII).

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 290.

⁷⁹ См.: Докладная записка г-ну Министру иностранных дел от Общества Чешско-славянского единения в Киеве от 12 июня 1916 г. (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 199).

⁸⁰ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 39 — 40.

⁸¹ См.: Записка А.Ю. Геровского от 25 июля 1916 г. (АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 217 — 218).

⁸² АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 283.

⁸³ Серапионова Е.П. Милан Растислав Штефаник в Сибири // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. С. 114.

⁸⁴ АВПРИ. Ф. 135. Ф. 474. Д. 204. Л. 291.

⁸⁵ Ненашева З.С. Милан Растислав Штефаник, словацкий вопрос и российское общественное мнение (весна 1916 — начало 1917 г.) // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. С. 98 — 100.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 292.

⁸⁷ Ненашева З.С. Указ. соч. С. 100 — 101.

⁸⁸ Подробнее о битве у Зборова см.: Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 93 — 95.

⁸⁹ Там же. С. 110.

⁹⁰ Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 56.

⁹¹ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО). М., 1974. Т. 1: (ноябрь 1917 — август 1922 г.). С. 42.

⁹² Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 159—160; ср.: *Galandauer J.* Op. cit. S. 43—44.

⁹³ ДМИСЧО. Т. 1. С. 65, 71—72.

⁹⁴ Из последней литературы см. об этом: *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách. 1914—1938. Praha, 1999. S. 53—132.

⁹⁵ Российский государственный военный архив. (Далее: РГВА.) Ф. 1198 к. Оп. 1 Д. 58. Л. 7.

⁹⁶ ДМИСЧО. Т. 1. С. 312—315.

⁹⁷ *Galandauer J.* Op. cit. S. 30—31.

⁹⁸ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 99.

⁹⁹ См.: *Savický I.* Osudová setkání... S. 28.

¹⁰⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. М., 1991. С. 340.

¹⁰¹ Там же. С. 339.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 204. Л. 407.

¹⁰⁴ Сазонов С.Д. Воспоминания. С. 341.

¹⁰⁵ *Československá Samostatnost.* 1916. 25. XI.

¹⁰⁶ *Hamburger Nachrichten.* 1917. 13. I.

¹⁰⁷ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск, 1989. Т. II. С. 263.

¹⁰⁸ *Union.* 1917. 14. I.

¹⁰⁹ *Šedivý I.* Op. cit. S. 296; *Státní Ústřední archiv.* (Далее: СÚА.) F. MZV / R. Kart. 20. Sign. 1/7.

¹¹⁰ *Nepszava.* 1917. 14. I.

¹¹¹ Хрестоматия по истории южных и западных славян. Т. II. С. 260.

¹¹² Там же. С. 261.

¹¹³ *Galandauer J.* Op. cit. S. 66.

¹¹⁴ *DSNIŠ.* Zv. 1 S. 453.

¹¹⁵ См. письмо А. Штефанека В. Шробару от 11 июля 1917 г.: *DSNIŠ.* Zv. 1. S. 453—454.

¹¹⁶ *Ibid.* S. 455—457.

¹¹⁷ *Šedivý I.* Op. cit. S. 309.

¹¹⁸ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 45—461.

¹¹⁹ *Ibid.* S. 44—46.

¹²⁰ *Ibid.* S. 114—115.

ПОСЛЕДНИЙ ГОД ВОЙНЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чешская и словацкая политика на родине

С начала 1918 г. Габсбургская монархия постоянно находилась в состоянии внутреннего кризиса. В январе прошла генеральная забастовка с требованиями мира, хлеба и демократии, но ситуация не улучшилась. 30 января 1918 г. староста Объединения чешских государственных служащих от имени 40 тыс. чешских чиновников, профессоров и учителей обратился в Министерство иностранных дел, сообщая о совершенно недостаточном снабжении чешских городов, особенно Праги, хлебом, мукой, картофелем, сахаром и маслом. Он писал, что выдача муки снизилась наполовину, цены растут, происходит спекуляция продуктами, хуже всего положение рабочих и государственных служащих. В обращении подчеркивалось, что последнее распоряжение о снижении поставок муки небезопасно для государства, так как ведет к голоду и беспорядкам, а также указывалось, что в Венгрии и Германии обеспечение лучше. Обращение заканчивалось призывом прекратить войну и заключить мир¹.

Весной прошел еще ряд стачек и так называемых голодных демонстраций, причем основными участниками последних были женщины. Летом 1918 г. вспыхнула политическая забастовка в Венгрии. Все эти волнения жестко подавлялись полицией и армией. Ухудшилось снабжение населения продовольствием, снизилось промышленное производство, стал ощущаться недостаток топлива, ширились эпидемии, финансы были в полном беспорядке. Начались волнения в армии, в феврале произошел бунт моряков в Которе. В мае отмечались беспорядки в воинских частях ряда мест в Чехии и Словакии, самым крупным из них являлось восстание в Румбурке, которое с трудом удалось подавить. Трое его руководителей были приговорены к смерти². Падение воинской дисциплины и массовое дезертирство с фронта свидетельствовали о нежелании продолжать войну.

Победа радикализма в чешской политике связана с мирными переговорами, которые начались после Октябрьского переворота между Центральными державами и советским правительством. Чешские депутаты рейхсрата, исходя из принципа самоопределения народов, потребовали, чтобы переговоры с Россией вела парламентская делегация, в состав которой входили бы и чехи. Австрийское политическое руководство отвергло это требование. В знак протеста 6 января 1918 г. в Праге собрался генеральный сейм чешских депутатов рейхсрата и земских сеймов Чешского королевства, Моравского маркграфства и Силезского воеводства, принявший так называемую Трикратову декларацию. Чешские депутаты от имени "народа чешского и порабощенной, политически бесправной словацкой ветви в Венгрии"³ заявили: "Наша нация выступает за свою самостоятельность, опираясь на свое историческое государственное право, преисполненная горячим стремлением в свободном соревновании с другими свободными нациями и в своем государстве, суверенном, полноправном, демократическом, социально-справедливом и основанном на равенстве всех своих граждан в исторических границах своих земель и своего расселения, и вместе со своей словацкой ветвью содействовать новому широкому развитию человечества, основанному на свободе и братстве, признавая в этом государстве за национальным меньшинством полное равенство национальных прав"⁴. В декларации также содержался протест против отрицания права наций на самоопределение в ходе мирных переговоров и требование гарантировать участие всем нациям, включая чехов и словаков в мирной конференции⁵.

Буквально через два дня после этого американский президент В. Вильсон выступил в Конгрессе с 14 пунктами программы мира. 10-й пункт его заявления гласил: "Народам Австро-Венгрии, чье место между народами мы хотим защитить и обезопасить, при самой первой возможности необходимо предоставить условия для автономного развития"⁶. Это заявление американского президента свидетельствует о том, что союзники пока весьма осторожно высказывались в отношении будущего устройства Центральной Европы. Связано это было с их стремлением оторвать Австро-Венгрию от Германии и заключить с ней сепаратный мир, тайные переговоры о котором велись через посредников от имени и с согласия нового австрийского императора Карла I.

19 февраля 1918 г. словацкий деятель В. Шробар обратился с открытым письмом к председателю Словацкой национальной партии (СНП) М. Дуле. В письме обращалось внимание на радикальные изменения во взглядах европейских и американских политиков и внутренние перемены в австро-венгерской монархии, которые, по его мнению, ставили перед словацкими лидерами задачу определить свою позицию и объединиться вокруг будущей программы партии⁷. В следующем письме от 8 марта В. Шробар выдвинул предложения относительно программы Словацкой национальной партии (СНП) и словацкого национального движения в целом. Он считал, что партия должна выступить за право на самоопределение словацкого народа и политическую независимость словаков. При этом в пример приводились поляки, чехи, южные славяне, которые уже высказались за самостоятельные государства⁸.

В 1918 г. происходила консолидация и чешских политических группировок. Младочехи, как говорилось выше, в феврале объединились с близкими им политическими партиями и создали партию Чешской государственной-правовой демократии во главе с К. Крамаржем (переименована в Национально-демократическую в марте 1919 г.). Национальные социалисты вместе с частью бывших анархистов образовали Социалистическую партию. В сентябре в рамках Национального комитета социал-демократы и социалисты создали Социалистический совет, а в октябре 1918 г. в результате слияния католической национальной и христианско-социальной партии в Моравии возникла Чехословацкая народная партия во главе с Я. Шрамеком.

13 апреля на собрании чешских депутатов и представителей общественной, научной и культурной жизни в Праге было принято обращение к "чехословацкому" народу, получившее название национальной или апрельской присяги. В нем, как и в Трикраловой декларации, содержалось требование независимости⁹.

Наконец, и в Словакии на народном первомайском собрании в Липтовском Св. Микулаше была принята резолюция в поддержку права на самоопределение "угорской ветви чехословацкого племени"¹⁰. За составление первомайской резолюции В. Шробар был арестован и заключен до середины октября в тюрьму¹¹.

Микулашская резолюция стала импульсом к переходу СНП от пассивной тактики к действию. 24 мая состоялось

тайное совещание представителей партии в Турчанском Св. Мартине, члены которого высказались за чешско-словацкую ориентацию¹². Именно на этом совещании прозвучали слова А. Глинки, в немалой мере способствовавшие активизации словацкой политики: "Теперь время действия. Нам необходимо высказаться, пойдем ли мы дальше с маďьярами либо с чехами. Мы не обходим этот вопрос, а заявляем открыто, что мы за чехословацкую ориентацию. Тысячелетнее супружество с маďьярами не получилось. Нам надо разойтись"¹³.

На торжественном собрании в честь 50-летия со дня основания Национального театра в Праге 17 мая представители славянских и романских народов Австро-Венгрии в своем обращении подтвердили желание после окончания войны организовать на основе права наций на самоопределение "новую свободную жизнь в собственных самостоятельных государствах"¹⁴.

Борьба за признание ЧСНС и права на самостоятельное государство чехов и словаков

Перед парижским Чехословацким национальным советом в 1918 г. стояла задача не только формирования чехословацкого войска за границей, но и получения согласия союзников на создание независимого чехословацкого государства, а также признания ЧСНС в качестве верховного политического органа. Переговоры с западными союзниками начались еще в 1916 г., когда Т.Г. Масарик при посредничестве М.Р. Штефаника был принят главой французского правительства А. Брианом¹⁵. Однако союзники надеялись заключить сепаратный договор с Австро-Венгрией и изолировать Германию. Весь 1917 и начало 1918 г. они вели об этом тайные переговоры с австрийскими представителями. Сторонником заключения мира, как уже упоминалось, был и император Карл. Именно поэтому расчленение Австро-Венгрии не входило первоначально в военные цели Антанты. Об этом, например, заявил председатель британского совета министров Ллойд Джордж 5 января 1918 г.¹⁶

Однако деятели ЧСНС не прекращали своих дипломатических усилий: Бенеш во Франции и Британии, Штефаник в Италии, Масарик в США вели переговоры с предста-

вителями правительств этих стран об официальном признании права на самостоятельное государство. 10 мая 1918 г. генеральный секретарь совета Э. Бенеш обратился с пространном меморандумом о чехословацком вопросе к министру иностранных дел Великобритании А. Бальфуру. В нем, в частности, указывалось, что "чехо-словаки" организовали сопротивление Австро-Венгрии и Германии с самого начала войны. Чешские политические партии отказывались выступать с лояльными Австрии заявлениями, чешские солдаты не желали воевать на стороне центральных держав: из 600 тыс. чехов и словаков, призванных в австрийскую армию, свыше 350 тыс. добровольно сдались сербам и русским. В меморандуме излагалась также история политических действий чешских лидеров и депутатов против Австро-Венгрии на родине и за границей и военные действия легионеров на стороне союзников. В документе выражалось желание получить признание того, что чехи и словаки являются союзниками Антанты¹⁷. На следующий же день Бенеш посылает британскому министру письмо с просьбой выступить с признанием ЧСНС, что, по его мнению, усилило бы чехословацкое сопротивление и стало бы новым ударом по Центральным державам¹⁸. С подобной же просьбой Бенеш обратился и к британскому военному министру А. Милнеру¹⁹. О своих переговорах с представителями Великобритании Бенеш поставил в известность и французское министерство иностранных дел²⁰. Деятели ЧСНС стремились представить чехословацкое сопротивление в наилучшем свете и подвести каждого из союзников к мысли о готовности другого признать Чехословацкий национальный совет.

Руководству чехословацкого заграничного сопротивления удалось объединить чешское и словацкое движение в США и создать филиал ЧСНС в Америке. 30 мая 1918 г. в Питтсбурге представители словацких и чешских организаций, Словацкой лиги, Чешского национального объединения и Союза чешских католиков в присутствии председателя Чехословацкого национального совета Т.Г. Масарика заключили соглашение о том, что одобряют политическую программу, направленную на объединение чехов и словаков в самостоятельном государстве из Чешских земель и Словакии. В Питтсбургском соглашении говорилось: "Словакия будет иметь собственную администрацию, свой сейм и свои суды. Словацкий язык будет официальным языком в

школе, учреждениях и общественной жизни вообще. Чешско-словацкое государство будет республикой, его конституция будет демократической. Организация сотрудничества чехов и словаков в Соединенных штатах будет в зависимости от необходимости и меняющейся ситуации при общем согласовании пересмотрена и урегулирована. Подробные постановления об организации чешско-словацкого государства надлежит принять освобожденным чехам и словакам и их полномочным представителям"²¹. Последнее предложение этого документа стало впоследствии предметом острого спора. Масарик в дальнейшем не считал себя связанным никакими обязательствами, а этот договор действующим, как раз ссылаясь на оговорку, что окончательное решение об устройстве совместного государства будет принадлежать чехам и словакам на родине. Подробно свою точку зрения на этот вопрос президент Масарик изложил в письме председателю чехословацкого правительства В. Тусару 5 февраля 1920 г., где называл этот документ лишь одним из многочисленных программ заграничного сопротивления, имевшим только историческое значение²². Однако, как отмечает чешский исследователь Я. Рыхлик, философскую концепцию чешско-словацкого объединения, выраженную в Питтсбургском соглашении, затем, уже в годы первой республики, полностью приняли словацкие автономисты, противопоставив ее официальной концепции единого государства и единого "чехословацкого" политического народа²³.

До сих пор чешские и словацкие историки по-разному оценивают это соглашение. Рыхлик, например, считает, что соглашение являлось политическим документом и накладывало на подписавших его лиц определенные моральные обязательства. Вместе с тем он называет упреки словацкой стороны в адрес Масарика в том, что он не выполнил Питтсбургское соглашение, несостоятельными, так как Масарик при всем своем желании соблюсти его не обладал полномочиями решать вопросы внутреннего устройства государства, которые целиком принадлежали компетенции парламента²⁴. Словацкие ученые полагают, что Питтсбургское соглашение представляло собой шаг навстречу чехам американских словаков в интересах создания совместного государства²⁵, который, к сожалению, не нашел понимания в новой чехословацкой республике²⁶.

Лишь срыв переговоров Антанты с Австро-Венгрией заставил правительства западных союзников пересмотреть свою позицию в отношении будущего центральноевропейского устройства. Военные успехи чехословацких легионеров в России, Франции и Италии также способствовали этому. Практически первым признанием будущей Чехословакии стал заключенный Штефаником в Италии 21 апреля 1918 г. договор о создании в этой стране чехословацкого войска²⁷. Летом — осенью 1918 г. последовал шквал международных признаний ЧСНС. В июне 1918 г. посольство США в Париже направляет ЧСНС письмо о положительном отношении правительства США к конгрессу "национальностей, угнетенных Австро-Венгрией"²⁸, к созданию независимой Чехословакии и Югославии²⁹. 3 июня 1918 г. Э. Бенеш получил письмо министра иностранных дел Великобритании Бальфура о готовности британского правительства признать ЧСНС руководящим органом чехословацкого национального движения³⁰. В этом же письме правительство ее Величества выражало готовность признать за ЧСНС такие же политические права в отношении гражданских вопросов чехо-словаков, какие ранее уже получил Польский национальный комитет³¹.

29 июня МИД Франции направил Э. Бенешу письмо о признании правительством Франции ЧСНС и права чехов и словаков на независимое государство³². 9 августа последовала декларация правительства Великобритании, в которой чехословацкий народ и его заграничное войско обозначались в качестве союзника и признавались полномочия ЧСНС³³. 2 сентября 1918 г. правительство США передало председателю ЧСНС Т.Г. Масарику декларацию, где "чехословацкий народ" и его заграничное войско признавались союзниками, а ЧСНС в качестве правительства де-факто³⁴. 7 сентября Комитет членов Всероссийского учредительного собрания в Самаре за подписью его председателя Н.В. Вольского и Управляющего Ведомством иностранных дел М. Веденяпина в письме ЧСНС также признал самостоятельное чехословацкое государство и ЧСНС как его "верховную власть"³⁵. Еще через два дня японское посольство в Лондоне в письме Э. Бенешу заявило о признании правительством Японии Чехословацкого национального совета и чехословацких воинских соединений³⁶. 3 октября правительство Китайской республики признало ЧСНС и чехословацкое войско в качестве союзного. В этот же день председатель правительства Италья-

янского королевства В.Е. Орlando выступил в парламенте за признание ЧСНС правительством де-факто³⁷. Таким образом, возникла парадоксальная ситуация до сих пор неизвестная в истории дипломатии — государства еще не существовало, а правительство, хотя бы де-факто, было признано.

Внутреннее и заграничное сопротивление и провозглашение Чехословацкого государства

Ввиду военных поражений Австро-Венгрии, внутреннего кризиса и социальных беспорядков чешскими политиками было выработано решение создать коллективный орган, представлявший общенациональные интересы. Им стал Чехословацкий национальный комитет, обновленный Чешский национальный комитет (термин "чехословацкий" стал использоваться с конца войны³⁸), созданный 38 политическими представителями чешских партий на основе результатов выборов 1911 г. Председателем избрали Карела Крамаржа, его заместителями стали аграрий Антонин Швегла и национальный социалист Вацлав Клофач. На первом заседании, состоявшемся 13 июля 1918 г. в Праге, было принято обращение к чехословацкому народу, в котором комитет высказался за право на самоопределение в самостоятельном демократическом чехословацком государстве. В обращении говорилось и о полном согласии с заграничным представительством³⁹. Основная задача центрального Национального комитета в Праге и возникших в некоторых чешских и моравских городах местных национальных комитетов состояла в предотвращении возможных беспорядков и обеспечении в нужный момент перехода власти. Одновременно был создан чешский и моравский экономический совет и местные экономические советы, которые брали на себя вопросы обеспечения населения и налаживания экономической жизни. Спортивно-патриотическое общество "Сокол" под руководством Й. Шейнера формировало сокольские группы. Чешские офицеры австро-венгерской армии создали нелегальный штаб по созданию чешских военных формирований. Сокольские и военные группы также должны были обеспечить спокойный переход власти к Национальному комитету.

12 сентября 1918 г. семь ведущих деятелей Словацкой национальной партии собрались на "тайное совещание" в Бу-

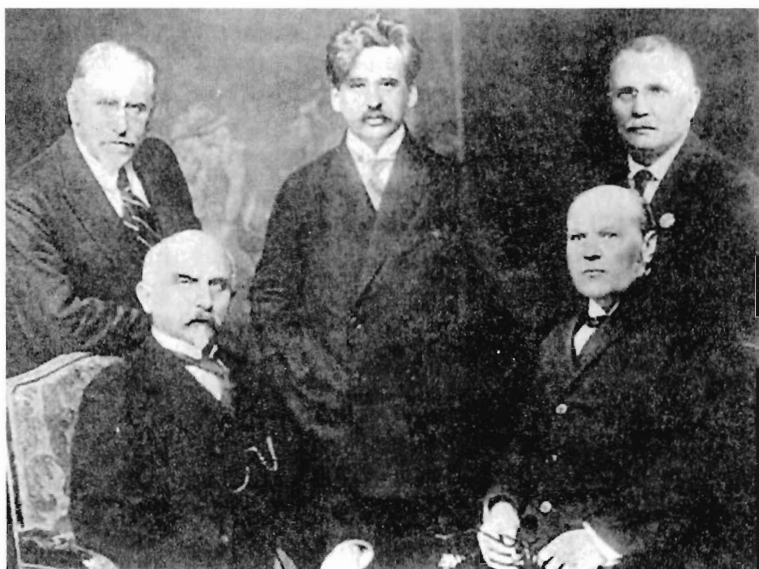
дапеште, на котором приняли решение создать Словацкий национальный совет⁴⁰. В совет, состоявший из 15 человек, вошли представители всех течений словацкой политики⁴¹: П. Благо, М. Белла, А. Глинка, Ф. Юрига, К. Кресак, Э. Легоцкий, В. Маковицкий, К. Медвецкий, Л. Оканик, Я. Ружиак, Л. Шимко, Э. Стодола, Я. Ванович, М. Жуфа и М. Дула⁴².

Между тем военное положение Центральных держав к осени 1918 г. чрезвычайно ухудшилось. Последнее летнее наступление Германии было отражено. Войска Антанты наступали. 29 сентября капитулировала Болгария, с октября 1915 г. участвовавшая в войне как ее противник. Внутренняя обстановка в Австро-Венгрии обострилась и с каждым днем становилась все напряженнее.

14 октября в Чешских землях началась генеральная забастовка, организованная образовавшимся за неделю до этого Социалистическим советом: цель забастовки состояла в прекращении вывоза из страны продуктов. В этот же день Э. Бенеш уведомил правительства стран Антанты о создании временного чешско-словацкого правительства во главе с Т.Г. Масариком. На следующий же день французское правительство дало согласие на это⁴³.

Карл Манифестом от 16 октября преобразовывал Австрию в федеративное государство. Предполагалось исключить из империи Польшу, остальную Транслейтанию разделить на немецко-австрийское, чешское, югославское и украинское государства, связанные в федеративное целое. Это явилось последней отчаянной попыткой сохранить Габсбургскую монархию, однако из-за решительного сопротивления венгерского правительства Манифест не затронул Венгрию. Следовательно, Словакия по-прежнему оставалась ее частью, а от Чешских земель отторгались немецкие районы. Чехословацкий национальный комитет отверг манифест императора, заявив, что чехословацкий вопрос является международным и будет решен на мирной конференции⁴⁴.

18 октября американское правительство направило в австро-венгерский МИД ноту, смысл которой заключался в том, что автономия уже не устраивает народы империи, и они сами хотят решать свою судьбу⁴⁵. В этот же день чехословацкое временное правительство в Париже опубликовало декларацию, провозгласившую независимость. В декларации говорилось, что ни федерация, ни тем более автономия под властью династии Габсбургов уже не устраивают

Члены Национального комитета, провозгласившие 28 октября возникновение Чехословакии — "мужья 28 октября". Сидят слева Алоис Рашин, справа — Антонин Швегла; стоял слева направо: Франтишек Соукуп, Йиржи Стршбирны и Вавро Шробар

временное чехословацкое правительство и нацию. В документе подчеркивалось, что свободные народы Центральной и Восточной Европы смогут в будущем при желании легко образовать собственную федерацию. Объявлялось о создании независимого государства чехов и словаков на основе исторического и естественного права. Члены временного правительства провозглашали себя сторонниками демократии, а чехословацкое государство — республикой. Под декларацией стояли подписи премьер-министра и министра финансов проф. Томаша Г. Масарика, министра национальной обороны генерала д-ра Милана Р. Штефаника и министра иностранных и внутренних дел д-ра Эдварда Бенеша⁴⁶. И все-таки не 18, а 28 октября считается днем образования Чехословацкой республики.

Об этом историческом дне участники и современники событий оставили многочисленные воспоминания. Но человеческая память является весьма ненадежным источником, что легко доказал чешский историк А. Клибек, сравнив лишь небольшую деталь — описание погоды в Праге в этот день. Оказалось, что приблизительно половина свидетелей

писала о хмуром, холодном, туманном осеннем дне, однако не меньшее количество указывало, что день был солнечный. Стремясь до деталей восстановить хронику событий того памятного дня и разобраться в зачастую противоречивых свидетельствах, Климек описывает этот день на 50 страницах⁴⁷. Кратко же суть произошедшего сводилась к следующему:

28 октября 1918 г. Австро-Венгрия в ответ на ноту В. Вильсона от 18 октября дала согласие на сепаратные переговоры о перемирии и мире и признала права чехов, словаков и югославян на самостоятельность. Когда стало известно о том, что правительство приняло ноту Вильсона, — а это означало конец войны, — народ хлынул на улицы, начались спонтанные массовые манифестации. Национальный комитет в Праге выступил с официальным заявлением и провозгласил независимое чехословацкое государство, а также опубликовал закон об этом. Закон, утвердивший создание чехословацкого государства де-юре, гласил: "Независимое чехословацкое государство вступило в жизнь. Чтобы сохранить взаимосвязь существующего правового порядка с новым положением, чтобы избежать беспорядков и обеспечить спокойный переход к новой государственной жизни, Национальный комитет как выразитель государственного суверенитета от имени чехословацкого народа постановляет:

1. Государственную форму чехословацкого государства определит Национальное собрание по согласованию с Чехословацким национальным советом в Париже. Органом единодушной воли народа, а также выразителем государственного суверенитета является Национальный комитет;
2. все существующие земские и имперские законы и распоряжения остаются пока в силе;
3. все органы самоуправления, государственные и окружные, институты государственные, земские, окружные, а также и муниципальные подчинены Национальному комитету и действуют в соответствии с существующими законами и распоряжениями;
4. закон вступает в силу с сегодняшнего дня;
5. Национальному комитету предписывается проведение в жизнь этого закона"⁴⁸.

Под документом стояли подписи А. Рашина, Ф. Соукуп, А. Швеглы, Й. Стршибрнего, В. Шробара⁴⁹, в дальнейшем символически названных "мужами 28 октября".

В обращении Чехословацкого национального комитета (подписанного теми же лицами) к чехословацкому народу в связи с провозглашением самостоятельного государства констатировалось, что сбылся вековой сон чехов и словаков, чехословацкое государство стало действительностью, Национальный комитет взял на себя управление им. В конце содержался призыв ни одним разрушительным действием не омрачить свершившееся, не допустить ничего, что могло бы бросить тень на чистое имя народа. "Каждый из вас, — говорилось в обращении, — должен безусловно беречь то, что свято для него. Личная свобода и частная собственность неприкосновенны. Беспрекословно подчиняйтесь приказам Национального комитета"⁵⁰.

В то же время в конце октября в Женеве проходили переговоры делегации Национального комитета во главе с К. Крамаржем (представлявшей внутреннее сопротивление) и Э. Бенешем (как представителем зарубежного сопротивления). Основным результатом этой встречи являлось решение, что новое Чехословацкое государство будет республикой. Тогда же было договорено, что президентом станет Т.Г. Масарик, а пост премьера займет К. Крамарж⁵¹.

Вернемся немного назад и посмотрим, как же развивались в это время события в Словакии. 19 октября 1918 г. на заседании венгерского парламента в первый и последний раз прозвучала словацкая речь. Словаков представлял единственный депутат Ф. Юрига⁵², выступивший с пространной речью от имени еще окончательно не сформированного Словацкого национального совета. В своем выступлении словацкий депутат высказался за демократию и самоопределение народов. Ссылаясь на манифест австрийского императора и венгерского короля Карла, Юрига подчеркнул изменившиеся обстоятельства, требовавшие пересмотра отношения к словакам, предоставления им всеобщего, равного, тайного избирательного права, а также права на независимое национальное развитие, определение своего места между свободными народами и участия словаков в мирной конференции⁵³.

Руководство Словацкой национальной партии 30 октября созвало заседание, в котором участвовали представители ее людацкого (народного) крыла и словацкие социал-демократы. На заседании рассматривался вопрос о принятии декларации словацкого народа⁵⁴. В этот же день состоялось национальное собрание в большом торговом зале мартин-

Карел Крамарж (1860–1937)

ского банка "Татра". Основные цели собравшихся состояли в создании Словацкого национального совета (СНС) и принятии публичной декларации. На собрании под председательством М. Дулы были единогласно избраны 20 членов Словацкого национального совета: Л. Базовский, Б. Метод, П. Благо, М. Дула, А. Глинка, А. Хорват, Ф. Юрига, К. Кресак, Э. Легоцкий, Я. Маршалко, В. Маковицкий, К. Медвецкий, Й. Бранецкий, Я. Ружиак, Л. Шимко, В. Шробар, Э. Стодола, К. Стодола, Я. Ванович и М. Жуфа. Состав совета мог быть в дальнейшем расширен путем кооптации

новых членов. Для обеспечения действенности совета избрали исполнительный комитет из 12 человек с тем, чтобы в любое время какая-то часть его могла собраться в Пеште, Прешпорке (Братиславе) или Вене. Сообщения СНС предполагалось публиковать в "Národných Novinách", "Slovenskom Týždenníku", "Ľudových novinách", "Roborníckych Novinách", и, возможно, в новом еженедельнике⁵⁵.

Собрание одобрило и зачитанную С. Зохом декларацию. Эта декларация, получившая название Мартинской по месту проведения собрания (в Турчанском Св. Мартине), стала основным документом, который заявлял о разрыве союза с Венгрией и санкционировал новый союз с чешским народом. Она стала также одной из конституционных основ чешско-словацкого государства. И чешские, и словацкие исследователи подчеркивают тот факт, что декларацию приняли представители словацкого народа тогда, когда им еще было неизвестно о провозглашении независимого чехословацкого государства Национальным комитетом в Праге⁵⁶. Текст Декларации звучал так:

"Представители всех словацких политических партий, собравшиеся 30 октября 1918 г. в Турчанском Св. Мартине и организовавшие в Национальный совет словацкой ветви

единого чешско-словацкого народа, настаивают на принципе права на самоопределение народов, принятом во всем мире. Национальный совет провозглашает, что только он может говорить и действовать от имени чехословацкого народа, живущего в границах Венгрии.

На это не имеет права венгерское правительство, которое в течение десятилетий не делало ничего, кроме подавления всего словацкого, оно не предоставило и не позволило иметь нашему народу единой школы, не давало возможности словацким людям участвовать в работе государственных органов и учреждений, экономически уничтожала и эксплуатировало наш народ своей средневековой феодальной системой и политикой.

От имени словацкого народа не имеют права выступать и так называемые представительные органы, созданные на основе ограниченного избирательного права, не позволяющего проявиться народной воле, и состоящие из людей, которые, вопреки постановлению закона, не произнесли на выборах в полностью словацких округах ни одного слова по-словацки.

Не имеют на это права также никакие собрания, которые выносят резолюции под чужим давлением.

От имени словацкого народа в Словакии имеет право выступать только Словацкий национальный совет.

Национальный Совет чешско-словацкого народа, проживающего в Венгрии, свидетельствует о том, что:

1. Словацкий народ является частью языково и культурно-исторически единого чешско-словацкого народа. Во всех культурных битвах, которые вел чешский народ, и которые сделали его известным во всем мире, принимала участие и его словацкая ветвь.
2. Для этого чешско-словацкого народа мы требуем неограниченного права на самоопределение на основе полной независимости. На основе этого принципа мы выражаем свое согласие с вновь созданным международным правовым положением, которое 18 октября сформулировал президент Вильсон и которое 27 октября признал австро-венгерский министр иностранных дел.
3. Мы требуем незамедлительного заключения мира на общечеловеческих христианских принципах, чтобы международно-правовыми обязательствами была исключена новая война и дальнейшее вооружение в мире.

Мы уверены, что наш трудолюбивый и талантливый словацкий народ, который, несмотря на неслыханное угнетение, все-таки достиг определенного уровня развития национальной культуры, не будет исключен при заключении мира и из содружества народов, и ему будет предоставлена возможность развиваться в согласии с собственными традициями и по мере сил способствовать всеобщему прогрессу человечества"⁵⁷. Принятием этого документа словацкие представители добровольно высказались за вхождение в чехословацкое государство. Мартинская декларация имела широкий резонанс в словацком обществе: ее зачитывали в костелах, на площадях, публиковали в печати⁵⁸.

14 ноября на заседании временного Национального собрания, созванного на основе выборов 1911 г. и расширенного за счет словацких представителей, Чехословацкое государство было провозглашено республикой, его президентом стал Т.Г. Масарик, а главой правительства — К. Крамарж. На этом торжественном заседании К. Крамарж заявил: "Габсбургско-Лотарингская династия утратила все права на чешский трон"⁵⁹. В правительство всенародной коалиции вошли также Э. Бенеш (министр иностранных дел), М.Р. Штефаник (военный министр), А. Швегла (министр внутренних дел) и др. Главной целью первого кабинета явилось укрепление как внутреннего, так и международного положения нового государства.

¹ Statní ústřední archiv (SÚA). F. Ministerstvo zahraničných věcí (MZV/R) Víden. 1866—1918. Kart. 20. Sign. I/7.

² Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1974. Т. 1. С. 89, 90.

³ Там же. С. 37.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Там же.

⁶ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. (Далее: DSNIŠ.) Zv. 1—2. Bratislava, 1998. Zv. 1. S. 463.

⁷ Ibid. S. 464—466.

⁸ Ibid. S. 467—469.

⁹ Dokumenty československé zahraniční politiky. Vznik Československa 1918. Praha, 1994. S. 84—85.

¹⁰ DSNIŠ. Zv. 1. S. 470—472.

¹¹ История Словакии: Пер. со словац. и англ. яз. М., 2003. С. 295.

¹² DSNIŠ. S. 476—482.

¹³ Цит. по: Letz R. Slovenské L'udáctvo ako prejav konzervatívneho myslenia // Proglas. Roč. XII/máj, 2001. č. 1/. S. 6.

¹⁴ Dokumenty československé zahraniční politiky... S. 108—109.

¹⁵ *Загорожнюк Э.Г.* Милан Растислав Штефаник и Томаш Гарриг Масарик: жизни и судьбы // Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд. Мартин, 2001. С. 67.

¹⁶ *Galandauer J. a kol. Pro tu naši republiku vytrváme až do konce. O samostatný československý stát 1914 – 1918.* Praha, 1992. S. 81.

¹⁷ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 91 – 99.

¹⁸ *Ibid.* S. 100 – 102.

¹⁹ *Ibid.* S. 102 – 103.

²⁰ *Ibid.* S. 115 – 117.

²¹ *DSNIŠ. Zv. 1.* S. 485 – 487.

²² *Šolle Z.* Masaryk a Beneš ve svých dopisech z doby pařížských mírových jednání v roce 1919. Praha, 1993. S. 39 – 40.

²³ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914 – 1945. Bratislava, 1997. S. 46 – 47.

²⁴ *Ibid.* S. 47.

²⁵ Дело в том, что в этот период в США усилилась агитация против общего государства чехов и словаков.

²⁶ *История Словакии...* С. 295.

²⁷ *Galandauer J.* *Op. cit.* S. 83.

²⁸ Конгресс состоялся 8 – 10 апреля в Риме. На нем представители чехословацкой, югославянской, румынской, итальянской и польской эмиграции требовали создания самостоятельных национальных государств или присоединения национальных меньшинств Австро-Венгрии к уже существовавшим государствам.

²⁹ Российский государственный военный архив. (Далее: РГВА.) Ф. 1198к. История образования чехословацкого государства. Оп. 1. Д. 36. Л. 1.

³⁰ Там же. Д. 37. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 2.

³² Там же. Д. 40. Л. 1.

³³ Там же. Д. 43. Л. 2.

³⁴ *Dokumenty československé zahraniční politiky....* S. 246.

³⁵ РГВА. Ф. 1198к. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

³⁶ Там же. Д. 46. Л. 1.

³⁷ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 296 – 297.

³⁸ *Ibid.* S. 164.

³⁹ *Ibid.* S. 163 – 164.

⁴⁰ Совет был создан на собрании в Мартине 30 октября 1918 г.

⁴¹ Окончательно в состав совета вошли 20 членов.

⁴² *DSNIŠ Zv. 1.* S. 490 – 492.

⁴³ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 308 – 309.

⁴⁴ *Galandauer J.* *Op. cit.* S. 75.

⁴⁵ *Ibid.* S. 75 – 76.

⁴⁶ *Dokumeny československé zahraniční politiky...* S. 317 – 320.

⁴⁷ *Klimek A.* Říjen 1918. Vznik Československa. Paseka, Praha, Litomyšl, 1998. S. 181 – 231.

⁴⁸ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 332 – 333.

⁴⁹ Председатель Национального комитета К. Крамарж находился тогда в Женеве, где вел переговоры с Бенешем о будущем президенте и составе правительства.

⁵⁰ *Dokumenty československé zahraniční politiky...* S. 334.

⁵¹ РГВА. Ф. 1198к, Оп. 1. Д. 52, 53.

⁵² Всего в то время в венгерском парламенте было два словацких депутата, но П. Благо из-за болезни не участвовал в этом заседании.

⁵³ DSNIŠ. Zv. 1. S. 499 – 502.

⁵⁴ Ibid. S. 506 – 507.

⁵⁵ Ibid. S. 509 – 511.

⁵⁶ Ibid. S. 513. Ср.: *Rychlík J.* Op. cit. S. 57 – 59.

⁵⁷ DSNIŠ. Zv. 1. S. 513 – 514.

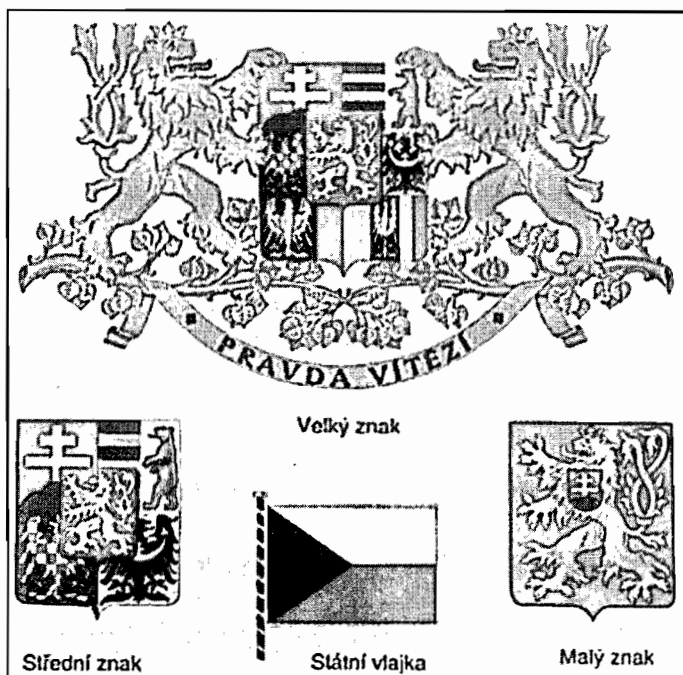
⁵⁸ *Olivová V.* Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 70.

⁵⁹ Ibid. S. 67.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ. ПЕРВЫЕ ШАГИ НОВОГО ГОСУДАРСТВА (1918–1920 гг.)

Ситуация на землях "чешских" немцев

Провозглашение чехословацкого государства еще не означало его фактического создания. Достаточно сложно складывалась обстановка в немецких пограничных районах. Уже в конце октября 1918 г. в них возникли четыре провинции: Дойчбёмен, Судетенланд, Дойчюдмерен и Бемервальдгау, которые не признали ЧСР и заявили о том, что являются составной частью немецкой Австрии¹. В заявлении было упомянуто о подобных притязаниях Йиглавы, Брно и Оломоуца и высказано требование придания международного статуса Остравскому краю. Центром движения за самоопределение немцев стала Немецкая Богемия (Дойчбёмен). В этой провинции был созван независимый парламент (ландтаг) и образовано коалиционное правительство. Его представители Р. Лодгман и Й. Зелигер вели в Праге переговоры с представителями Национального комитета, однако достичь соглашения не удалось². Во всех этих провинциях была принята новая конституция, создан земский сейм и независимое земское правительство. Представители провинций заседали в австрийском Национальном собрании. Австрийские политики ориентировались на присоединение Австрии к Германии. Чешские власти были вовсе не склонны допустить отделение промышленно развитых немецких районов от страны, и к концу 1918 г. всю эту территорию заняли чехословацкие войска. Созданные там правительства эмигрировали, но ситуация оставалась напряженной. В начале марта 1919 г. в связи с заседаниями австрийского парламента в ряде немецких населенных пунктов в пограничье прошли демонстрации против ЧСР, произошли столкновения с чехословацкими войсками, особенно в Кадани и Штернберке в Моравии³. На Парижской мирной конференции западные союзники поддержали позицию Чехословакии, так

Государственные символы Чехословацкой республики

как не были заинтересованы в усилении Германии. Таким образом, провозглашенный принцип самоопределения народов действовал не для всех наций, во всяком случае, не по отношению к побежденным.

Присоединение Словакии

Сложности возникали и в отношении Словакии. Венгрия, основываясь на условиях заключенного ею с Францией 13 ноября перемирия⁴, отказывалась признать выход словацких территорий из состава венгерского государства. Премьер-министр Чехословакии К. Крамарж 14 ноября телеграммой протестовал против вторжения венгерских войск в Словакию, а 20 ноября в связи с полученным из Будапешта ответом отправил ноту венгерскому правительству, объяснявшую позицию чехословацкого правительства по поводу трактовки перемирия. В ноте, в частности, говорилось, что Чехословацкая республика, неотъемлемой частью которой является Словакия, признана всеми государствами

Антанты, а потому 3-й и 17-й пункты перемирия не могут относиться к Словакии. Кроме того, подчеркивалось в ноте, венгерского государства вообще не существует с правовой точки зрения, так как о его существовании объявили одни венгры без участия представителей других национальностей, в том числе словаков⁵.

Обстановка осложнялась, поскольку в начале ноября в Прешове был образован так называемый Восточнословацкий национальный совет, который стремился сохранить Словакию в рамках Венгрии. Возглавлял его редактор венгерской газеты в Прешове Виктор Дворчак. Пиком этой деятельности стало заявление от 11 декабря 1918 г. так называемой Словацкой народной республики, провозглашенной 16 ноября, о желании остаться в составе Венгрии⁶.

В связи с критическим экономическим положением в Словакии обострилась социальная обстановка, вспыхивали голодные бунты, ширилось движение против торговцев, поднимавших цены на продукты, крупных земельных владельцев, администрации в целом. Чтобы подавить выступления бедноты на местах, создавались отряды венгерской "национальной гвардии", происходили вооруженные столкновения, приводившие к жертвам. Чехословацкое правительство действовало одновременно по двум направлениям: с одной стороны, дипломатическим путем, с другой — военным. Э. Бенеш вел переговоры в Париже об отмене белградского перемирия с венграми, что возымело свое действие и в конце ноября венгерское правительство М. Каройи получило указание из Парижа очистить территорию Словакии. Венгерская администрация была разогнана. Однако ситуация оставалась напряженной, продолжались голодные волнения, погромы, беспорядки, образовывались местные национальные советы. Словацкий национальный совет не располагал реальной властью и обратился к Праге за вооруженной поддержкой, так как вернувшиеся с фронта венгерские части были направлены в Словакию и Закарпатье. 6 ноября в западной Словакии начало действовать временное правительство по делам Словакии, а 7 декабря В. Шробара назначили полномочным министром по делам Словакии с резиденцией в Жилине. 10 декабря 1918 г. Национальным собранием был принят закон "О неотложных временных мероприятиях в Словакии". Возвратившихся из Италии и Франции чехословацких легионеров посылали в Словакию. В конце января им

удалось оттеснить венгерские войска на юг к демаркационной линии. В январе 1919 г. в Братиславе было создано полномочное министерство по делам Словакии во главе со Шробаром, все другие органы власти, включая Словацкий национальный совет, распущены. В. Шробар располагал практически неограниченными полномочиями при включении Словакии в состав ЧСР. Однако венгерское правительство не оставляло надежд вернуть Словакию и удержать в своем составе Угорскую Русь (Закарпатье). Законом от 21 декабря 1918 г. всем национальным меньшинствам на территории Венгерской республики предоставлялась широкая автономия⁷.

Весной 1919 г. в Будапеште произошел коммунистический переворот. 27 апреля начался военный конфликт ЧСР с Венгерской советской республикой. Венгерская Красная армия, отражая удары чехословацких и румынских войск, в мае 1919 г. перешла контрнаступление и захватила значительную территорию восточной Словакии. 19 июня в Прешове была провозглашена Словацкая советская республика, однако просуществовала она всего три недели. Вскоре после ультиматума Антанты венгерские части были отведены к демаркационной линии. Словацкую территорию и Закарпатье заняли чехословацкие и румынские войска.

Включение Подкарпатской Руси (Закарпатья) в состав Чехословакии

Еще одним территориальным вопросом стало включение в ЧСР Закарпатья, веками входившего в состав Венгрии под названием Угорская Русь. Существовавшие там политические направления имели три ориентации: прорусское (Русинский национальный совет во главе с А. Бескидом, г. Прешов), провенгерское (Национальный совет в Ужгороде) и проукраинское (Национальный совет в Хусте). Т.Г. Масарик еще в годы войны высказывал свой интерес к этому региону. Прибыв в мае 1918 г. в США, он установил связи с отдельными представителями русинской диаспоры, сначала с г-ном Пачутой, представлявшим прорусское православное меньшинство, а затем с питтсбургским адвокатом Г. Жатковичем, принадлежавшим к греко-католическому большинству. 26 октября 1918 г. Жаткович от имени Американского Национального совета угро-руси-

нов подписал "Филадельфское соглашение" с Масариком о том, что в случае присоединения к Чехословацкой республике, области будет предоставлена автономия и справедливые границы. 19 ноября Второй конгресс американских русинов большинством голосов высказался за присоединение к Чехословакии на федеративной основе с полным самоуправлением. На родине "Филадельфское соглашение" поддержал лишь прешовский Национальный совет. А. Бескид отправился в Париж, где встретился с Жатковичем, и они вместе отстаивали перед союзниками включение территории в состав Чехословакии. Совет пяти держав на мирной конференции 3 марта 1919 г. принял решение о вхождении Закарпаття в состав ЧСР на правах автономии, с собственным сеймом и языком⁸.

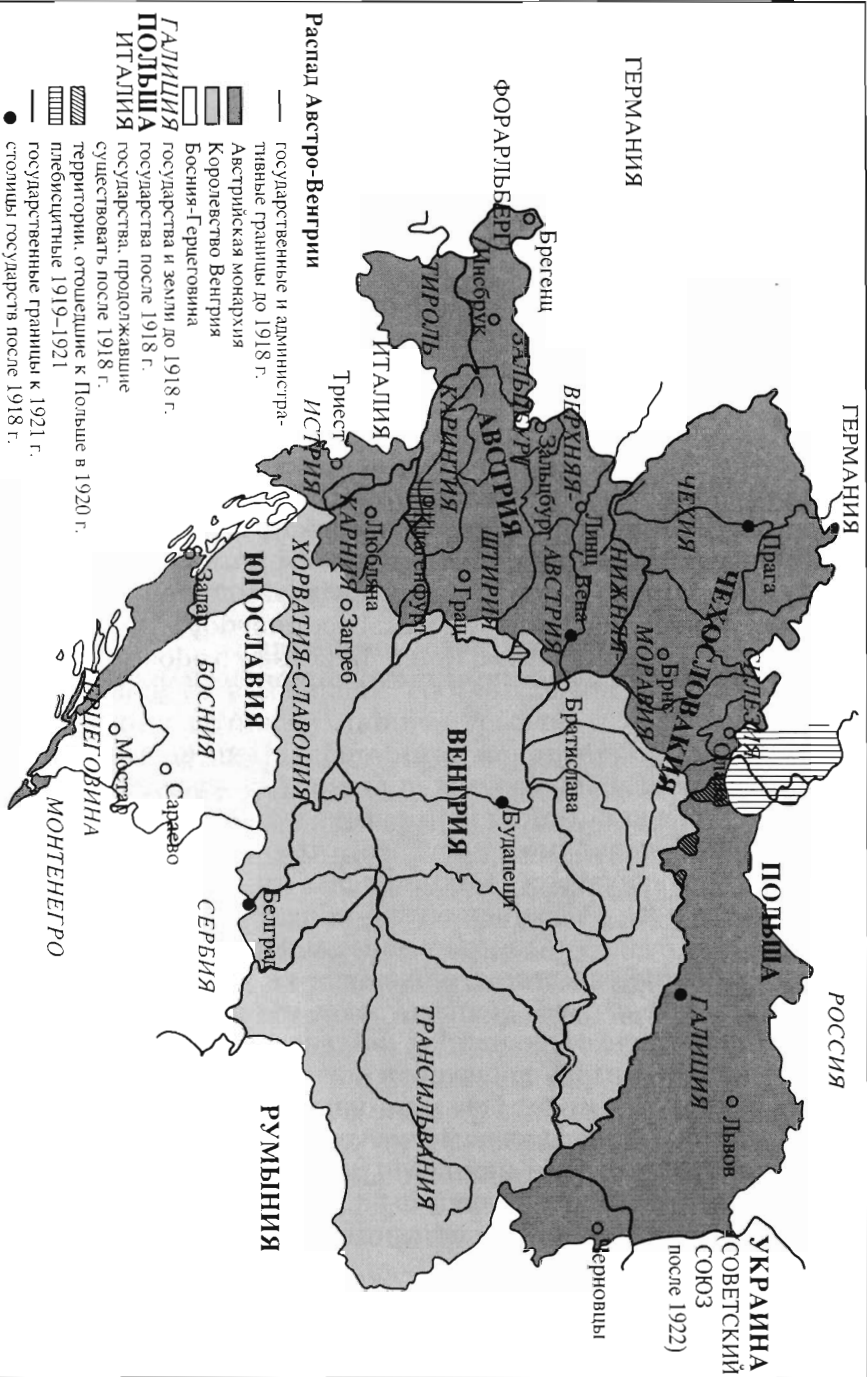
Спор из-за Тешинской Силезии

Осенью 1918 г. между Чехословакией и Польшей возник спор из-за части территории северной Словакии (Оравы и Спиша) в Татрах и небольшой по площади, но экономически и стратегически важной Тешинской Силезии. Чехословацкая сторона аргументировала свои претензии на Тешинскую Силезию "историческим правом" (эти земли еще в XIII—XIV вв. вошли в состав Чешской короны), польская сторона в качестве основных аргументов выдвигала этнический состав населения (преимущественно польский с большим процентом немецкого населения). 5 ноября 1918 г. Польша и ЧСР заключили временное соглашение, в результате которого большая часть Тешинской области вошла в состав Польши. Неудовлетворенная таким решением Чехословакия в январе 1919 г. заняла польскую часть Тешинского района, что привело к вооруженному конфликту с польскими войсками и протесту западных союзников, под нажимом которых было подписано новое соглашение о демаркационной линии, немного передвинутой в пользу ЧСР. 3 февраля 1919 г. административная власть над Тешинской территорией была передана межсоюзнической комиссии. Несколько попыток решить вопрос на двустороннем уровне (переговоры в марте и в мае 1919 г.) результатов не принесли, и проблема польско-чехословацких границ была перенесена на международную конференцию в Париж.

Парижская мирная конференция и установление границ

Парижская мирная конференция, основными задачами которой было заключение договоров о мире, установление новых границ в Европе и создание механизма предотвращения новых военных конфликтов (организация Лиги Наций) началась 18 января 1919 г. Чехословацкую делегацию на конференции возглавлял К. Крамарж. Границы Чехословацкой республики определялись Версальским, Сен-Жерменским и Трианонским мирными договорами. Противоречивость чехословацкой позиции заключалась в том, что она основывалась на двух разных принципах: границы чешских земель аргументировались историческим правом, границы Словакии и Подкарпатья — естественным. Во многом благодаря заслугам способного дипломата Э. Бенеша, в качестве министра иностранных дел представлявшего молодую республику на конференции, Чехословакии удалось добиться большинства своих требований, кроме так называемого Бургенландского коридора — ранее входившей в состав Венгрии территории, путем присоединения которой обеспечивалась бы общая граница с Королевством сербов, хорватов и словенцев⁹. Не последнюю роль в признании территориальных притязаний Чехословакии сыграло то обстоятельство, что она уже фактически осуществляла суверенитет над указанными территориями.

Открытым оставался вопрос польско-чехословацкой границы. На Парижской мирной конференции выявились противоречия в позициях США, Великобритании и Франции. Согласно американской концепции послевоенного устройства, Чехословакия в отличие от Польши не должна была играть сколько-нибудь заметной политической роли в Центральной Европе. Именно поэтому США поддерживали польские требования этнических границ, тем более что они соответствовали духу 14 пунктов президента В. Вильсона. В пользу Польши высказалась Италия, а после определенных колебаний и Великобритания. За чехословацкую позицию на конференции выступила лишь Франция. Было решено провести в Тешинской Силезии плебисцит¹⁰. Бенеш согласился на это, рассчитывая, что многочисленное еврейское и немецкое население Силезии во время плебисцита заявит о своем чешском происхождении¹¹. Хотя стороны активно готовились к плебисциту¹², в дальнейшем из-за изменившейся

Распад Австро-Венгрии

ситуации плебисцит так и не был проведен. Спор из-за Тешина решился конференцией послов в июле 1920 г.: важная железнодорожная магистраль Кошице — Богумин осталась в составе ЧСР.

VII раздел Версальского мирного договора, подписанного союзными державами с Германией 28 июня 1919 г., устанавливал границу между Германией и Чехо-Словацким государством. Ею признавалась бывшая граница между Австро-Венгрией и Германией на 3 августа 1914 г. Кроме того, Германия отказывалась от небольшой части Верхней Силезии в пользу Чехословакии. Германские граждане, проживавшие там, обретали чехословацкое гражданство. Немцы в Чехословакии, так же как чехи и словаки в Германии, получали право оптации в течение двух лет¹³.

В III разделе договора, заключенного в Сен-Жермен-ан-Ле 10 сентября 1919 г. с Австрией, последняя признавала полную независимость Чехословацкого государства, в состав которого входила автономная территория к югу от Карпат, и отказывалась в пользу Чехословакии от прав на территории бывшей австро-венгерской монархии¹⁴. В тот же день, там же, был подписан мирный договор с Чехословакией, признавший ее в границах, соответствующих установленным в договоре с Австрией. В нем подчеркивалось, что народы Богемии, Моравии и части Силезии, равно как и народы Словакии, решили объединиться по своей собственной свободной воле, и что русинский народ к югу от Карпат примкнул к этому союзу. Чехословакия брала на себя обязательства образовать на территории русин к югу от Карпат автономную единицу в составе Чехословацкого государства и предоставить ей наибольшую степень самоуправления, совместимую с единством чехословацкого государства. Гарантировалось создание особого сейма с законодательными правами во всех вопросах, касавшихся языка, школы и религии, в области местного самоуправления. Губернатор территории русин должен был назначаться президентом Чехословацкой республики и нести ответственность перед русинским сеймом. Должностные лица по возможности планировалось выбирать из числа жителей этой земли. Чехословакия гарантировала населению Подкарпатской Руси, как она стала именоваться, справедливое представительство в законодательном собрании Чехословацкой республики¹⁵. Включением этой территории в состав ЧСР республика приобрела общую границу с Румынией.

Мирный договор с Венгрией был заключен спустя почти год после окончания основных переговоров мирной конференции 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля. Это объяснялось как непростой внутренней ситуацией в Венгрии, так и сложностями определения границы с Чехословакией, которая прошла по территории со смешанным населением. Великие державы удовлетворили территориальные требования Чехословакии, так как ее рассматривали как союзное государство. Основной тон на конференции задавали Франция, Великобритания и США. Ранее чехословацкие территориальные притязания в отношении Венгрии поддерживали американские чехи и словаки на слушаниях в комитете по международным отношениям сената США, состоявшихся 3 сентября 1919 г.¹⁶ По Трианонскому договору Венгрия отказывалась в пользу Чехословакии от Словакии и Подкарпатъя (Угорской Руси). Впервые эти территории официально вычленились из состава Венгрии, определялись их границы. Венгрия, как и союзные державы, признавала независимость чехословацкого государства, включавшего и автономную территорию русин к югу от Карпат¹⁷.

Территория и состав Чехословацкой республики. Теория "чехословакизма"

Площадь ЧСР после демаркации границ составляла более 140 тыс. кв. км. В 1921 г. прошла перепись населения, согласно которой в Чехословацкой республике проживало 13 613 172 человека. Из них чехов и словаков было 8 760 937 (65,51%), "русских" или русин (этим термином обозначалось все восточнославянское население) — 461 849 (3,45%), немцев — 3 123 568 (23,36%), венгров — 745 431 (5,57%), евреев — 180 855 (1,35%), поляков — 75 853 (0,57%), румын — 13 974 (0,10%), цыган — 8446 (0,06%), югославян — 2108 (0,02%). Остальных национальностей 1343 (0,01%), иностранных граждан в целом — 238 808¹⁸. Чехословацкая республика, объявленная государством чехов и словаков, на самом деле представляла собой многонациональное образование, почти четверть населения которого составляли немцы. Чехи и словаки, статистически учитывались вместе, что отвечало так называемой идее "чехословакизма" — официальной доктрине единой чехословацкой нации и единого языка, созданной в какой-то степени из-за опасений немецкого сепаратизма, чтобы усилить "государствообразующие" нации¹⁹. До сих пор

оценки концепции единой "чехословацкой" нации в чешской и словацкой историографии несколько отличаются. Словаки подчеркивают, что эта идея резко расходилась с чувствами и мнением большинства словацкого населения и не соответствовала ни истории, ни реальной действительности²⁰. Чешские авторы обращают внимание на то, что на этапе создания чехословацкого государства нельзя воспринимать идею "чехословакизма" негативно, так как без нее Чехословакия не была бы образована, тем более не следует негативно расценивать стремления создать единую политическую чехословацкую нацию. Я. Рыхлик, например, отмечает, что с чешской стороны в действительности преобладало убеждение в единстве чехов и словаков как народа, а словацкая сторона видела в этой идее конструкцию, имевшую определенные цели, и хотела отказаться от этой доктрины, когда они будут реализованы²¹.

В этой связи интересно мнение немецкого политика-коммуниста К. Крейбиха, который в начале 1920-х годов в статье "Национальный вопрос в Чехословакии" отмечал: «Чтобы создать хотя бы видимость национального государства была придумана ... фикция, а именно, что чехи и словаки — одна, однородная нация. Придумали даже смешной миф о едином "чехословацком" языке, которого вообще нет, чтобы т.о. подтвердить существование количественно преобладающей, ... государственной народности и государственного языка»²². Однако далее тот же автор писал: "Что чехи и словаки этнографически составляют одну нацию, этот вопрос не вызывает никакого сомнения и как статистически, так и картографически это было отображено в большей части научных изданий еще задолго до войны. В большинстве случаев чехи и словаки обозначались одним общим названием чехо-словаков. В отношении языка различия между обоими незначительно, как, например, между московским и владимирским говором. Но к национальным вопросам нельзя подходить только с этнографической или филологической стороны, их надо рассматривать также в историческом, экономическом и политическом отношении"²³. Таким образом, не ставившаяся под сомнение этническая и языковая близость двух народов составляла основу доктрины "чехословакизма".

Несмотря на различное отношение к "чехословакизму", многие как чешские, так и словацкие историки сходятся во мнении, что возникновение чехословацкого государства являло собой исторический прогресс для обоих народов²⁴.

Политические изменения. Конституция 1920 г.

Основы государственного строя ЧСР были заложены временной Конституцией, принятой в конце 1918 г., а затем зафиксированы в новой Конституции, одобренной парламентом 29 февраля 1920 г.²⁵ Конституция определяла принципы функционирования политической системы Чехословакии. Основным закон государства состоял из преамбулы, взятой почти целиком из американской конституции, и 6 глав. Первая глава содержала общие положения, вторая — касалась законодательной, третья — исполнительной, четвертая — судебной власти, в пятой главе определялись гражданские права и обязанности, шестая — была посвящена специально охране национальных, религиозных и расовых меньшинств²⁶. В Конституции определялась республиканская форма правления, государственная территория и границы страны, единое гражданство, принцип разделения властей, права и обязанности граждан. Законодательной властью обладало Национальное собрание, двухпалатный парламент, состоявший из Палаты депутатов (300 депутатов, избираемых на шесть лет) и Сената (150 сенаторов, избираемых на восемь лет). Формировалось оно пропорционально полученным голосам на основе всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании. Право избирать в палату депутатов имели граждане (как мужчины, так и женщины) с 21 года, в сенат — с 26 лет, быть избранными в эти палаты могли граждане соответственно с 30 и 45 лет. При выборах в палату депутатов необходимо было обладать гражданством в течение трех лет, в сенат — в течение 10 лет. Депутаты были ответственны перед выдвинувшей их политической партией²⁷. Выборы в обе палаты проходили одновременно в 1920, 1925, 1929 и 1935 гг.

Национальное собрание принимало законы, избирало президента, обладало правом выражения доверия и недоверия правительству, направляло запросы членам правительства, контролировало деятельность министерств.

Чехословакия представляла собой демократическую республику с президентом во главе. Ее первым главой стал Т.Г. Масарик. Президент избирался обеими палатами парламента сроком на семь лет, его полномочия были ограничены: он обладал правом созывать и распускать Национальное собрание, назначать и смещать членов правительства, правом

вето в отношении законопроектов, исполнял функции главнокомандующего, назначал высших чиновников, профессоров, судей, представлял республику на международной арене. Масарик не являлся членом политической партии и не опирался на какую-либо одну партию, вокруг него постепенно сложилась влиятельнейшая группа его сторонников из представителей различных политических направлений, от социал-демократов и национальных социалистов до аграриев и национальных демократов²⁸, так называемая группа Града (по названию официальной резиденции в Праге). Масарик четыре раза избирался президентом: 14 ноября 1918 г. Революционным Национальным собранием, в 1920 г. после принятия конституции, в 1927 и в 1934 гг. В 1935 г. он сложил с себя президентские функции.

Исполнительную власть осуществляло правительство, ответственное перед парламентом и обладавшее правом законодательной инициативы. Для "первой республики" были типичны коалиционные правительства четырех типов: общенациональное (1918 — 1919), красно-зеленое (1919 — 1920), панское (1924 — 1929) и широкое (1929 — 1938). В период правительственных кризисов президент мог назначать "чиновничьи кабинеты". В "первой республике" это случалось трижды — в 1920, 1926 и 1938 гг.

Первому кабинету, возглавляемому лидером национальных демократов Крамаржем, так называемому правительству "общенациональной коалиции" (14 октября 1918 г. — 8 июля 1919 г.) пришлось решать сложные вопросы установления порядка в стране, отстаивания территории, определения и международного утверждения государственных границ, проведения первых экономических и социальных реформ. В июне 1919 г. в стране состоялись местные выборы, победу на которых одержали социал-демократы, собрав около 30% голосов избирателей. Вместе с аграриями, национальными социалистами и представителями ряда других партий социал-демократы создали так называемую "красно-зеленую коалицию" во главе с социал-демократом В. Тусаром. Оба кабинета этой коалиции (8.07.1919 — 25.05.1920) и (25.05.1920 — 15.09.1920) также сталкивались с серьезными проблемами и масштабными задачами. Кроме чиновничьих кабинетов все другие правительства "первой республики" были коалиционными, строившимися на основе пропорционального представительства политических партий, входивших в коалицию.

Девушка, олицетворяющая молодую Чехословацкую республику и ее тягу к морю, на картине Франтишека Женишка 1919 г.

Судебная власть была отделена от исполнительной и законодательной, специальный Конституционный суд наделялся контрольными полномочиями и следил за текущей законодательной деятельностью.

Одновременно с Конституцией появился и Закон о принципах языкового права в Чехословацкой республике. Официальным государственным языком был назван "чехословацкий". Четвертый параграф закона пояснял: "Что касается языка государственного официального, то органы на территориях республики, которые до 28 октября 1918 г. принадлежали к королевским либо представленным в имперском совете землям, или королевству Прусскому, как правило, используют чешский язык, а в Словакии — обычно словацкий"²⁹. Что касается национальных меньшинств, то в округах, где 20% населения составляли граждане, пользовавшиеся иным языком, государственным органам, учреждениям и

судам предписывалось пользоваться языком национального меньшинства. Предусматривалось также обучение на родном языке в школах, созданных для представителей национальных меньшинств. В отношении Подкарпатской Руси урегулировать языковой вопрос поручалось местному сейму³⁰. Далеко не все положения Конституции на практике выполнялись, это касалось в первую очередь положений о национальных меньшинствах в ЧСР³¹. Конституция, например, утвердила собственный сейм Подкарпатской Руси, но он так и не был создан в "первой" республике. Фактически управление этой частью страны осуществлялось на основе так называемого Генерального статута, принятого в ноябре 1918 г., измененного и дополненного в 1920 г. правительственным распоряжением³². Реальной исполнительной властью обладал не губернатор, назначаемый из числа местных жителей, а вице-губернатор из чешских чиновников, который одновременно являлся земским президентом. Как отмечает П. Пешка, игнорирование конституционных положений носило не правовой характер, а объяснялись сложностью языковых, религиозных и экономических отношений в крае, социальной нестабильностью, низким культурным уровнем населения, нехваткой собственной интеллигенции и сильными позициями левых экстремистов³³.

Социально-экономические реформы

Вновь возникшее Чехословацкое государство включало в себя наиболее экономически развитые земли Габсбургской монархии. Чехословакии отошло 21% территории, 26% населения и 60—70% производственных мощностей Австро-Венгрии, но распределялись они неравномерно: в чешских землях было сосредоточено 80% промышленных мощностей Цислейтании, в Словакии — 20% Транслейтании³⁴. Страна располагала значительными запасами черного и бурого угля (основного энергетического ресурса того времени), а также древесины. Остальное сырье необходимо было ввозить.

Между тем после войны хозяйство страны находилось в плачевном состоянии, сказывались последствия войны и экономической дезинтеграции сложившегося хозяйственного целого. Это проявлялось в недостаточном снабжении населения как продуктами питания, так и промышленными товарами. Правительство было вынуждено брать ссуды и

кредиты у американцев, голландцев, французов и англичан для обеспечения населения самыми необходимыми продуктами, а промышленности сырьем. Положение стало меняться к лучшему лишь в 1921 г.

Одной из важных задач, вставших перед республикой, являлось обеспечение экономической независимости. Сейчас многие историки (возможно, под влиянием современных процессов европейской интеграции) считают это стремление к экономической обособленности ошибкой. Согласно этой точке зрения, сохранение таможенной унии, единой валюты центральноевропейских стран способствовало бы поддержанию сложившихся экономических связей, более быстрому восстановлению и развитию экономик новых государственных организмов³⁵. Однако в то время вряд ли можно было ожидать иной политики. Созданные на волне национализма новые самостоятельные государства опасались сохранения единого экономического пространства как возможности покушений на свой политический суверенитет, они стремились к полной независимости.

Программу правительство приняло 9 января 1919 г., но отдельные законы стали проводиться в жизнь сразу после провозглашения Чехословакии. Уже 29 — 31 октября 1918 г. Национальный комитет отдал распоряжения об изменениях на заводах, ранее подпадавших под закон о военном производстве³⁶. 9 ноября 1918 г. накладывался арест на крупные землевладения, запрещавший их продавать, дарить и закладывать. Этот закон стал основой подготовки земельной реформы. О принципах ее проведения шла острая дискуссия в основном между представителями аграрной и социал-демократической партий, закончившаяся компромиссом. Закон от 16 апреля 1919 г. устанавливал максимальный размер земельного участка в 150 га пахотной земли и 250 га всей земли. Земля передавалась земледельцам за выкуп по ценам 1913 — 1915 гг. Закон о перераспределении земли был принят уже новым правительством В. Тусара, так называемой — "красно-зеленой коалицией" в конце января 1920 г. Большинство земли получили средние сельские хозяйства. Преимуществом при этом пользовались бывшие legionеры, кооперативы, муниципалитеты и крестьяне, уже имевшие землю и инвентарь. Большую роль в осуществлении аграрной реформы играла возглавляемая Антонином Швеглой Республиканская партия чехословацкой деревни (в 1922 г. ее название изменилось на

Республиканскую партию сельского и мелкокрестьянского люда). Это обеспечило аграриям стабильное положение на политической арене и массовую поддержку на протяжении всего периода существования "первой республики" в 1919 — 1938 гг., а после победы на вторых парламентских выборах — роль наиболее сильной политической партии. Она представляла интересы сельских хозяев, опираясь одновременно и на имущие слои города. Кроме Швеглы сильные позиции в партии занимали Милан Годжа, Франтишек Удржал, Рудольф Беран и Ян Малипетр.

Земельная реформа осуществлялась до середины 30-х годов, но всего было передано земледельцам лишь около 66% пахотной и 44% всей подлежавшей переделу земли³⁷. Таким образом, земельную реформу удалось реализовать лишь частично.

20 февраля 1919 г. Чехословакия была провозглашена единым независимым таможенным целым. Вводились таможенные тарифы и коэффициенты. Вслед за этим изымались банкноты времен Австро-Венгрии и заменялись чехословацкой денежной единицей — кроной³⁸. Операция была успешно проведена по инициативе министра финансов Алоиса Рашина, что способствовало на время снижению инфляции и экономическому укреплению государства. В декабре того же года вступил в действие закон о "нострификации", т.е. переносе на чехословацкую территорию центральных офисов всех чешских и словацких предприятий, банков и страховых компаний, до этого расположенных за границей (преимущественно в Вене), что позволило подчинить их налоговому законодательству страны.

Социальная политика государства определялась, с одной стороны, послевоенным подъемом революционного движения во всей Европе, а с другой — демократическими левоцентристскими установками Града, подчеркивавшего ориентацию на "малого" человека. Необходимость социальных изменений осознавали и предприниматели, и банкиры, и представители несоциалистических политических партий, в том числе и консервативной национальной демократической партии (даже в ее программе, принятой весной 1919 г., содержалось, например, требование обобществления лесов, полей, железных дорог, металлургических предприятий, лечебных источников³⁹). Осенью 1918 г. правительство издало ряд распоряжений об улучшении снабжения населения. 10 декабря был принят закон о поддержке безработ-

ных, а через неделю был законодательным путем установлен 8-часовой рабочий день, который уже начал к тому времени явочным порядком вводиться на отдельных предприятиях. В эти же дни одобрили закон о создании Всеобщего пенсионного органа. В конце декабря правительство приняло решение о надбавках к жалованью государственных служащих в связи с растущей дороговизной. Правительственный курс, объявленный в начале января 1919 г., отличался социально-политическим радикализмом, перекликаясь в некоторых моментах с социалистическими требованиями⁴⁰.

Несмотря на проведенные социально-экономические реформы, недовольство народных масс дороговизной вело к расширению протестных акций, голодным демонстрациям, которые в ряде промышленных центров не прекращались до конца 1920 г. Выражением повышенного радикализма и революционности стало и выделение осенью 1920 г. левого крыла в социал-демократии со своим печатным органом "Руде право". События, связанные с размежеванием в рядах социал-демократов, послужили непосредственным поводом к проведению декабрьской генеральной забастовки, длившейся несколько дней во многих городах Чехословакии, но закончившейся поражением.

¹ Подробнее об этом см.: *Станков Н.Н.* Отто Бауэр: восемь месяцев на Бальхаусплац // *Славяноведение*. 1999. № 1.

² *Кретицин С.В.* Судето-немецкая социал-демократия: страницы политической истории, 1918 – 1939 гг. Воронеж, 1998. С. 31 – 34.

³ *Bartoš J.* Dějepis II České dějiny v datech. Olomouc, 1994. S. 115 – 116.

⁴ Согласно условиям перемирия, заключенного 13 ноября 1918 г. в Белграде между новым венгерским правительством М. Каройи и представителем Франции д'Эспере, вся территория Венгрии за исключением Хорвати – Словении должна была пока оставаться под венгерской администрацией. Ссылаясь на это решение, венгры отказывались оставить территорию Словакии. См.: *Olivová V.* Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 70.

⁵ *Dokumenty stovenskej národnej identity a štátnosti.* (Далее: *DSNIŠ*). Zv. 1 – 2. Bratislava, 1998. Zv. 2. S. 51 – 52.

⁶ *Olivová V.* Op. cit. S. 70; *Tajtádk L.* Revolučné roky 1848 – 1849 a 1918 v historickom oblúku a so zreteľom na východné Slovensko // *Stredoevrópske národy na križovatkách novodobých dejín 1848 – 1918.* Prešov; Bratislava; Wien, 1999. S. 82 – 83.

⁷ *Hanák W.K.* Podkarpatsko-rusínská otázka: 1918 – 1945. Praha, 1998. S. 9.

⁸ *Ibid.* S. 16.

⁹ Район Бургенланд был присоединен к Австрии.

¹⁰ *Raková S.* US Central European Policy (November 1918 – June 1919) // *Historica*. Praha, 1983. XXII. S. 176 – 180.

¹¹ *Klimek A., Kubů E.* Československá zahraniční politika 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 39.

¹² См. например: *Tomaszewski J.* Czechosłowacka propaganda plebiscytowa na Spiszy i Orawie (1919–1920) // *Střední a východní Evropa v krizi XX. Století*. Praha, 1998. S. 323–334.

¹³ Версальский мирный договор. М., 1925. С. 38–40.

¹⁴ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1926. Ч. II. С. 350.

¹⁵ Там же. С. 378–380.

¹⁶ Treaty of Peace with Germany. Extracts from Hearings before the Committee of Foreign Relations United States Senate. Sixty-Sixth Congress. First session. Statements of Ven Svarc, Edvard Vaczy, and O.D. Koreff pertaining to the Czech-Slovak Republic in relation to the claims of Hungary, Wash., 1919. S. 3–39.

¹⁷ DSNIS. Bratislava, 1998. Zv. 2. S. 117–123.

¹⁸ *Bohač A.* Národní mapa. Praha, 1926. S. 160–161.

¹⁹ Подробнее о "чехословакизме" см.: *Серapiоновa E.П.* Идея чехословакизма. Истоки и реализация // Национальный вопрос в Восточной Европе – прошлое и настоящее. М., 1995; *Krajčovičová N.* Působenie čechoslovakizmu v politickej praxi v prvých rokoch po vzniku ČSR // *Pohl'ady na slovenskú politiku* Bratislava, 2000. S. 569–583.

²⁰ История Словакии: Пер. со словац. и англ. яз. М., 2003. С. 303.

²¹ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20. Století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997. S. 54–55.

²² *Крейбух К.* Национальный вопрос в Чехословакии // Российский государственный архив социальной и политической истории. (Далее: РГАСПИ). Архив Коминтерна. Ф. 495. Коммунистическая партия Чехословакии. Оп. 71. Д. 194. Л. 11.

²³ Там же. Л. 13.

²⁴ *Kováč D.* Česko-slovenská štátnosť v kontexte slovenských dejín. Otázka kontinuity a diskontinuity // Československo 1918–1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě. Sv. I. Praha, 1999. S. 28; *Kvaček R.* Ke vzniku Československa // *Ibid.* S. 38–39.

²⁵ Československá ústava a zákony s ní souvislé. Praha, 1935. Díl. I.

²⁶ Ústava Republiky Československé. Praha, 1932.

²⁷ *Фурсов Е.Ф.* Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е годы. М., 1989. С. 6.

²⁸ *Olivová V.* Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 81–83.

²⁹ Ústavní zákony Československe republiky. Praha, 1920. S. 51–56.

³⁰ Подробнее о том, как "регулировался" языковый вопрос в Подкарпатской Руси см.: *Шевченко К.В.* Русинский вопрос в межвоенной Чехословакии // *Славяноведение*. 2003. № 3. С. 10–11.

³¹ *Serapionová J.* Národnostní práva podle ústavy Československé republiky roku 1920 // *Kroměřížský sém 1848–1849 a tradice parlamentarismu ve střední Evropě*. Kroměříž, 1998. S. 79.

³² Dokumenty o Podkarpatské Rusi. Praha, 1997. S. 12–14.

³³ *Peška P.* K ústavnímu postavení Podkarpatské Rusi // *Střední Evropa a Podkarpatská Rus*. Praha, 1997. S. 70.

³⁴ *Lacina V.* Zlatá léta československého hospodářství (1918–1929). Praha, 2000. S. 23.

³⁵ См. например: *Ibid.* S. 25; *Kárník Z.* České země v éře První republiky (1918–1938). Praha, 2000. Díl. I. S. 212–213.

³⁶ *Kárník Z.* Op. cit. S. 56.

³⁷ *Lacina V.* Op. cit. S. 32.

³⁸ Подробнее о проведении денежной реформы см.: *Lacina V.* Měnová politika v prvních letech Československé republiky // *Historický obzor.* 1990–1991. Č. II. S. 50–55.

³⁹ *Kárník Z.* Op. cit. S. 55.

⁴⁰ *Ibid.* S. 59.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ В НАЧАЛЕ 20-х годов XX в.

Послевоенное восстановление экономики и экономический кризис 1921–1923 гг.

Экономическое положение страны после войны и распада Австро-Венгрии стало стабилизироваться лишь в 1920 г., однако этот позитивный процесс был прерван начавшимся мировым циклическим кризисом. Вопреки ожиданиям, в этом году рост производства в ЧСР упал на 2,2%¹. Особой проблемой стало включение Словакии и Подкарпатской Руси в экономическое хозяйство страны. Для более слабой словацкой промышленности включение в единый экономический организм с развитой чешской индустрией на основе либерального принципа свободного предпринимательства, оказалось губительным. В условиях начавшегося кризиса словацкая экономика особенно страдала. Около 200 словацких заводов в 1920-е годы были ликвидированы, другие включены в общегосударственные и международные концерны, но в основном как поставщики сырья и полуфабрикатов, либо обслуживали лишь словацкий рынок². Разрыв в промышленном развитии двух частей страны, по мнению Л. Липтака, не только не уменьшился в "первой" республике, но усилился³. Чешский финансовый капитал постепенно вытеснял венгерский и австрийский из Словакии, занимая его позиции не только в банковской сфере, но и в промышленности. Наибольшую активность в этом направлении развивал Живностенский банк Я. Прейсса, Аграрный банк и Легиобанк⁴. Критикуя экономическую политику чехословацкого правительства в Словакии, К. Крейбих писал: "Слабо развитая, но для хозяйства страны не лишенная значения (словацкая. — Е.С.) промышленность потерпела сильный удар вследствие отрыва ее от венгерского экономического уклада. Словакии в первую очередь коснулось свертывание промышленности, проводимое чешским финансовым капиталом... Поэтому многие производства бездействуют в течение нескольких лет, многие находятся в периоде ликвидации. Величайший железоделательный завод Словакии, на

котором работало 3 тыс. рабочих, был закрыт, оборудование продано Венгрии, трубы срыты до основания. Результаты бездействия, а также частичного уничтожения промышленности, вместе с невероятным податным обложением хозяйств (14-кратным по сравнению с прежней Австрией), пошлины и монополии при обесценивании золота на $\frac{1}{7}$ часть золотого паритета создали обнищание, ищущее выхода в эмиграции. Известный в былом поток выходцев словаков из прежней Венгрии в Америку сейчас же после освобождения потек вновь и из новой республики в прежнем направлении. Со времени своего основания Чехо-Словакия потеряла почти 2% своего населения в эмиграции, причем львиная часть этой потери подает на долю Словакии⁵. Даже учитывая, что коммунистам было свойственно утрировать недостатки существовавшей системы, в данном случае приходится признать, что многое из этой критики, увы, соответствовало действительности.

В 1921 г. в Праге было создано Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике (Земгор) для обслуживания нужд русских эмигрантов⁶. При нем существовал Торговый отдел, предполагалось, что он будет служить для установления тесных экономических и финансовых связей чехословацких государственных, кооперативных и частных предприятий с земско-городскими учреждениями освободившейся от большевиков России. Но так как ожидаемое освобождение и возрождение России никак не наступало, отдел решил провести экономическое обследование Подкарпатской Руси и Словакии. В докладе, написанном по результатам проведенного обследования, говорилось, что эти части страны, патриархальные и земельные по своему укладу, изобилующие местными продуктами, кожей, не имеют ни одного кожевенного завода, никаких предприятий по переработке мяса, производству колбас. Сырье вывозится в Чешские земли, а потом в переработанном виде возвращается обратно, при этом потребитель переплачивает большие средства на одних только тарифах. В качестве разумной меры предлагалась организация предприятий на местах, с тем, чтобы население, объединившись в кооперативы, могло бы поставлять сырье. Тем самым устранялись бы многочисленные посредники — "евреи и мадьяры, хищнически эксплуатирующие невежество и беспомощность местного населения"⁷. Кроме того, местные предприятия могли бы обеспечить круглогодичную заня-

тость значительного числа людей, повысить их благосостояние и ослабить вынужденную экономическую эмиграцию. Торговый отдел Земгора был озабочен даже организацией акционерного общества, с помощью которого планировалось привлечь чешские, русские и иностранные капиталы для правильной эксплуатации природных богатств Подкарпатской Руси и Словакии. В связи с этим он ходатайствовал перед чехословацким правительством о разрешении на вывоз нескольких сот голов живого скота из этих частей страны в Италию для получения средств в фонд акционерного общества⁸.

Казалось бы, соединение преимущественно аграрной Словакии с экономически развитыми чешскими землями должно было быть взаимовыгодным, но слабое развитие словацкой промышленности, неспособной поглотить прирост населения, создавало переизбыток дешевой рабочей силы на селе⁹, мешая внедрению новых сельскохозяйственных машин, прогрессивных методов хозяйствования и интенсификации экономики. Мелкие словацкие хозяйства центральной и восточной Словакии не могли вести успешную торговлю с чешскими промышленными центрами, всю выгоду от торговли получали крупные имения и крепкие хозяйства западной и юго-западной Словакии¹⁰. Однако постепенно процессы экономической интеграции страны привели в конце 20-х годов к складыванию единого внутреннего рынка.

Спад промышленного производства в Чехословакии стал особенно заметен в 1922 г., когда промышленное производство составило 78% довоенного. В конце 1922 г. обанкротились около 80 крупных промышленных и торговых фирм¹¹. На рубеже 1922 — 1923 гг. произошел крах сразу трех банков: Моравско-силезского, банка Богемия и Земельного банка, что в какой-то степени подорвало доверие к стабильности чехословацкой денежной системы¹².

Экономическая депрессия 1921 — 1923 гг. сопровождалась и социальным кризисом: в начале 1923 г. число безработных превысило 440 тыс. человек, снизилась заработная плата, ширилось забастовочное движение. Летом 1921 г. прошла крупная забастовка банковских служащих¹³. С целью не допустить социальных волнений, в 1921 г. приняли закон о создании заводских комитетов для защиты интересов рабочих. Комитеты создавались на всех предприятиях с числом более 30 работников.

Выход из кризиса был связан с преодолением инфляции и укреплением чехословацкой валюты. Кроме того, в 1923—1924 гг. усиливаются иностранные и государственные инвестиции в экономику и несколько расширяется внутренний рынок. Динамично развивается автомобиле- и самолетостроение. В 1921 г. была открыта аэротрасса Прага—Париж, в 1923 г. воздушные линии соединили Прагу и Братиславу. Постепенно росла железнодорожная и шоссейная сеть страны. Восстанавливались внешнеторговые связи с соседними странами — Германией и Австрией, Венгрией и Польшей, ширились экономические контакты с другими западноевропейскими государствами и США, особое место в торговых отношениях стали занимать союзные государства — Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). По сравнению с другими странами Центральной Европы Чехословакии удалось успешнее и быстрее восстановить хозяйство после войны и выйти из кризиса начала 20-х годов. Уже к 1924 г. производство промышленной продукции на 7% превысило довоенный уровень¹⁴.

Политическая система и государственная политика

Политическое устройство чехословацкой парламентской республики основывалось на существовании и функционировании политических партий. В ЧСР существовал очень пестрый спектр партийных объединений, созданных на совершенно разных принципах: организационных, идейных и национальных. Существование многочисленных партий обычно свидетельствует о политической нестабильности и незрелости общества, однако, по мнению Й. Гарны, на примере межвоенной Чехословакии этот тезис не оправдывается¹⁵. Он считает, что демократическая система ЧСР была достаточно внутренне стабильной, ее кризис в конце 30-х годов XX в. был вызван лишь внешними причинами, а именно ростом агрессии со стороны немецкого фашизма. Это мнение достаточно спорно. Э. Бенеш, например, размышляя в годы войны о причинах гибели "первой республики", в работе "Демократия сегодня и завтра" отмечал в качестве серьезного недостатка домюнхенского режима организацию политической жизни в форме многочисленных политических партий. По мнению второго президента Чехословакии, это вело к подмене государственных интересов партийными,

атомизации государства, олигархическому партийному управлению и неспособности быстро реагировать на возникавшие в моменты кризисов проблемы¹⁶.

Согласно новой Конституции в апреле 1920 г. прошли первые парламентские выборы. Решительную победу на них одержала Чехословацкая социал-демократическая рабочая партия, получившая более 37% всех голосов избирателей. Она объединяла в основном рабочих, выступала за огосударствление промышленности и социальные реформы. Ее лидерами были Властимил Тусар, Рудольф Бехине и Иван Дерер.

В населенных этническими немцами районах победа немецких социал-демократов была еще более внушительной (43,5% голосов). В парламент вошла также Чехословацкая национально-социалистическая партия, объединявшая квалифицированных рабочих, учителей и средние слои. Лидерами национальных социалистов являлись Вацлав Клофач, Йиржи Стршибрны, Эмил Франке (позднее, с 1922 по 1935 г. в партию входил и Эдвард Бенеш). В целом социалистические партии получили более 50% голосов чешских и словацких избирателей¹⁷.

Из несоциалистических партий достаточно сильные позиции удерживали аграрии (Республиканская партия чешской деревни), получившие 18,6% голосов чешских избирателей¹⁸. Глинковская словацкая народная партия, ведущими представителями которой наряду с Андреем Глинкой были Фердинанд Юрига, Карол Медерлы, Мартин Сокол, Войтех Тука, Александр Мах, Карол Сидор, получила на выборах 1920 г. около 17% голосов¹⁹.

На основе результатов выборов в конце мая было сформировано новое правительство. Его председателем снова стал В. Тусар. Пост министра внутренних дел сохранил за собой лидер аграриев А. Швегла, Э. Бенеш остался министром иностранных дел. Во втором кабинете Тусара социал-демократы получили семь министерских портфелей²⁰.

Через день после объявления состава нового правительства, 26 мая открылось заседание Национального собрания, избравшее Т.Г. Масарика президентом республики.

Раскол в рядах социал-демократов²¹, выступления левых против правительственной коалиции с буржуазными партиями, привел к кризису партии, затем к отставке Тусара и замене "красно-зеленой коалиции" в начале сентября 1920 г. новым чиновничьим кабинетом (техническим правительством) Яна Черного. Экономическая ситуация оставалась

сложной, росла дороговизна, и правительству приходилось решать вопросы обеспечения государственных служащих, положение которых было катастрофическим. В очередной раз обострились чешско-немецкие отношения. Обстановка осложнялась длительной тяжелой болезнью президента²². В этих условиях постепенно сложилась так называемая Пятёрка — неконституционный, но влиятельный политический орган из лидеров ведущих партий, официально выступавший как Объединенный исполнительный комитет их парламентских клубов. От социал-демократов в "Пятёрку" входил Рудольф Бехине, затем Альфред Мейсснер, от аграриев —

*Томаш Батя — глава
крупнейшего обувного концерна
(1920-е годы)*

Антонин Швегла, от национальных социалистов — Йиржи Стршибрны, народную партию представлял Ян Шрамек, национальных демократов — Алоис Рашин, а после его смерти (в результате совершенного на него в начале 1923 г. покушения) Карел Крамарж. Наиболее влиятельной фигурой Пятёрки стал А. Швегла. Создание "Пятёрки" было определенным отступлением от демократических норм, но в то же время в условиях резкого обострения социальных и национальных противоречий летом — зимой 1920 г. позволило сохранить сам демократический режим.

Однако не только "Пятёрка" определяла политическую жизнь в стране. Сложившаяся вокруг Бенеша и Масарика влиятельнейшая группировка, так называемый Град (этот термин стал употребляться уже с начала 20-х годов), также имела огромное значение. Само понятие "Град" включало не только определенные персоналии, но также идеи и политическую практику. "Град" не был четко структурированной организацией, а скорее являл собой конгломерат политиков, влиятельных особ, журналистов, юристов и литераторов, проводивших линию Масарика и Бенеша в чехословацком обществе. Его существование опиралось на высокий автори-

тет в обществе Масарика. Наиболее близки к "Граду" были социалистические партии²³, хотя его приверженцы встречались в разных политических объединениях, общественных организациях и движениях. Традиционные оппоненты "Града" — национальные демократы, выражали интересы прежде всего имущих слоев, их лидерами являлись Карел Крамарж, Алоис Рашин, Виктор Дык и Милан Иванка.

Обе структуры, "Град" и "Пятерка", тесно сотрудничали, но и боролись за власть, широко используя методы интриг и закулисной политики²⁴. "Град" удерживал определенное влияние в партиях "Пятерки", предоставляя некоторым из них (например, крылу В. Клофаца в партии национальных социалистов) финансовые субсидии²⁵.

В эти годы продолжал создаваться государственно-административный аппарат, полиция и жандармерия. Политика правительства была направлена на развитие экономики и улучшение социального обеспечения населения. Принятый в 1920 г., закон о строительстве должен был обеспечить нуждающихся жильем, специальными распоряжениями защищались права квартиросъемщиков. В июле 1921 г. появился закон о помощи безработным, в августе 1921 г. последовал закон о свободе собраний, направленный против ущемления социальных, национальных и религиозных прав.

В конце сентября 1921 г. произошла очередная смена кабинета. Новое правительство при поддержке президента возглавил Э. Бенеш, сохранив за собой пост министра иностранных дел. Министром внутренних дел стал бывший премьер Я. Черны, министром финансов — А. Новак, кресло министра обороны занял аграрий Ф. Удржал. Это коалиционное правительство "Пятерки", представляло собой переходное от технического к парламентскому, так как состояло из лидеров социал-демократов, национальных социалистов, аграриев, национальных демократов, представителей католической народной партии²⁶ и двух специалистов из предшествовавшего кабинета. Просуществовало правительство Бенеша чуть больше года, до начала октября 1922 г.²⁷ Перед ним стояли задачи противостоять попыткам реставрации Карла Габсбурга в Венгрии, а также консолидировать политические силы для стабилизации внутреннего положения в стране.

В ноябре 1921 г. произошел раскол между чешскими и словацкими "лидовцами" (католическими народными партиями Я. Шрамека и А. Глинки), выступавшими до этого

совместно. Глинковская словацкая народная партия (ГСНП) создала собственный парламентский клуб и перешла в оппозицию правительству. В январе 1922 г. она официально представила в Палате депутатов законопроект о словацкой автономии, основанный на предложении юриста Л. Лабая. Он предусматривал оставить в общегосударственном ведении армию (при условии, что в мирное время словацкие воинские формирования будут располагаться на территории Словакии), внешнюю политику, общественный транспорт, гражданское право, выборы президента, финансы и законодательство, касавшееся совместных вопросов. Словакии должна была принадлежать треть портфелей в центральном правительстве. В словацком сейме предполагалось иметь то же количество депутатов, что и в Национальном собрании ЧСР. Общие законы не вступали бы в силу, если бы были отклонены двумя третями словацкого сейма. Кроме того, Словакия, согласно проекту, представляла бы самостоятельную таможенную территорию²⁸. Чешская сторона опасалась, что введение автономии создаст в будущем условия для отделения Словакии, кроме того, это создало бы прецедент для других национальных меньшинств, в первую очередь немцев. Проект даже не обсуждался. Как считает Я. Рыхлик, сами "людаки" (ГСНП) придавали этому документу скорее пропагандистский характер, так как их целью была не автономия, а собственное государство с ограниченным суверенитетом²⁹.

Отношения с немцами, которые вначале стали налаживаться (немецкие депутаты и сенаторы, не участвовавшие в заседаниях Национального собрания с августа 1920 г., вернулись в парламент), вновь обострились. Связано это было с отказом некоторых немецких призывников подчиниться мобилизационному приказу, что в некоторых местах привело к кровавым столкновениям с чехословацкими войсками. Затем последовал скандал в парламенте, когда член Немецкой национальной партии депутат А. Баеран внес в Палату депутатов зловонную бомбу, за что позднее был лишен депутатского мандата, осужден, но успел выехать на автомобиле в Германию³⁰. Основными требованиями чехословацких немцев оставались выплата компенсаций по военным займам, автономия школ и изменение закона о языках³¹. Немецкий коммунист Карл Крейбих отмечал стремление притеснять немцев, "чехизировать" их, либо "наводнить чехами традиционную территорию немецкого разговорного языка",

подчеркивая, что наиболее ярко это проявлялось в школьном деле, в вопросах языка, принятия на службу государственных чиновников, осуществления земельной реформы³². Справедливости ради, он замечал, что это стремление никогда не принимало грубых форм и крупных размеров, однако, для культурной нации, к коей он, безусловно, относил чехословацких немцев, даже небольшое ухудшение школьного дела, подчинение его чуждой по национальности бюрократии при уничтожении всякого самоуправления было весьма чувствительным и расценивалось как проявление национального гнета. Критикуя национальную политику Праги, Крейбих писал: "К этому присоединяется во многих других вопросах ограниченная, часто смешная, идиотско-мелочная, политика булавочных уколов против немцев, которая часто более раздражает и возмущает их, чем все прочее. Но над всем этим доминирует напряженный до последней степени пражский централизм, который становится все более сумасбродным и ставит себе целью обречь местное самоуправление на призрачное существование"³³.

Э. Бенеш стремился ограничить влияние "Пятерки", что вызывало встречный отпор. Перед правительством стояли масштабные экономические проблемы, а премьер, возглавляя внешнеполитическое ведомство, часто отсутствовал в стране, представляя республику за границей.

В октябре 1922 г. было сформировано новое правительство "всенациональной коалиции" во главе с В. Шробаром. Бенешу предложили срочно вступить в какую-то партию, чтобы коалиция стала парламентской. Он остался на посту министра иностранных дел, вступив в партию национальных социалистов. Министром внутренних дел назначили агрария Я. Малипетра, министерства финансов и торговли возглавили национальные демократы А. Рашин (после его смерти Б. Бечка) и Л. Новак. Министром земледелия стал М. Годжа, а по делам Словакии — Й. Каллай³⁴.

Это правительство оказалось самым устойчивым из всех 18 кабинетов "первой" республики, просуществовав более трех лет. Швегла слыл способным, сильным политиком, отношения его с президентом были достаточно равными. Позднее в своих беседах с К. Чапеком Т.Г. Масарик вспоминал, что свою линию проводил с помощью Швеглы, и называл его, наряду с Бенешем, одним из главных руководителей государства³⁵. Кабинету Швеглы пришлось столкнуться со сложными проблемами выхода из экономического и соци-

ального кризиса, преодоления нестабильной политической обстановки.

На рубеже 1922 — 1923 гг. в Чешских землях стали формироваться политические объединения фашистского толка, такие как Национальный фронт, "черно-белые" и др. В Словакии профашистская организация "Родобрана" возникла по инициативе В. Туки³⁶. Небольшие группы правых существовали и среди чехословацких немцев — национал-социалистов³⁷. Под натиском экстремистских сил, угрожавших демократическому режиму государства в марте 1923 г. был принят закон о защите республики, призванный хранить целостность государства и его демократический характер. Внутриполитическую напряженность в обществе создавали радикальные группировки на правом и левом флангах, а также выступления представителей национальных меньшинств³⁸.

Церковь и государство

Основной конфессией в Чехословакии оставался католицизм: 96,5% чехов принадлежали к католической церкви, хотя в народе сильны были гуситские традиции³⁹. В Словакии около 75% населения принадлежали к римско-католическому вероисповеданию⁴⁰. В Подкарпатской Руси преобладали униаты, хотя значительно усилилась тяга к православию. Однако католическая церковь дискредитировала себя тесной связью с династией Габсбургов, что вызвало достаточно сдержанное отношение к ней в чехословацком обществе, да и первый президент ЧСР Т.Г. Масарик был известен своими критическими высказываниями в адрес католического клира. В это время сильны были антиклерикальные и даже атеистические настроения под лозунгом "Прочь от Рима!", "Прочь от Габсбургов!". Сразу после образования государства существовали проекты отделения церкви от государства. С таким предложением выступил депутат Теодор Бартошек в 1919 г.⁴¹ До этого, правда, не дошло, хотя в том же году появилось распоряжение против использования церковных органов в политической деятельности. Первый министр школ и национального просвещения социал-демократ Густав Габрман, являясь сторонником свободомыслия, издал постановление о добровольном изучении закона божьего в школах⁴². Но уже по школьному закону 1922 г. он становился практически обязательным пред-

метом для детей, родители которых принадлежали к признанным государством церквам⁴³. В 1919 г. был принят закон о свободе выбора между гражданским и церковным браком, разрешен развод супругов, католические иерархи согласились даже на кремацию.

Проведение земельной реформы затрагивало имущественные интересы католической церкви (за годы проведения реформы ее земельный фонд в Чехии и Моравии снизился на 16%⁴⁴). Все это плюс инертность самой церковной организации, неспособной быстро отреагировать на политические, экономические, общественные и культурные изменения, вызвали кризис в римско-католической церкви и усилили желание в среде самого чешского католического духовенства провести церковные реформы, направленные на углубление пасторской деятельности и обновление влияния на общество⁴⁵. В ноябре 1918 г. активизировалась деятельность организации "Единство католического духовенства Чехословакии" под руководством Й.Ш. Баара. Ее представители в январе 1919 г. посетили Т.Г. Масарика, чтобы выразить свою лояльность к государству и ознакомить президента с наметаемыми церковными реформами. Предполагалось ликвидировать право патроната шляхты, выбирать епископов, материально обеспечить священников, вести службы на чешском языке, отменить celibat (либо сделать его добровольным), демократизировать церковную организацию. В июне того же года делегация "Единства" направилась в Рим, где вела сложные переговоры с папской курией. Рим всегда выступал за универсализм и отнесся к чешским реформаторам настороженно. Пражским архиепископом был назначен Ф. Кордач, профессор теологии Пражского университета, решительный противник реформ. Радикальное крыло "Единства" под названием "Очаг" предложило своих кандидатов на пост архиепископа. Руководитель "Очага" К. Фарский в ноябре 1919 г. попытался прийти к компромиссу с Кордачем, но безуспешно. 8 января 1920 г. произошел окончательный раскол — часть духовенства подчинилась римской курии и архиепископу, часть решила основать новую Чехословацкую церковь. Для руководства были избраны три епископа, включая ее основателя и патриарха К. Фарского. "Единство" прекратило существование. В сентябре 1920 г. Чехословацкая церковь была признана правительством⁴⁶. Она вела усиленную пропаганду и борьбу за приходы и костелы, и уже в том же году около полумиллиона верующих

присоединились к ней. Больше всего сторонников Чехословацкой церкви было в Чехии, там же проживало наибольшее количество атеистов. Моравия и Словакия остались в основном верны католицизму.

В декабре 1918 г. чешские протестанты, лютеране и кальвинисты, приняли решение войти в единую церковь. Так возникла Чешская братская евангелическая церковь. Самостоятельной осталась Протестантская братская церковь в Моравии. Но лишь 3,7% чехов в чешских землях считали себя протестантами. Немцы основали Немецкую евангелическую церковь в Чехии, Моравии и Силезии осенью 1919 г. на основе аугшпурского (лютеранского) вероисповедения⁴⁷.

В начале 20-х годов возник Высший совет еврейских религиозных общин в Чехии, Моравии и Силезии. Всего в республике проживало более 350 тыс. евреев, причем лишь треть из них в чешских землях. Далеко не все из них исповедовали ортодоксальный иудаизм⁴⁸.

Чехословацкая церковь вскоре разделилась на два крыла. Одно из них, тяготевшее к православию, перешло под юрисдикцию Сербской православной церкви и откололось от Чехословацкой церкви. Это была ее моравская часть под руководством священника М. Павлика, принявшего имя Горазд. С 1924 г. Горазд возглавил Чешскую православную церковь. Всего по переписи 1930 г. в Чехословакии проживали 145 583 православных⁴⁹. Позднее было создано две епархии — Чешская с центром в Праге и Мукачевско-Прешовская с центром в Мукачево.

Внешняя политика ЧСР начала 1920-х годов

Возникнув как часть Версальской системы, Чехословацкая республика стремилась сохранить и укрепить установленный Парижской мирной конференцией статус-кво. Во внешней политике ЧСР ориентировалась на победившие страны Антанты и прежде всего на Францию, с которой 25 января 1924 г. заключила договор о союзе и дружбе⁵⁰. Определял внешнеполитическую линию страны вплоть до середины 30-х годов (до его избрания президентом) неизменный министр иностранных дел Э. Бенеш. Безопасность страны он стремился обеспечить опорой не только на Францию, но и на Лигу Наций, активно участвуя в заседаниях ее Ас-

самблеи в Женеве, начиная с первого (ноябрь 1920), и в работе ряда комиссий, например, Европейской комиссии Бриана. При этом Бенеш несколько раз избирался председателем Совета Лиги Наций и один раз председателем ее Ассамблеи⁵¹.

Особым детищем Бенеша стала так называемая Малая Антанта — союз Чехословакии, Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев (КСХС), изначально направленный против территориальных требований Венгрии (все три государства получили значительные части бывшего Венгерского королевства). Впервые название "Малая Антанта" было с иронией использовано в венгерской прессе, но участники союза с охотой его приняли⁵².

В основе этого трояственного союза лежали соглашения между ЧСР и КСХС от 14 августа 1920 г. о взаимопомощи в случае нападения Венгрии, чехословацко-румынский союзнический договор от 23 апреля 1921 г. и румыно-югославское соглашение от 17 июня того же года. Позднее политические договоры были дополнены экономическими соглашениями.

Уже в начале 20-х годов коммунист К. Крейбих весьма прозорливо отмечал сильную зависимость самого существования чехословацкого государства от соотношения сил в Европе. Он писал: "Необходимым условием Чехо-Словацкого государства в его современных границах внутри капиталистического уклада Европы является немощь Германии, перемены в соотношении сил в Европе. Восстановление сильной, могущественной, капиталистической Германии сделало бы невозможным господство неполных 7 млн чехов над 3 млн немцев, составляющими часть 80 млн народа, а это стало бы равносильно концу чехословацкого государства"⁵³. Причину "нервных зигзагов" во внешней политике Чехословакии он видел в боязни Бенеша того, что распадется Антанта и одна из великих держав пойдет на сближение с Германией. Малая Антанта, по мнению Крейбиха, являлась также страховкой от угрозы распада этого союза. Более других союзников в ослаблении Германии была заинтересована Франция, и именно поэтому Чехословакия в основном ориентировалась на нее⁵⁴.

Поражение А.В. Колчака и отступление армии А.И. Деникина в Советской России создало новую ситуацию, когда следовало решать, как относиться к большевистскому пра-

вительству. В начале января 1920 г. была нарушена экономическая блокада советской страны, а постановление Верховного совета Антанты от 16 января 1920 г., разрешавшее "обмен товарами между русским народом и союзными и нейтральными странами"⁵⁵, создало предпосылки для установления отношений между отдельными капиталистическими государствами и советским правительством, хоть и без его официального признания. Бенеш, как и Масарик, принимая во внимание внутреннюю обстановку в своей стране, не поддерживал продолжение военной интервенции и экономической блокады в отношении России, поэтому принял это решение союзников с удовлетворением⁵⁶. В конце января 1920 г. Бенеш выступил в Комитете по иностранным делам Палаты депутатов Национального собрания об отношении Чехословакии к советскому правительству. В этом выступлении он заявил: "Если союзники придерживаются сейчас принципа экономических связей с русским народом, это значит, что они отказываются от интервенционистской политики, что является первым шагом на пути к попытке заключения соглашения с новой Россией... Наша внешняя политика... будет нейтральной по отношению ко всем отдельным внутренним проблемам России, по соглашению с нашими союзниками мы будем, в частности, устанавливать связи с хозяйственными элементами отдельных частей России"⁵⁷.

7 февраля 1920 г. были выработаны условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири, а 25 февраля советское правительство предложило Чехословакии нормализовать отношения⁵⁸. Бенеш, ориентируясь на западных союзников (в этот момент в основном на Англию, так как Франция продолжала рассматривать планы военной помощи Добровольческой армии), отказался установить дипломатические отношения с большевистским правительством, но уже через полгода произошел обмен миссиями Красного Креста по вопросам репатриации⁵⁹, которые затем сменились торговыми миссиями и представительствами⁶⁰. Полномочный представитель РСФСР в Чехословакии П.Н. Мостовенко сообщал народному комиссару иностранных дел Г.В. Чичерину 4 августа 1921 г. о своем разговоре с чехословацким министром иностранных дел: "Бенеш начал с заявления о чувстве обиды, которое вызывают лишние заподозривания Советской властью Чехословацкого правительства во всякого рода открытых или замаскированных интервенционистских планах; конста-

тировал, что Чехословацкое правительство упорно стоит на точке зрения полного невмешательства во внутренние русские дела"⁶¹. Далее, по словам Мостовенко, Бенеш заявил, что советское правительство не хочет отказаться от вмешательства в чехословацкие дела, предоставляя солидную денежную помощь чехословацким коммунистам. Заключение торгового договора с советской Россией Бенеш ставил в зависимость от прекращения поддержки чехословацких левых по линии Коминтерна и отказа от пропагандистской деятельности представителей российского Красного Креста⁶².

На Генуэзской международной конференции, проходившей в апреле — мае 1922 г., Бенеш стремился примирить различные позиции Великобритании и Франции в отношении как Германии (вопрос о выплате репараций), так и России (установление торговых отношений). Конференция окончилась безрезультатно, однако 5 июня 1922 г. между РСФСР и Чехословацкой республикой был заключен временный договор, что свидетельствовало о признании советского правительства де-факто. На Генуэзской конференции возник и советско-германский альянс, закрепленный Раппальским договором от 14 апреля 1922 г., основу которого составляла антиверсальская направленность.

В 1921 г. в ЧСР началось проведение так называемой "русской акции помощи" не только голодающим Поволжья, но и русским эмигрантам. Эта акция имела широкие масштабы. В межвоенной Чехословакии по разным данным и в разные годы проживало 15—30 тыс. бывших россиян, при материальной поддержке чехословацкого правительства сформировалась целая сеть русских общественных организаций. Эмигрантам из России предоставлялась возможность получать образование. Хуже обстояло дело с устройством на работу, особенно по специальности⁶³. Вопрос помощи эмигрантам нередко являлся камнем преткновения в чехословацко-советских отношениях.

Чехословацкий МИД стремился установить корректные отношения с соседними странами. Так же как и в вопросе отношений с Россией, это во многом диктовалось экономической необходимостью. 29 июня 1920 г. состоялось подписание торгового договора с Германией. Двойственность чехословацкой внешней политики проявилась в том, что политически страна ориентировалась прежде всего на Францию и Великобританию, а экономические интересы требовали развития и укрепления традиционных связей с Германией и

Австрией. Для сравнения приведем цифры: доля Франции в чехословацком экспорте равнялась в 1921 г. 5%, а в 1925 г. лишь 1,5%, тогда как торговля с Германией в середине 20-х годов составляла 40% всего чехословацкого импорта и 25% экспорта⁶⁴. 29 июня в Праге был подписан и договор между ЧСР и Германией о государственном гражданстве, определявший процесс получения гражданства, оптации и решения спорных вопросов⁶⁵. Несколько ранее подобный договор был подписан с Австрийской республикой и назывался "О государственном гражданстве и охране меньшинств"⁶⁶. 16 декабря 1921 г. в резиденции Масарика в Ланах по инициативе чехословацкой стороны с Австрией заключили договор, направленный против ее возможного аншлюса Германией. Он декларировал принцип нейтралитета во взаимоотношениях двух стран и гарантии неизменности границ. В основе чехословацко-австрийского сближения лежала также экономическая взаимозависимость.

Что касается других соседей, Польши и Венгрии, то отношения здесь развивались не столь позитивно. Как уже говорилось, чехословацко-польские отношения осложнялись территориальными спорами. В апреле 1920 г. вспыхнула польско-советская война. Франция, надеясь на победу Польши и падение большевистского режима в России, осуществляла нажим на ЧСР с тем, чтобы она стала союзницей Польши. Однако сложная внутривнутриполитическая обстановка в стране, мощное революционное движение и сильные позиции левых, симпатизировавших Советской России, никак не способствовали такому решению. Чехословацкие железнодорожники бойкотировали транспортировку с Запада военных материалов в Польшу⁶⁷. Бенеш и Масарик разделяли позицию Англии в отношении Советской России. Они не верили в победу Польши, кроме того, польско-чехословацкие отношения в 1919—1920 гг. стали настолько напряженными, что даже не исключалась возможность чехословацко-польской войны⁶⁸. Летом положение Польши осложнилось из-за контрнаступления Красной Армии. Затруднения Польши Бенеш использовал в своих интересах: ему удалось привлечь на свою сторону представителей французского и британского правительств, убедив их, что чехословацко-польские отношения можно урегулировать, поделив Тешин. 10 июля в Спа Э. Бенеш и польский премьер В. Грабский ознакомились с решением Верховного союзного совета о том, что граница между Чехословакией и Польшей будет проведена на сове-

щении послов Антанты. 28 июля раздел был произведен на выгодных для Чехословакии условиях. К ЧСР отошла часть польской этнической территории, почти весь Карвинский угольный бассейн, железнодорожная ветка с главным вокзалом и большинство фабрик. Польша получила большую часть самого города Тешин. Одновременно с этим разделу подверглись еще два небольших района — Спиш и Орава⁶⁹. Польша реагировала на это решение негативно, но в условиях войны была вынуждена подчиниться решению союзников, отказавшись от плебисцита. Интересно, что и чехословацкие деятели оценивали отказ от плебисцита как отрицательный момент⁷⁰. В августе Чехословакия объявила о своем нейтралитете в советско-польском конфликте.

Следующий период во взаимоотношениях двух стран был связан с созданием Малой Антанты и заключением в 1921 г. польско-румынского и польско-французского договоров. В связи с настойчивыми требованиями Франции и Румынии Чехословакия решила нормализовать свои отношения с Польшей. Некоторое сближение стран произошло и в результате взаимной политической поддержки: ЧСР поддержала Польшу в вопросе о Верхней Силезии, Польша заняла негативную позицию в отношении реставрации Габсбургов в Венгрии. 6 ноября 1921 г. министрами иностранных дел ЧСР и Польши Э. Бенешем и К. Скирмунтом был заключен договор, согласно которому стороны брали на себя обязательства уважать территориальную целостность, проводить арбитраж по спорным вопросам и придерживаться нейтралитета в случае конфликта с третьей стороной. Кроме того, они обязывались ликвидировать на своей территории враждебные друг другу вооруженные формирования. Однако в Варшаве договор не ратифицировали из-за нерешенного с Чехословакией еще одного пограничного вопроса о районе Яворины⁷¹. Спор из-за Яворины был окончен лишь в 1924 г. подписанием 6 мая взаимного протокола. Эти шаги предпринимались в связи с готовившимися Локарнскими соглашениями, направленными против интересов малых стран. В том же 1924 г. во время Женевского совещания Лиги Наций министрам иностранных дел Э. Бенешу и К.А. Скиншиньскому удалось договориться о нормализации отношений, в результате чего в апреле следующего года в Варшаве заключили три договора: первый — о ликвидации взаимных территориальных претензий и признании равноправия национальных меньшинств, второй — об арбитраже для решения всех разногласий, исклю-

чая лишь территориальные, и третий — о финансовых и торговых отношениях. Лишь после этого состоялся обмен послами, но до политического союза дело так и не дошло⁷².

Отношения с Венгрией оставались крайне напряженными на протяжении всего межвоенного периода. Даже после подписания Трианонского договора Венгрия не оставляла надежд на ревизию Версальских соглашений, продолжая претендовать на Словакию и Подкарпатье. Попытки пересмотра и ликвидации Версальской системы исходили из двух центров — Германии и Венгрии⁷³. В феврале 1920 г. в Венгрии произошел государственный переворот, в результате которого в стране был установлен диктаторский режим адмирала М. Хорти. Во время советско-польской войны летом 1920 г. Венгрия предпринимала попытки вернуть хотя бы часть отторгнутой у нее в пользу Чехословакии территории восточной Словакии и Подкарпатья, аргументируя свои требования нежеланием и неспособностью чехословацкого правительства защитить эти территории в случае продвижения большевиков⁷⁴.

Весной 1921 г. Карл Габсбург попытался вернуть венгерский трон, подчеркивая стремление добиться целостности земель святого Стефана. Из-за решительного сопротивления Хорти, поддержанного населением и армией, а также противодействия Италии, Австрии и Малой Антанты эти планы реализовать не удалось. Осенью того же года была предпринята еще одна попытка реставрации Габсбургов в Венгрии⁷⁵. В связи с этими событиями ЧСР и Югославия объявили мобилизацию, Румыния осуществляла дипломатическую поддержку своих союзников по Малой Антанте. Франция также оказала поддержку Чехословакии⁷⁶. Хорти выступил против возвращения на трон Карла I, в Венгрии был принят закон, запрещающий реставрацию Габсбургов⁷⁷.

Первой серьезной трещиной в Версальской системе стал так называемый Рурский кризис: в 1923 г. в ответ на отказ Германии выплатить очередной репарационный взнос Франция и Бельгия оккупировали ее промышленный центр Рур. Эта акция крайне обострила внутреннюю ситуацию в Германии, новому правительству с трудом удалось подавить октябрьское восстание коммунистов в Гамбурге и фашистский путч в Мюнхене. План Дауэса, подготовленный комиссией экспертов для обеспечения платежеспособности Германии, предполагал восстановление в рамках Версальской системы экономически сильной и стабильной Германии.

Принятие этого плана на Лондонской конференции в 1924 г. означало победу англо-американской точки зрения над французской по германской проблеме.

В том же году во время краткосрочного пребывания у власти левых правительств Великобритании и Франция установили дипломатические отношения с СССР.

Чехословацкие политики не хотели отказываться от ориентации на Францию, но не желали и делить с ней международную изоляцию после Рурского кризиса, опасаясь затруднять отношения как с Великобританией, так и с соседней Германией. Поэтому в 1923 г. они рассматривали чехословацко-французский договор как несвоевременный. Его подписание состоялось лишь 25 января 1924 г. Обе страны подчеркивали свою заинтересованность в сохранении Версальской мирной системы. Это соглашение означало включение Чехословакии во французскую союзническую систему в Европе и было направлено против усиления влияния и возможной экспансии Германии. Однако для его реализации Франция в то время не обладала ни политическими, ни экономическими возможностями⁷⁸. Чехословакия проявляла интерес к поддержанию тесного французско-британского сотрудничества как гарантии решения европейских проблем и обеспечения мира. Однако это сотрудничество все больше ослабевало. Одновременно ЧСР пыталась играть ведущую роль в Центральной Европе, опираясь на союз с Францией и Малую Антанту.

¹ Kárník Z. České země v éře První republiky (1918 – 1938). Praha, 2000. Díl. I. S. 212.

² Lipták L'. Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000. S.115.

³ Ibid. S. 118.

⁴ Lacina V. Zlatá léta československého hospodářství (1918 – 1929). Praha, 2000. S. 44.

⁵ Российский государственный архив социальной и политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Архив Коминтерна. Ф. 495. Оп. 71. Коммунистическая партия Чехословакии. Д. 194. Л. 21 – 22.

⁶ Подробнее см.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20 – 30-е годы). М., 1995. С. 57 – 58.

⁷ Государственный архив Российской Федерации. (Далее: ГАРФ.) Ф. 5764. Оп. 1. Д. 121. Л. 127 – 128.

⁸ Там же. Л. 128 об.

⁹ Традиционная эмиграция в США была затруднена введением в 1921 г. иммиграционных квот, см.: История Словакии: пер. со словац. и англ. яз. М., 2003. С. 308.

¹⁰ Lipták L'. Op. cit. S. 119.

¹¹ Lacina V. Op. cit. S. 82.

¹² Jančík D., Kalina T. Banky a společnost v meziválečném Československu // Historický obzor. 1994. XI. S. 253.

¹³ Kárník Z. Op. cit. S. 149.

¹⁴ Ibid. S. 227.

¹⁵ Harna J. Politické strany a formování politického systému v Československu po roce 1918 // Politický systém a státní politika v prvních letech existence Československé republiky (1918–1923). Praha, 1990. S. 10–11.

¹⁶ Серапионова Е.П. Эдуард Бенеш и его идеи демократического развития общества // Славяноведение. 1998. № 1. С. 14.

¹⁷ Kárník Z. Op. cit. S. 125.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ История Словакии. С. 305.

²⁰ Персональный состав правительства см.: Olivová V. Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 310–311.

²¹ Учредительный съезд коммунистической партии Чехословакии (КПЧ), выделившейся из социал-демократической партии, произошел в мае, а объединительный – в октябре 1921 г.

²² Klimek A. Voj o Hrad. Hrad a Pětka. Praha, 1996. Sv. I: (1918–1926). S. 149–162.

²³ Ibid. S. 172.

²⁴ Ibid. S. 179.

²⁵ Ibid. S. 191.

²⁶ Чехословацкая народная партия изначально придерживалась клерикализма, но постепенно эволюционировала от политического консерватизма к центристским позициям. Важную роль в ней играло духовенство. Лидерами партии являлись Ян Шпрамек и Мартин Мичура.

²⁷ Olivová V. Op. cit. S. 311–312.

²⁸ Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století. Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997. S. 105.

²⁹ Ibid. S. 107.

³⁰ Kárník Z. Op. cit. S. 222–223.

³¹ Klimek A. Op. cit. S. 200.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 194. Л. 37.

³³ Там же.

³⁴ Olivová V. Op. cit. S. 312.

³⁵ Čanek K. Беседы с Т.Г. Масариком. М., 2000. С. 137.

³⁶ Подробнее о ее формировании и деятельности см.: Čaplovič M. Branné organizácie v Československu 1918–1939 (so zreteľom na Slovensko). Bratislava, 2001. S. 84–98.

³⁷ Kárník Z. Op. cit. S. 233.

³⁸ Kováč D. Dějiny Slovenska. Praha, 1998. S. 191.

³⁹ Kárník A. Op. cit. S. 315.

⁴⁰ История Словакии. С. 274.

⁴¹ Tretera J.R. Stát a církev v České republice. Pravo. Kostelní Vydří. 2002. S. 35.

⁴² Ранее, во времена Габсбургской империи, римско-католическая религия являлась обязательным предметом обучения, каждый урок начинался и завершался молитвой, а дети вместе с учителем обязаны были участвовать в религиозных празднествах.

⁴³ Kárník Z. Op. cit. S. 323.

⁴⁴ Tretera J.R. S. 35–36.

- 45 Marek P. K problematice církevního rozkolu v Československu v roce 1920 // Český časopis historický. 2001. Č. 1. S. 90.
- 46 Tretera J.R. Op. cit. S. 37.
- 47 Kárník Z. Op. cit. S. 318–320.
- 48 Ibid. S. 320.
- 49 Бурера В.В. Чехословацкая православная церковь: путь к автокефалии. 1945–1951 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы 1939–1958: Дискуссионные аспекты. М., 2003. С. 200.
- 50 Klimek A., Kubů E. Československá zahraniční politika 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 48.
- 51 Cecil V. Dr. Beneš at Geneva // Edvard Beneš. Essays and Reflections Presented on the Occasion of His Sixtieth, Birthday / Ed. Jan Opočenský. L., 1945. P. 19.
- 52 Klimek A., Kubů E. Op. cit. S. 31.
- 53 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 194. Л. 33.
- 54 Там же. Л. 34.
- 55 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) (ноябрь 1917 – август 1922). М., 1973. Т. 1. С. 310.
- 56 Koldř F. Formování koncepce československé zahraniční politiky po roce 1918 // Politický systém a statní politika... S. 200.
- 57 ДМИСЧО. Т. 1. С. 309–310.
- 58 Там же. С. 322–323.
- 59 Там же. С. 357–358, 362–363.
- 60 Там же. С. 406–410; Klimek A., Kubů E. Op. cit. S. 34.
- 61 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 15. Л. 22.
- 62 Там же.
- 63 Подробнее о русской эмиграции в ЧСР см.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике.
- 64 Klimek A., Kubů E. Op. cit. S. 36.
- 65 Československá ústava a zákony s ní souvisle. Praha, 1935. Díl I. S. 906–915.
- 66 Ibid. S. 887–895.
- 67 ДМИСЧО. Т. 1. С. 343.
- 68 Gajan K. Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů // České země a Československo v Evropě XIX. a XX. století. Praha, 1997. S. 195.
- 69 Raubal S. Granica polityczna polsko-czeska. W-wa, 1927. S. 22–24.
- 70 Tomaszewski J. Czechosłowacka propaganda plebiscytowa na Spiszu i Orawie (1919–1920) // Střední a východní Evropa v krizi XX. století. Praha, 1998. S. 334.
- 71 Wandycz P.S. France and her Eastern Allies 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962. S. 395–397.
- 72 Серапионова Е.П. К вопросу о роли территориальных споров в развитии чехословацко-польских отношений межвоенного периода // Материалы школы молодых славистов и балканистов. М., 1990. С. 194.
- 73 Olivová V. Op. cit. S. 106.
- 74 Klimek A., Kubů E. Op. cit. S. 39.
- 75 Olivová V. Op. cit. S. 123.
- 76 Gajan K. Op. cit. S. 206.
- 77 Klimek A., Kubů E. Op. cit. S. 41.
- 78 Ibid. S. 48.

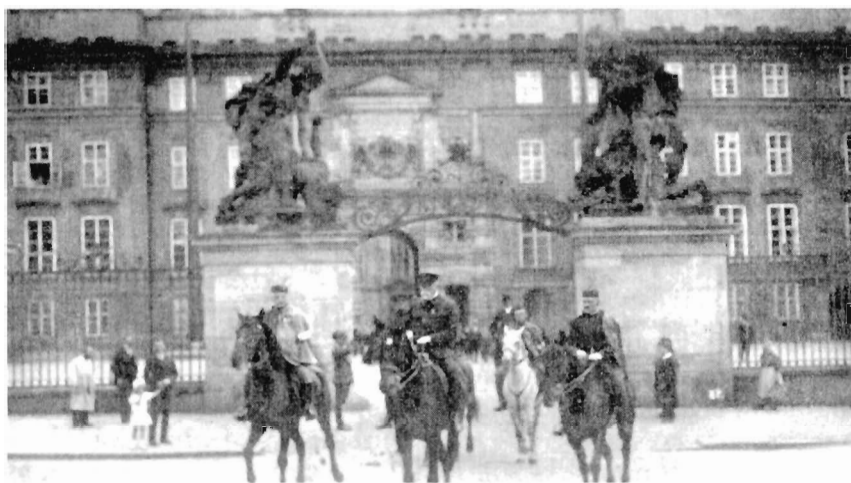
"ЗОЛОТЫЕ ГОДЫ" ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ (1924–1929 гг.)

Экономика

Вторую половину 20-х годов XX в. принято называть "золотыми годами" Чехословакии, имея в виду прежде всего ее экономическое положение. В это время сложилась выгодная для страны конъюнктура, связанная с общемировыми экономическими процессами: в 1923 г. уровень мирового промышленного производства достиг довоенного, а в 1929 г. превысил его более чем наполовину¹. К середине 20-х годов стабилизируется и экономика ЧСР, начинается ее значительный подъем. В 1924 г. валовой национальный продукт Чехословакии увеличился по сравнению с довоенным уровнем более чем на 10%, а в 1928 г. превышение составило 20%. К 1929 г. промышленные показатели возросли на 41%, а сельскохозяйственные — на 28%².

Промышленность в Словакии оживилась в 1925 г. В эти годы росло и сельскохозяйственное производство: из Словакии в Моравию в изобилии поступали пшеница, мука, кукуруза, ячмень, скот, фрукты, вино. В этот период урожайность возросла по сравнению с довоенной на 15–20%, увеличилось производство табака, росла продуктивность скота, хотя его общее количество снижалось³.

Позитивным моментом являлась модернизация производства и создание современной инфраструктуры страны. Государство поддерживало инвестиции в экономику. Динамика промышленного производства ЧСР опережала средний европейский уровень. Наибольшие успехи были достигнуты в металлургии, строительстве, химической промышленности и производстве электроэнергии. Технический прогресс, более широкое использование электроэнергии способствовали развитию различных отраслей индустрии. Если в 1919 г. в Чехословакии вырабатывалось 1164 млн кВт электроэнергии, то в 1928 — уже 2749 млн кВт⁴. Продолжалась электрификация Чешских земель, началась электрификация Словакии и Подкарпатской Руси. Эта политика поддерживалась

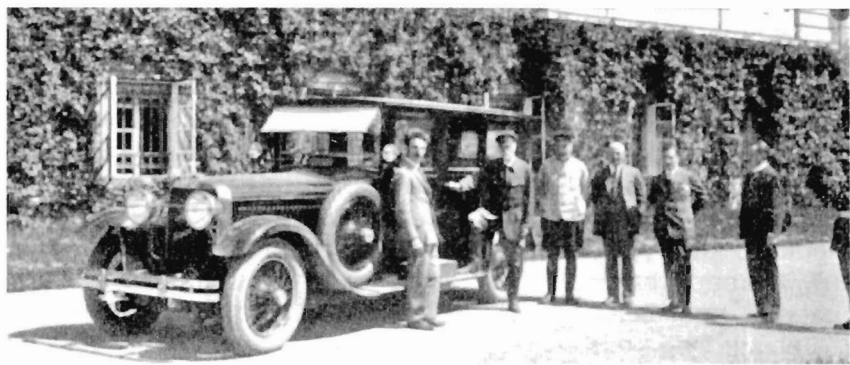

Т.Г. Масарик на коне перед Пражским градом

государством, большую роль при этом играли также органы самоуправления и общественные организации. Но если к концу 20-х годов в Чешских землях электричеством пользовалось большинство жителей (58,8%), то в Словакии оно было доступно лишь четверти населения (25,6%)⁵.

Использование двигателя внутреннего сгорания определило быстрое развитие таких отраслей как автомобиле- и самолетостроение. В 1922 г. в республике выпускалось около 10 тыс. автомобилей, а к 1930 г. их число превысило 100 тыс.⁶ Если раньше в стране преобладали машины иностранных марок, то к 1925 г. число чехословацких автомобилей, производимых заводами "Прага", "Шкода" и "Татра", сравнялось с иномарками, начался и экспорт чехословацких машин. Одновременно стали выпускаться двигатели самолетов и первые тракторы.

Инвестиционная политика, особенно в конце 20-х годов, была направлена на модернизацию уже существующих заводов. В основном средства направлялись в новые отрасли, такие как электротехническая, химическая, строительство электростанций, но также и в традиционные — металлургическую и угольную промышленность, в производство обуви и бумаги. Иностранные инвестиции в чехословацкую экономику по сравнению с соседними Германией, Польшей, Румынией были невелики. Скорее исключением были два долгосрочных английских займа заводам "Шкода". Недостаток

*Т.Г. Масарик в Ланах 3 мая 1926 г. перед новым автомобилем
"Шкода-Испано-Суиза"*

иностранный капитал, по мнению В. Лацины, вел к мобилизации внутренних финансовых ресурсов и рационализации производства. Сильным импульсом к модернизации служила конкуренция на мировых рынках.

В это время образовывались и новые промышленные предприятия и центры. В 1927 г. путем объединения нескольких пражских фабрик возник мощный строительный и электротехнический гигант Чешскоморавска — Колбен — Данек (ЧКД), а на заводах "Шкода" в Пльзене был построен первый в ЧСР электрический локомотив. В 1929 г. начался выпуск ставших известными на весь мир мотоциклов "Ява"⁷. Дальнейшее расширение получила сеть железных и шоссейных дорог.

Денежная реформа привела к укреплению национальной валюты, в 1923 — 1924 гг. чехословацкая крона стабилизировалась и равнялась приблизительно 16 швейцарским сантимам. Это, по признанию специалистов, было большим и бесспорным успехом финансовой политики ЧСР, которая первой из стран Центральной Европы стала обладательницей твердой, всюду обмениваемой денежной единицы. В соседних странах — Германии, Австрии, Венгрии, Польше — финансовая стабилизация денежной единицы произошла на два — четыре года позже⁸. В конце 1929 г. крона имела золотое обеспечение и являлась одной из наиболее стабильных валют в Европе, что, безусловно, способствовало развитию всей чехословацкой экономики. Успешно функционировала и банковская система, одним из крупнейших банков являлся Живностенский. Этот банк еще в

90-е годы XIX столетия стал чешским экономическим центром, был национально ориентированным, не перенес свой офис в Вену, а в годы войны его деятели подверглись преследованию за "государственное предательство". После образования чехословацкого государства именно он стал принимать активное участие в отделении чехословацкого капитала от австрийского и вытеснении немецкого и венгерского капитала из промышленности молодой республики⁹. Живностенский банк имел сильные позиции в текстильной промышленности и производстве сахара, проникал во многие крупные предприятия, включая пльзеньские заводы "Шкода" и "Рингофферовы заводы" в Праге — Смихове¹⁰. Через этот банк Национально-демократическая партия оказывала влияние на экономическую сферу, так как его руководитель Я. Прейсс был связан с лидерами партии К. Крамаржем и А. Рашином. Но это не единственный пример переплетения интересов банков и политических кругов, а скорее общая тенденция. Аграрная партия была связана, например, с банком Богемия. Не редкостью были коррупция и лоббирование политиками интересов отдельных банков, а также всевозможные банковские аферы. В 1924 г. государство получило право контроля над банками посредством периодических ревизий, одновременно обеспечивая им и государственную поддержку в виде санации в случае временных финансовых трудностей. В 1926 г. возник чехословацкий Национальный банк¹¹. От левых исходили требования социализации банков, последние, в свою очередь, подчеркивали свой "народный" характер как кооперативных объединений мелких и средних вкладчиков.

В деревне также произошли существенные перемены. Повысился профессиональный уровень земледельцев и техническое оснащение их хозяйств. Большую роль в этом сыграли специализированные школы и интерес, проявленный занятыми в сельском хозяйстве людьми, к освоению новых методов хозяйствования.

Во второй половине 20-х годов Чехословакия представляла собой индустриально-аграрное государство, в котором решающая роль в экономике принадлежала промышленности. Число занятых в производстве превысило число работников сельского хозяйства. Однако неравномерность экономического развития различных частей страны продолжала сохраняться. Быстрыми темпами развивался транспорт, торговля и денежная система. Крупнейшим

торговым партнером Чехословакии была Германия. Поток экспортных товаров в основном шел в Центральную и Юго-Восточную Европу. Чехословацкая республика по ряду показателей входила в десятку наиболее развитых индустриальных государств, в целом оставаясь в числе среднеразвитых промышленных стран, таких как Австрия, Италия, Норвегия или Финляндия.

Социальная политика

В 20-е годы XX в. заметно возрос жизненный уровень населения страны. Валовой национальный продукт в ЧСР увеличился на 68%, годовой прирост ВВП на душу населения составил 2,5%¹². Реальная заработная плата превысила довоенный уровень на 20–25%. Согласно международной статистике Чехословакия в конце 20-х годов занимала 14-е место по размерам заработной платы¹³. Вплоть до 1929 г. число безработных было невелико (около 40 тыс., т.е. 0,8% трудоспособного населения)¹⁴. В 20-е годы наблюдался ежегодный (в среднем 0,5-процентный) прирост населения, улучшился уровень здравоохранения, увеличилась продолжительность жизни.

В 1922–1926 гг. наблюдался и пик реэмиграции чехов и словаков на родину. Трудовая эмиграция (в основном из Словакии) тоже продолжалась, но после 1922 г. снизилась¹⁵. Умеренными темпами шел процесс урбанизации, по сравнению с чешскими землями в Словакии он находился на низшем уровне, но проходил достаточно быстро. В Чехословацкой республике в 20-е годы насчитывалось пять крупных городов: Прага, Брно, Моравска Острава, Братислава и Пльзень. Менялся и облик деревни, далеко не все ее жители были связаны с сельским хозяйством, на селе становилось все больше ремесленников, торговцев, специалистов (врачей, почтовых служащих и др.).

К концу 20-х годов количество рабочих, занятых в промышленности, и членов их семей составило 50,41% всего населения. Поэтому политика по отношению к этому классу была весьма важной. Наиболее серьезной социальной реформой было принятие закона о рабочем страховании по инвалидности и старости в 1924 г. Он касался всех лиц, занятых в производстве и сфере услуг на основе трудовых соглашений. Его действие, однако, не распространялось на лиц, не достигших 16 лет или начавших свою трудовую деятель-

ность в 60 лет. Центральное социальное страховое общество осуществляло страхование по инвалидности и старости рабочих. Оно было связано с широкой сетью больничных касс. Законом предусматривался контроль государства над системой страхования, ее централизация. Некоторые дополнения к закону были внесены в 1928 г.¹⁶

С 1925 г. законодательным порядком вводилась в действие так называемая гентская система, официально называемая "законом о государственном субсидировании пособия по безработице¹⁷". До введения этой системы каждый рабочий, подлежавший больничному страхованию, имел право на пособие, причем оно составляло не менее 8 крон в день. Суть новой системы заключалась в том, что рабочий имел право лишь на государственную прибавку к пособию, выплачиваемому ему профсоюзной организацией, и лишь в том же размере, что и профсоюзное. Следовательно, правом на государственное пособие могли пользоваться только члены профсоюза по решению своих организаций. Такое право предоставлялось лишь тем, кто состоял в профсоюзе не менее 6 месяцев и максимально на 16 недель в год (в дальнейшем этот срок был увеличен)¹⁸. С одной стороны, введение "гентской системы" увеличило финансовое бремя профсоюзов, с другой — всемерно усилило их значение. Профсоюзы заняли прочные позиции в социально-экономической сфере и в политике. Благодаря им значительно улучшились условия труда, профсоюзные организации отстаивали интересы трудящихся, выступая против снижения жизненного уровня, в том числе и путем забастовок. Однако профсоюзное движение было разобщено, находясь под влиянием различных политических партий. Профсоюзы насчитывали около 2 млн членов, но раздел проходил также и по национальному принципу, и по профессиям¹⁹. Наиболее крупные профсоюзы находились под влиянием социал-демократов и коммунистов. В середине 20-х годов был введен закон об оплачиваемом отпуске. При условии непрерывной работы на одном предприятии в течение не менее одного года оплачивалось 6 дней отпуска, 10 лет — 7 дней (шахтерам — 10), 15 лет — 8 дней (шахтерам — 12)²⁰. Рабочие, занятые в сельском хозяйстве, могли брать отпуск лишь зимой. Профсоюзы стремились добиться удлинения отпуска хоть на день, но это им не удавалось²¹.

Существовал закон о социальном страховании на случай болезни. Контроль за сетью районных страховых обществ

осуществляло министерство социального обеспечения. На случай болезни от трех недель до одного года выплачивалось пособие в размере около 2/3 заработной платы работавшего. Вводилось страхование по инвалидности и увечью (особенно это касалось шахтеров). В середине 20-х годов был принят закон о пенсионном обеспечении частных хозяев, правда, в действительности он не был реализован²². В 1926 г. вступили в силу законы о социальном обеспечении по старости, т.е. пенсии для работавших мужчин и женщин старше 60 лет, а с 1929 г. начинается пенсионное обеспечение частных служащих²³.

Серьезной проблемой в 20-е годы оставалось улучшение жилищных условий. Государство поддерживало строительство частных домов, предоставляя кредиты и скидки, строило многоквартирные дома, помогало предприятиям в аналогичном строительстве, давало льготы на приобретение квартир и проводило их торговлю. Но до конца 20-х годов положение с обеспечением жильем в городах, особенно в Праге, оставалось критическим²⁴.

Радикально изменилось положение женщины в обществе: Чехословакия одна из первых в Европе формально уравнила женщин и мужчин, предоставив слабому полу активное и пассивное избирательное право. Однако оплата труда женщин оставалась ниже, чем у мужчин. Женщины получали частично оплачиваемый шестинедельный отпуск до родов и послеродовой, медицинская помощь в этот период предоставлялась им бесплатно. Был разрешен гражданский брак с 21 года и развод.

Таким образом, в отношении социальной политики Чехословакия принадлежала к наиболее передовым европейским государствам, занимая 7—9-е место в Европе по социальному обеспечению и одно из первых мест по жизненному уровню в сравнении со странами Центральной и Юго-Восточной Европы, но отставая по последнему показателю от западноевропейских стран. Продолжали существовать значительные социальные различия между городом и деревней, разными областями страны. Подкарпатская Русь и отдельные словацкие районы на востоке и севере принадлежали к наиболее бедным и отсталым. Некоторые социальные слои там жили в нищете²⁵.

Политическая ситуация

Летом 1924 г. между аграриями и социал-демократами возникли разногласия. Было нарушено межпартийное соглашение о том, что аграрии поддержат разработанный социал-демократами законопроект о социальном обеспечении, а взамен этого получают поддержку в вопросе о таможенных пошлинах. На деле же социал-демократы, добившись проведения осенью того же года желаемого закона, заняли негативную позицию в вопросе о таможенных тарифах. Однако их оппозиция оказалась слабой, и в июне 1925 г. аграрии настояли на принятии закона о частичном изменении таможенных тарифов. Конфликт между этими политическими партиями имел далеко идущие последствия. Социал-демократы старались восстановить свое влияние среди рабочих, частично утраченное после создания коммунистической партии. Стараясь противостоять постоянному нажиму со стороны коммунистов, критикующих половинчатость их позиций, чешские социал-демократы начали сближаться с немецкой социал-демократической партией в ЧСР. В 1925 г. между ними было достигнуто принципиальное соглашение об объединении находившихся под их влиянием профсоюзов, а в 1927 г. произошло и политическое объединение двух партий. Укреплялось сотрудничество социал-демократов с национальными социалистами, а также с официальной группировкой Града. Аграрная партия, в целом поддерживая ее, старалась проводить самостоятельную политику. Борьба аграриев за пересмотр таможенных пошлин на ввоз сельскохозяйственных товаров имела и внешнеполитические аспекты. Стремление защитить внутренний рынок от иностранных сельскохозяйственных товаров восточноевропейских стран шло вразрез с интересами партнеров ЧСР по Малой Антанте — Югославии и Румынии. В этом чешские аграрии сходились с немецкими аграриями, что, в свою очередь, вело к большей ориентации аграрной партии на Германию и, отчасти, Австрию, а следовательно, противоречило внешнеполитической линии "Града", традиционно опирающейся на Францию²⁶.

В это же время возник конфликт группировки "Града" с католическим движением и с Ватиканом. 6 июля 1925 г. был проведен официальный праздник в память сожжения Яна Гуса, одним из его организаторов был сам президент Т.Г. Масарик, а почетным председателем премьер А. Швегла.

Римская курия расценила эти празднования в честь Гуса как антикатолическую акцию, заявив протест в официальной ноте. Ватикан с 1921 г. вел переговоры о соглашении с чехословацкими властями, но препятствием к его заключению была земельная реформа в республике, предусматривавшая конфискацию церковных земель. В начале 20-х годов в стране развернулось мощное антицерковное движение за отделение церкви от государства и лишение ее политического влияния. Ватикан стремился к усилению своих позиций в ЧСР, опираясь на народную (лидову) партию Я. Шрамека и словацких людовцев А. Глинки. Конфликт между Ватиканом и "Градом" был использован всеми католическими партиями Чехословацкой республики, включая и немецкую христианско-социалистическую, для усиления своего влияния в стране. Лишь в начале 1928 г. Ватикану и чехословацким властям удалось прийти к взаимному согласию и заключить соответствующее соглашение.

В связи с этим конфликтом произошел раскол внутри партии национальных социалистов на крыло Й. Стршибрнего и группировку В. Клофаца, Э. Бенеша. Й. Стршибрны оставил пост министра железных дорог, а осенью 1926 г. был исключен из партии. Обострение межпартийной и внутрипартийной борьбы было связано в середине 20-х годов с предстоящими выборами. Партии старались дистанцироваться от правительственной политики, социал-демократы и национальные социалисты стали выступать в роли оппозиционеров.

В ноябре 1925 г. в стране состоялись парламентские выборы. В них приняли участие 29 политических партий. Наибольшее количество голосов получили аграрии и коммунисты (соответственно 13,66% и 13,15%). Республиканская партия земледельцев и малоземельных крестьян (аграрии) занимала ведущие позиции в политическом лагере практически весь период существования ЧСР, ее представители входили в состав всех правительств за исключением так называемых чиновничьих, а ее лидеры возглавляли 11 правительственных кабинетов из 18. Партия выражала интересы земледельцев и, отчасти, городских имущественных слоев, выдвинув лозунг "Деревня — единая семья". Кроме А. Швеглы в число ведущих представителей партии входили: М. Годжа, Ф. Удржал, Р. Беран и Я. Малипетр.

КПЧ была довольно многочисленной партией, имела тесную связь с революционным профсоюзным движением,

красными спортивными обществами, организациями атеистов, квартиросъемщиков, пользовалась определенными симпатиями в армии, имела свои ячейки среди государственных служащих и железнодорожников, некоторое влияние в крестьянских массах. В нижней палате депутатов коммунисты имели 41 место из 300, в сенате 20 из 150²⁷. Как сообщал в Москву член политбюро КПЧ Гакен: "Нигде в капиталистической Европе не существует такой сильной массовой и влиятельной партии (как КПЧ)"²⁸. На третьем месте по количеству полученных на парламентских выборах голосов шла народная партия (9,72% голосов), социал-демократы и национальные социалисты удерживали четвертую и пятую позиции, получив 8,88% и 8,57% голосов избирателей. Национальные демократы получили лишь 4,01% голосов. В Словакии самое сильное влияние имели людовцы Глинки (6,88%). Из немецких партий в ЧСР самой большой популярностью пользовались аграрии (8,05%), затем шли социал-демократы (5,79%) и христианско-социальная партия (4,42%). Немецкая национальная партия Лодгмана получила 3,39%, а немецкая национально-социалистическая партия — 2,37% голосов избирателей²⁹.

Результаты выборов были весьма противоречивыми, так как усилились позиции левых (коммунистов) и одновременно укрепилось влияние консервативных сил — аграриев и лидовцев (народной партии), что свидетельствовало о радикализации общества. Влияние национальных демократов и немецкого негативистского блока в то же время ослабло, как и позиции социалистических партий.

По результатам выборов А. Швегла обновил правящую, так называемую общенациональную коалицию. Свои посты сохранили лишь А. Швегла (председатель правительства), Э. Бенеш (министр иностранных дел) и Й. Каллай (полномочный министр по делам Словакии). Семь министров бывшего правительства возглавили новые министерства, в правительство было введено и семь новых министров. Созданное 9 декабря 1925 г. правительство просуществовало совсем недолго из-за сохранившихся противоречий внутри коалиции. В этот период перестает действовать "Пятерка", но на смену ей приходит комитет "политических" министров, представителей коалиционных партий. Количество его членов менялось, но цель — согласование основных правительственных решений — оставалась неизменной.

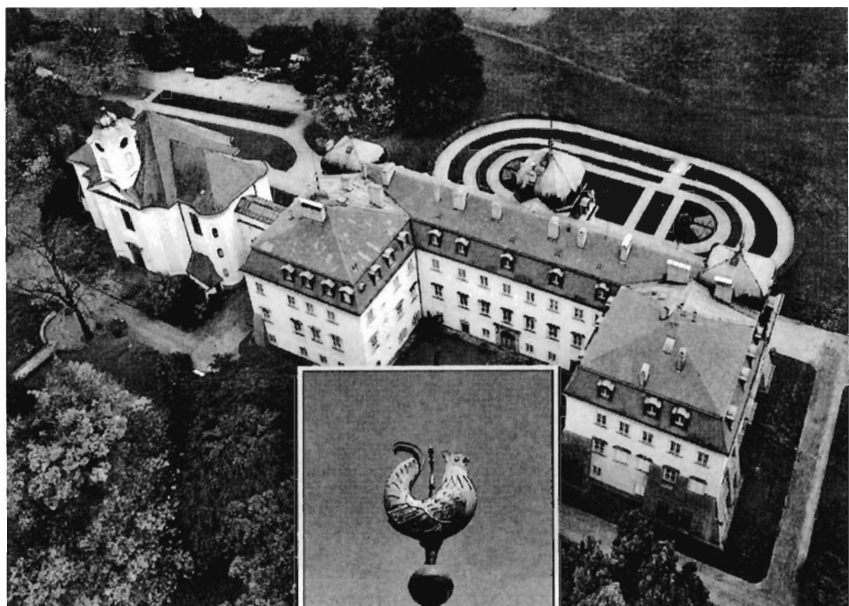
18 марта 1926 г. общенациональную коалицию сменил второй технический кабинет во главе с Яном Черны. Его целью являлись консолидация политических сил и подготовка почвы для новой коалиции чешских, немецких и венгерских партий. Конкретные задачи правительства состояли в координировании выплат гос. служащим и введение аграрных пошлин³⁰. Политическая обстановка в то время была неспокойной. Аграрии, как уже говорилось, вели упорную борьбу за повышение таможенных пошлин на ввоз сельскохозяйственной продукции, организовывались уличные демонстрации. Постепенно начала складываться новая правительственная группировка объединенных аграрных партий и нескольких клерикальных объединений, включая немецкую и венгерскую христианско-социальные партии, выступавших за укрепление связей церкви и государства и выплату государственных денежных пособий священникам. В вопросах внешней политики клерикалы, однако, расходились. Немецкая христианско-социальная партия поддерживала аграриев, выступавших за сближение с Германией, тогда как чешская народная партия стояла за профранцузскую ориентацию Бенеша.

Уже с осени 1922 г., когда распался Общий немецкий парламентский союз, шел процесс ликвидации национальных блоков. Новые политические структуры строились по принципу политической ориентации, а не по национальной принадлежности, что было характерно для начала 20-х. Таким образом, в полной мере начала действовать политическая система плюрализма и демократии. Основными политическими течениями при этом оставались: оппозиционные системе парламентской демократии национальное (или националистическое) на правом фланге, коммунистическое — на левом, в центре — республиканское, поддерживающее плюралистическую модель и сотрудничество разных партий вне зависимости от национальной принадлежности. Это последнее течение, в свою очередь, делилось на консервативное крыло (аграрии и христианские партии) и социалистическое, представленное социал-демократами и национальными социалистами³¹. Но влияние политических партий в различных частях страны было неодинаковым. В. Оливова, анализируя результаты парламентских выборов 1925 г., пишет, что в чешских землях национальное течение имело поддержку 15%, в Словакии 51%, а в немецких областях 24% избирателей. Коммунистам симпатизировали 16% чешских,

15% словацких и 7% немецких граждан. Соответственно республиканское направление поддерживали по 69% чешского и немецкого населения и 34% словаков³².

Социалистический блок являлся основной опорой Града, и Масарик как президент старался его усилить, предоставляя ему финансовую поддержку. Президент стремился нейтрализовать радикализм коммунистов и привлечь их в левое правительство. Существовал также план ввести в правительство представителей непартийных структур (сокольских, легионерских, учительских), однако из-за слабости социалистического блока оно не было реализовано. Основной силой на политической арене страны оставалась республиканская партия, объединившая в своих рядах чешское, словацкое и украинское аграрные движения и тесно сотрудничающая с немецкой аграрной партией и венгерскими аграриями.

Консолидация правого националистического течения была связана с кристаллизацией фашистского и нацистского движения за рубежом. В Чехословакии в начале 1926 г. слиянием "Национального движения" и так называемых "Краснобелых" возникла Национальная фашистская община (НФО) во главе с Рудольфом Гайдой³³. В организацию вошли и "Чехословацкие фашисты"³⁴. Фашистское движение, ориентированное на итальянский образец, в целом не пользовалось массовой поддержкой в Чехословацкой республике (НФО насчитывала около 55 тыс. чел.³⁵), но оно имело поддержку национально-демократической партии и пользовалось толерантным отношением аграриев. Кроме того, НФО установила контакты с туковским сепаратистским крылом глинковской людовой (народной) партии (ГСНП). В немецком негативистском течении наряду с национальной партией Лондгмана стала усиливаться национал-социалистическая партия Р. Юнга. Однако чешское фашистское движение имело ярко выраженную антинемецкую направленность, поэтому точек соприкосновения с немецкими фашистами в ЧСР не было, правда, определенное взаимопонимание Юнгу удалось найти с В. Тукой в ГСНП. Опасность для республики представляли международные связи фашистов ЧСР с подобным движением в Италии, Германии и Венгрии. По данным, поступившим в полицию, фашисты готовились провести в 1926 г. путч с целью захвата власти, однако, благодаря массовым выступлениям в Праге и других городах республики против актив-

Ланы — летняя резиденция главы государства

зации фашистов, а также позиции президента Масарика и чешско-немецкого консервативного блока аграриев и клерикалов, попытка путча не была реализована. В партии Глинки усилилось антитуковское крыло, выступившее за сотрудничество с чешско-немецким аграрно-клерикальным блоком. Национально-демократическая партия перестала поддерживать фашистское движение.

КПЧ была тесно связана с Коммунистическим Интернационалом, выполняла его инструкции и постановления, в том числе в отношении внутренней организации партии и персонального состава ее руководящих органов. Влияние компартии среди рабочих было достаточно сильным.

Правительство новой коалиции (гражданской, которую противники называли еще "панской") было сформировано 12 октября 1926 г. вновь под руководством А. Швеглы. В правительство вступили две немецкие партии, аграрная и христианско-социальная, что имело большое значение для внутриполитического укрепления государства. В кабинет вошла и Глинковская словацкая народная партия. Социалистические партии, не получившие министерские портфели, перешли в оппозицию.

В мае 1927 г. состоялись президентские выборы. Часть аграриев и национальные демократы предприняли усилия против избрания президентом Масарика. Но председатель правительства Швегла поддержал Масарика, выставив его кандидатуру от правительства. Единственным альтернативным кандидатом Масарику на выборах был коммунист Вацлав Штурц. Масарик получил 274 голоса, тогда как Штурц — лишь 54, 104 бюллетеня остались незаполненными, а два были признаны недействительными³⁶. 27 мая 1927 г. Т.Г. Масарик в третий раз занял президентский пост.

В начале марта 1928 г. серьезно заболел премьер Швегла. Он вышел из правительства и оставил политику. С февраля 1929 г. "панскую коалицию" возглавлял Франтишек Удржал. Противоречия внутри кабинета между аграриями и лидовцами усилились. Ослаблению коалиции способствовал и начавшийся процесс над В. Тукой. Следствием было выявлено, что он являлся платным агентом Венгрии, занимался организацией шпионажа и враждебной деятельностью в отношении ЧСР. Тука был обвинен в международных связях с консервативными и фашистскими силами в Венгрии, Италии, Австрии, Польше и Германии, угрожавшими безопасности республики, и в октябре 1929 г. осужден на 15 лет заключения. В результате этих событий после бурных внутрипартийных дискуссий ГСНП вышла из правительства. В сентябре 1929 г. А. Глинка направил телеграмму президенту Т.Г. Масарику с требованием вмешаться и прекратить нарушение демократических прав, либерализма и свободы печати в Словакии. Масарик ответил Глинке письмом, где указывал, что посредством телеграмм нельзя вести дискуссию, а демократия не есть анархия. Говоря о случае с Тукой, президент заявлял, что тот является не просто автономистом (так как мог бы выступать с этой программой легально в парламенте и на собраниях), а устанавливал за границей связи с людьми, недружественными республике. В ответе Т.Г. Масарик вспоминал слова самого Глинки о том, что автономия Словакии должна быть введена, когда словацкий народ достигнет большей политической зрелости, и рекомендовал ему и его партии сосредоточиться на этой проблеме. Президент писал, что Питтсбургское соглашение фальсифицируется, оно не может считаться официальным документом, так как на момент его подписания Лига не была официально признана (это произошло лишь в 1919 г.). Самого Глинку он упрекал в чрезмерной ненависти и злости в отношении к оппонентам, в отсутствии сер-

Т.Г. Масарик с председателем аграрной партии А. Швеглой после переизбрания его президентом в 1927 г.

дечности и человеколюбия, а также в том, что партия Глинки своей пропагандой сеет волнения среди словаков³⁷.

Состоявшиеся в конце 1928 г. местные выборы свидетельствовали об уменьшении влияния правительственных партий, поэтому было принято решение провести досрочные выборы в Национальное собрание.

Выборы в парламент состоялись 27 октября 1929 г. Из прежних правящих партий лишь аграрии сохранили сильные позиции и вошли в новое правительство, которое вновь возглавил Ф. Удржал. Социал-демократы и национальные социалисты получили большее количество голосов по сравнению с предыдущими выборами, наоборот, народные партии (лидовцы и словацкие людовцы) потеряли часть голосов. Коммунистическая партия, переживавшая внутрипартийный кризис, потерпела сокрушительное поражение на выборах. После ряда "чисток", в результате которых партия лишилась 20 тыс. членов³⁸, и персональных перестановок по указаниям Коминтерна к руководству партией пришло новое поколение функционеров во главе с Клементом Готвальдом, ориентированное на "большевизацию" партии. Среднеевропейский лендерсекретариат ИККИ рекомендовал составить секретариат ЦК КПЧ из

Готвальда, Гуттманна и Швермы³⁹. В секретной резолюции Политсекретариата ИККИ от 7 декабря 1929 г. сообщалось, что "КПЧ за год, протекший со времени последнего съезда, сделала значительные шаги по пути превращения в большевистскую партию"⁴⁰.

Внешняя политика ЧСР

Экономическая стабилизация принесла с собой надежды на возможность решения спорных международных вопросов путем двусторонних и многосторонних переговоров, конференций и международных организаций. В некоторых слоях населения даже существовали иллюзии, что в возможной будущей войне Чехословакии удастся остаться нейтральной и приумножить свое материальное благополучие за счет воюющих стран⁴¹. В середине 20-х годов министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш предпринимал активные шаги к заключению всеобщего гарантийного пакта, известного как Женевский протокол. Речь шла о том, чтобы обеспечить каждому члену Лиги Наций гарантии безопасности, для решения споров использовать международный арбитраж, тем самым облегчить дорогу к разоружению. Однако из-за изменившейся позиции Великобритании протокол подписан не был.

Усиление Германии привело к тому, что в начале октября 1925 г. в швейцарском Локарно по ее инициативе⁴² был подписан так называемый Рейнский гарантийный пакт. Германия, Франция и Бельгия признавали существующие между ними границы и обязывались не нарушать их силой. Великобритания и Италия являлись гарантами этого соглашения. Следовательно, были подтверждены лишь западные границы Германии, восточные гарантированы не были. Германия подписала также двусторонние соглашения с Францией, Бельгией, Чехословакией и Польшей об арбитраже в случае пограничных споров. Эти соглашения были дополнены арбитражными соглашениями ЧСР и Польши с Францией. Государства обязывались прийти друг другу на помощь в случае нарушения соглашений с Германией. Однако последние соглашения были ограничены санкцией Лиги Наций, а также формулой о том, что помощь будет оказана лишь в случае "не спровоцированного" акта агрессии⁴³. В целом надо признать, что Локарно означало существенное поражение чехословацкой дипломатии и явилось началом ее нового

оборонительного периода. Локарнские соглашения непосредственно затрагивали интересы Польши и Чехословакии, но если Германия пока еще публично не ставила вопроса о пересмотре чехословацко-германской границы, то границу с Польшей признавать отказывалась. Этим, вероятно, объясняется различная реакция Э. Бенеша и министра иностранных дел Польши А. Скржиньского на германскую инициативу, закончившуюся подписанием договора в Локарно⁴⁴. В сентябре 1926 г. сессия Ассамблеи Лиги Наций ввела Германию в Совет в качестве пятого постоянного члена. В декабре того же года Германии удалось добиться прекращения деятельности межсоюзнической комиссии по военному контролю, а в марте 1927 г. Совет Лиги принял решение о выводе французских войск из Саарской области.

Внешняя политика Чехословакии была направлена на то, чтобы в опоре на Францию и Малую Антанту занять лидирующее положение в Центральной Европе, на территории между Германией и Россией. С союзниками по Малой Антанте — Королевством СХС и Румынией — Чехословакию объединяла антигабсбургская позиция и борьба против ревизии Трианонского мирного договора. Но были противоречия внутри самой Малой Антанты. Союзникам не удалось найти взаимопонимания в экономических отношениях, различными путями шло и политическое развитие в странах Малой Антанты. КСХС и Румыния в конце 20-х годов скатились к авторитарным режимам, что вело к непониманию и политическим разногласиям с Чехословацкой республикой. Оба партнера ЧСР по Малой Антанте скорее интересовались балканской политикой, а не центральноевропейской.

Чехословакии удалось нормализовать отношения с Австрией, однако нестабильная внутренняя обстановка в этой стране и ее ориентация на Италию отдаляли от нее ЧСР. Отношения с Венгрией на протяжении всего межвоенного периода были напряженными. В действительности Венгрия постоянно вела борьбу за пересмотр Трианонского мирного договора, не признавая отторжения Словакии и Подкарпатья в пользу Чехословакии. Чехословакия не могла найти с ней общего языка, считая ее одним из главных противников. Как уже говорилось, Малая Антанта была создана прежде всего как военный союз против Венгрии⁴⁵. Между Польшей и Чехословакией существовало соперничество за лидерство в регионе. Крайне обострили взаимные отношения и терри-

ториальные споры из-за Тешина, Яворины и Спиша. Однако, сознавая общую угрозу со стороны усиливавшейся Германии, а также уступая нажиму Франции, желавшей видеть своих союзников едиными, ЧСР и Польша пришли к осознанию необходимости нормализации отношений. Тем более, что осенью 1924 г. конференция послов одобрила краковский протокол о решении вопроса Яворины. Оба государства обменялись послами и начали переговоры по целому комплексу взаимных проблем. В апреле 1925 г. в Варшаве был подписан ряд договоров: торговый, по финансовым и правовым вопросам и арбитражный⁴⁶. Союзники ЧСР по Малой Антанте приветствовали нормализацию чехословацко-польских отношений, тем более что Румыния являлась также и союзницей Польши. Но никаких военно-политических соглашений между Чехословакией и Польшей достигнуто не было. Переворот Пилсудского в 1926 г. еще больше отдалил две страны друг от друга.

Поездка Бенеша в Варшаву вызвала крайне негативную реакцию СССР, который посчитал договор о транзите оружия через территорию Чехословакии (являвшийся частью торгового) не совместимым с обязательствами республики соблюдать в отношении Советского Союза нейтралитет⁴⁷. С июня 1922 г., когда ЧСР признала Советскую Россию де-факто, между двумя странами были установлены экономические, а частично и политические отношения. В ноябре 1924 г. Э. Бенеш сообщал в КСХС о позиции ЧСР по вопросу признания СССР де-юре: "Я подготавливаю общественность к признанию, что не означает, что оно вскоре последует... Признание в любом случае произойдет, но сегодня это наш внутренний вопрос, т.е. вопрос соглашения премьер-министра с национальными демократами..."⁴⁸

На протяжении всего межвоенного периода внутри Чехословакии не утихали споры между отдельными политическими направлениями об отношении к России. Очередной всплеск дискуссий Бенеш — Крамарж пришелся на вторую половину 20-х годов. Бенеш выступал против русофильства в политике, против идей славянской общности, но, будучи прагматиком, желал извлекать выгоды из экономического сотрудничества с СССР и не терять огромный рынок сбыта, одновременно надеясь на эволюцию большевистского режима и поддерживая левое крыло русской эмиграции. Крамарж всегда считал славянскую поли-

тику оправданной, опору на Россию — единственной гарантией безопасности Чехословацкой республики, но при этом последовательно занимал антибольшевистские позиции, резко возражая против признания СССР и установления с ним каких-либо связей. Камнем преткновения в отношениях между ЧСР и СССР был и вопрос о русской эмиграции, нашедшей приют в Чехословакии. Поддержка эмигрантов из России рассматривалась советскими дипломатами как недружественная демонстрация. В 1926 г. казалось, что признание Советов де-юре со стороны Чехословакии вот-вот произойдет, но из-за противодействия правых и позиции союзников по Малой Антанте этого не случилось. Россия в марте 1926 г. подписывает договор с Германией о дружбе и нейтралитете.

Германия также негативно отреагировала на чехословацко-польские договоренности, расценив их как антигерманские, о чем сообщал чехословацкий посол в Берлине К. Крофта⁴⁹. Внешне отношения между двумя странами оставались вполне корректными, но со второй половины 20-х годов немецкие политики стали все больше раскручивать вопрос о несправедливостях в отношении немецкого меньшинства в Чехословакии, стремясь сделать эту проблему международной⁵⁰. Арбитражного договора между двумя странами было явно недостаточно, чехословацкие политики опасались сближения Германии с Австрией, а затем Венгрией. Однако попытки чехословацкой стороны улучшить отношения с Германией в 1927 — 1928 гг. никаких результатов не принесли.

Усилиями чехословацкой дипломатии удалось реализовать проект "Среднеевропейского Локарно". В ноябре 1927 г. страны Малой Антанты, а также Польша, Венгрия и Австрия согласились на процедуры урегулирования споров и применение арбитража⁵¹.

В конце августа 1928 г. в Париже Чехословакия вместе с Великобританией, Францией, Италией, Японией, Германией, Бельгией и Польшей подписала так называемый пакт Бриана — Келлога. Чуть позднее к нему присоединился и СССР. Согласно этому документу, стороны декларировали осуждение и отказ от войны как орудия национальной политики для урегулирования международных споров и обязывались изыскивать возможность разрешения конфликтов только мирными средствами⁵². Правда сам Бенеш относился к этим обязательствам весьма скептически⁵³.

- ¹ *Lacina V.* Zlatá léta československého hospodářství (1918 – 1929). Praha, 2000. S. 84.
- ² *Ibid.* S. 85.
- ³ *Lipták L'.* Slovensko v 20. Storočí. Bratislava, 2000. S. 119.
- ⁴ *Lacina V.* Op. cit. S. 88.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Ibid.* S. 90.
- ⁷ *Bartoš J.* České dějiny v datech. Olomouc, 1994. S. 152.
- ⁸ *Lacina V.* Měnová politika v prvních letech Československé republiky // Historický obzor. 1990 – 1991. II. S. 54.
- ⁹ *Jančík D., Kalina T.* Banky a společnost v meziválečném Československu // Historický obzor. 1994. XI. S. 251.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Ibid.* S. 252.
- ¹² *Lacina V.* Zlatá léta... S. 97.
- ¹³ Российский государственный архив социальных и политических исследований. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 495. Оп. 71. Д. 441. Л. 163 об.
- ¹⁴ *Ibid.* S. 94.
- ¹⁵ *Kárník Z.* České země v éře První republiky (1918 – 1938) Díl I: Vznik, budování a zlatá léta republiky (1918 – 1929). Praha, 2000. S. 499.
- ¹⁶ *Дейл З.* Проблемы социальной политики буржуазной чехословацкой республики // Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Межвоенный период. М., 1986. С. 62, 68.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 395. Л. 124.
- ¹⁸ *Дейл З.* Указ. соч. С. 68.
- ¹⁹ Там же. С. 65.
- ²⁰ Там же. С. 68.
- ²¹ *Kárník Z.* Op. cit. S. 519.
- ²² *Ibid.* S. 520.
- ²³ *Kováč D.* Dějiny Slovenska. Praha, 1998. S. 194.
- ²⁴ *Kárník Z.* Op. cit. S. 522.
- ²⁵ *Kováč D.* Op. cit. S. 194.
- ²⁶ *Olivová V.* Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 142.
- ²⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 265. Л. 14 – 15.
- ²⁸ Там же. Л. 19.
- ²⁹ *Olivová V.* Op. cit. S. 144.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 197. Л. 52.
- ³¹ *Olivová V.* Op. cit. S. 145.
- ³² *Ibid.*
- ³³ *Ibid.* S. 147.
- ³⁴ *Фурсов Е.Ф.* Эволюция парламентской системы в Чехословакии в 1920-е годы: Спецкурс. М., 1989. С. 58, 81.
- ³⁵ Там же. С. 91.
- ³⁶ *Klimek A.* Boj o Hrad. Vol. 2: Kdo po Masarykovi? Vnitropolitický vývoj Československa 1926 – 1935 na půdorysu zápasu o prezidentské nástupnictví. Praha, 1998. S. 133.
- ³⁷ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. Bratislava, 1998. Zv. II. S. 146 – 147.
- ³⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 323. Л. 262.
- ³⁹ Там же. Л. 263.

⁴⁰ Там же. Л. 174.

⁴¹ Там же. Л. 314.

⁴² *Břach R.* Československo a Evropa v polovině dvacátých let. Praha a Litomyšl, 1996. S. 67–73, 118.

⁴³ См.: Документы международных отношений (1917–1945 гг.). М., 1999. С. 47.

⁴⁴ *Břach R.* Op. cit. S. 91–117.

⁴⁵ *Osuský Š.* Malá Dohoda. Praha, 1933. S. 26–27.

⁴⁶ Подробнее об этом см.: *Břach R.* Op. cit. S. 133–139.

⁴⁷ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1977. Т. 2. С. 146–149.

⁴⁸ Там же. С. 130.

⁴⁹ *Břach R.* Op. cit. S. 142.

⁵⁰ *Klimek A., Kubů E.* Československá zahraniční politika 1918–1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 56.

⁵¹ *Клейменова Н.Е., Сугоров А.Ю.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблемы становления и развития: Курс лекций по истории международных отношений (1918–1939 гг.). М., 1995. Ч. 1. С. 58.

⁵² Документы международных отношений... С. 53–54.

⁵³ *Klimek A., Kubů T.* Op. cit. S. 54.

ТЯЖЕЛЫЕ ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Экономический кризис и его последствия

Начавшийся в 1929 г. мировой экономический и социальный кризис затронул Чехословакию несколько позже, но развивался более быстрыми темпами, достигнув в конце 1930 г. значительной глубины. Уже с 1929 г. наблюдались отдельные кризисные явления, принимавшие все более острые формы. Причем кризис в сельском хозяйстве начался раньше и проявлялся в не меньшей степени, чем в промышленности. Здесь речь шла не о снижении производства, как в индустрии, а о падении цен и сужении рынка сбыта¹. Больше всего страдали многочисленные мелкие хозяева, которые нередко впадали в долги. Сумма задолженностей по одним ипотекам для сельского хозяйства в Чехословакии в 1931 г. почти на 73% превышала задолженность 1927 г.² Имущество задолжавших крестьян по судебным приговорам принудительно продавалось с аукционов по низким ценам. Наблюдалось и хроническое бегство из деревень, особенно безземельных батраков, количество которых в начале 30-х годов уменьшилось на 26%. Согласно официальным статистическим данным, в 1930—1931 гг. число занятых в сельском хозяйстве снизилось на 260 тыс., т.е. на 14%³.

Аграрный кризис в Словакии и Подкарпатской Руси приводил к наиболее тяжелым последствиям, так как это были преимущественно сельскохозяйственные районы с множеством мелких хозяйств⁴. В 1932—1933 гг. число безработных в Словакии достигло 300 тыс. и вместе с членами семей составило около трети всего населения⁵. Недовольство крестьян всемерно росло. Однако в целом кризис начала 30-х сказался на Словакии меньше, чем послевоенный, тогда как в Чешских землях все обстояло наоборот⁶.

Государственное вмешательство в земледелие, инициируемое аграриями, достигло своего пика в 1934 г., когда была введена хлебная монополия. Земледельцы были обязаны

продавать зерно специально созданному Чехословацкому зерновому обществу, которое удерживало цены⁷.

Мировой экономический кризис сильно обострил конкуренцию на международных рынках. Одновременно вследствие обнищания широких слоев населения внутренний рынок также сократился. В первой половине 1929 г. торговый баланс оказался пассивным, в дальнейшем шло снижение общего товарооборота, экспорт товаров в 1933 г. сократился по сравнению с 1929 на 68%⁸ и в срочном порядке был переориентирован на латиноамериканские и азиатские страны. Закрывались все новые и новые предприятия в текстильной, силикатной, а затем и металлургической промышленности. Тяжелая индустрия легче справлялась с кризисом, чем легкая, так как последняя больше зависела от экспорта. Кроме того крупные предприятия страдали меньше, чем мелкие и средние хозяйственные единицы. А согласно официальной статистике на конец мая 1930 г. в ЧСР существовало 91,8% мелких предприятий (1 — 5 человек), 8% средних (от 6 до 200 работников) и всего 0,2% крупных (более 200 занятых в производстве)⁹. В некоторых отраслях вводилась неполная рабочая неделя, уменьшалась зарплата. В 1932 г. в различных отраслях промышленности зарплата снизилась в среднем на 15%¹⁰. Промышленное производство упало до уровня начала 20-х годов, в 1933 г. оно составляло 56% от показателей 1929 г.¹¹

Кризис затронул и финансовую систему, шла девальвация денежной единицы (к 1934 г. содержание золота в кроне снизилось на 7,43 мг, что составляло около 30% ее стоимости). В 1932 г. дефицит государственного бюджета составлял почти 1 млрд крон и покрывался иностранными займами (преимущественно французскими)¹².

Экономический кризис вел к тяжелым социальным последствиям. Безработица уже в апреле 1930 г. достигла 88 тыс. человек¹³, а в феврале 1933 г. официально зарегистрированных безработных насчитывалось 920 тыс.¹⁴ (в литературе и в источниках на этот счет приводятся совершенно разные данные). В июне 1930 г. был изменен закон о "гентской системе": профсоюзные пособия снижались на треть, тогда как государственная прибавка увеличивалась на две трети. Период выплаты пособия увеличивался до 26 недель (6 месяцев). Для семейных членов профсоюза или для работников с пятилетним профсоюзным стажем государственная прибавка повышалась в четыре раза по сравнению с проф-

союзным пособием. Среднее пособие для этих категорий составляло около 10 крон в день¹⁵. В декабре того же года был принят закон, на основании которого в распоряжение правительства предоставлялось 150 млн крон для преодоления экономического кризиса. Министерство социального обеспечения оказывало продовольственную помощь безработным: округам, особенно сильно охваченным безработицей, отпускались некоторые суммы на приготовление пищи лишенным работы либо на продовольственные талоны им. Эти мероприятия проводились по настоянию социал-демократов. Христианские социалисты выступали против участия замужних женщин в производстве, таким образом, пытаясь "экономить" рабочие места. В некоторых муниципалитетах было разрешено выплачивать пособия из общественных средств. Кое-где местные власти пытались решить вопрос безработицы путем организации общественных работ с почасовой оплатой. Выплачивались и некоторые разовые суммы в связи с дороговизной (раз в полгода или поквартально).

В 1930 г. праздновалось 80-летие президента Т.Г. Масарика. Парламент страны принял решение в честь заслуг президента открыть в обеих палатах памятные доски и выделить ему 20 млн крон. Масарик передал этот дар на "культурные и гуманитарные цели всем народам государства"¹⁶.

Но, несмотря на все эти меры, ни государство, ни общество не могли справиться со столь масштабным кризисом. Население страдало в основном из-за роста цен на предметы первой необходимости и удорожания транспорта. Все это приводило к радикализации масс, росту стачечного движения, забастовкам, демонстрациям и столкновениям с полицией, иногда приводившим к человеческим жертвам. Социальная напряженность в обществе вела к обострению политической борьбы. Позиции лево- и праворадикальных партий усиливались. Всего за первое полугодие 1931 г. число зарегистрированных членов КПЧ увеличилось на 15 тыс.¹⁷ Коминтерн настраивал компартии в странах к выходу из кризиса революционным путем. Чехословацкие коммунисты устраивали акции протеста безработных, использовали и нелегальные средства и методы борьбы. По информации КПЧ 25 ноября 1931 г. в округе Фрейвальдау (Силезия) началась стачка в каменоломнях, была организована и демонстрация рабочих. Для ее разгона был вызван отряд жандармов, в результате восемь рабочих было убито, 20 ранено. В знак протеста во всем округе прошла массовая

политическая стачка, в которой участвовало около 30 тыс. человек. В день похорон жертв бастовало до 50 крупных и мелких предприятий. Только в 1931 г. КПЧ провела 200 стачек строительных рабочих, семь — сельскохозяйственных работников, а также забастовки в текстильной, металлургической и горной промышленности¹⁸. Влияние коммунистов в Словакии усилилось, в своей пропаганде они стали использовать национальный вопрос. Лишь во второй половине 1932 и в 1933 г. уменьшилось количество экономических стачек и их продолжительность. Хотя и в это время происходили отдельные крупные выступления, такие как Росицкая стачка горняков (15 тыс.), кампания голодного марша в Рейхенберге, демонстрации безработных в Остраве, Комотау и другие. В 1933 г. число членов КПЧ уменьшилось по сравнению с предыдущим годом на 9,2%¹⁹.

Фашистские организации усилили критику демократических правительств, подчеркивая, что единственным выходом из положения является установление режима "сильной руки". В Италии фашисты пришли к власти уже в 1922 г., в январе 1933 г. в Германии победил нацизм, представлявший собой агрессивную форму "пангерманизма". В Чехословацкой республике росли националистические настроения, особенно среди представителей этнических меньшинств — венгров, в немецких областях, на границе с Польшей; открытое недовольство все чаще выражала и государствообразующая нация — словаки.

Экономический кризис в Чехословакии усилил, с одной стороны, пауперизацию населения, с другой — концентрацию капитала. Вместе с тем росло влияние экстремистских течений, выступавших против системы буржуазной демократии в стране и за ликвидацию Версальской системы.

Политическая борьба и национальные противоречия

Новое правительство, сформированное по итогам выборов 1929 г., под руководством Ф. Удржала было коалиционным. В него вошли обе чехословацкие социалистические партии — социал-демократы и национальные социалисты, а также немецкая социал-демократическая партия. Немецкая христианско-социальная партия и словацкая партия Глинки не вошли в кабинет министров. Попытки правительства Удржала справиться с наступавшим кризисом были безуспеш-

ными, и сами аграрии решили поменять премьера. В октябре 1932 г. новым премьер-министром стал в прошлом председатель Палаты депутатов Ян Малипетр, одновременно произошли изменения в составе правительства. Стараясь преодолеть кризис и защитить демократический строй, оно стало активнее вмешиваться в экономику. Летом 1933 г. был одобрен закон "О чрезвычайных распорядительных полномочиях", расширявший функции исполнительной власти и ограничивавший компетенцию парламента. Он позволял правительству с согласия президента и в обход национального собрания принимать важные решения. Вступил в силу и ряд других законов и постановлений, направленных на борьбу с антигосударственной деятельностью, в том числе закон о приостановке деятельности и роспуске политических партий.

24 мая 1934 г. состоялись очередные президентские выборы. Масарик к тому времени достиг весьма преклонного возраста, болезни все чаще одолевали его. Однако он продолжал пользоваться большим авторитетом и оставался символом демократического государства. КПЧ выставила против него своего кандидата — Клемента Готвальда. Накануне выборов коммунисты усилили кампанию за признание СССР де-юре.

Национальные демократы в начале февраля 1934 г. выразили несогласие с девальвацией кроны и внешнеполитическим курсом и вышли из правительства. Осенью того же года они объединились с небольшими националистическими организациями, надеясь создать сильную чешскую национальную партию. В апреле 1935 г. эта партия получила название "Национальное объединение", во главе нее стал депутат парламента от национальных демократов, генеральный секретарь Центрального союза чешских промышленников Франтишек Ксавер Годач. Однако, как показали парламентские выборы 1936 г., партии не удалось превратиться в сильную и массовую.

Национальное фашистское объединение во главе с генералом Рудольфом Гайдой, не брезговавшее насилием и террором, также не имело массовой поддержки. Большинство населения выступало за сохранение демократической системы, тем более что немецкий нацизм вызывал опасения как угроза существованию чехословацкого государства.

Влияние национализма усилилось не только в Чешских землях, но и в Словакии. Связано это было, в том числе, с

ростом словацкого национального самосознания. Унитарная форма государства, его централистское устройство не отвечали устремлениям словаков, вызывали раздражение и протест. Еще в 1928 г. вступил в силу закон о новом административном делении: Словакия, так же как Чешские земли и Подкарпатье, была выделена в отдельную административно-территориальную единицу — край. Но краевые органы имели ограниченные полномочия, не отвечали адекватно местным запросам. Словаки выступали за более широкое участие в управлении государством. Партия Глинки (ГСНП) последовательно придерживалась идеи автономии Словакии.

В начале 1930 г. на съезде партии в Ружомберке в качестве главного программного требования была выдвинута автономия Словакии. В мае того же года ГСНП предложила в парламенте второй проект автономии Словакии, автором которого являлся юрист Карол Медерлы²⁰. Проект предполагал расширить на Словакию гарантированную конституцией автономию Подкарпатской Руси, несколько дополнив конституционные положения. Это означало, что должен был быть созван словацкий законодательный сейм с правами в религиозных, языковых, школьных, административных и т.п. вопросах. Ссылка на Подкарпатскую Русь позволяла сделать словацкий вопрос международным, так как автономия Подкарпатья была зафиксирована в Сен-Жерменском мирном договоре. Суть государственного устройства этот проект, в отличие от первого, не затрагивал и мог бы быть реализован, но правительственная коалиция посчитала его неприемлемым и проигнорировала²¹. В то время большинство словацких автономистов не желали раздела государства, полагая, что введение автономии Словакии укрепит республику. Объективно, однако, их деятельность ослабляла государство²². Внутри Глинковской партии формировались направления, симпатизировавшие недемократическим методам ведения политической борьбы и тоталитарным режимам (одним из наиболее радикальных являлось крыло Ф. Дюрчанского, выступавшее с крайних, скорее сепаратистских позиций)²³. Демократия представлялась им неэффективной и слабой. За этой партией шли массы, так как в Словакии существовали многочисленные социальные проблемы, причину которых партийные функционеры объясняли неправильной национальной политикой Праги.

На развитие политической и идейно-психологической обстановки в немецких районах Чехословакии большое вли-

яние оказывала ситуация в Германии, превратившейся в тоталитарное нацистское государство с великогерманской шовинистической идеологией. Немецкие национал-социалисты в Чехословакии тайно поддерживали тесные связи со своими партийными единомышленниками в Германии и Австрии. Деятельность агрессивной Немецкой национальной партии была приостановлена, но возникла новая партия, в форме объединительного движения (фронта) всех немцев в ЧСР. Она образовалась в начале октября 1933 г., получив название "Судето-немецкий патриотический фронт". Ее вождем стал Конрад Генлейн, руководитель крупнейшей немецкой спортивной организации. Необходимость объединения немцев объяснялась задачей решения социальных проблем, связанных с преодолением последствий экономического кризиса, затронувшего промышленно развитые немецкие районы (Судетскую область) в гораздо большей степени, чем другие части страны. При этом виновником кризиса объявлялось чехословацкое государство. Таким образом, усиление влияния националистических сил имело объективную основу, однако, благодаря активной пропаганде, оно продолжалось и тогда, когда кризис стал спадать, и социальное положение несколько улучшилось. В 1934 г. Генлейн установил тайные контакты с Германией, которая вскоре стала оказывать его движению финансовую поддержку, хотя официально Генлейн провозглашал лояльность в отношении Чехословацкой республики. В марте 1935 г. Судето-немецкий патриотический фронт заключил предвыборное соглашение с Карпато-немецкой партией о совместных действиях на предстоящих выборах. Позднее фронт получил название Судето-немецкая партия (СНП). Эта политическая организация с самого начала была антидемократической, хотя и использовала возможности чехословацкой демократической системы для распространения своего влияния на население приграничных районов.

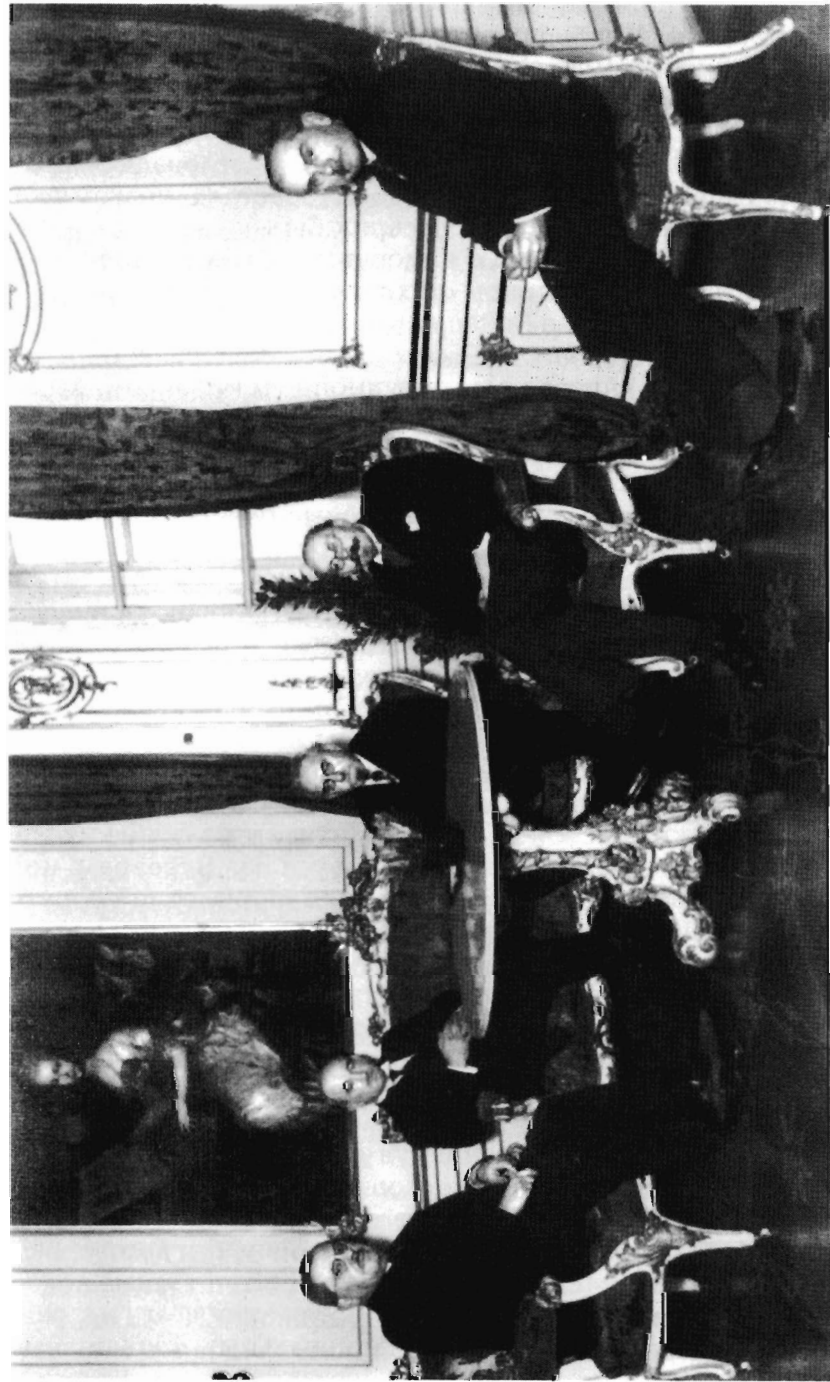
19 мая 1935 г. состоялись очередные выборы в парламент, на которых эта партия добилась наибольшего количества голосов (15,2%). В Словакии победу одержал автономистский блок, объединившийся вокруг ГСНП. Аграрная партия получила в Национальном собрании на один мандат больше Судето-немецкой, но националистические партии немцев и словаков заняли в парламенте сильные позиции. Чешское Национальное объединение в парламент не прошло. Немецкие демократические партии проиграли выбо-

ры; определенное влияние сохраняли лишь немецкие социал-демократы. Новое правительство, объявленное Т.Г. Масариком в июне 1935 г., снова возглавил аграрий Я. Малипетр. Оно просуществовало лишь до осени, 5 ноября новым премьером стал один из лидеров словацких аграриев Милан Годжа. Впервые словак возглавил чехословацкое правительство. Задачей нового кабинета стала подготовка к президентским выборам. Масарик был серьезно болен и в середине ноября заявил о намерении уйти с поста президента²⁴. Своим преемником он хотел видеть министра иностранных дел Эдварда Бенеша.

В стране развернулась острая политическая борьба, грозившая закончиться конституционным кризисом. Аграрии, желая переориентировать внешнеполитическую линию государства и скорректировать внутривластическое развитие в соответствии с политической практикой соседних государств, где укрепились правые режимы, выставили своего кандидата — профессора ботаники Богумила Немеца. При этом они рассчитывали на поддержку партий Генлейна и Глинки. Бенеш вел упорную борьбу, опираясь на народную и социалистические партии. Масарик всемерно поддерживал кандидатуру Бенеша. Кроме того Бенешу удалось привлечь на свою сторону Глинковскую партию, и вопрос решился: вторым президентом ЧСР 18 декабря 1935 г. был избран Э. Бенеш. В течение двух месяцев министерство иностранных дел возглавлял М. Годжа, пытаясь провести в жизнь свой план сотрудничества дунайских государств. Эти попытки не привели к успеху. В феврале новым министром иностранных дел стал многолетний соратник Бенеша Камил Крофта.

Тридцатые годы принесли республике немало сложностей: социально-экономический кризис обострил национальные противоречия внутри страны, которыми не преминули воспользоваться соседние государства, стремившиеся к пересмотру версальских договоров. Международное положение ЧСР ухудшилось.

Парадоксально, но, возникнув на принципе национального самоопределения, Чехословацкая республика стала многонациональным государством. Права национальных меньшинств гарантировались Сен-Жерменским договором, а затем Конституцией ЧСР. Однако конституционные положения не всегда выполнялись. На протяжении всего межвоенного периода представители национальных меньшинств

Новогодняя аудиенция у президента Э. Бенеша 1.01.1936: Я. Малипетр, Э. Бенеш, Ф. Соужуп, Р. Бехине, Й. Шиесл

выдвигали претензии к центру, считая, что их права нарушаются или удовлетворяются не в полной мере. Часто они апеллировали к международным организациям, в частности к Лиге Наций, с просьбой воздействовать на политику "Града". Положение немецкого, польского и венгерского меньшинств не раз были предметом двусторонних переговоров Чехословакии с соседями²⁵. Меньшинства в Чехословакии в основном являлись частью этноса соседних государств. Большое влияние на них оказывало политическое развитие в этих странах и их отношения с Чехословакией²⁶.

Словаков не удовлетворяло централизованное устройство государства, большинство поддерживало требование автономии, с которым выступала партия Глинки. В письме В. Шробару А. Глинка писал: "Мы не хотим централизма, мы желаем и будем бороться за создание Словакии"²⁷. Он выступал против того, чтобы места учителей в Словакии занимали чехи и против чешского религиозного радикализма.

Жители Подкарпатской Руси требовали гарантированной международными обязательствами и основным законом республики автономии²⁸. Но ее введение, по мнению Праги, откладывалось из-за отсталости области, отсутствия необходимых кадров²⁹. Насколько это было оправдано? Действительно Подкарпатье отставало и в экономическом, и в политическом развитии от других частей страны. Но еще в 1934 г. Бенеш, выступая в Ужгороде, обещал, что в "недалеком будущем" автономия будет введена, в 1935 г. поставят на голосование в парламенте законы, предусматривающие создание автономных учреждений, сделают распоряжения по введению автономии в практическую жизнь³⁰. На самом деле первые шаги к этому были предприняты только летом 1937 г., а конституционный закон об автономии Подкарпатской Руси вступил в силу лишь осенью 1938 г. уже после Мюнхена.

Важной проблемой для чехов оставался немецкий вопрос, для словаков — венгерский. Во второй половине 30-х годов в немецких партиях, входивших в правительство, усилило позиции молодое поколение функционеров. С весны 1936 г. возникло так называемое новоактивистское движение, стремившееся привлечь внимание правительства к социальным и другим проблемам немецкого меньшинства. С июля 1936 г. представители немецкой христианско-социальной партии вошли в правительство. В феврале 1937 г. правительство приняло решение о дальнейших мероприятиях

по улучшению экономического и социального положения населения в пограничных с Германией районах, о более широком участии немцев в управлении государством. Но проводились эти мероприятия слишком медленно и непоследовательно. Поэтому в эти годы постоянно уменьшалось число членов активистских немецких партий и усиливалось влияние партии Генлейна, требовавшего официального введения автономного управления в пограничных районах, не только административной, но и политико-идеологической независимости. В 1936 — 1937 гг. партия Генлейна активизировала тайные контакты с Германией, взяв курс на отторжение пограничных районов от Чехословакии. Осенью 1937 г. Генлейн в письме к Гитлеру прямо высказывался за аннексию Германией чехословацких пограничных районов, подчеркивая невозможность решить проблему немецко-чешских отношений в республике. В этот период его партия перешла полностью на позиции нацизма. Партийная пропаганда муссировала тезис об экономической дискриминации немцев, их преследовании, стараясь дискредитировать Чехословакию перед западными странами.

Наряду с этим усилилось брожение среди других национальных меньшинств, обострился словацкий вопрос. Глинковская партия продолжала настаивать на автономии Словакии и отвергала предложения вступить в правительство. В 1936 — 1938 гг. она установила связи с другими "автономистскими" партиями в ЧСР, но в отличие от них все еще находилась на позициях единого чехословацкого государства. В июне 1936 г. произошло объединение двух венгерских партий — христианско-социальной и национальной в Объединенную венгерскую партию, которая в 1938 г. установила тесные отношения с Судето-немецкой партией Генлейна³¹. На съезде в Песчанах ГСНП одобрила резолюцию, призывавшую к борьбе за автономию Словакии. Боязнь немецкого и венгерского ирредентизма заставляли Прагу игнорировать словацкие требования, а также отрицать справедливость польских претензий.

Соседние страны с самого начала пытались использовать национальное недовольство внутри ЧСР в своих интересах. Они вели постоянную античехословацкую пропаганду, поддерживали националистические партии, в том числе и материально.

Распад Версальской системы и угроза существованию Чехословакии

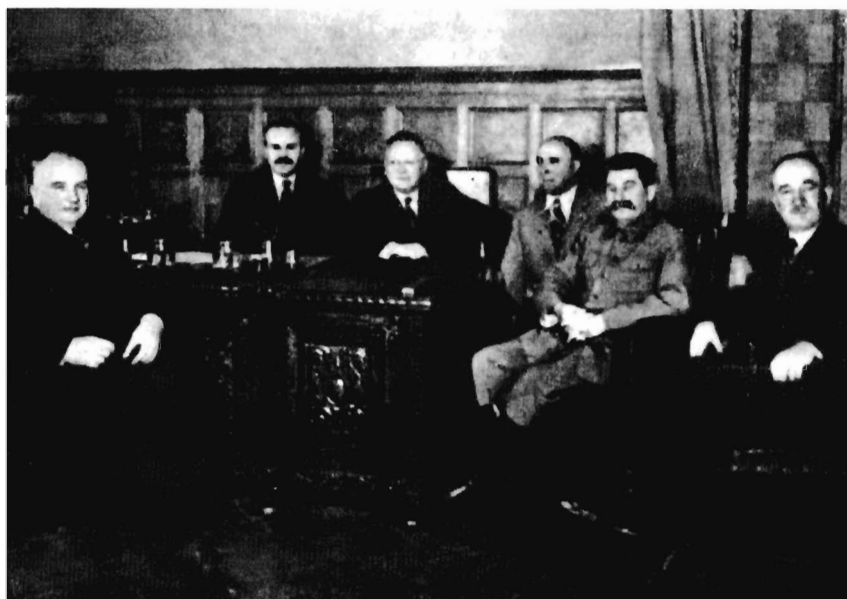
В первой половине 30-х годов Малая Антанта еще успешно функционировала. В 1932 г. союз трех стран стал даже более тесным. Предполагалась унификация внешней политики (ни одно важное политическое решение не должно было приниматься без ведома партнеров), тесная экономическая интеграция (шла подготовка таможенного союза), последовало решение о созыве общего парламента (из представителей национальных законодательных органов). Но после смены министров иностранных дел Румынии в 1935 г. и Югославии в 1936 г. Малая Антанта постепенно приходит в упадок. Этому способствовали и противоречия внутри союза, обострившиеся из-за конфликтов Югославии с Италией, Румынии с Советским Союзом, Венгрией и Болгарией. Нависшая над Чехословакией угроза со стороны Германии вела к ухудшению международного положения ЧСР и ослаблению Малой Антанты.

Желая избежать полной международной изоляции, 16 мая 1935 г. Чехословакия заключила с Советским Союзом, признанным ею де-юре и вступившим в Лигу Наций за год до этого, союзнический договор³². В преамбуле к договору говорилось, что стороны воодушевлены желанием укрепить мир в Европе и гарантировать национальную безопасность, территориальную целостность и независимость государств. Статья вторая предусматривала немедленную взаимную помощь и поддержку в случае, если бы одна из сторон явилась предметом *не спровоцированного* нападения со стороны какого-либо европейского государства. В протоколе, подписанном одновременно с договором, уточнялось, что "оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь при наличии условий, предусмотренных в настоящем Договоре, что помощь стороне — жертве нападения будет оказана со стороны Франции"³³. Этот договор возник после длительных переговоров о восточном пакте в 1934 г. Пакт, предложенный Францией и Советским Союзом и поддержанный Чехословакией, должен был создать систему коллективной безопасности в Восточной и Центральной Европе. Наряду с перечисленными странами предполагалось включить в число участников прибалтийские государства, Германию и Польшу. Однако, благодаря позиции двух последних, принять

пакт не удалось. Тогда 2 мая состоялось подписание советско-французского договора³⁴. 4 мая 1935 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) слушался вопрос о пакте с Чехословакией, и было принято постановление дать согласие на текст пакта, идентичный с советско-французским, за исключением 2-го пункта протокола (о Локарно). В этом постановлении обращалось внимание на то, что "в пакте должно быть ясно сказано, что помощь против нападения на территорию СССР и Чехословакии оказывается лишь в тех случаях, когда на помощь жертве нападения выступает и Франция"³⁵. Такое условие было включено в договор по предложению чехословацкой стороны³⁶. 16 мая советско-французский договор был дополнен советско-чехословацким. Оказание и принятие помощи СССР Чехословакия ставила в зависимость от позиции Франции, а сам договор с Советским Союзом рассматривала как политический инструмент против нараставшего давления Германии в Центральной Европе.

Чехословацкие политики продолжали ожидать демократизации внутренней жизни в СССР, однако эти надежды оказались напрасными. Наоборот, во второй половине 30-х годов шло укрепление сталинского режима, в стране проводились массовые репрессии, инсценировались политические процессы, Красная Армия была ослаблена уничтожением большей части ее командного состава, международный престиж СССР падал, его переставали рассматривать как надежного внешнеполитического партнера.

Весной 1936 г. Германия ликвидировала демилитаризованную зону в Рейнской области. Введя вооруженные силы в эту зону, Германия нарушила Версальский договор и подтверждавшее его Локарнское соглашение. Однако западные державы не предприняли никаких действий в ответ на этот вызов Германии. Опасаясь ее усиления, Бенеш в конце 1936 г. предпринял два раунда тайных переговоров с неофициальными немецкими представителями, предлагая заключить пакт о ненападении. Предложение было отклонено, и переговоры окончились безрезультатно. Германия постепенно переходила от нарушения международных обязательств к политике прямой агрессии. Гитлера раздражал демократический режим ЧСР, внешнеполитическая ориентация республики на извечного немецкого врага — Францию, а также то обстоятельство, что в Чехословакии находила приют многочисленная демократическая эмиграция из Австрии и Германии. С 1935 г. Гитлер планировал военное

Э. Бенеш, И.В. Сталин и В.М. Молотов в Москве. Июль 1935 г.

нападение на Чехословакию, рассчитывая на то, что западные союзники не окажут ей помощи. Бенеш как президент и символ Чехословакии оказался под ударами германской пропаганды, изображавшей его как империалиста и угнетателя наций. Проводилась мысль о том, что от ЧСР исходит военная угроза и угроза с социальной точки зрения из-за подозрительно дружественного отношения ее президента к России и коммунистам. Бенеша изображали слабым политиком, состоявшим на платной службе у евреев и большевиков, подозревали в связях с масонами, называли диктатором, угнетающим нации, противником веры, особенно католицизма³⁷.

Чехословакия с 1935 г. предпринимала попытки усилить обороноспособность страны: на границах с Германией создавалась система военных укреплений, модернизировалась армия. Большое внимание этим вопросам уделяло правительство. 30 апреля 1936 г. был принят закон об обороне государства. Линия укреплений вдоль границ с Германией была удлинена, построена вторая линия — "Малая Мажино", в некоторых отношениях современнее и лучше первой — французской. Армия была механизирована и моторизована. К сентябрю 1938 г. Чехословакия имела 34 первоклассно

оснащенных и готовых к боевым действиям дивизий и около 1500 самолетов.

В 1937 г. Венгрия вела переговоры со странами Малой Антанты, в том числе и с Чехословакией, однако они не привели ни к каким конкретным результатам. На венгеро-чехословацких переговорах министр иностранных дел Венгрии Грац заявил, что единственной почвой для сближения является решение вопроса о границах. Чехословацкие представители заявили, что не могут пойти на территориальные уступки небольшой Венгрии, так как не идут на подобные уступки и могущественной Германии³⁸.

В марте 1938 г. Германия осуществила аншлюс Австрии. Положение Чехословакии, которую можно было теперь обойти с фланга, стало весьма уязвимым. Правительство Гитлера, вторгшись в Австрию, заверяло Прагу, что никакой угрозы для республики не существует³⁹, однако становилось все более очевидным — следующая очередь в агрессивных планах рейха за ЧСР.

В конце марта германский канцлер А. Гитлер провел в Берлине переговоры с представителями Судето-немецкой партии К. Генлейном и К.Г. Франком, проинструктировав их таким образом, чтобы они предъявляли к правительству ЧСР неприемлемые требования от лица немецкого национального меньшинства. В духе этих договоренностей с Гитлером 24 апреля 1938 г. на съезде Судето-немецкой партии в Карловых Варах была принята так называемая "карловарская программа", содержащая требование введения автономного управления в Судетской области и полной свободы выражения "немецких взглядов". Тем самым партия официально объявила себя фашистской. Усиление Германии после аншлюса Австрии привело к тому, что немецкая аграрная и христианско-социальная партии вышли из состава чехословацкого правительства и влились в партию Генлейна. Немецкая живностенская партия также присоединилась к СНП. Хотя представитель немецкой социал-демократической партии и покинул правительство, сама партия осталась на "активистских" позициях, защищая республику вместе с коммунистами и антифашистами. Чтобы противостоять нажиму Судето-немецкой партии в атмосфере националистического психоза требовалось немало мужества. Местные выборы, состоявшиеся в конце мая 1938 г., показали, что лишь 10% немецкого населения не поддержали СНП.

Активизировали свои попытки расшатать Чехословакию изнутри и другие ее соседи. По сообщению министерства внутренних дел ЧСР в президиум министерского совета 26 марта 1938 г. состоялось совещание о политическом объединении всех поляков Тешина в одну партию. На этом тайном заседании зачитывались инструкции Всемирного союза поляков за границей, а также говорилось, что польский министр иностранных дел Ю. Бек дал указание, чтобы поляки в ЧСР выступили с требованием автономии, а он будет это требование поддерживать на международном уровне⁴⁰. Что касается тактики, то рекомендовалось выдвигать все новые требования и не идти ни на какие компромиссы.

Осознание внешней и внутренней угрозы государству привело к созданию движения снизу в защиту республики. Активную роль в нем играли коммунисты, выступавшие за организацию народного фронта всех антифашистских сил. Чешские и словацкие деятели культуры также активно участвовали в движении, опубликовав 15 мая 1938 г. манифест под названием "Останемся верными!". В нем содержался призыв к правительству последовательно защищать республику. Название манифеста повторяло слова Бенеша, произнесенные на похоронах Масарика. Более миллиона граждан поставило свои подписи под манифестом. Сбор подписей организовал особый комитет, ядром которого были члены социал-демократической просветительской организации "Рабочая академия".

В связи с подготовкой местных выборов в стране, и особенно в приграничных районах, сложилась напряженная ситуация, ширились слухи о передислокации немецких частей к чехословацким границам. Германия это отрицала. В сложившейся обстановке 20 мая правительство приняло решение провести частичную мобилизацию как доказательство намерений Чехословакии обороняться. Слухи оказались неподтвержденными, Германия еще не была готова к нападению на Чехословакию. Но 30 мая 1938 г. Гитлер записал, что его "твердым желанием является уничтожить Чехословакию военным путем"⁴¹.

Национальные противоречия в ЧСР продолжали обостряться. Весной 1938 г. ГСНП приняла решение расширить свое сотрудничество с автономистскими партиями национальных меньшинств. На практике это решение реализовано не было, но позиция глинковцев изменилась в сторону ра-

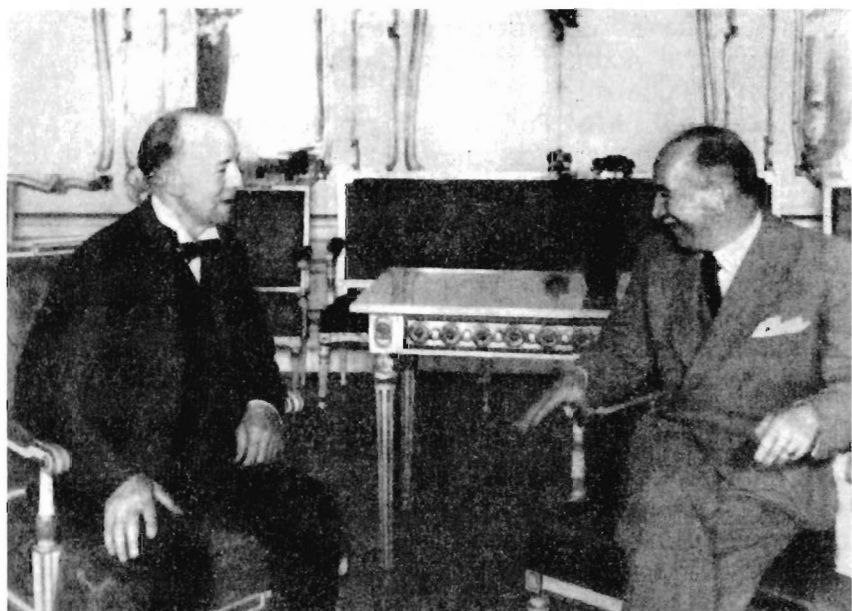
дикализма: они выдвинули новый лозунг "автономия даже ценой республики"⁴². 5 июня ГСНП выступила с новым предложением об автономии Словакии. Его авторами были Ф. Дюрчанский, М. Сокол и А. Кочиш. Третий проект автономии скорее предполагал превращение страны в конфедерацию. Согласно этому документу Словакия должна была стать автономной частью ЧСР со своим официальным языком, своим гражданством, сеймом и правительством, в общих и международных органах Словакия получала бы соответствующее представительство, обладала бы частичным международным суверенитетом (т.е. правом подписывать международные договоры)⁴³.

В поддержку этого проекта людаки организовали 5 июня в Братиславе демонстрацию, в которой участвовала делегация Словацкой лиги в США, предъявившая оригинал Питтсбургского договора. На этой манифестации в последний раз выступал тяжело больной А. Глинка. Людаки уже не хотели добиваться компромисса с Прагой, а ультимативно предъявляли ей свои требования. В июне—июле 1938 г. ГСНС стала создавать вооруженные отряды, так называемую Глинковскую гвардию. 16 августа скончался А. Глинка, и его смерть объединила словацких политиков⁴⁴.

Венгрия и Польша в своем нажиме на Чехословакию не только использовали в своих интересах недовольство польского и венгерского национальных меньшинств, но не прочь были разыграть и "словацкую карту". Чехословакия характеризовалась ими как искусственно созданное государство, не имевшее исторических традиций и основ для существования. Причем Венгрия весь межвоенный период не оставляла надежд включить Словакию в свои границы (как несправедливо отторгнутую территорию), а Польша поддерживала идею о Словакии как новом международном субъекте. В польской прессе подчеркивалось право словаков на независимое существование и предлагался федеративный союз с Польшей⁴⁵. В самой Словакии венгерские планы не находили большой поддержки, но польская политика нашла понимание у части руководства ГСНП⁴⁶. В июне 1938 г. польская и венгерская стороны обменялись мнениями об отношении к Словакии. По поручению венгерского правительства председатель Объединенной венгерской партии в ЧСР Я. Эстерхази прибыл в Варшаву, где провел переговоры с министром иностранных дел Польши Ю. Бекком. В ходе встречи стороны пришли к соглашению, что

Словакия на автономных правах будет присоединена к Венгрии, при условии корректировки границы в Карпатах в пользу Польши⁴⁷.

Правительство М. Годжи пыталось ослабить национальную напряженность в стране. Он разработал две редакции национального статута, но обе они были отвергнуты Судето-немецкой партией, с которой велись переговоры. Франция и Великобритания, не желая новой войны, вели политику "умиротворения" и оказывали давление на чехословацкое правительство, настаивая на проведении изменений в национальной политике ЧСР и урегулировании судето-немецкого вопроса. Союзники Чехословакии Югославия и Румыния на сессии Постоянного совета Малой Антанты в мае 1938 г. охарактеризовали судето-немецкую проблему как внутренний вопрос Чехословакии и рекомендовали чехословацкому правительству решить ее как можно скорее путем уступок генлейновскому движению⁴⁸. В начале августа 1938 г. в ЧСР прибыла независимая британская миссия во главе с лордом У. Ренсименом с целью посредничества в переговорах чехословацкого правительства с СНП. В связи с этим чехословацкий посол в Париже Ш. Осуский просил французского министра иностранных дел Ж. Бонне довести до сведения Лондона лимиты уступок, на которые может пойти Прага. Они заключались в сохранении территориальной целостности Чехословакии; ее внешней политической свободы и независимости (нерушимости договоров); неослаблении ее обороны⁴⁹. Франция передала эти условия Великобритании. В середине августа Э. Бенеш лично принял участие в переговорах с генлейновцами и обещал выполнить их официальные автономистские требования. Эти значительные уступки призваны были продемонстрировать Западу, что истинная цель СНП не в решении судето-немецкого вопроса, а в ликвидации республики и включении части чехословацкой территории в состав "третьего рейха". Лорд Ренсимен пришел к заключению, что речь идет не о внутриполитических вопросах, а о борьбе Берлина с Прагой⁵⁰. Судето-немецкая партия, однако, не приняла предложений об автономии и прервала переговоры. Миссия У. Ренсимена таким образом не привела к успеху. 12 сентября СНП организовала нападения на государственные учреждения в пограничной области, откуда началось бегство чехов. Правительство объявило чрезвычайное положение в некоторых пограничных районах и предприняло неотложные меры по

Э. Бенеш и лорд Ренсимен в Пражском Кремле. Август 1938 г.

ликвидации беспорядков. Руководство партии бежало в Германию, где по договоренности с Гитлером опубликовало заявление о том, что решением вопроса может быть лишь включение Судет в состав Германского рейха. В Чехословакии СНП была запрещена.

Политическая ситуация вокруг Чехословацкой республики значительно ухудшилась после визита британского премьера Н. Чемберлена в Германию, где он дал обещание обсудить с Францией вопрос об отторжении от Чехословакии территории, населенной более чем на 50% немцами. 19 сентября чехословацкое правительство получило британско-французскую ультимативную ноту, требовавшую от ЧСР согласиться с этим. Движение в защиту республики призывало правительство не поддаваться иностранному диктату. На следующий день президент и правительство Чехословакии отклонили эту ноту⁵¹, но решение не было окончательным. 21 сентября правительство Великобритании повторно обратилось к правительству ЧСР, настойчиво рекомендуя ему принять англо-французские предложения как единственно возможные для того, чтобы избежать немедленного нападения Германии⁵².

В тот же день президент Бенеш имел беседу с британским и французским посланниками в Чехословакии, во время которой они подтвердили, что в случае, если англо-французские предложения будут отвергнуты, их страны снимают с себя ответственность за дальнейшее развитие событий⁵³. Это означало, что, дав отрицательный ответ, Чехословакия окажется ответственной за развязывание войны, Англия не выступит в ее поддержку, а в такой обстановке Франция не выполнит условия чехословацко-французского договора⁵⁴. Взвесив ситуацию, президент и правительство приняли предложения отказаться от указанной территории. Причем правительство решило подать в отставку. Мощное движение в защиту республики 22 сентября переросло во всеобщую политическую забастовку.

Во главе нового чиновничьего кабинета встал генерал Я. Сыровы. В тот же день по предварительной договоренности с Гитлером польское и венгерское правительства предъявили чехословацкому правительству ультиматум с требованием передачи Польше и Венгрии чехословацких территорий, где проживали польское и венгерское меньшинства⁵⁵. Кроме того, в венгерской ноте содержалось требование о предоставлении словакам и жителям Подкарпатской Руси права на самоопределение⁵⁶.

22 сентября 1938 г. в Годесберге Н. Чемберлен сообщил Гитлеру, что чехословацкое правительство принимает его требования. Тогда Гитлер расширил притязания к Чехословакии, сократил сроки передачи территории, а также потребовал от ЧСР удовлетворения территориальных претензий Польши и Венгрии. Чемберлену был вручен новый меморандум для передачи чехословацкому правительству.

23 сентября состоялось чрезвычайное заседание правительства Чехословакии, на котором, принимая во внимание сообщения английского и французского правительств о снятии ими возражений против объявления мобилизации, было принято решение о ее проведении "в качестве единственно правильной меры"⁵⁷. Мобилизация в ЧСР проходила быстро и организованно. Но в пограничных районах сторонники СНП, стараясь уклониться от нее, бежали в Германию. Франция заявила о том, что направляет 22—25 дивизий на границу, Великобритания привела в боевую готовность военно-морской флот. Советский Союз, заверив Францию и Чехословакию в готовности выполнить в случае войны свои обязательства⁵⁸, также провел некоторые военные приго-

товления⁵⁹ и предупредил Польшу, что в случае ее нападения на Чехословакию, советско-польский договор о ненападении от 1932 г. потеряет силу⁶⁰. ЧСР решила, что возникла международная коалиция в поддержку Чехословакии, и отклонила новые требования Гитлера. Чехословацкий посол в Лондоне Ян Масарик 25 сентября передал британскому премьеру заявление, составленное им по согласованию с чехословацким правительством, в котором говорилось: "Требования г-на Гитлера в их нынешней форме совершенно и безусловно неприемлемы. Поэтому мы считаем своей обязанностью решительно противостоять этим новым и грубым требованиям, и с Божьей помощью так и сделаем. Народ святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет народом рабов. Мы полагаемся на обе западные демократии, желаниям которых мы в значительной мере уступали даже вопреки собственным убеждениям, в том, что они будут поддерживать нас в час наших испытаний"⁶¹.

Однако для Великобритании и Франции мобилизация являлась скорее средством политического нажима на Германию. Об этом позднее со ссылкой на крути чехословацкого МИДа сообщал полномочный представитель СССР в Чехословакии. Когда чехословацкие наблюдатели уже после заключения Мюнхенского соглашения выразили Чемберлену свое недоумение, почему он подсказал Чехословакии мобилизацию и публично заявил, что Англия, Франция и СССР выступят против Германии, если Гитлер попытается силой решить судето-немецкий вопрос, он ответил, что всерьез это не принималось, а было маневром для оказания давления на Гитлера⁶².

Мюнхенский кризис и конец "первой республики"

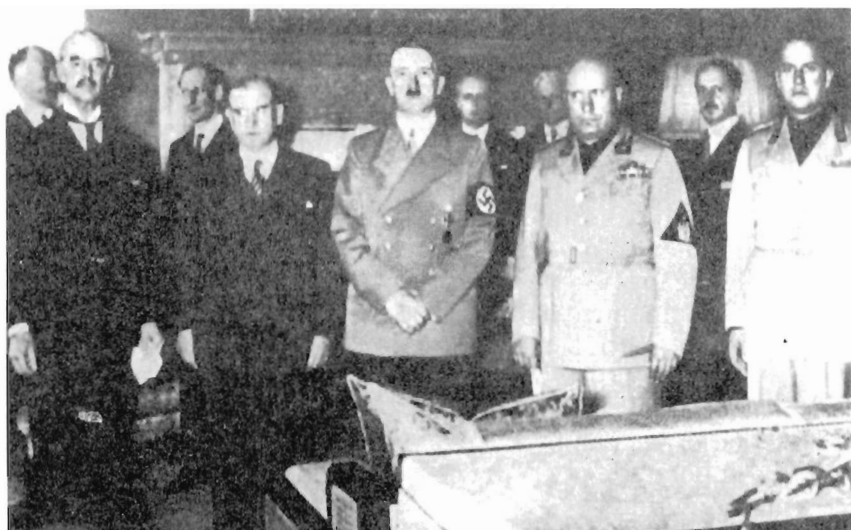
Великобритания и Франция продолжали попытки договориться с Германией и избежать войны (или, по крайней мере, оттянуть ее начало). 25 сентября французский премьер Даладье прибыл в Лондон, где было решено использовать согласие ЧСР на уступку части территории рейху. Г. Вильсон направился в Берлин с письмом Н. Чемберлена Гитлеру. Великобритания выдвинула идею совместной с Германией и Чехословакией международной конференции по решению судето-немецкого вопроса, на что чехословацкое правительство дало положительный ответ.

Э. Бенеш, стараясь улучшить положение страны, 26 сентября направил польскому президенту И. Мосьцицкому письмо с предложением "обновить дружеские отношения и сотрудничество двух народов", обещая изменить границы в пользу Польши⁶³. Но Польша, взяв вместе с Германией и Венгрией курс на уничтожение ЧСР, не изменила свою политику. Три днями раньше советское руководство, получив сообщение о сосредоточении польских войск на границе с Чехословакией, также пыталось оказать воздействие на польское правительство, угрожая в случае агрессии против ЧСР денонсировать советско-польский пакт о ненападении от 1932 г.⁶⁴ Ответ польского правительства звучал весьма резко: "Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения"⁶⁵.

В то же время 22 — 23 сентября венгерские войска начали сосредотачиваться на границе с ЧСР, призыву подлежали несколько возрастных контингентов. Италия обещала предоставить Венгрии самолеты в случае военного столкновения⁶⁶. Венгрия требовала от Чехословакии применения тех же принципов в отношении областей, населенных венграми, что и при решении проблемы судето-немецкой территории.

Угроза войны витала в воздухе. Весь мир с напряжением следил за событиями вокруг Чехословакии, которые стремительно развивались. Официальная версия такова: утром 28 сентября Чемберлен обратился одновременно к Гитлеру и Муссолини с призывом сохранить мир в Европе и получил в ответ от германского канцлера приглашение на совещание в Мюнхен с участием и Даладье, и Муссолини. Послы ЧСР в Великобритании и во Франции довели до сведения британских и французских официальных лиц желание своего правительства принять участие в этой международной конференции. Однако представители Чехословакии туда приглашены не были, как, впрочем, и представители СССР, Польши и Венгрии, что предусматривалось прежним планом проведения Международной конференции, поддержанным США.

29 сентября 1938 г. Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини в Мюнхене подписали соглашение о передаче Судето-немецкой области Германии. Согласно достигнутым договоренностям чехословацкая эвакуация должна была начаться 1 октября и закончиться до 10 октября (хотя чехословацкая

Переговоры о Мюнхенском соглашении. Сентябрь 1938 г. Слева направо: Чемберлен, Даладье, Гитлер, Муссолини, Чанго

сторона в письме правительству Великобритании от 28 сентября предлагала провести эвакуацию в период с 31 октября до 15 декабря)⁶⁷. Формы эвакуации в деталях должны были быть установлены международной комиссией из представителей Германии, Великобритании, Франции, Италии и Чехословакии. Занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением предполагалось провести по этапам тоже с 1 по 10 октября. Уже упомянутой международной комиссии надлежало определить районы, в которых предполагалось провести плебисцит до конца ноября (до окончания плебисцита эти районы должны были быть заняты международными воинскими частями) и установить его порядок. Окончательное определение границ поручалось той же международной комиссии. Предусматривалось право оптации желающих переселиться в уступаемые районы и желающих их покинуть в течение шести месяцев. Решение всех деталей возлагалось на германо-чехословацкую комиссию. Последний пункт соглашения обязывал чехословацкое правительство в течение последующих четырех недель освободить от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают, а также предоставить амнистию тем, кто отбывал наказание за политические преступления⁶⁸.

В дополнении к соглашению Великобритания и Франция брали на себя гарантии новых границ ЧСР, а Германия и Италия обещали соответствующие гарантии лишь после урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии. В дополнительных декларациях оговаривался состав международной комиссии, в которую предполагалось включить статс-секретаря германского МИДа, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и одного чехословацкого представителя. В компетенцию комиссии входило решать все вопросы, связанные с передачей чехословацкой территории. Кроме того, главы правительств четырех держав заявляли, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств не будет урегулирована, то она станет предметом дальнейшего обсуждения этими державами⁶⁹.

29 сентября по указанию президента Бенеша в Мюнхен в качестве "наблюдателей" вылетели посол ЧСР в Германии В. Мастный и парламентский референт чехословацкого МИДа, советник Г. Масаржик. Около 10 часов вечера их пригласили в комнату члена английской делегации Г. Вильсона, где в присутствии еще одного ведущего члена этой делегации Эштон-Гуэткина он предложил им карту с обозначением судето-немецких районов, подлежавших оккупации, и изложил в главных чертах новый план. На вопросы и замечания чехословацких представителей он ответил, что ничего к этому добавить не может. Затем он вернулся на совещание, а Мастный и Масаржик остались с Гуэткином и вновь подробно объясняли необходимость корректуры границ. Он же в ответ подчеркивал трудности переговоров с Гитлером. Когда Масаржик заметил, что все зависит от твердости западных держав, Гуэткин провозгласил, что в случае неприятия Чехословакией соглашения, ей придется один на один урегулировать свои отношения с Германией: ни Великобритания, ни Франция ее не поддержат⁷⁰.

В 1 час 30 минут ночи Мастного вместе с Масаржиком пригласили в зал конференции, где уже находились Чемберлен, Даладье, Вильсон, Леже и Гуэткин. Чемберлен, выглядевший весьма уставшим, заявил, что сделал для Чехословакии все, что мог, и вручил Мастному текст соглашения на немецком языке, обратив внимание на приложение, где говорилось о гарантиях новых границ со стороны великих держав. Мастный вслух зачитывал соглашение, чехословацкие

представители задавали вопросы по отдельным статьям и получали разъяснения. Передача соглашения и беседа длилась не более получаса. Пока Мастный выяснял у Чемберлена детали, Масаржик обратился с вопросом к Даладье и Леже, ожидается ли какая-то реакция или ответ чехословацкого правительства на предложенное соглашение. Леже ответил, что никакого ответа не требуется, все уже считается принятым, а чехословацкое правительство должно в тот же день до 5 часов выслать своего полномочного представителя на заседание международной комиссии в Берлин⁷¹.

Текст соглашения в Чехословакии стал известен в ночь с 29 на 30 сентября из сообщения Германского информационного бюро. В 6 часов 15 минут министр иностранных дел К. Крофта принял германского поверенного в делах Генке, который передал ему мюнхенское решение и письмо, приглашавшее чехословацкого представителя в Берлин. Затем были информированы председатель правительства Я. Сыровы и президент Э. Бенеш. В 8 часов утра Мастный и Масаржик прибыли в Прагу и информировали Крофту, а затем Бенеша, который отложил принятие решения до совещания с правительством и политическими партиями. Их лидеры собрались у президента в 9 часов 30 минут. Совет министров провел заседание в Коловратском дворце, а позже с комитетом политических министров, представителями политических партий и с генералами — у президента. Крофта изложил свою точку зрения о том, что в случае войны Чехословакия окажется в изоляции, военные подтвердили это, заявив, что без помощи Франции и, учитывая враждебную позицию Польши и Венгрии, ее шансы на успех равны нулю. Помощь только одного Советского Союза серьезно не рассматривалась. Бенеш заявил, что не видит возможности не принять соглашение, так как началась бы война, в результате которой независимость будет потеряна, а народ уничтожен. Правительство согласилось с мнением президента и приняло решения мюнхенского совещания. Постановление правительства подтвердил комитет коалиционного большинства парламента⁷². Соображения о сопротивлении даже при поддержке СССР, но с вероятным негативным результатом, когда ЧСР будет стерта с карты Европы, сыграли, по словам советского полпреда в Чехословакии, большую роль в окончательном решении правительства⁷³.

В половине первого Крофта принял английского, французского и итальянского посланников, которым заявил от

имени президента и правительства: "...Мы подчиняемся решению, принятым в Мюнхене без нас и против нас"⁷⁴. В конце беседы он добавил: "...Для нас это катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Не знаю, получают ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других"⁷⁵. Эта точка зрения была близка президентской. Бенеш также рассматривал Мюнхен как начало войны, а не как ее предотвращение. Полномочный представитель СССР в Великобритании И.М. Майский тоже считал, что соглашение "окончательно открывает дорогу для развязывания мировой войны"⁷⁶.

Около часа дня Магистр получил по телефону указание президента взять на себя функции члена международной комиссии в Берлине и вылететь туда в 5 часов дня с посланником Кюнцль-Изерским, генералом Гусареком и несколькими экспертами⁷⁷.

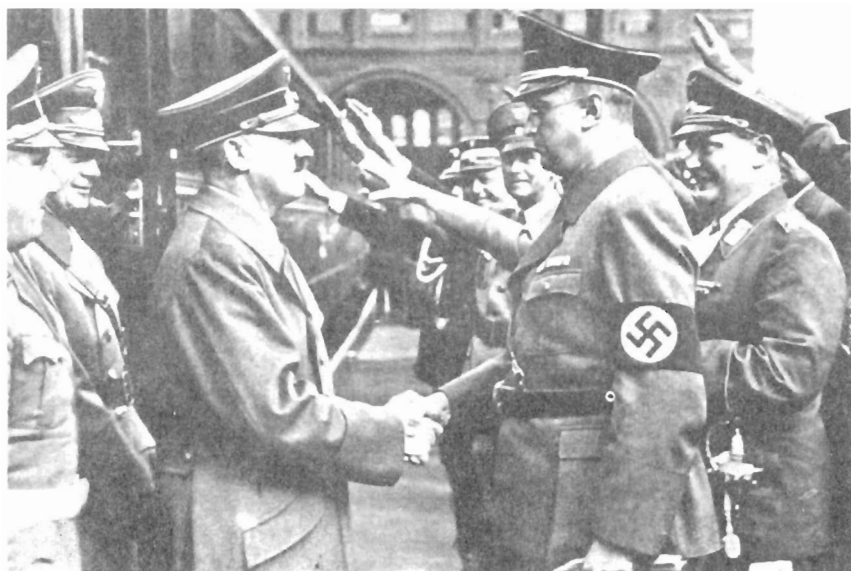
Реакция на Мюнхенское соглашение в Чехословакии и за границей весьма различалась. О морально-психологической атмосфере в ЧСР сообщал в НКВД 1 октября советский полпред в Праге С.С. Александровский: "Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра вполне возможны, но, пожалуй, как акты отчаяния"⁷⁸. Американский дипломат Д. Кеннан, прибывший в Прагу в день Мюнхенской конференции, писал в своих мемуарах: "Мне навсегда запомнились толпы людей на улицах со слезами на глазах: они оплакивали потерю независимости, которой их страна наслаждалась всего двадцать лет"⁷⁹. По мнению Крофты, Чехословакия была превращена "в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения". "Недалеко то время, — заявил он в беседе с советским полпредом 3 октября, — когда она превратится в безвольный придаток Германии"⁸⁰.

По сообщению представителя СССР в Великобритании, на Западе "широкие обывательские массы были полны самого необузданного восторга по поводу того, что удалось избежать войны"⁸¹. Вместе с тем лейбористская партия собиралась выступить в парламенте с решительной критикой правительства и лично Чемберлена, с линией кабинета не согласились и некоторые серьезные политики из числа консерваторов.

4 октября председатель французского правительства Даладье сделал заявление о Мюнхенском соглашении в парламенте, после чего депутат коммунистов Габриэль Пери и независимый республиканец Анри де Керилис выступили с резкой критикой соглашения и упреками в адрес французского правительства за предательство Чехословакии. Однако заявление правительства было одобрено 535 голосами против 75⁸².

30 сентября после решения правительства принять Мюнхенское соглашение группа радикально настроенных депутатов (В. Клима, Я. Странский, Ф. Рихтер, Й. Давид, Й. Тыкал, Б. Сташек и К. Готвальд), членов Комитета за оборону республики во главе с председателем комитета Л. Рашином протестовала у президента против этого решения. 1 октября, когда началась оккупация первой зоны, начальник главного штаба генерал Л. Крейчи, председатель правительства и генеральный инспектор чехословацкой армии генерал Я. Сыровы, командир корпуса генерал С. Ингр и командующие военными округами С. Войцеховский, В.Б. Лужа и Л. Прхала вновь пытались убедить президента организовать оборону укреплений. Часть членов Комитета за оборону республики призывали к захвату власти армией и созданию нового правительства даже ценой государственного переворота. 2 октября была предпринята последняя попытка предотвратить капитуляцию: у министра П. Зенкла собрались радикалы и представители высшего командования. В собрании участвовали также бывший министр Я. Нечас, дипломат Г. Масаржик, близкий президенту сотрудник МИДа Г. Рипка, адвокат З. Хитил, генерал Л. Прхала и глава разведывательной службы полковник Э. Моравец. Обсуждался захват власти и персональный состав нового кабинета, который бы пресек начавшуюся оккупацию. Наиболее решительно за активные действия выступали Л. Рашин, Э. Моравец и Г. Рипка. Были проведены консультации как с Постоянным комитетом Национального собрания, так и на Граде, с президентом, который принял Моравца, Странского, Зенкла и ряд высших генералов. Группа Зенкла обращалась и в Советское посольство. Но попытки "путча" ничем не кончились⁸³.

Вокруг Мюнхена давно ведутся споры: правильно или нет было решение чехословацкой стороны⁸⁴. В связи с этим многие историки и публицисты ставят вопрос, пришел бы на помощь Чехословакии СССР, насколько реальной могла быть помощь, и собирался ли он вообще ее оказывать. Оpub-

А. Гитлер благодарит К. Генлейна после возвращения в Берлин из Мюнхена. 1938 г.

ликованные документы, относящиеся к мюнхенскому кризису, свидетельствуют, что позиция СССР не была столь однозначно "геройской", как она изображалась в отечественной историографии времен социализма. Естественно, что Советский Союз, так же как страны Запада и ЧСР, всячески пытался оттянуть начало войны, а в случае ее развязывания — вступить в нее в удобный для себя момент. Это подтверждает письмо посланника ЧСР в Советском Союзе З. Фирлингера чехословацкому министру иностранных дел К. Крофте от 29 сентября 1938 г., где он писал: "Понятно, что советское правительство колебалось и колеблется вступить в конфликт без западных держав, чего мы от него никогда и не требовали. Здесь имеются серьезные опасения, что при одностороннем вмешательстве Советов из чехословацкого вопроса возникла бы такая же проблема, как в Испании, со всеми страшными политическими последствиями для всей Европы и в особенности для Чехословакии. Тем не менее на запрос президента д-ра Э. Бенеша о том, готов ли Советский Союз поддерживать нас в Женеве в соответствии со статьями 16 и 17, ответ, немедленно переданный мне Потемкиным, был абсолютно положительным"⁸⁵. Здесь речь шла о запросе Бенеша от 19 сентября в связи с англо-французскими пред-

ложениями. 20 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление относительно проекта ответа советскому полпреду в ЧСР С.С. Александровскому: "1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР, согласно договору, немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени Правительства Советского Союза утвердительный ответ. 2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша, поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги Наций, на основании ст. ст. 16 и 17, если, в случае нападения Германии, Бенеш обратится в Совет Лиги Наций с просьбой о применении упомянутых статей. 3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство"⁸⁶.

О колебаниях советского руководства и нежелании быть втянутым в конфликт с Германией на стороне ЧСР "в одностороннем порядке" говорит и задержка с ответом 30 сентября. Хотя здесь много неясного. Если верить Александровскому, Бенеш обратился к нему в 9.30 утра с вопросом, каково отношение СССР к возможному выбору Чехословакии — начать войну с Германией, имея против себя Англию и Францию, либо капитулировать перед агрессором. Ответ же он просил дать "как можно скорее" к 6—7 вечера⁸⁷, зная при этом, что представители Чехословакии приглашены в Берлин к 17 часам (вероятно, к этому времени уже предполагалось выработать позицию?). С другой стороны, Александровский, ссылаясь впоследствии на состояние связи, не спешил передавать вопрос, отослав телеграмму в 11.45, а по телефону сообщив лишь в 17 часов, хотя уже в 12 ему стало известно о чехословацком решении капитулировать. Вторую телеграмму, где сообщалось, что Бенеш больше не настаивает на ответе, он послал в 13.40⁸⁸.

НКВД СССР затем уверял, что получил первую телеграмму в 15 часов (17 по московскому времени) и ее расшифровка закончилась на 15 минут позднее второй, поступившей в 15.45⁸⁹. Ясно, что это являлось лишь дипломатической уловкой. Но тем не менее, совершенно неправомерно связывать решение Бенеша о принятии мюнхенского диктата исключительно с задержкой советского ответа⁹⁰.

Советская сторона была весьма озабочена тем, чтобы "сохранить лицо" и заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкин запросил Александров-

ского, не мог ли Бенеш при обсуждении вопроса о мюнхенском предложении в правительстве сослаться на то, что не получил от советского правительства ответа. На что Александровский ответил: "У меня не возникает никаких сомнений в том, что Бенеш не ссыался на неполучение ответа от СССР. Скорее наоборот: он и левая часть правительства, видимо, исходили из предпосылки, что СССР придет на помощь при первой возможности"⁹¹. Но дело в том, что Прага никогда не рассматривала всерьез возможность вступления в войну, лишь опираясь на военную поддержку СССР. С одной стороны, принималось во внимание географическое положение⁹² (отсутствие общей границы, проблематичность пропуска советских вооруженных сил через территорию Польши либо Румынии⁹³ ввиду натянутых двусторонних отношений СССР с этими странами). С другой стороны, Бенеш, по словам Александровского, "с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется (29 сентября. — Е.С.) достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном ... средстве защиты..."⁹⁴ Но и СССР рассматривал советско-французский и советско-чехословацкий договоры скорее как гарантию против нападения на него Германии, избегая любой возможности быть втянутым в военный конфликт с Гитлером⁹⁵. Чехословацкий президент в беседе с Александровским 29 сентября говорил также, что не хочет брать на себя ответственность за начало мировой войны, и первый выстрел должен быть сделан со стороны Германии, но Гитлер этого "выстрела не делает"⁹⁶.

Позицию Бенеша разделял и министр иностранных дел К. Крофта. Выступая 21 сентября перед представителями печати (в связи с заявлением правительств Великобритании и Франции от 19 сентября о необходимости передачи Судетской области Германии), он подчеркнул, что появившиеся сообщения о неопределенности позиции Советского Союза не соответствуют действительности. Он обращал внимание журналистов на неоднократные заявления СССР чехословацкому и французскому правительствам о готовности выступить на стороне ЧСР, если ее поддержит Франция либо большинство Лиги Наций проголосует за определение Германии агрессором. По его мнению, Советский Союз, возможно, выступил бы и без Лиги Наций, но этого в данных обстоятельствах никто от него не мог требовать. Причину

Крофта объяснял следующим образом: "Это означало бы, что на нас немедленно напала бы Польша и Венгрия..., Румыния не вмешалась бы. Это было бы безумием, если бы мы это сделали, и поэтому нет никакого смысла спорить о том, выступили бы Советы или нет. Но обвинять Советы в том, что они предали нас, мы не можем. Как раз наоборот, мы должны понять, что было бы большой ошибкой говорить, что только Россия могла нас спасти. Это было бы весьма неразумно, если бы дело было изложено так, что мы должны были бы ввязаться в войну и с помощью России мы бы победили. Я знаю, господа, что это распространяется с целью агитации (за сопротивление в союзе с СССР выступали чехословацкие коммунисты. — Е.С.). Это было бы очень опасно... Именно для нас, для каждого, кто считал, что мы можем положиться на Францию и на Англию, это самый страшный удар, какой можно себе представить"⁹⁷. Таким образом, сама чехословацкая позиция, не предусматривавшая борьбу против Германии в союзе только с СССР, делает несколько искусственной постановку вопроса о реальности или нет советской помощи Чехословакии.

Идея представить Советский Союз как бы виновником того, что Великобритания и Франция пошли на Мюнхенское соглашение, опасаясь советско-германского союза, представляется также весьма уязвимой. Д.Г. Наджафов анализирует документ из национального архива США под амбициозным названием "Подлинное толкование Мюнхена", представляющий собой письмо главы американской фирмы "Альфред Колберг" (Alfred Kohlberg) советнику государственного департамента США С. Хорнбеку для ориентации в коммерческих делах. Документ основывался на конфиденциальных данных из китайских источников, за достоверность которых сам автор документа не ручался. Однако Наджафов признает соответствие приведенных в документе аналитических данных (о наличии уже летом 1938 г. планов германо-японо-русского союза) дальнейшему ходу и развитию международных событий⁹⁸. При этом основными доказательствами для него служат тайные контакты СССР и Германии, открыто проявившиеся в 1939 г.

То, что на Западе и в ЧСР опасались советско-германского союза — не секрет. Еще в начале 20-х годов К. Крамарж предупреждал об угрозе возможного сближения Советской России и Германии, не исключал такой возможности и Э. Бенеш. Именно эти опасения явились поводом для заключе-

ния советско-французского договора в 1935 г. Сам договор рассматривался не как действительный военный пакт, а скорее как политический инструмент, смысл которого — не допустить советско-германского сближения⁹⁹.

Задача Советского Союза состояла в том, чтобы избежать международной изоляции¹⁰⁰ и не быть втянутым в войну. Можно, пожалуй, согласиться с Наджафовым, что СССР стремился встать над обеими враждующими группировками держав, сохраняя свободу выбора, но здесь следует иметь в виду, что и другие страны исходили прежде всего из своих национально-государственных интересов и шли на контакты с Германией. В 1936 г. ЧСР путем тайных переговоров тоже не прочь была урегулировать свои отношения с "третьим рейхом". Через два года западные державы в Мюнхене не постеснялись добиться своих целей — оттянуть начало войны — за счет Чехословакии. Представлял же дело так, что Советский Союз ориентировался только на свои "национал-большевистские" интересы, тогда как западные государства противостояли силам тоталитаризма, защищая свободу и демократию¹⁰¹, явная передержка.

Социокультурные изменения в "первой республике"

"Первая республика" просуществовала чуть меньше 20 лет. В этот период произошли большие перемены в жизни чехов и словаков, изменился социальный облик общества, возрос его культурный и духовный уровень.

В новом государстве укрепилась парламентская система с развитым политическим плюрализмом. Многочисленные общественные организации и инициативы положили начало формированию гражданского общества. Традиционно сильные позиции в ЧСР занимали профсоюзы, хотя в 1922 г. и произошел их раскол на правые и левые (красные).

Демократический характер Чехословацкой республики способствовал дальнейшему развитию словацкого национального самосознания. Несмотря на то что планы автономии Словакии в рамках ЧСР не были реализованы, ее образование позитивно оценивается в современной словацкой историографии, как определенный этап формирования словацкой нации и словацкой государственности.

В "первой республике" была введена свобода вероисповедания, разрешен гражданский брак, изменились отноше-

ния церкви и государства. При ведущей роли католической церкви легализовалось и нормализовалось положение других церквей. Шли процессы социальной демократизации. Изменилась традиционная роль женщин, теперь им наряду с мужчинами предоставлялось право активно участвовать в политической и общественной жизни.

В ЧСР благодаря улучшению здравоохранения, гигиены, условий труда, возросшему материальному уровню наблюдался рост населения. Согласно переписи, проводившейся в феврале 1921 г., в стране проживало 13 003 446 жителей, из них 10 009 587 в Чешских землях. Перепись от декабря 1930 г. зафиксировала 13 998 497 жителей, из них 10 674 386 проживало в Чехии и Моравии¹⁰². Продолжались процессы урбанизации.

Повседневная жизнь стала намного богаче в культурном отношении. Это явилось следствием возросшего образовательного уровня, расширения сети светских школ, гимназий, средних специальных учебных заведений. Как и в Чешских землях, в Словакии обязательное школьное образование удлинилось до 8 лет. Там открылось много новых школ, катастрофически не хватавших учителей приходилось посылать из Чехии и Моравии, что, в свою очередь, вызывало недовольство части словаков. Серьезные изменения произошли в системе школьного образования в Подкарпатской Руси, где во многих местах приходилось ликвидировать неграмотность и основывать начальные школы. Пестрый национальный состав Подкарпатья вызывал жаростные споры о языке преподавания в школах. Около половины всех школ Словакии и Подкарпатской Руси оставалось церковными. В середине 30-х годов в ЧСР было введено всеобщее неполное среднее образование.

В республике увеличивалось число высших учебных заведений. Наряду с чешским университетом в Праге, который стал называться Карловым, в Брно были созданы университет им. Т.Г. Масарика, высшие сельскохозяйственная и ветеринарная школы. Число чешских вузов возросло до десяти. В Братиславе был открыт университет Я.А. Коменского и высшая техническая школа в Кошицах, начали действовать различные институты: торговый, ветеринарный, сельскохозяйственный. В республике продолжали существовать немецкие высшие учебные заведения — университет и Высшее техническое училище. В Словакии появились немецкие школы, не существовавшие там до 1918 г.¹⁰³

Распространению культуры и повышению образованности населения способствовало развитие кинопроизводства, радиовещания, внедрение новых технологий в издательском деле. Первая киностудия под названием А-В появилась в 1921 г. в Праге на Виноградах¹⁰⁴, с 1929 г. кино стало звуковым. Киностудия Баррандов являлась одной из наиболее передовых по оснащенности в Европе. В мае 1923 г. началось постоянное радиовещание, к началу 1930-х число крупных радиостанций достигло шести. На рубеже 1920 — 1930-х годов в небольшой Чехословакии выходило более 3 тыс. периодических изданий. Организация досуга, развлечений становилась сферой предпринимательства.

Создание кадров специалистов вело к достаточно быстрому развитию науки. Основными научными центрами являлись высшие школы и научные сообщества. Продолжала свою деятельность Чешская академия наук и искусств, возникли Академия труда имени Масарика, обеспечивавшая в основном развитие технических дисциплин, Чехословацкая сельскохозяйственная академия, а также различные научные институты. В 1925 г. химик Я. Гейровский создал первый полярограф¹⁰⁵. Чешский ученый Ф. Бегоунек принимал в 1928 г. участие в полярной экспедиции Нобиля на Северный полюс¹⁰⁶.

Отдельной составляющей общественной жизни являлись физкультура и спорт. Возникло множество новых спортивных площадок и сооружений, в 1926 г. был построен большой современный открытый стадион на Страхове в Праге, а в 1931 г. на острове Штванице завершилось строительство первого зимнего стадиона в ЧСР¹⁰⁷. Неизменной популярностью пользовался футбол, привлекавший огромное число болельщиков и являвшийся массовым любительским увлечением. В 1934 г. Чехословакия участвовала в финале первенства мира по футболу, уступив Италии со счетом 1 : 2. Самыми известными командами являлись "Спарта" и "Славия". Впервые в 1927 г. чемпионкой мира по шахматам стала В. Менчикова, затем шесть раз подтвердившая свой титул¹⁰⁸.

Начиная с 1920 г., Чехословакия участвовала во всех Олимпийских играх, добиваясь все больших успехов. В Антверпене в 1920 г. на VII Олимпийских играх чехословацкие спортсмены получили две бронзовые медали. На следующих, в Париже, Б. Шупчик завоевал золотую медаль в лазанье по шесту. На IX Олимпийских играх в Амстердаме золотых медалей добились гимнасты Л. Ваха и Ф. Вентура. X Олимпийские игры в Лос-Анжелесе принесли золотую ме-

даль тяжелоатлету Я. Скобле¹⁰⁹. В Берлине в 1936 г. на XI Олимпиаде золотая медаль была вручена гимнасту А. Гудецу за упражнения на кольцах и два "золота" увезли с собой спортсмены, участвовавшие в гребле на каноэ (двойки), Й. Бржак, В. Сыроватка и В. Моттл, З. Шкрдлант¹¹⁰.

Чехословацкие спортсмены добивались успехов и на других международных состязаниях: в 1922 г. победы одержали мужская сборная по гимнастике, атлеты, выступавшие в многоборье, несколько рекордов было установлено в женской легкой атлетике (бег на короткие дистанции, эстафета, прыжки в длину и метание копья)¹¹¹. 1925 г. принес несколько первых мест в чемпионате мира по лыжам¹¹². В 1932 и 1939 гг. мужская команда, а в 1935, 1936 и 1938 гг. женская сборная одерживали победы на чемпионатах мира по настольному теннису¹¹³.

После всесоюзского слета 1920 г. спортивно-патриотическая организация "Сокол" увеличила число своих членов, став самой многочисленной общественной организацией в ЧСР. Ею были проведены еще три представительных слета (в 1926, 1932 и 1938 гг.) с большим количеством участников.

Массовую основу сохранял Союз рабочих физкультурных обществ, хотя из его состава выделилась прокоммунистическая Федерация рабочих физкультурных обществ. Она организовала в Праге спартакиаду, а в 1926 г. изменила название на Федерацию пролетарской физкультуры. Самой многочисленной в Моравии являлась физкультурная католическая организация "Орел".

В начале 20-х годов возник Чешский баскетбольный и волейбольный союз, впоследствии разделившийся на два самостоятельных.

Расширение транспортной сети, увеличение числа авиалиний, строительство шоссейных и железных дорог вели к развитию туризма. Большой популярностью пользовались и пешие походы за город.

В целом за межвоенный период чехословацкое общество претерпело огромные изменения: поменялись привычки, образ жизни, стиль и мода, отчасти и менталитет.

¹ Kárník Z. České země v éře První republiky (1918–1938). Díl. II: Československo a České země v krizi a v ohrožení (1930–1935). Praha, 2002. S. 34.

² Российский государственный архив социальной и политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 495. Коминтерн. Оп. 71. Коммунистическая партия Чехословакии. Д. 556. Л. 2.

³ Там же.

⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 482. Л. 10.

⁵ *Lipták L'*. Slovensko v 20. Storočí. Bratislava, 2000. S. 121.

⁶ *Kárník Z.* Op. cit. S. 42.

⁷ Ibid. S. 85.

⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 556. Л. 1.

⁹ Там же. Д. 465. Л. 262.

¹⁰ Там же. Д. 556. Л. 2.

¹¹ *Kárník Z.* Op. cit. S. 36.

¹² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 556. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 385. Л. 78 — 79.

¹⁴ *Kárník Z.* Op. cit. S. 50.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 395. Л. 129.

¹⁶ *Kárník Z.* Op. cit. S. 71.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 71. Д. 462. Л. 43 — 44, 175.

¹⁸ Там же. Д. 465. Л. 139 — 142.

¹⁹ Там же. Д. 556. Л. 11.

²⁰ *Lexikón slovenských dejín.* Bratislava, 1999. S. 144.

²¹ *Rychlík J.* Češi a Slováci ve 20.století. Československé vztahy 1914 — 1945. Bratislava, 1997. S. 121 — 122.

²² Ibid. S. 122.

²³ *Olivová V.* Dějiny první republiky. Praha, 2000. S. 173.

²⁴ 14 сентября 1937 г. в возрасте 87 лет скончался первый президент Чехословакии Т.Г. Масарик.

²⁵ 7 июня 1920 г. был заключен договор между Чехословацкой и Австрийской республиками о государственном гражданстве и охране меньшинств; 12 сентября 1922 г. подобный договор был заключен с Германией, а 23 апреля 1925 г. — с Польшей. Чехословацко-венгерские отношения в межвоенный период также в значительной мере были отягощены проблемой меньшинств: венгерского в ЧСР, словацкого — в Венгрии. Венгерское правительство последовательно связывало решение вопроса о венгерском национальном меньшинстве с ревизией границ, рассматривая включение Словакии и Подкарпатской Руси в состав Венгрии как реальную альтернативу. Неоднократно предпринимаемые попытки заключить двусторонний чехословацко-венгерский договор об охране меньшинств оканчивались неудачей. Подробнее по этим проблемам см.: *Československá ústava a zákony s ní souvislé.* Praha, 1935. Díl I. S. 881 — 915; *Szarka L.* Ochrana menšin, reciprocita, revize a pokusy o dohodu mezi Maďarským a Československem o národnostní otázce v letech 1919 — 1938 // *Nepokojná desetiletí 1918 — 1945 (Studie a dokumenty z dějin československo-maďarských vztahů mezi dvěma světovými válkami).* Praha, 1988. S. 71 — 93.

²⁶ *Kvaček R.* Ke vzniku Československa // *Československo 1918 — 1938. Osudy demokracie ve Střední Evropě.* Praha, 1999. Sv. 1. S. 36.

²⁷ *Slovenský národný archív.* (Далее: SNA.) Vavro Šrobár. Šk. inv. č. 124.

²⁸ Еще в апреле 1922 г. Русская народная партия обратилась с Меморандумом в Лигу Наций, где, в частности, указывалось, что границы со Словакией установлены произвольно, обещанной автономии нет, существует цензура газет и писем, контроль письменных, телеграфных и телефонных сообщений, 99,5% чиновников являются чехами либо словаками, вместо автономного правительства управление ведется из Праги, в языковом отношении господствует хаос. См.: Меморандум карпато-русского

народа, принадлежащего временно к Словакии, направленный делегатам великих держав Союза народов, собравшимся на конференцию в Генуе 10 апреля 1922 г. Прешов, 1922.

²⁹ В ответ на жалобы с задержкой введения автономии, поступавшими в Лигу Наций в 1924 и 1932 годах, Э. Бенеш заявлял, что на введение автономии нужно подготовительное время, чтобы создать национальные школы, политически воспитать массы, создать условия для организации политических партий, упорядочить общественную администрацию, улучшить здравоохранение, укрепить греко-католическую и православную церкви, создать кадры для хозяйственных должностей, улучшить экономическое состояние края, так как автономия — это и финансовая проблема. В противном случае, если бы автономия была введена сразу после образования ЧСР, венгерское и еврейское меньшинства области, составлявшие одну треть всего населения, причем наиболее обеспеченную и образованную, "овладели бы большинством", см.: *Бенеш Э. Речь о Подкарпатской проблеме*. Прага, 1934. С. 28 — 33.

³⁰ Там же. С. 28.

³¹ *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 68.

³² Ноты об установлении дипломатических отношений между СССР и ЧСР см.: *Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений*. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1977. Т. 2. С. 593 — 594. Текст союзного договора см.: Там же. М., 1978. Т. 3. С. 113 — 117.

³³ Там же. С. 116.

³⁴ Подробнее о советско-французском договоре и Восточном пакте см.: *Суту Ж.-А.* Франко-советские отношения в 1932 — 1935 гг.; *Наринский М.М.* Отношения между СССР и Францией. 1933 — 1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003. С. 39; 69 — 75.

³⁵ Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения "особой папки". 1923 — 1939. М., 2001. С. 326.

³⁶ *Документы по истории Мюнхенского сговора 1937 — 1939*. М., 1979. С. 274; *Наринский М.М.* Указ. соч. С. 74.

³⁷ *Hitchcock E.B.* Beneš. The Man and the Statesman. L., 1943. P. 254.

³⁸ *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 70.

³⁹ См., например: *Турок В.М.* Очерки истории Австрии 1929 — 1938. М., 1962. С. 490 — 491.

⁴⁰ *Státní ústřední archiv*. (Далее: SÚA.) Přednictvo ministerské rady 1918 — 1945 (PMR). Kart. Č. 411. Sign. 993/14 — 16. 1922 — 1939.

⁴¹ Цит.: по: *Klimek A., Kubůl E.* Československá zahraniční politika 1918 — 1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 86.

⁴² *Rychlík J.* Op. cit. S. 137 — 138.

⁴³ Ibid. S. 138.

⁴⁴ *Lipták L'.* Andrej Hlinka // Muži deklarácie. Bratislava, 2000. S. 74.

⁴⁵ SÚA. F. PMR. Kart. Č. 411.

⁴⁶ *Deák L.* Hra o Slovensko v politike Madar'ska a Pol'ska v rokoch 1933 — 1939. Bratislava, 1991. S. 232.

⁴⁷ *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 197 — 198.

⁴⁸ *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М., 1978. С. 19.

⁴⁹ *Документы по истории Мюнхенского сговора...* С. 158 — 159.

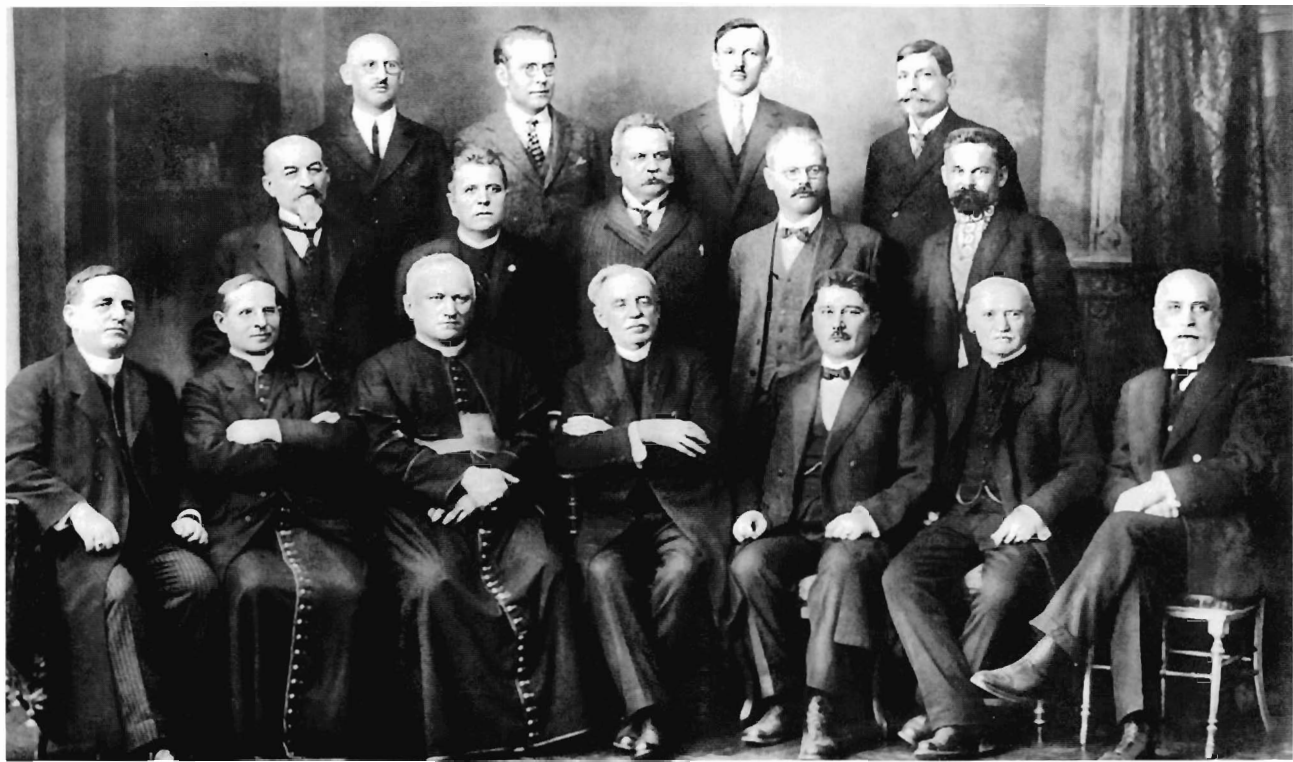
⁵⁰ Там же. С. 167.

Провозглашение независимости Чехословакии. Филадельфия, 26 октября 1918 г.

*Первый президент Чехословакии Т.Г. Масарик
в день своего 80-летия в 1930 г.*

Участники Национального собрания 30 октября 1918 г., подписавшие Мартинскую декларацию

На переговорах в Женеве между представителями внутреннего и заграничного сопротивления (октябрь 1918 г.). Сидят слева направо: Г. Габрман, Ф. Станек, К. Крамарж, Э. Бенеш, В. Клофач, П. Шамал; стоят слева направо: И. Маркович, К. Свобода, А. Калина, Ш. Осуский, Л. Стримпл, Я. Прейсс

Правительство Словацкой республики в 1939 г.

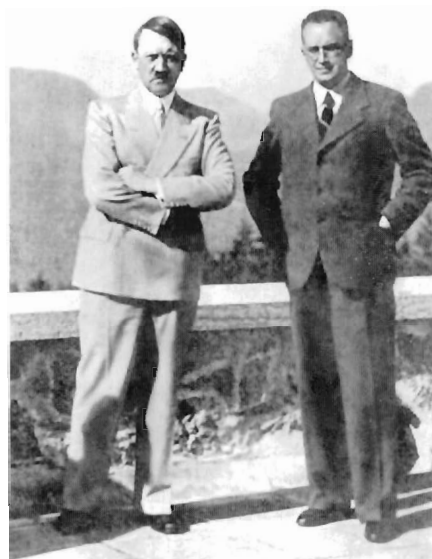
*Эдвард Бенеш и члены Чехословацкого национального комитета:
Я. Нечас, К.Л. Фейерабенд, Г. Рипка, генерал Р. Виест, Ш. Осуский,
П. Маха, генерал Яноушек, Ф. Немец, Я. Славик. Париж, 1940 г.*

Ярослав Гашек

Карел Чапек

*Лидер Судето-немецкой партии
Конрад Генлейн в гостях
у Гитлера. Оберзальцбург,
2 сентября 1938 г.*

*А. Гитлер, Э. Даладье, Б. Муссолини, Н. Чемберлен
и чехословацкие представители 30 сентября 1939 г. Мюнхен*

Андрей Глинка (1864—1938)

Йозеф Тисо (1887—1947)

- 51 Там же. С. 241 – 243.
- 52 Там же. С. 244 – 245.
- 53 Там же. С. 245 – 246.
- 54 Там же. С. 246 – 247.
- 55 Там же. С. 265.
- 56 *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 176.
- 57 ДМИСЧО. М., 1978. Т. 3. С. 526 – 527.
- 58 Там же. С. 529 – 530, 542.
- 59 См.: Документы по истории мюнхенского сговора... С. 312 – 315.
- 60 ДМИСЧО. Т. 3. С. 526 – 527.
- 61 Цит. по: *Kotyk V. Jan Masaryk. Praha, 1993. S. 28 – 29.*
- 62 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 340.
- 63 *Kvaček R. Předmluva. Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938. Praha, 2000. Sv. 1. S. 13.*
- 64 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 269.
- 65 Там же. С. 271.
- 66 *Пушкаш А.И.* Указ. соч. С. 176 – 177.
- 67 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 306.
- 68 Там же. С. 329 – 330.
- 69 Там же. С. 331.
- 70 См. сообщение Г. Масаржика о пребывании в Мюнхене и передаче текста соглашения: *Dokumenty československé zahraniční politiky. Československá zahraniční politika v roce 1938. Praha, 2001. Sv. II. S. 455 – 456.*
- 71 *Ibid. S. 456.* См. также письмо Мастного в МИД ЧСР от 6 октября 1938 г. // Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 351 – 352.
- 72 *Lexikón slovenských dejín. S. 148.*
- 73 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 340 – 341.
- 74 Там же... С. 333.
- 75 Там же.
- 76 Там же. С. 336.
- 77 Там же. С. 353.
- 78 Там же. С. 341.
- 79 Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002. С. 62.
- 80 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 346.
- 81 Там же. С. 343 – 344.
- 82 Там же. С. 409 – 410.
- 83 *Uhlíř Jan B. Druhá republika. Stát, který nikdo nechtel // Historický obzor. 2003. Č. V. – VI. S. 124-125.*
- 84 Подробнее об этом см.: *Kural V. Češi, Němci a mnichovská křižovatka. Praha, 2002. S. 159 – 164.*
- 85 Документы Мюнхенского сговора... С. 323 – 324.
- 86 Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Европа... С. 363.
- 87 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 334.
- 88 Там же. С. 337 – 338.
- 89 Там же. С. 334.
- 90 Об этом якобы в разговоре с Я. Смутным говорил Бенеш в октябре 1947 г., см.: *Klimek A., Kubů E. Československá zahraniční politika 1918 – 1938. Kapitoly z dějin mezinárodních vztahů. Praha, 1995. S. 93.*
- 91 Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 338.

⁹² На вопрос Потемкина Фирлингеру 22 сентября 1938 г., почему чехословацкое правительство никогда не ставило вопроса о безусловной помощи со стороны Союза, последний ответил, что из-за географического положения думать об этом было бы трудно, см.: Документы мюнхенского сговора... С. 265.

⁹³ Что касается Румынии, то еще в марте 1938 г., отвечая на запрос французского правительства, румынская сторона заявила, что в случае конфликта только между Германией и Чехословакией останется нейтральной, при вмешательстве Франции, поставит свою позицию в зависимость от предварительного соглашения с Польшей, но принципиально отказалась разрешить проход русских войск., см.: Волков В.К. Мюнхенский сговор и балканские страны. С. 18.

⁹⁴ Документы мюнхенского сговора... С. 326.

⁹⁵ Heidrich A. Zahraničně-politické příčiny Mnichova // Padesát let. Soubor vzpomínek a úvah o Masarykově republice. Toronto, 1968. S. 69.

⁹⁶ Документы мюнхенского сговора... С. 327.

⁹⁷ Там же. С. 251 — 252.

⁹⁸ См.: Нагжафов Д.Г. "Подлинное толкование Мюнхена": Новый архивный документ и его интерпретация // СССР, Франция и эволюция Европы... С. 186 — 214.

⁹⁹ Суту Ж.-А. Указ. соч. С. 36.

¹⁰⁰ Э. дю Рео. Франция, Германия и СССР 1936 — 1939 годы // СССР, Франция и эволюция Европы. С. 223.

¹⁰¹ Нагжафов Д.Г. Указ. соч. С. 214.

¹⁰² Bartoš J. České dějiny v datech. Od poloviny 19.století do současnosti. Dějepis II. Olomouc, 1994. S. 129, 155.

¹⁰³ Bruegel J.W. Czechoslovakia before Munich. The German minority problem. Cambridge, 1973. P. 66.

¹⁰⁴ Bartoš J. Op. cit. S. 133.

¹⁰⁶ Ibid. S. 142.

¹⁰⁶ Ibid. S. 147 — 148.

¹⁰⁷ Ibid. 144, 158.

¹⁰⁸ Ibid. S. 146.

¹⁰⁹ Ibid. S. 159.

¹¹⁰ Ibid. S. 170.

¹¹¹ Ibid. S. 135 — 136.

¹¹² Ibid. S. 142 — 143.

¹¹³ Ibid. S. 159.

"ВТОРАЯ РЕСПУБЛИКА"
(30 сентября 1938 — 15 марта 1939 гг.)

**Государственно-территориальные
и политические перемены**

С первого по седьмое октября 1938 г. немецкие войска заняли первые четыре зоны чехословацкого пограничья, определенные в Мюнхене. Созданный в Берлине из посланников государств — участников Мюнхенского соглашения и чехословацкого посланника В. Мاستного комитет должен был до 10 октября определить пятую зону, а в остальных районах провести плебисцит¹. Мастный телеграфировал в МИД ЧСР 5 октября 1938 г., что переговоры в Берлине застыли на мертвой точке: "Мы предложили, чтобы к 10 октября были заняты области с 75 процентами немцев, но Берлин хочет немедленно 51 процент по состоянию на 1918 г. или на 1910 г., что является периодом, когда германизация у нас достигла апогея... Помощь послов до сегодняшнего дня чрезвычайно слаба и неэффективна"². Уместно заметить, что перепись 1910 г. не содержала сведений о национальном составе, а лишь о языке, на котором говорили в той или иной области. Поэтому члены чехословацкой делегации настаивали на том, чтобы взять за основу статистические данные на 1938 или 1930 г.

Гитлер, недовольный задержкой с переговорами, потребовал устранения чехословацкого представителя. Комиссия заявила Мастному, что никакие протесты по установлению границы в этой зоне приниматься не будут³. Рейхсканцлер принял решение провести оккупационную линию пятой зоны на основе 51-процентного большинства, по статистическим данным 1910 г.⁴

По чехословацким расчетам, в результате такого решения около 700 тыс. чехов должны были оказаться в германском рейхе, по утверждениям немцев — лишь 350 тыс., что соответствовало числу оставшихся в Чехословакии немцев⁵. 13 октября фюрер призвал к окончанию работы комитета и передаче оставшихся спорных вопросов чешско-словацко-немецкой комиссии. Плебисцит в смешанных районах так и

не был проведен, 21 октября было объявлено об окончании определения чехословацко-немецких границ. Однако 10 ноября Германия опять предъявила территориальные претензии на районы, теперь уже с преимущественно чешским населением, одновременно объявив, что новых требований не последует. Правительство ЧСР вынуждено было на них согласиться⁶. Через месяц подписали протокол о границах⁷. Лишь на двух небольших участках они остались без изменений. Германии досталась и современная линия укреплений, строившаяся с 1935 г., на которую было израсходовано 2 567 млрд крон⁸. Чехословакия уступила Германии территорию протяженностью в 26 680 кв. км. с населением 3 576 719 человек⁹.

20 ноября 1938 г. Чехо-Словацкая республика и Германия заключили договор по вопросам государственного гражданства и оптации. Немецкое гражданство (с одновременной потерей чехословацкого) получали лишь те чехословацкие граждане с присоединенной к Германии территории, которые родились на ней до 1 января 1910 г. или лишились германского гражданства с 10 января 1920 г., а также дети, внуки и жены указанных лиц. Кроме того, право на гражданство рейха имели чехословацкие немцы, проживавшие на 10 октября 1938 г. в населенных пунктах, присоединенных к Германии. Чехословацкие немцы, проживавшие в других частях страны, имели право в течение трех месяцев выехать в Германию, кроме тех лиц, которые получили чехословацкое гражданство после 30 января 1933 г. (т.е. эмигрантов из Германии и Австрии, антифашистов и евреев. — *Е.С.*). В договоре фиксировалось, что немецкое правительство может требовать, чтобы лица немецкой национальности, все еще являющиеся чехословацкими гражданами, покинули Германию в течение трех месяцев и выехали в Чехословакию¹⁰.

Среди беженцев и насильно изгнанных с присоединенных к рейху территорий насчитывалось 122 тыс. чехов, 15 тыс. евреев, 18 тыс. немецких антифашистов¹¹. Те, кто остался, стали неравноправными гражданами Судетской области Германского рейха. Немецкие антифашисты, демократы и евреи подверглись репрессиям.

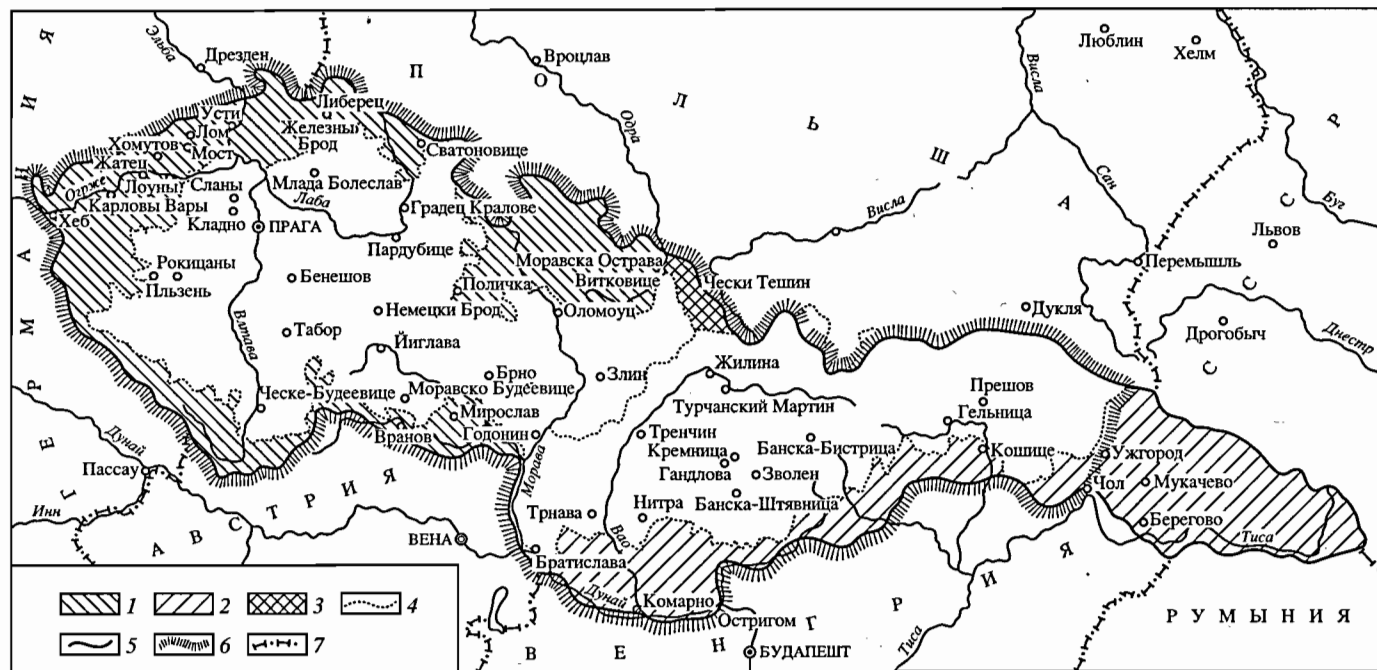
30 сентября 1938 г. Польша предъявила Чехословакии ультиматум с требованием передать ей всю Тешинскую Силезию. Полномочный представитель СССР в Чехословакии информировал НКВД 1 октября 1938 г.: "Министр ино-

Судетские немцы приветствуют Гитлера на оккупированной территории Пограничья. 1938 г.

странных дел Крофта сообщил, что, по его сведениям, Польша готовит, возможно еще ночью, нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию, как нападающую сторону. Польское телеграфное агентство распространило слух об инциденте на границе, во время которого чехи якобы стреляли в поляков. Это явная ложь. Такого инцидента не было. В половине 12-го ночи 30 сентября польский посланник явился к Крофте и передал ноту, в которой предъявлялись ультимативно следующие требования. Уступить три района в Силезии — Фрейштадт, Тешин, Яблунков — в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая — в следующие 24 часа, третья — через 6 дней. Намечен еще один участок, в котором должен быть проведен плебисцит; заранее отвергается международный контроль над плебисцитом"¹².

По тону и намеченной процедуре передачи территории по зонам польская нота повторяла Мюнхенское соглашение, и может рассматриваться как продолжение этой политики.

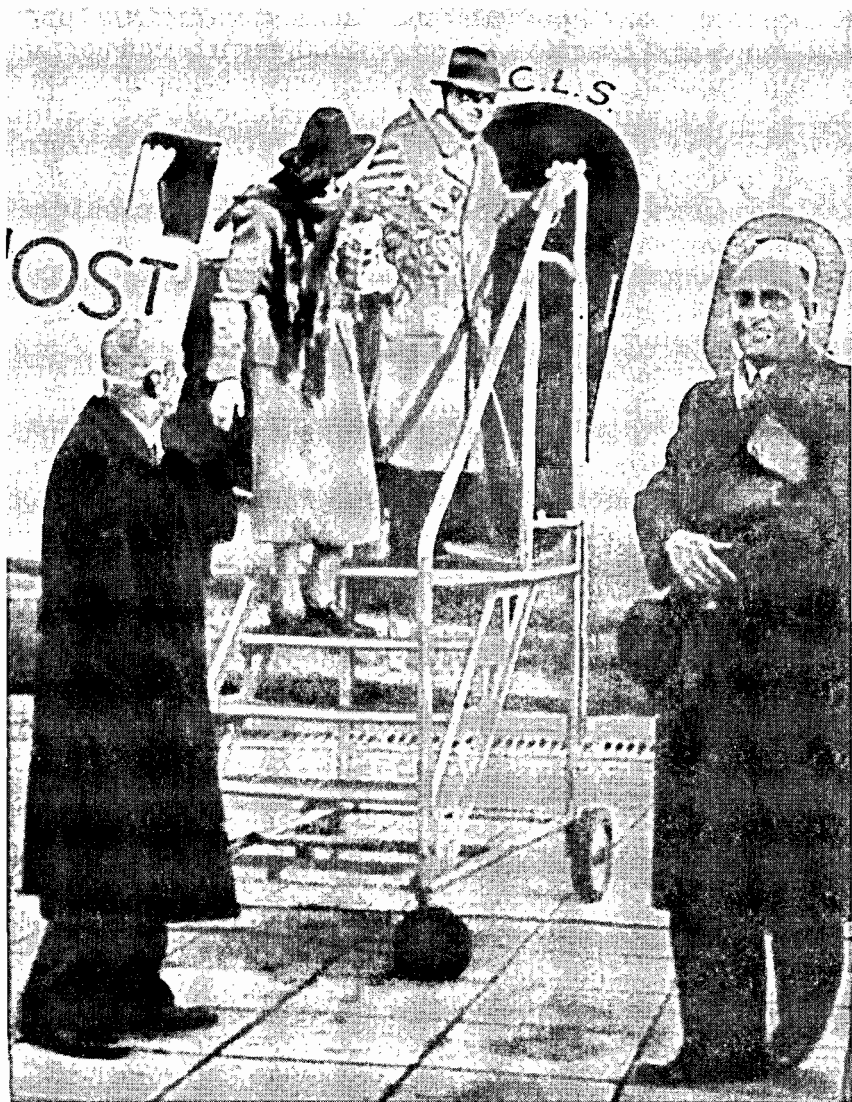

Чехословакия в 1918—1939 и 1945 гг.

Территории, отторгнутые от Чехословакии: 1 — титлеровской Германией в 1938 г.; 2 — Венгрией в 1938—1939 гг.; 3 — Польшей в 1938 г.; 4 — границы "протектората Богемия и Моравия" и Словацкого государства (на 1939 г.); 5 — границы Чехословакии в 1938 г.; 6 — границы Чехословакии в 1945 г.; 7 — границы соседних с Чехословакией государств в 1945 г.

Кроме того, в ноте предусматривались весьма сжатые сроки как ответа (до 12 часов следующего дня), так и самой передачи территории. В ней содержалась весьма оскорбительная фраза о том, что польское правительство не может верить чехословацким обещаниям и чувствует себя вынужденным принять меры к их выполнению Советский полпред добавлял, что воинские части дислоцированные в Тешинской области, не получали приказа об отступлении, и, по словам секретаря Крофты Ины, столкновение неизбежно. В сообщении указывалось, что выступление Польши есть гитлеровская провокация, совершаемая, несмотря на то, что по мюнхенскому соглашению ЧСР давалось три месяца для урегулирования вопросов, касавшихся польского и венгерского национальных меньшинств¹³. 1 октября чехословацкое правительство, желая избежать нового серьезного конфликта, вынуждено было дать согласие на польские требования. В знак протеста против действий правительства несколько министров подали в отставку. Польша оккупировала две трети Тешинской Силезии. Чехословацкое правительство не только приняло польские требования по вопросу о Тешине, но затем уступило Польше еще и часть территории на севере Словакии¹⁴. 30 тыс. чехов вынуждены были покинуть территорию Силезии, присоединенную к Польше¹⁵.

Вскоре после Мюнхена Венгрия также предъявила территориальные претензии Чехословакии и предложила в ноте от 2 октября 1938 г. начать переговоры об обеспечении права венгерского меньшинства на самоопределение. Чехословацкая сторона выразила согласие на прямые переговоры и создание совместной комиссии. Представители ГСНП хотели воспрепятствовать территориальным уступкам и выступили за решение венгерского вопроса путем предоставления венграм широких автономных прав. С 9 по 13 октября в Комарно состоялись переговоры представителей центрального чехословацкого и недавно созданных словацкого и подкарпаторусского правительств с венгерским. Венгерская сторона потребовала присоединения к Венгрии зоны, включавшей в себя Братиславу, Левице, Нитру, Кошицы, Мукачево, а на других территориях, где жили венгры, провести плебисцит. Чехословацкая сторона отклонила эти чрезмерные требования и предложила такие же принципы, как в Берлине (т. е. она готова была уступить районы, где венгры составляли 75% жителей согласно переписи 1930 г.). Венгерский министр иностранных дел К. Каня прервал пере-

Отлет Э. Бенеша и М. Бенешовой из Чехословакии в Англию 22 октября 1938 г.

говоры и обратился за посредничеством к Италии. 24 октября Венгрия официально потребовала проведения арбитража. Вопрос был решен после совещания в Риме с немецким министром иностранных дел И. Риббентропом 28 октября. 2 ноября в соответствии с так называемым первым Венским

арбитражем министров иностранных дел Германии и Италии к Венгрии отошла южная и юго-западная часть Словакии и южная часть Подкарпатской Руси, включая Ужгород и Мукачево (92% территории, на которую претендовала Венгрия в Комарно¹⁶). Устанавливалось, что отвод чехословацких военных сил, эвакуация администрации и венгерская оккупация этих районов будут проведены с 5 по 10 ноября. Несмотря на то, что Риббентроп обещал руководителю ГСНП Й. Тисо этнографическую границу, в конце концов по настоянию Италии были поддержаны венгерские требования, и территория со словацким населением включена в состав Венгрии¹⁷.

В целом после Мюнхена Чехословакия лишилась 41 098 кв. км территории и 4879 тыс. населения. Последствия Мюнхена сказались как на внутривнутриполитическом развитии, так и на внешнеполитической ориентации страны. "Вторая республика" просуществовала чуть меньше полугода. Условно этот период можно разделить на два этапа: начиная с Мюнхена (30 сентября) до президентских выборов (30 ноября), и с начала декабря до распада страны и оккупации чешских земель германским рейхом в середине марта 1939 г.

Изменилась политическая сцена. 4 октября чиновничий кабинет Сыровы был пополнен несколькими военными и специалистами, пять членов правительства теперь совмещали по два министерских поста. Новым министром иностранных дел стал итало- и германофил аграрий Франтишек Хвалковский. Перед правительством стояли задачи организации новой системы управления, проведения мероприятий по децентрализации страны, установление отношений с краевыми органами власти, обеспечения экономического развития, решения вопросов безработицы. 5 октября Бенеш под сильным давлением из Берлина сложил с себя президентские полномочия. В течение последующих двух недель он провел на своей вилле в Сезимогом Устье ряд совещаний с ближайшими соратниками, на которых просил не прерывать с ним связь после его отъезда за границу. Он полагал, что война неизбежна и ожидал ее начало в ближайшие два — три года. На этих совещаниях были заложены основы будущего политического центра сопротивления. 22 октября Бенеш эмигрировал в Великобританию, откуда вскоре перебрался в США.

Центробежные тенденции, законы об автономии Словакии и Подкарпатской Руси

Мюнхенские события непосредственным образом повлияли на развитие политической обстановки в Словакии. Деятели ГСНП решили, что настал, наконец, удобный момент для осуществления их требований, так как центральная власть была ослаблена. Исполнительный комитет партии созвал на 5—6 октября заседание в Жилине, на котором был принят Манифест словацкого народа. Тогда в Жилине собрались и представители Словацкой национальной, и словацких филиалов аграрной, живностенской, национально-социалистической партий. Результатом этих совещаний стали еще два документа: заявление собравшихся в Жилине представителей политических партий и проект закона о децентрализации правительственной власти.

В манифесте указывалось, что словаки, как самобытный народ, веками проживавший на территории Словакии, реализуют свое право на самоопределение и ждут международных гарантий неделимости словацкой территории и охраны словацкого меньшинства за границей. Содержалось требование незамедлительной передачи исполнительной и правительственной власти в Словакии словакам¹⁸.

Лидеры политических партий в своем заявлении солидаризировались с третьим проектом конституционного закона, переданным ГСНП в палату депутатов в июне 1938 г., и требовали введения этого закона в действие не позднее 28 октября 1938 г. Исполнительную власть предполагалось немедленно передать словацкому правительству, формирование которого было поручено заместителю председателя ГСНП Йозефу Тисо¹⁹.

В проекте закона о децентрализации правительственной власти предусматривалось создание словацкого правительства из пяти министров, призванных осуществлять правительственную и исполнительную власть в Словакии. В общегосударственном ведении оставались лишь вопросы внешней политики, национальной обороны, государственных долгов и займов на совместные нужды. На одного из пяти министров возлагались обязанности премьера, и все они должны были стать членами центрального правительства. Планировалось создание соответственно пяти министерств: внутренних дел, транспорта, экономики, просвещения, финансов и социального обеспечения. Все государственные

*Генерал Сыровы и Й. Тисо. Провозглашение автономии Словакии.
Жилина, 6 октября 1938 г.*

предприятия на территории Словакии переходили в ведение словацких министерств. Необходимую часть бюджетных расходов призвана была устанавливать паритетная комиссия, назначаемая центральным и словацким правительством. Закон вступал в силу сразу после его провозглашения. Под ним стояли подписи 14 ведущих словацких политиков²⁰. Так 6 октября была провозглашена автономия Словакии, а уже 7 октября было образовано словацкое правительство во главе с Й. Тисо.

9 октября словацкое министерство внутренних дел запретило деятельность КПЧ, а через неделю и социал-демократов. Все политические партии, за временным исключением Словацкой национальной партии (СНС), под угрозой роспуска объединились с ГСНП, которая получила двойное название ГСНП-ПСНЕ (Глинковская словацкая народная партия — Партия словацкого национального единства). Кроме того, в Словакии существовали Немецкая партия (лидер Ф. Кармазин) и Словацкая венгерская партия (под председательством Я. Эстерхази). В октябре в Братиславе было запрещено Общество культурных и экономических связей с СССР, конфискована его библиотека, а его председатель, член аграрной партии подвергнут личному обыску²¹.

Созданная правительством генерала Сыровы словацко-чешская комиссия разработала и внесла в парламент конституционный закон об автономии Словацкого края, кото-

рый был принят парламентом и оглашен 22 ноября. Закон превращал унитарное государство в федерацию²², Словакия получала собственный сейм и правительство. Официальным языком и языком обучения в крае провозглашался словацкий, вводилось краевое гражданство. Чиновники центрального государственного управления на территории Словацкого края должны были назначаться прежде всего из местных жителей, граждане Словакии призывались в воинские подразделения, расположенные на этой территории и подчиняться краевому командованию. Словакии гарантировалось пропорциональное представительство во всех центральных учреждениях, советах, комиссиях, комитетах и в международных организациях с участием Чехо-Словацкой республики, как она стала называться. Словакия объявлялась самостоятельной в экономической области, независимо осуществляющей работу государственных транспортных средств. Судебную власть призваны были вершить словацкие суды, в том числе Верховный. Кроме общегосударственных в крае действовали собственные словацкие законы²³.

В Словакии росли античешские настроения, людаки, с одной стороны, выдвинули лозунг "Чехи убирайтесь прочь", с другой — инициировали выступления в духе словацко-немецкой дружбы. Со словацкой территории, в том числе и отошедшей к Венгрии, были вынуждены уехать 130 тыс. чехов²⁴.

11 октября 1938 г. было провозглашено и автономное коалиционное правительство Карпатской Руси во главе с Андреем Броди. В нем было представлено два направления — русо- и украинофильское. Броди был настроен провенгерски, имел контакты с правительством Хорти. В конце октября он потребовал от Праги провести плебисцит в Подкарпатской Руси с тем, чтобы присоединить эту область к Венгрии. После этого он был лишен своего поста и арестован, до суда, правда, дело не дошло (позднее он был освобожден и уехал в Венгрию)²⁵. 16 октября было сформировано второе подкарпаторусское автономное правительство во главе с греко-католическим (униатским) священником Аугустином Волошиным, представителем украинофильского направления. Так как Ужгород перешел к Венгрии, столицей края стал город Хуст. Правительство разместилось в единственном отеле города. Через два дня оно выдало распоряжение о прекращении деятельности всех политических партий и объединений. Единственной организацией, деятельность которой не

была запрещена, являлся Украинский центральный национальный совет (со 2 ноября изменивший название на Украинский национальный совет).

22 ноября одновременно с законом об автономии Словацкого края, парламент одобрил и закон об автономии Подкарпатской Руси, которая объявлялась автономной частью Чехо-Словацкой республики. На ее территории устанавливалось областное гражданство. Судебную власть призваны были осуществлять суды, созданные на ее территории. Должность губернатора, вице-губернатора, губернаторские канцелярия и совет упразднились. На территории Подкарпатской Руси создавалось политическое управление и вводилась должность президента области. Точное название и официальный язык должен был определить сейм Подкарпатской Руси²⁶. Закон вступил в действие 16 декабря 1938 г. Подкарпатская Русь стала называться Подкарпатской Украиной.

Законы об автономии Словацкого края и Подкарпатской Украины утвердило Национальное собрание Чехо-Словакии, однако без предписанного конституцией квалифицированного большинства в 3/5 депутатов обеих палат²⁷.

После принятия законов об автономии Словакии и Подкарпатя страна стала официально именоваться Чехо-Словакией.

Внутренняя политика и внешнеполитическая ориентация

Не только для Словакии и Подкарпатской Украины был характерен сдвиг вправо, сворачивание демократических прав и свобод, объединение партий. Чешское общество, охваченное после Мюнхена глубокой депрессией от поражения и жадой расплаты, представляло собой живительную почву для роста ксенофобии, национализма, агрессии. К власти пришли правые, консервативные силы во главе с аграриями. Демократический режим "первой республики" провозглашался едва ли не единственным виновником национальной катастрофы. Новая партийная система состояла из двух партий — Партии национального единства (ПНЕ), возникшей 18 ноября из представителей большинства прежних партий во главе с аграрием Рудольфом Бераном и Национальной партии труда (НПТ), основанной 11 декабря социал-демократами, частью национальных социалистов, членами

сокольских и легионерских организаций, под руководством Антонина Гампла. Относительно самостоятельной частью НТП стало созданное 13 ноября Национальное движение трудящейся молодежи (НДТМ). 20 октября деятельность КПЧ была приостановлена, а 27 декабря партия распущена. Часть ее лидеров эмигрировала в Москву, часть на Запад, в стране было сформировано первое нелегальное центральное руководство КПЧ в составе Э. Климы, В. Сынека, Я. Зики, Э. Уркса.

30 ноября состоялись президентские выборы, на которых новым главой государства подавляющим большинством голосов был избран единственный кандидат, доцент Карлова университета, опытный юрист, занимавший с 1925 по 1938 г. должность президента Верховного суда, 66-летний Эмиль Гаха²⁸. Против его кандидатуры не возражал и Бенеш, который, по некоторым сведениям, даже рекомендовал его для избрания на этот пост. Гаха устраивал многих политиков своей аполитичностью, образованностью, глубокой религиозностью и консервативными взглядами. Новую должность он воспринял как "служение национальным интересам", и являлся в основном репрезентативной фигурой. После своего избрания президентом Гаха совершил символический жест, посетив могилы К. Крамаржа, А. Швеглы и Т.Г. Масарика²⁹.

1 декабря 1938 г. новый президент по предложению Партии национального единства назначил новое правительство во главе с премьером Р. Бераном, получившее название "национального возрождения". Количество министерских портфелей было сильно сокращено, министрами стали чиновники без большого опыта работы, НПП в правительстве представлена не была.

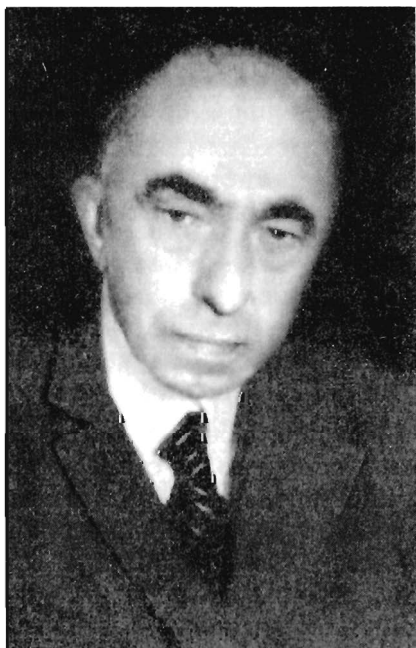
.. 15 декабря Национальным собранием был принят так называемый закон о полномочиях, согласно которому правительство получало на два года право принимать постановления, имевшие силу закона, а президент с согласия правительства мог менять конституцию. Глава страны получал также право назначать не только центральное, но и автономные правительства, распускать Национальное собрание. Правительство сосредоточило в своих руках и исполнительную, и законодательную власть. Тем самым Национальное собрание становилось лишним и до расчленения Чехо-Словакии больше не собиралось. Управление государством осуществлялось при помощи правительственных распоряжений

либо президентских декретов. 12 января 1939 г. правительство распустило земские представительства в Чехии и Моравии и реорганизовало местные административные органы. Власть в районах получила шестичленная комиссия специалистов, некоторые органы местного самоуправления были распущены. С 3 февраля введена была должность советника-секретаря при органах местного самоуправления. Прежняя система парламентской демократии в Чехо-Словакии была уничтожена.

"Вторая республика" испытывала значительные социально-экономические трудности. После Мюнхена страна утратила две пятых своих промышленных мощностей, особенно пострадала угледобывающая и легкая промышленность. На территории, отошедшей к Польше, добывалось 93% бурого и 55% черного угля³⁰. Потери в производстве хрусталя составили 90%, стекла — 75%, текстильных изделий — 63%, бумаги — 54%³¹.

Чехо-Словакия лишилась трети пахотных земель и 26% лесных угодий. Нарушено было железнодорожное и водное сообщение, потеряны аэродромы в Марианских Лазнях, Карловых Варах, Либерце, Кошицах, Ужгороде. А главное — страна потеряла третью часть населения.

На реорганизацию экономики требовались средства (по подсчетам специалистов из Чехо-Словакии, около 30 млн фунтов стерлингов). 27 января 1939 г. после переговоров финансовых экспертов в Лондоне были подписаны четыре соглашения о британо-французской помощи на сумму 16 млн фунтов стерлингов, которую было решено предоставить ЧСР в виде пятипроцентного кредита на срок до 1942 г., 4 млн из этой суммы предоставлялось безвозмездно на обеспечение беженцев из пограничных районов и Словакии, которые

Э. Гаха

представляли собой серьезную социальную проблему. Во внутренние области Чехии и Моравии их прибыло свыше 300 тыс. чел., и всех надо было обеспечить работой и жильем. Психологическое состояние пострадавших людей было крайне тяжелым. Им предоставлялась одежда, пища, в качестве временного жилья использовались физкультурные залы (сокольни), общежития, летние лагеря, дома отдыха. С одной стороны, для охраны внутреннего рынка труда на два года вводился запрет принимать их на гражданскую и военную службу, ограничивались разрешения на медицинскую и юридическую практику. С другой стороны, при министерстве социального обеспечения был создан Институт по делам беженцев, располагавший фондом в 150 млн крон. Его задачей было обеспечение этих людей работой в трудовых лагерях (например, на строительстве шоссейных дорог). До середины февраля 1939 г. в трудовые лагеря было привлечено около 12 тыс. мужчин. Но безработных оставалось около 150 тыс. Чтобы как-то решить проблему безработицы, с государственной службы стали увольнять замужних женщин, совместителей, пенсионеров; 40 тыс. человек были высланы на работы в Германию³². 2 марта было принято постановление правительства о создании лагерей принудительных работ.

Чехословацкая экономика сильно зависела от внешней торговли, объем которой после Мюнхена снизился чуть ли не в половину. Кроме того изменился внешнеторговый баланс: если в "первой республике" экспорт превышал импорт, то теперь ситуация изменилась на прямо противоположную, дефицит во внешней торговле составил около 1 млрд крон³³.

Для восстановления экономики и ее консолидации в декабре 1938 г. был создан Государственный экономический совет в качестве совещательного органа при правительстве. Ввиду притока беженцев ограничивались некоторые виды предпринимательства, ужесточался порядок создания новых кооперативов, предпринимались меры против вывоза золота и валюты за границу. Росло значение картелей и синдикатов, укрупнялись банки. Реорганизацию экономики предполагалось осуществлять в тесном сотрудничестве с Германией. Немецкие монополии и банки укрепляли свои позиции в Чехо-Словакии, вытесняя французские, бельгийские и американские.

Одновременно с правительством Берана были сформированы новые правительства автономного Словацкого

края и Подкарпатской Украины. Возглавили их вновь Й. Тисо и А. Волошин. 19 декабря правительство Тисопустило Словацкий Сокол, а 23 декабря издало распоряжение о том, что новые политические партии могут быть основаны лишь с его разрешения. Все это свидетельствовало о ликвидации остатков демократии и установлении авторитарного режима.

18 декабря состоялись выборы в Словацкий сейм по списку кандидатов единственной партии ГСНП-ПСНЕ, был проведен и "референдум", во время которого избиратели должны были ответить на вопрос, хотят ли они свободной Словакии³⁴. Некоторые словацкие политики еще со времен Мюнхена рассматривали возможность выделения Словакии из состава ЧСР и в случае военного поражения Чехословакии вхождения ее в состав польско-словацкой либо польско-словацко-венгерской унии. Одновременно радикальное крыло ГСНП, представленное А. Махом, Ф. Дюрчанским, В. Тукой стремилось к созданию самостоятельной Словакии с опорой на Германию. 26 и 31 декабря президент Гаха провел неофициальные переговоры с представителями словацкого правительства с целью зондажа словацких планов.

Через месяц 18 января 1939 г. впервые собрался словацкий сейм. Второе правительство Тисо подало в отставку. Новый кабинет был составлен и одобрен через два дня вновь под его руководством.

В Чехо-Словацкой республике рос антисемитизм, готовились законы о высылке евреев из страны, огосударствлении (либо ограничении вывоза за границу) их имущества. Евреев исключали из профессиональных и корпоративных организаций, отправляли на пенсию с государственной службы, предлагали ввести для них запрет на юридическую и врачебную практику.

Большие изменения последовали в культуре, государственной идеологии, образовании, значительно усилилось влияние католической церкви.

Внешняя политика "второй республики" находилась в полной зависимости от Германии и была ориентирована на сотрудничество Берлина с консервативными кругами Лондона. Первый визит Хвалковского в Берлин состоялся 13 октября. Рассказывая о нем лидерам политических партий, министр иностранных дел был вынужден признать: "Мы, несомненно, потеряли значительную часть своей независимости и свободы действий"³⁵. По его словам, в Берлине "беспо-

щадно осуждают" чехословацкую внешнюю политику, а к внутривластической системе "не испытывают абсолютно никакого доверия, презирают ее"³⁶.

В качестве доказательства новой внешнеполитической ориентации Германия ожидала от Чехо-Словакии определенных действий, таких как: отказ от пактов с Россией и Францией, роспуск коммунистической партии, тесное экономическое взаимодействие с рейхом и приспособление к его нуждам, а также урегулирование отношений с Венгрией. Заклучая свой рассказ о визите в Берлин, Хвалковский высказал свое видение новой чехословацкой внешней политики. По его мнению, необходимо было отказаться от всяких химер и миражей и проводить политику малого нейтрального государства по примеру Дании, т.е. "политику покорности"³⁷.

"Третий рейх" признавал свое полное превосходство и бессилие Запада и Востока, а государственную, экономическую и транспортную зависимость Чехо-Словакии рассматривал как должное. Гитлер не желал существования "второй республики", воспринимая Мюнхен как "украденную победу"³⁸. 17 декабря Гитлер выдал инструкции об уничтожении остатков Чехословакии, причем эту акцию предполагалось провести не как военную, а мирными средствами, широко используя пропаганду.

21 января 1939 г. состоялся второй визит Хвалковского в Берлин. Наглость и аппетиты рейха росли. На этот раз Германия продиктовала Чехо-Словакии условия: 1) отказ от прежних союзнических обязательств и полный нейтралитет внешней политики; 2) выход из Лиги Наций; 3) проведение согласованной внешней политики с Германией и присоединение к антикоминтерновскому пакту; 4) ликвидация остатков бенешевского режима, отстранение от власти чиновников, неудобных Германии, и евреев; 5) демобилизация войска и сокращение вооруженных сил до минимума (примерно наполовину состава); 6) передача части золотого запаса и резервов чехословацкого Национального банка Германии в соответствии с экономическим значением земель, перешедших под немецкую юрисдикцию; 7) запрет на создание промышленности, могущей составить конкуренцию судетской, создание условий для торговли товарами, произведенными в Судетах; 8) выполнение всех требований немцев, оставшихся в Чехо-Словакии, т.е. свобода национал-социалистической пропаганды, организаций, выступлений, право определения образования и способа культурной жизни, сохране-

ние немцев на своих местах, изоляция их от евреев, обеспечение хороших отношений немцев с чехо-словацким правительством, отстранение всех лиц, препятствующих этому; 9) обеспечение добрососедских отношений между Прагой и Берлином в экономической, культурной и, особенно, политической областях; 10) принятие той же идеологии, что и в Германии³⁹.

Гитлер требовал, чтобы правительство Чехо-Словакии немедленно прекратило антигерманские выступления чехословацкой печати, приняло значительную часть чехословацких денежных купюр, обращающихся в Судетской области, отпустив за них Германии соответствующее количество товаров своего производства, изгнало евреев не только из государственных и общественных учреждений, но и исключило их из хозяйственной жизни, буквально заявив, "что евреи в Чехо-Словакии должны быть истреблены"⁴⁰. Несмотря на то, что Хвалковский был ошеломлен этим приемом, он сохранял убежденность в необходимости для Чехо-Словакии повиноваться диктату. Но не все политические деятели и представители крупной промышленности придерживались подобных взглядов. В беседе с заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В.П. Потемкиным чехословацкий посланник в Москве З. Фирлингер утверждал, что "многие и притом авторитетные политические деятели Чехо-Словакии не разделяют капитулянтских выводов Хвалковского"⁴¹. По его словам, независимую позицию сохраняли представители крупной промышленности: "Громадко заявил Фирлингеру, что гарантирует бесперебойное выполнение советских заказов. Наблюдение за их выполнением специально поручено генералу Гусареку, который вышел в отставку и принят на службу дирекцией Шкода"⁴².

Между тем чехословацкое правительство принялось за выполнение германских условий. Еще 20 января оно решило признать создание областной зарубежной организации германской национал-социалистической рабочей партии (ГНСРП) в Чехо-Словакии⁴³. 26 января было заключено соглашение о сотрудничестве между чехословацкой полицией и гестапо⁴⁴. Кроме того, вводилась цензура, запрещались либеральные издания, сокращалась армия, уточнялось определение "еврея", готовились предложения по решению еврейского вопроса и провозглашение нейтралитета по бельгийскому образцу.

12 февраля В. Тука на аудиенции у Гитлера просил предоставить экономическую помощь и поддержку в провозглашении словацкой независимости. В конце февраля такая помощь со стороны Германии гарантировалась при условии провозглашения независимости.

16-го числа того же месяца ПНЕ приняла радикальную программу, предусматривавшую ликвидацию НПТ, разделение общества на шесть сословий, единую внешнеполитическую ориентацию на Германию.

22 февраля Чехо-Словакия предложила участникам мюнхенского соглашения декларацию и нейтралитете и меморандум, в котором напоминала об обязательствах международных гарантий чехословацких границ. 28 февраля Германия отказалась предоставить такие гарантии. В Берлин направился Г. Масаржик для выяснения перспектив чехословацко-немецких отношений, однако государственный секретарь Э. Вайцзеккер даже не принял его.

6 марта 1939 г. реорганизации подверглось автономное правительство Подкарпатской Украины. Его премьером вновь стал А. Волошин. Берлин продолжал подстрекать словацких политиков провозгласить независимость. ГСНП стремилась достичь еще большей свободы в чешско-словацком союзе. Не придя ни к какому компромиссу со словацкой стороной, центральное правительство решило предпринять радикальные меры. Президент Гаха поздно вечером 9 марта освободил от должности Й. Тисо и еще трех словацких министров — Дюрчанского, Пружинского и Ванчо. Председателем автономного правительства и министром, возглавившим все министерства, кроме финансов (которым продолжал руководить Павол Тепланский), стал Йозеф Сивак. Власть в Словакии в ночь с 9 на 10 марта захватила армия под командованием генералов Б. Гомолы и Г. Войты. Но путч Гомолы лишь обострил ситуацию. Кабинет Й. Сивака просуществовал два дня. Новым председателем словацкого правительства 11 марта стал Карол Сидор⁴⁵.

13 марта 1939 г. в Берлине Гитлер и Риббентроп встретились с Й. Тисо, Ф. Дюрчанским и Ф. Кармазином. До их сведения было доведено решение Гитлера относительно чешского вопроса и предложено объявить о независимости Словакии, обратившись за охраной к Германии. В противном случае, по словам Гитлера, судьба Словакии "перестала бы интересоваться" рейх. Тисо потребовал у Сидора срочно созвать

Й. Тисо на пути к Гитлеру. 13 марта 1939 г.

словацкий сейм. 14 марта он проинформировал депутатов о своих переговорах в Берлине. Правительство Сидора подало в отставку, а сейм принял закон о независимом словацком государстве. Премьером был избран Тисо. Часть словацкого населения восприняло распад Чехословакии очень сдержанно и с недоверием, другая же часть — как естественный этап национальной эмансипации, тем более что этот процесс поддержала католическая церковь⁴⁶.

В тот же день правительство Подкарпатской Украины объявило о ее независимости, а через день новое правительство возглавил с Й. Ревай, регион переименовался в Карпатскую Украину, которая обратилась за охраной к Италии и Германии. Полувоенные части — Карпатская сечь — подняли восстание за независимость. Венгрия направила ультиматум в Прагу о немедленном прекращении

Гитлер на Пражском Граде. 15 марта 1939 г.

дой. Неожиданное вторжение нацистов 15 марта 1939 г. в глазах чешской общественности окончательно дискредитировало консервативный авторитарный или фашистский тип общественного устройства, сами принципы, лежавшие в его основе⁴⁹. 16 марта декретом фюрера Богемия и Моравия в качестве пользовавшегося определенной административной автономией протектората были включены в состав рейха под контролем протектора, его представлявшего и постоянно находившегося в Праге⁵⁰. Исполнительная власть на месяц перешла к военному руководству во главе с командующими оккупационными войсками генералами Й. Бласковицем (в Чехии) и В. Листом (в Моравии). Начальником гражданского управления стал К. Генлейн. 18 марта 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов направил ноту протеста против раздела Чехословакии послу Германии в СССР Ф. Шуленбургу.

Таким образом, "вторая республика" прекратила свое существование, начался новый исторический период в жизни чешского и словацкого народов.

¹ Uhlíř J.B. Druhá republika. Stát, který nikdo nechtel // Historický obzor. 2003. Č. V/VI. S. 124.

² Документы по истории Мюнхенскогоговора 1937 – 1939. М., 1979. С. 347.

- ³ Čeněk M. Kadlec Hry o hranice. Chast u Poříčkan. 2001. S. 91.
- ⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 383.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 395—399.
- ⁷ Uhlíř J.B. Op. cit. S. 124.
- ⁸ Ibid. S. 124.
- ⁹ Čeněk M. Op. cit. S. 99.
- ¹⁰ Dokumenty k ústavním dějinám československým 1938—1946. Praha, 1947. Díl I. S. 9—13.
- ¹¹ Rataj J. O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938—1939. Praha, 1997. S. 12—14.
- ¹² СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971. С. 24.
- ¹³ Там же. С. 25.
- ¹⁴ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. (Далее: DSNIŠ.) Bratislava, 1998. Zv. II. S. 179—180.
- ¹⁵ Rataj J. Op. cit. S. 14.
- ¹⁶ Uhlíř J.B. Op. cit. S. 126.
- ¹⁷ DSNIŠ. Zv. II. S. 186—188.
- ¹⁸ Ibid. S. 179—180.
- ¹⁹ Ibid. S. 180.
- ²⁰ Ibid. S. 180—183.
- ²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 378.
- ²² Некоторые исследователи считают, что государство приобрело форму триализма с сильными конфедеративными элементами. Федерация была не типичной, так как не существовало чешских национальных органов, только центральные и словацкие, см. например: Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. Století. Česko-slovenské vztahy 1914—1945. Bratislava, 1997. S. 151.
- ²³ Dokumenty k ústavnímu právu dějinám Československým. 1938—1946. Praha, 1947. Díl. I. S. 14—22.
- ²⁴ Rataj J. Op. cit. S. 14.
- ²⁵ Hanak Walter K. Podkarpatsko-rusínská otázka: 1918—1945. Praha, 1998. S. 35.
- ²⁶ Dokumenty k ústavnímu právu... S. 22—30.
- ²⁷ Uhlíř J.B. Op. cit. S. 129.
- ²⁸ Tomášek D., Kvaček R. Causa Emil Hácha. Praha, 1995. S. 8.
- ²⁹ Rataj J. Op. cit. S. 59.
- ³⁰ Uhlíř J.B. Op. cit. S. 132.
- ³¹ Ibid.
- ³² Ibid. S. 133.
- ³³ Ibid. S. 131.
- ³⁴ Ibid. S. 127.
- ³⁵ Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 372.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 374.
- ³⁸ Uhlíř J.B. Op. cit. S. 123, 127.
- ³⁹ Ibid. S. 127.
- ⁴⁰ Документы по истории Мюнхенского сговора... С. 411.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же. С. 411—412.

⁴³ Там же. С. 408.

⁴⁴ Там же. С. 419.

⁴⁵ *Tomášek D., Kvaček R.* Op. cit. S. 28.

⁴⁶ *Korček J.* Obdobie prvej Slovenskej republiky a protifašistického odboja // *DSNÍŠ. Zv. II.* S. 211.

⁴⁷ См. письмо посла Франции в Германии Р. Кулондра министру иностранных дел Франции Ж. Бонне от 16 марта 1939 г. // *Документы и материалы кануна Второй мировой войны 1937 – 1939. Т. 2: Январь – августа 1939. М., 1981.* С. 44.

⁴⁸ Там же. С. 40, 44.

⁴⁹ *Rataj J.* Op. cit. S. 234.

⁵⁰ *Документы и материалы кануна Второй мировой войны... Т. 2. С. 44.*

КУЛЬТУРА ЧЕХОВ И СЛОВАКОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в. (КОНЕЦ XIX в. — 30-е ГОДЫ XX в.)

В XX столетии, в особенности в первой его половине, чешская и словацкая культуры достигают высшей стадии своего развития. Это период расцвета национальных культур чехов и словаков, которые на основе той базы профессиональной национальной культуры, которая была заложена в эпоху Национального возрождения, но часто отрицая ее ценности и смыслы, девальвированные политической борьбой и фразеологией второй половины XIX в., создали, преимущественно в 1890-е — 1930-е годы, ценности непреходящего значения во всех сферах художественного творчества и гуманитарного знания. Многие из этих культурных достижений стали феноменами не только национальной, но европейской и мировой культуры, что окончательно утвердило статус культуры Чехословакии как равной другим европейским культурам, как интегральной части европейского культурного пространства. Само чехословацкое общество в межвоенный период именно благодаря развитости культурной сферы осознало себя нацией, равной другим, преодолевшей провинциальные комплексы, приобщившейся к ведущим европейским тенденциям в культуре без утраты самобытности. Культурная самоидентификация этносоциального организма акцентировала этнокультурный аспект и диалектику связей универсального и национального. Рецепция мировых стилей означала то, что синтезом европейскости и чешскости/словацкости они и представляли интерес для мировой культуры. Теперь уже ясно, что без вклада Чехословакии культурный ландшафт XX в. был бы существенно беднее. Общеизвестным ныне является вклад чешских деятелей культуры "первого ранга", чье оригинальное творчество постоянно востребовано культурной жизнью планеты (Л. Яначек, Б. Мартину, К. Чапек, Я. Гашек, А. Муха, Ф. Купка). Однако этого еще не произошло с творцами, условно говоря, других уровней, причем само деление на "ранги" носит

условный характер и детерминировано скорее информированностью, "раскрученностью" того или иного феномена. Поэтому постоянно происходит "прорыв" какого-нибудь имени в "первый эшелон", и мировая общественность удивляется тому, что она раньше недооценивала данную творческую личность. Такого рода открытия свидетельствуют о сохраняющейся общей недооценке чешской и словацкой культур как явления, как целостного феномена, скрывающего в себе чрезвычайно большое количество артефактов первостепенной ценности. Действительно, при изучении чешской и словацкой культур XX в. поражает обилие творческих имен, создавших во всех сферах культурной деятельности произведения чрезвычайно высокого уровня. Если учесть, что чехи и словаки в демографическом отношении — малые народы, то большой процент высокоталантливых творцов культуры заставляет говорить о небывалом расцвете этих наций в XX в.

Парадигма чешской и словацкой культур XX в. — это, безусловно, модернизм, модерность как имманентное качество этих культур. Все столетие со времени публикации "Манифеста чешского модерна" (1895) вплоть до наших дней чешская и во многом словацкая культуры развивались в рамках дискурса модерна как цивилизационной модели. Именно этим детерминировалась их включенность в общеевропейский контекст, их активность, энергичность, стремительность развития, наступательный характер инноваций. Именно поэтому они всегда сохраняли левую ориентацию, как в чисто эстетическом, так и в культурно-политическом отношении. Активизм культуры привел к политической активности левого толка ее творцов и носителей, что, как представляется, можно считать трансформацией культурно-политической традиции, идущей от начал Национального возрождения. Совмещение традиционности и модерности обусловило несколько специфических черт чешской и словацкой культур XX в.

Во-первых, постоянное присутствие в культуре гуманистических ценностей, выражаемых не абстрактно и пафосно, а ориентированных на простого человека с его миром ценностей, в который входит категория правды как нравственный императив, что имеет следствием внутреннюю правдивость культуры, ее ориентацию на конкретику, скептическое отношение к "великим идеям", требующим огромных человеческих жертв, и одновременное стремление к значи-

тельному улучшению условий существования. Этот комплекс традиционно называют чешским гуманизмом. В XX в. с его тоталитаризмом и милитаризмом он позволил чехам и словакам не только сохранить свое лицо, проявить жизнестойкость, но и придал их культуре особую жизненность, гуманность всех идеологических параметров. В немалой степени этому способствовал знаменитый чешский юмор как негация сверхчеловеческих абстракций.

Во-вторых, социальная ориентация культуры с сохранением таких ее категорий, как культуртрегерство, просветительство, воспитательное значение, политическая ангажированность.

В-третьих, сохранение общего демократического характера культуры. Даже те авангардные течения, которые в иных национальных культурах приобретали элитарный характер (например, сюрреализм), в чешской культуре демократизировались, обретали повышенную коммуникативность. Общую ситуацию не нарушил мистическо-эзотерический элемент, возникший в чешской культуре во времена символизма и выраженный в культурологеме "Прага мистическая". Будучи антиподом демократизма, он прежде всего проявился в художественном творчестве живших в Праге не-чехов. Что же касается собственно чешского эзотерического движения, то оно заняло активную "просветительскую" позицию, т.е. занялось широкой пропагандой своих взглядов, указывая на их местную, пражскую традицию, идущую еще от герметизма культуры эпохи Рудольфа II (рубеж XVI—XVII вв.).

В-четвертых, культура сохраняет смыслы и ценности патриотизма. При этом его интерпретация поляризуется. Официальный патриотизм, до 1918 г. представленный партией младочехов, дискредитировал себя пафосностью словесных формулировок, расходившихся с политической практикой. Такой патриотизм рассматривался новыми политическими силами как ложный, устаревший, творящий национальный миф. Некоторая экстремальность критики традиционного патриотизма в начале XX в. скрывала от поверхностного взгляда сущностный патриотизм новых общественных движений, прежде всего партии Т.Г. Масарика, который после, в независимой Чехословакии, утвердил новый политический миф специфически чешской демократии, корнящейся в чешском гуманизме, проявившемся в связываемых в одну линию таких феноменов, как Ян Гус, Община

чешских братьев и Национальное возрождение. В противовес этой новой официозности правые политические течения акцентируют значимость таких эпох, как готика и барокко, когда Чехия была важной интегральной частью Европы. Левые же течения на первый план ставят гуситскую революционную традицию, которая в мифологизированном виде становится новым официозом уже в социалистической Чехословакии. В Словакии патриотизм продолжал дело сплочения на общей политической платформе двух конфессий — католиков и евангеликов. Однако словацкой патриотической идеологии был нанесен существенный удар теорией чехословакизма, вызвавшей ответную реакцию в виде гипертрафированного патриотического (националистического) сознания.

В-пятых, из патриотизма (в его разных интерпретациях) вытекает историзм как общая ориентация культуры. Прошлое, естественно, мифологизированное и политизированное, постоянно присутствует в культуре и как событийное содержание, и как культурные реминисценции, включая рефлексии памятников искусства, присутствующих в урбанистической среде, ставшей предметом вдохновения части авангардных направлений (кубизм, поэтизм). С этим также связан повышенный социальный статус исторической науки, традиционно остававшейся не только зеркалом общественных идей, но и главным фактором, формирующим общественное сознание, воспитывающим сознательного гражданина. В силу этих причин историческая наука стала ареной битвы идей и формирования новых общественных представлений, о чем свидетельствовала многолетняя дискуссия, получившая название "спор о смысле чешской истории". Классовое сознание, проповедуемое пролетарскими партиями, также включало в себя компонент историзма, называемого прогрессивной исторической традицией и связываемого с движением таборитов в XV в. У словаков в силу отсутствия государственности до 1918 г. историзм не мог стать сколько-нибудь существенным компонентом культурного сознания. Его место заняло этническое самосознание, приведшее к мощному расцвету этнографической науки и фольклоризма в художественном творчестве. Идеология людовцев способствовала повышению статуса крестьянской культуры как комплекса ценностей, что в крестьянской Словакии служило укреплению национально-культурной идентификации.

Модерность чешской и словацкой культур не исключает наличия в них традиционных, консервативных элементов, проявлявшихся прежде всего в идеологии католических и крестьянских политических и общественных объединений. Однако эти элементы не стали значительными, лишь оттеняя парадигму модерности и придавая культурной жизни страны ту плюралистичность, которая свидетельствует о высокой степени развитости социума.

Чешская и словацкая культуры в первой половине XX в. развивались чрезвычайно динамично, синхронно с общеевропейской культурой, были весьма дифференцированными, с богатой шкалой общественных проявлений, необычайно насыщенными ценностными артефактами. Конечно, более исторически зрелая, обладающая многовековыми традициями и опытом чешская культура опережала словацкую, сосуществующую с ней сначала в рамках Австро-Венгерской монархии, затем (гораздо более тесно) в Чехословацкой республике. Влияние чешской культуры на словацкую, более молодую, не обладающую традицией государственности, но имеющую общую с чешской традицию Национального возрождения и борьбы за культурную самобытность, было чрезвычайно обширным и плодотворным. В то же время угроза чехизации, проходившей под лозунгом чехословакизма, концентрировала словаков на своей культурно-этнической специфике, что придавало словацкой культуре неповторимые черты. С другой стороны, можно говорить о едином культурном пространстве Чехословацкой республики, где определяющими были процессы культурной синтезации, а не дивергентности. Однако при этом сохранялась региональная специфика культуры (Ходско, Моравия, Моравское Словацко, Западная Словакия, Восточная Словакия и др.), что увеличивало полиморфизм культуры.

В историческо-хронологическом плане обретение новой государственности в 1918 г. не стало поворотным пунктом в развитии культуры. Продолжали развиваться стили и направления, возникшие в первых десятилетиях XX в. Правда, появилась официальная идеология нового государства, некоторые госструктуры и учреждения, относящиеся к культуре, однако в общем плане провозглашение государства не вызвало существенных перемен в сфере собственно культуротворчества. Такая ситуация была обусловлена, очевидно, чрезвычайно высокой развитостью (в масштабах Централь-

ной и Восточной Европы) чешской художественной культуры, автономностью ее развития, дистанцированностью от сферы политики.

В целом чешская и словацкая культуры представляли собой разнообразные, полиморфные, структурированные системы, тесно связанные друг с другом, ориентированные на социум, без чрезмерной идеологической отягощенности, развивавшиеся динамично благодаря внутренним импульсам и включенности в общеевропейское культурное пространство, богатые творческими достижениями мирового уровня, причем общий культурный уровень был столь высок, что обилие и качество художественной продукции затрудняют выделение небольшого количества "хрестоматийных" имен и произведений, концентрирующих национальную культурную репрезентацию. Поэтому мы не претендуем на всеохватность материала, по необходимости представленного фрагментарно, особенно по отношению к периоду 1890-х — 1918 г., предшествующему возникновению нового чехословацкого государства.

Развитие чешской культуры на рубеже веков (1895–1918)

Рубеж XIX — XX вв. и первые полтора десятилетия XX в. были переломным периодом в развитии чешской культуры, когда сформировался ее модерный дискурс, возникли и заявили о себе как о главных многие течения и феномены, ставшие лицом новой эпохи. Эта эпоха, при всей дифференцированности феноменального ряда артефактов, являет собой некую цельность, имеющую единые мировоззренческие основы и единые элементы в стилистике, что дает основания искать ей единое название. Еще в начале этой эпохи активный пропагандист нового искусства, теоретик, поэт С.К. Нойман предложил назвать "сецессией" это новое искусство, объединяющее все современное, противостоящее старому, отжившему. Термин "сецессия", пришедший из художественной практики молодых венских художников, стал в странах Центральной и Восточной Европы (кроме России, где привился термин "стиль модерн") аналогом французского Art Nouveau и немецкого Jugendstil. Его расширительная трактовка как стиля эпохи, объединяющего все ее компоненты, предложенная человеком, активно формировавшим эту культуру, укоренилась в чешской науке о культуре, по-

нимающей сецессию не только как стилистическое течение в искусстве, но и как культурологическое обозначение целого периода в развитии западной культуры, включая стиль жизни и мышления¹. Однако литературоведы избегали этого термина как трудноопределяемого применительно к словесному творчеству, предпочитая более традиционный термин "символизм". Лишь в самое последнее время обозначилась тенденция рассматривать термин "сецессия" как собирательный, синтезирующий все стилевые направления эпохи — реализм, натурализм, импрессионизм, символизм — в процессе соединения искусства с жизнью на основе универсальной гармонической красоты, понимаемой с позиций "конца века"². Такая культурологическая трактовка вполне оправдана и обоснована, однако все указанные направления (стили) были настолько самостоятельными и четко выраженными, что для чешской культуры более адекватным представляется другой термин, служивший и для современников общепринятым названием культурного периода — "чешский модерн" ("česká moderna").

Так назывался манифест, составленный поэтом Й.С. Махаром при участии критика Ф.К. Шальды, опубликованный в 1895 г. и ставший рубежом в развитии новой чешской культуры. В манифесте отжившему романтизму, академизму, реализму противопоставляются инновационные ценности, полностью превращающие художественное творчество в самоценную сферу культуры. Отвергается идеологизация, превратившая искусство в слугу национально-патриотических идей, также как и современная политизация культуры. Резко повышается индивидуализация художественного высказывания, ценность самой личности творца культуры. Модерн отрицает как недостаточные "плотскую реалистическую объективность" и эклектизм, по-новому трактуя критерий жизненности, в целом не отбрасывая исконного для европейской культуры принципа мимесиса: "Необходимо внести в искусство больше жизни, и жизни лучшей, более глубокой и одухотворенной, чем та, которая разлита и утоплена в объективном, внешнем мире"³.

В конце XIX в. возникают культурные институты, долго определившие социальную активность чешской культуры. В 1882 г. пражский университет разделяется на две части — чешскую и немецкую, сохраняющие общее название Карлово-Фердинандова университета. Постепенно чешский университет становится центром чешской науки, полностью

перешедшей на чешский язык. Свой расцвет переживает славистика благодаря трудам Я. Гебауэра и его учеников и историография в научной деятельности Я. Голла — крупнейшего историка-позитивиста, ставшего в 1907 г. ректором университета, и целой плеяды его учеников во главе с Й. Пекаржем. В 1895 г. Я. Голл совместно с А. Резеком основал "Чешский исторический журнал", существующий до сих пор, ставший не только ведущим периодическим изданием по истории, но и инструментом культуры, оказывавшим сильное воздействие на формирование общественно-исторических взглядов всего чешского общества. Школа Я. Голла своими принципами критического подхода к источникам и демифологизацией истории оказала решающее влияние на чешскую историческую науку вплоть до второй половины XX в.⁴, а через нее — на весь строй чешского мышления. Автономизация исторической науки от идеологии и политики, от традиции Национального возрождения способствовала ее объективизации при сохранении активной позиции в отношении к современным событиям. Поэтому именно историческая наука стала в центре общественных споров о сущности патриотизма.

В 1890 г. была организована на средства известного архитектора, предпринимателя и мецената Й. Главки Чешская Академия наук, словесности и искусств. Это была не научно-исследовательская и не творческая организация, а объединительно-репрезентативная, созданная по типу Французской Академии. Широкая издательская деятельность внедряла чешскоязычную литературу по всем отраслям знания, что не только утверждало равноправный статус родного языка по отношению к немецкому, но и свидетельствовало о его развитости, о способности выражать тонкости и сложности научной мысли. Развитость и разнообразие чешской печатной продукции, универсализм функций родного языка, достигаемый этим, стали лучшим доказательством правоты концепций Национального возрождения. Таким образом девяностые годы, критически настроенные по отношению ко многим возрожденческим идеологемам, на деле утвердили, доказали, осуществили главную мечту Национального возрождения — полную самостоятельность родного языка, способного стать коммуникативным средством в высших сферах человеческой культурной деятельности. Главным общественным проявлением новой языковой ситуации стало издание первой по сути чешской энциклопедии — "Оттова на-

учного словаря" в 28 томах, выходявшего в издательстве "Отто" с 1885 по 1909 г.

Девяностые годы стали временем нового расцвета чешской периодики и журналистики. Один за другим появляются новые журналы: "Час" ("Время", 1886), "Наше доба" ("Наша эпоха") и "Право лиду" ("Право народа", 1893), "Венков" ("Деревня", 1907), с 1893 г. издается ставшая особо популярной газета "Лидове новины" ("Народная газета"). Особой политической ангажированностью в борьбе за политическую независимость отличалась "Самостатност", издававшаяся с 1911 г. В. Дыком. Активно развивается региональная периодика: каждый край, каждый значительный город, а таких в Чешском королевстве десятки, получил свое печатное издание, что в немалой степени содействовало развитию общественной жизни в провинции. Акцентирование научности знания как общественной ценности сказалось в появлении таких изданий, как ревью "Атенеум", осуществлявшееся в 1884—1893 гг. Т.Г. Масариком, и его продолжение "Вьеда ческа" ("Чешская наука"), затем "Наше вьеда" ("Наша наука", с 1914 г.). Чешская журналистика имела общий критический настрой, сама критичность как качество мысли и категория мышления рассматривалась обществом как необходимость, как двигатель дальнейшего научного и культурного развития, как залог прогресса.

Рационализм новой чешской мысли уже на начальном этапе ее становления с неизбежностью привел к столкновению с национально-исторической мифологией, основанной на романтической парадигме. Это вылилось в борьбу вокруг Краледворской и Зеленогорской рукописей, считавшихся древнейшими памятниками чешской культуры, в подлинности которых стали сомневаться многие ученые⁵. В 1886—1896 гг. дискуссия о подлинности рукописей превратилась из сугубо научной в общественную, взбудоражив и разделив все общество на сторонников научной объективности, доказывавших, что это фальсификат, и сторонников подлинности рукописей, боявшихся с их дискредитацией потерять представление об исключительно высоком развитии чешской дохристианской культуры. То, что лагерь науки во главе с Т.Г. Масариком и Я. Гебауэром доказал, что рукописи — подделка, означало победу научной парадигмы, сменившей романтическое мифотворчество.

Чешский литературный модерн вместе со всей культурой чешского модерна, как уже отмечалось, был явлением

сложносоставным и поливариантным⁶. Он включал в себя такие полюса, как социальная критика, декаданс и католическое обновление. Последнее конституировалось в 1895 г., противопоставив манифесту "Чешский модерн" свои манифесты, публикации в альманахе "Под единым знаменем" и журнале "Новы живот" ("Новая жизнь", 1896—1907). Их цель — реформа литературы и искусства, основанная на христианских ценностях, придание им современных форм, актуализирующих традиционные образы, возвращение благодаря этому категорий веры и набожности в контекст современной культуры, базирующейся на ценностях, далеких от христианства, что в итоге должно привести к возрождению католицизма как инспирации художественного творчества, придающего всей культуре высший смысл.

Требования идейности, радостности восприятия мира божьего, сочувствия к обездоленным в католическом модерне противостояли декадансу, разочарованному во всех ценностях, кроме "чистого искусства". Для творчества крупнейшего представителя этого течения Иржи Карасека из Львовиц (1871—1951) характерен набор тех качеств, которые присущи всему европейскому декадансу, который поэт пропагандировал в основанном им журнале "Модерни ревю" (1894—1925). Он много сделал как коллекционер и пропагандист современного искусства, в том числе славянских народов. Наиболее последовательным выражением декаданса и максимального стилистически-формального сближения поэзии с музыкой было творчество Карела Главачека (1874—1898), рано умершего эстета, вышедшего из пролетарской среды, грустившего по ушедшей эпохе национально-романтического подъема, ассоциировавшейся у него с движением "соколов" — спортивной организации широкого общественного звучания, чья установка на оздоровление народного духа через тело по сути противостояла декадансу. Очевидно, это увлечение движением, воспитывавшем здоровый дух в здоровом теле, было выражением тоски по недостижимому для больного поэта идеалу, в противовес которому его душа погружалась в тончайший мир полутонов и нежных звуков (сборник "На исходе ночи", 1896). Однако, судя по характеру жизни Карасека и его круга, это во многом было культурным имиджем, так как настоящий аристократический декаданс в чешской демократической культуре не имел места.

Что касается дефиниций сецессия и символизм в чешской поэзии, то скорее их надо рассматривать как синони-

мы, однако за понятием "символизм" в литературоведении стоит четкий набор образов и форм, получающих в сецессии более широкую интерпретацию.

Таково творчество поэта Антонина Совы (1864—1928), автора более 30 сборников стихов, среди которых особенно выделяются своим радикализмом, неприятием общества "Отважные авантюры" (1906) и, наоборот, радостным преклонением перед чудом жизни "Мы еще раз возвратимся..." (1900). Сова был великолепным мастером гражданской, интимной, пейзажной лирики. В его творчестве присутствуют и социальные, и чисто сецессионные мотивы. Поэзия Совы чрезвычайно многопланова, богата переходами чувства, его оттенками, что придает ей, совершенной в формальном отношении, особую жизненность, несмотря на общую устремленность в иные, лучшие миры, характерную для сецессии в целом. Традиционно лучшим чешским поэтом-символистом считается Отокар Бржезина (1868—1929), чье творчество, пронизанное печалью, ощущением бренности жизни, медитативностью, но в то же время жизнеутверждением, развивавшееся в провинции на протяжении всего лишь десятилетия (1895—1907), оказало сильнейшее воздействие на чешскую культуру, став квинтэссенцией литературной сецессии. Образы и настрой поэзии О. Бржезины постоянно встречаются в изобразительном искусстве, музыке, стихах и прозе других авторов. Не случайно именно О. Бржезину дважды выдвигали на Нобелевскую премию (1921, 1928 гг.).

Индивидуализм другого ведущего поэта эпохи Йозефа Сватоплука Махара (1864—1942), автора знаменитого манифеста "Чешский модерн", имел характер социально-критический, что позволяет говорить о реалистической природе его таланта. Как никто в чешской литературе рубежа веков Махар ощущал деформирующее влияние капитализма на нравственно-духовное состояние нации. Он ироничен, далек от сентиментальности, остро социален (сборники "Исповедь", 1887, "Tristium Vindobona", 1893, "Голгофа", 1901, "Са-тирикон", 1903), но может быть тонким лириком и поэтом отчаяния. Махар, как никто из поэтов его поколения, сохраняет верность патриотической национально-исторической традиции, с которой сам же призывал порвать в манифесте чешского модерна.

Уникальным явлением стала поэзия Петра Безруча (1867—1958), автора одной книги — "Силезские песни" (1909), где были воедино слиты жизненные переживания

А. Муха. Лето (из цикла "Времена года", 1896)

поэта и судьбы чешского этноса в Силезии, испытывавшего многочисленные притеснения со стороны польского этноса, что создавало угрозу существования чехов на части их исторической территории. Поэт для Безруча — это народный бард, мифологизирующий народные реалии, это глас народа, его бед и страданий, усиленный эмоциональным, лично-

ственным отношением поэта-рассказчика. Синтез социальности, этничности и индивидуализированности эмоций превратил "Силезские песни" в непреходящую ценность чешской культуры. Тем самым гражданская поэзия, обогащенная символизмом, стала характернейшей чертой чешского модерна.

К этой же линии, которую с некоторой долей условности можно назвать гражданско-символистской или социально-сецессионной, относится творчество С.К. Ноймана и Ф. Шрамека — поэтов, оказавших существенное влияние на весь облик чешской культуры первой половины XX в. Станислав Костка Нойман (1875—1947) прошел чрезвычайно долгий жизненный и творческий путь. Он был, пожалуй, главной фигурой чешской сецессии, заплатил дань декадентству, антихристианскому богоборчеству ("Слава сатаны среди нас", 1897) и крайнему индивидуализму ("Я апостол новой жизни", 1896). В то же время он с самого начала был связан с революционным движением и анархизмом. Основанный им журнал "Новы культ" (1897—1905) стал центром левой интеллигенции. Параллельно Нойман стоял у истоков создания чешской художественной книги как целостного артефакта, был зачинателем библиофильского направления в искусстве книги. Социальная поэзия ("Сон о толпе отчаявшихся", 1903) чередуется с гедонистическим гимном природе и чувственной любви ("Книга лесов, вод и холмов", 1909). Стиль Ноймана страдает выпяченной риторикой, но может быть и грустным, и предельно конкретным. Гражданственность и эстетизм, эти две основы творчества Ноймана, обусловили сочетание казалось бы не сочетаемых крайностей в его творческой биографии. Он отдал дань всем модным течениям, создав в каждом из них эталонные произведения, он держал руку на пульсе жизни, что позволило ему не консервироваться на достижениях культуры рубежа веков, а постоянно впитывать новое, становиться мэтром для молодых поколений, эволюционировать, соответствуя главным течениям чешской культуры. В годы перед Первой мировой войной он испытывает влияние витализма и цивилизма, в 1921 г. переходит на позиции коммунизма, став одним из основателей Коммунистической партии Чехословакии и заканчивает свое творчество певцом светлого коммунистического будущего.

Путь Ноймана, по которому прошло немало чешских интеллигентов, путь от сецессии к коммунизму, от одной уто-

пии к другой, при всей кажущейся эклектичности был внутренне цельным, ибо страстное стремление к красоте жизни, ее совершенным формам, свободе от старых доктрин приводило к утверждению новых общезначимых ценностей, воплощаемых в реальной жизни посредством ее художественной перестройки, и здесь программа коммунизма казалась оптимальной, обеспечивающей всеобщее счастье и ликование, реализующей абстрактные символы и тем самым делающая из сказки быль, стирающей грань между искусством, культурой и жизнью, что составляло одно из главных стремлений эпохи сецессии, причем в общеевропейском масштабе. Эволюция Ноймана поэтому чрезвычайно симптоматична и типологична.

Социальностью, демократизмом содержания и формы характеризуется творчество Франи Шрамека (1877 – 1952) – не только поэта, но и журналиста. Он редактировал анархистский журнал "Праце" ("Труд", 1905 – 1906), подвергался преследованиям за свой антимилитаризм. В начале века Шрадек стал активнейшим агитатором левого толка, выразителем мятежной души, мечтающей о справедливом переустройстве общества. Негативизм его поэзии выявлял положительную сторону его бунта – любовь к реальной жизни, к простому человеку (сборник "Горькая жизнь, я все равно тебя люблю", 1905). Постепенно Шрадек переходит от острой социальной тематики к лирическому воспеванию природы и ее сил, к образному языку витализма (сборники "Лето", 1915, "Плотина", 1916). То, что это происходит во время Первой мировой войны, подчеркивает значимость жизнеутверждающего идеала, противостоящего всеобщему разрушению. Вновь открыто антивоенная тема зазвучала у Шрамека после Первой и во время Второй мировой войны (сборник "Раны, розы", 1945). Поэзия Шрамека, как ничья другая, стала поистине широко любимой в чешской среде, о чем свидетельствует многолетняя традиция фестивалей чешской литературы и языка на его родине – "Шрамекова Сobotка". Простота стиля Шрамека скрывает в себе целый мир нюансов и тайных смыслов, его лирическая интонация чрезвычайно коммуникативна, что привлекает среднего читателя, приобщающегося к высокой поэзии через ее демократизированный вариант.

Гораздо более бунтарским, предельно индивидуализированным было творчество близкого к вышеупомянутым авторам Карела Томана (1877 – 1948), по своей биографии типологически сходного с поколением французских "проклятых

поэтов". Поэт-бродяга, бывший анархист, исходивший пешком пол-Европы, в годы Первой мировой войны осел в государственном архиве, затем (до 1925 г.) работал в библиотеке Национального собрания. Его поэзии свойственен мятежный, несколько мрачный дух, сложные метафоры и ассоциации, мгновенные озарения, некоторая обобщенность и укрупненность. Новизной интерпретации чешской крестьянской традиции отличается сборник "Месяцы" (1918) — пожалуй, лучший из 10 сборников поэта.

Большим своеобразием отмечено творчество другого представителя этого поколения — Виктора Дыка (1877—1931). Он соединил героический романтизм с сатирическим гротеском, переживая разлад между идеалом и жизнью; занимая активную политическую позицию, он призывал к борьбе за национальную идею; показывая конфликт личности и общества, стоял на стороне сильной личности. Главная тема поэзии и драматургии Дыка — героизм, борьба за идеалы, трагизм утраты веры и иллюзий (драма "Поумневший Дон Кихот", 1911). Поэт резко критиковал чешский национальный характер (сборники "Сатиры и сарказмы", 1905, "Сказки из нашей деревни", 1910). Его критика чешскости, включая масариковскую концепцию, резко проявилась в драме "Посол" (1907). Дык был активным участником борьбы за независимость Чехии, за что был посажен в тюрьму в 1916 г. по обвинению в государственной измене. Вершиной его поэзии стала "Военная тетралогия" (1915—1922), являющаяся также вершиной чешской гражданской лирики. В независимой Чехословакии поэт скоро испытал чувство разочарования. Он активизировал свою политическую деятельность, став депутатом, затем сенатором от народно-демократической партии, являвшейся правой оппозицией курсу Масарика.

Особняком стоит поэтическое творчество Якуба Демла (1878—1961), необычайно ценное как эстетическое выражение эмоциональной и духовной жизни переломной эпохи. Человек мятежного духа, хотя и носивший сутану, сфокусировал в себе как творческой личности кардинальные противоречия эпохи, ее несводимость к общему знаменателю, ее открытость и раскованность, ее конфликтность. Интимно лиричны сборники "Мои друзья" (посвящен не людям, а цветам, 1913), "Мириам" (1916). Форма стихотворений в прозе, примененная в них, типологически сходна с сецессией в изобразительном искусстве, обожавшей изломанно-красивые растительные мотивы. Другой образный строй присущ

"Темным книгам", таким как "Град смерти" (1912) и "Танец смерти" (1914). В них жизнь и смерть предстают как таинство, наполненное видениями ужаса и любви, непостижимое рационально, но вполне натуралистически проявляющееся в своих наиболее ужасных чертах. Творчество Демла многожанрово и многопланово, оно носит исповедальный характер благодаря форме дневникового характера (26 томов под общим названием "Следы", 1917 — 1941). В сочинениях Демла как равноценные выступают совершенно различные элементы, в традиционном представлении несопоставимые, образующие у него единый поток феноменов: личные переживания, мелочи жизни и ее трагедии, метафизические размышления, воспоминания, сны, мечты и анекдоты.

В целом второе поколение поэтов чешского модерна — "поколение бунтарей" — прошло путь от субъективизма переживания как высшей эстетической ценности, утвержденной еще первым поколением создателей манифеста чешского модерна, к более объективным положениям, от бунтарского отрицания к надличностным ценностям и более позитивному видению мира⁷.

Чешская проза рубежа веков несколько отставала от поэзии по интенсивности своего развития, сохраняя в гораздо большей степени элементы предшествующей, реалистической, эпохи, хотя в целом шла в том же направлении. Определяющими стилями еще оставались реализм, натурализм, импрессионизм, хотя уже сказывалось влияние символизма и сецессии (так называемая орнаментальная проза). Символом традиционности служило творчество "живого классика" Алоиза Ирасека (1851 — 1930) — автора многих популярных исторических романов. В огромных эпических полотнах, посвященных гуситскому движению, — трилогиях "Между течениями" (1887 — 1890) и "Против всех" (1893), где слились, по меткой характеристике С.В. Никольского, "в некоем синтезе черты исторической хроники, показ частных судеб и потока событий, лепка коллективного образа народа"⁸, явственно прослеживается романтическая идеализация гуситства и особенно таборитов, идущая от национально-исторической концепции, ставшей основой чешской исторической ментальности и мифологии нового времени⁹. На рубеже веков Ирасек создает новые эпопеи: "Братство" (3 тома, 1899 — 1908) об отзвуках гуситского движения в Словакии, предельно идеализируя "братчиков", "Ф.Л. Век" (5 томов, 1888 — 1900) об эпохе Просвещения, "У нас" (4 тома,

1896 — 1903) о начале процесса Национального возрождения в чешской провинции. Завершает эти монументальные циклы роман "Тьма" (1914), надолго сделавший эпоху барокко синонимом упадка чешской нации и культуры, что, как только сейчас становится ясным благодаря целой серии исследований, абсолютно не соответствовало действительности. Большой исторической достоверностью, обилием точных деталей, отказом от обобщающих концепций, но и несколько пессимистическим взглядом на чешскую историю, отличаются исторические романы, прежде всего лучший из них — "Магистр Кампанус" (1909), Зикмунда Винтера (1846 — 1912), выдающегося профессионального историка-медиевиста, способствовавшего утверждению позитивизма в чешской историографии своими огромными по объему научными трудами, скорее напоминающими выписки из архивных материалов.

Чешская проза продолжает концентрироваться на проблемах "маленького человека", что не позволяет ей пока что выйти на высокий уровень бытийного обобщения. Для авторов деревенской прозы, таких как К.В. Райс (1859 — 1926), Т. Новакова (1853 — 1912), Я. Гербен (1857 — 1936), А. Мрштик (1861 — 1925) и его брат В. Мрштик (1863 — 1912) характерно хорошее знание реалий, многоплановость повествования, лиричность высказывания, внимание к трагическому, к ломке патриархального уклада и деградации традиционных основ сельской жизни под влиянием новых, капиталистических отношений. Тема разрушения идиллии, зачастую окрашенная в иронические тона, присуща и городской прозе. И. Геррманн (1854 — 1935) создал обобщенный тип пражского мещанина — пана Конделика, приспособляющегося к "миру наживы". Юмористический роман "Отец Конделик и жених Вейвара" (1898) надолго определил традицию чешского иронического бытописания. Ироничность отношения к миру, иногда перерастающая в трагический гротеск, присуща такому большому писателю, как Карел Чапек-Ход (1860 — 1927). Он специально сочетает различные стилистические манеры изложения — романтическую, реалистическую и натуралистическую — в повести "Самый западный славянин" (1893), последовательно развенчивая оторванные от жизни иллюзии. Принципиальная непредсказуемость человеческих чувств и поступков составляет основное содержание иронической вариации на тему преступления и наказания — романа "Кашпар Лен — мститель" (1908). Деграда-

ции человека в дегуманизированном капитализме урбанистическом пространстве посвящены романы "Турбина" (1916) и "Антонин Вондрейц" (1918). Мир писателя предстает остранным, наполненным чужаковатыми персонажами, чье поведение иррационально, хотя во многом подсознательно мотивированно; этим миром правит занимательная интрига, а сам мир предстает как некий лабиринт в городе страшно-гротескных аттракционов, где маленький человек легко может заблудиться и потерять себя.

Пессимизмом, тягой к изображению жизненного зла, тоской и безысходностью, но и выстраданным стремлением "противодействовать злу, устранять зло, его познавая" (как выразился сам автор) отмечено творчество Й.К. Шлейгара (1864 — 1914). Жестокость, несправедливость в бытовой жизни, однако, меркнут перед "злым интеллектом и изобретательностью" просвещенного человечества, вооруженного научным знанием (роман "Пекло", 1902)¹⁰. Так у Шлейгара появляется тема разрушительной, античеловеческой силы научного изобретения, ставшая затем благодаря творчеству К. Чапека одной из ведущих тем литературы XX в.

В драматургии, традиционно отстававшей от других видов художественной литературы, присутствуют историко-патриотические пьесы А. Ирасека ("Ян Жижка", 1903, "Ян Гус", 1911, "Ян Рогач", 1914), деревенские драмы Г. Прейссовой из моравской жизни ("Хозяйская подстилка", 1889, "Ее падчерица", 1890), социально-психологическая городская драма М.А. Шимачека ("Мир маленьких людей", 1890). Вершиной традиционной драматургии стала "Мариша" (1894) братьев Мрштиков, наделивших известный сюжет о мужеубийстве глубокой социально-психологической мотивировкой. Новые тенденции в драматургии более четко обозначились в произведениях для сцены, написанных представителями поколения поэтов-бунтарей: Шрамеком, Дыком, а также Иржи Магеном, в драме "Яношик" (1910) демифологизировавшим народную легенду о герое-мстителе.

В предвоенное десятилетие в литературу приходит новое поколение, прежде всего связанное с именем Карела Чапека, значительно более радикально настроенное, решительно порывающее с традиционностью в пользу модернистического дискурса. Господствующими направлениями становятся витализм и цивилизм, а также экспрессионизм, оказавшие трансформирующее влияние и на авторов более старшего поколения — Ноймана, Шрамека, Томана, Дыка, Дем-

ла, создающих в это время свои вершинные произведения. Включенность человека в урбанистическую цивилизацию рождает новые жизненные силы, новый идеал красоты, техногенный в своей основе, новую энергетику, но и обостренное ощущение ужаса, порождаемого этим, что ведет к гротескности или к бегству в царство природы, наполняющей человека жизненными силами. В прозе витализм наиболее ярко проявился в ранних романах Ярослава Дуриха (1886—1962) "Ярмарка жизни" (опубл. 1916) и "На горах" (опубл. 1919) с их прославлением чувственной стороны жизни и физической любви. Возможен также уход в мистику с ее магией и дьявольщиной, как в литературных произведениях художника Й. Вахала.

Можно в итоге констатировать, что за четверть века (1895—1918) чешская литература прошла значительный путь, выведший ее из провинциализма на магистральные пути мировой литературы. Вся эпоха подразделяется на три периода. В девяностые годы XIX в. провозглашается "курс на модернизацию", хотя на практике еще превалирует реалистическо-натуралистический дискурс. Девятисотые годы приносят краткий расцвет декаданса, символизма и бунтарства, подлинное открытие новых ценностей и смыслов культуры. Десятые годы XX в. увеличивают эту тенденцию, придавая новую экспрессию выражения и расширяя горизонт образов и творческих манер. Именно благодаря взлету рубежа веков литература в новой, независимой Чехословакии смогла стартовать с высоких позиций, органически продолжая тенденции, возникшие перед Первой мировой войной.

На рубеже веков самостоятельной областью гуманитарного творчества стала критика, оказывавшая решающее влияние на развитие эстетических концепций. Критик являлся в глазах общества пророком нового, отрицателем старых ценностей, безапелляционным судьей художественных вкусов. Такова роль Франтишека Ксавера Шальды (1867—1937) — соавтора знаменитого манифеста чешского модерна. Свою эссеистскую критику он рассматривал как самостоятельное творчество на уровне синтеза искусства и науки. Шальда обосновывал тезис о свободе творчества, о самовыражении творческой личности, о внутренней правде произведений, что означало их соответствие реальной жизни, пропущенной сквозь творческое "я" автора. Шальда приветствовал творческий плюрализм, осуждал замыкание в ка-

ком-либо одном стиле и его абсолютизацию (статья "Синтезм в новом искусстве", 1892). Может быть, благодаря Шальде синтетизм стал самой характерной особенностью новейшей чешской культуры. Для взглядов Шальды также характерны историзм, отсутствие предвзятых суждений, анализ произведения в его цельности. Он подчеркивал высокую миссию критика — рыцаря культуры, ратующего за то, чтобы читатель, гражданин имел перед собой объективную картину развития культуры¹¹. Его почти полувековое воздействие на чешскую культуру укоренило в ней понимание художественного творчества как главного средства обогащения жизни. Искусство — это не только и не столько игра, оно имеет высшую этическую перспективу, обращенную к абсолютным ценностям.

Подъем чешской литературы, ее качественный и количественный рост вызвал к жизни складывание литературоведения как самостоятельной дисциплины. Появляются синтетические труды по истории чешской литературы Я. Влчека ("История чешской литературы", 2 тома, 1897—1921) и Я. Якубеца ("История чешской литературы", редакции 1907, 1911, 1929, 1934 гг.). Если Влчек связывал развитие искусства слова с национальной идеей, то Якубец с чисто позитивистских позиций считал своей целью создание компендиума, включающего в себя максимально объективно поданный большой фактический материал.

Сплав традиций и инноваций с преимуществом последних характерен для чешского музыкального искусства начала века. Оно проходит под знаком сецессии, которая в музыкальной культуре проявила себя гораздо более значимо, чем в литературе. К девяностым годам чешская музыка, прежде всего в лице А. Дворжака, получила мировое признание. Ее славу упрочила чешская исполнительская школа, продолжавшая традиции чешской музыкальности предшествующих веков. Концертная жизнь Праги, включая и ее немецкую часть, в начале века была столь интенсивной, что постепенно превратила ее в одну из музыкальных столиц Европы. Строятся новые здания для музыкальных учреждений ("Глагол" — 1902, Городской театр на Виноградах — 1907, Зал им. Сметаны — 1911, Моцартеум — 1913). Весьма значительной была сеть музыкальных школ и училищ: на город с 300 тыс. населения в 1900 г. приходилось почти 990 детских музыкально-образовательных учреждений, в основном частных, продолжали возникать новые¹². К опере Националь-

ного театра — ведущему музыкальному коллективу, продолжавшему оказывать значительное влияние на развитие чешской музыки, к хоровому обществу "Глагол", переживавшему в 1890 — 1914 гг. свой расцвет, и к "Художественной беседе", устраивавшей концерты популярной, классической и камерной музыки, прибавились Чешское общество камерной музыки (с 1894 г.), организовавшее до 1918 г. свыше 200 концертов, Общество развития песни (с 1908 г.), пестовавшее камерно-вокальный жанр, Музыкальный клуб при Пражском университете (с 1911 г.), Клуб молодых (в 1900 г.), объединявший новое композиторское поколение. В 1901 г. как самостоятельное учреждение конституировалась Чешская филармония — симфонический оркестр, взявший на себя роль основного пропагандиста классической музыки. В 1905 г. возник другой, любительский симфонический оркестр — Оркестровое сообщество, который под руководством выдающегося дирижера и композитора О. Острчила быстро добился весомых результатов. Мировой славой пользовался Чешский квартет (основан в 1892 г.), в состав которого входили композиторы О. Недбал и Й. Сук. Интенсивная деятельность в стране, постоянные турне по всему миру сделали его эталоном камерного исполнительства и главным репрезентантом чешской музыкальной культуры. Чешский квартет открывает целый ряд камерных коллективов (квартетов, трио, квинтетов), закрепивших за чехами славу лучших ансамблистов Европы. В основном за рубежом развивалось творчество блестящих чешских вокалистов К. Буриана, Б.Фёрстровой-Лаутереровой и Э. Дестинновой. Последняя принадлежит к лучшим сопрано в истории мирового вокального искусства, ее слава при жизни, блестящая карьера в нью-йоркской Метрополитен-опере, бурная личная жизнь сделали ее легендой мировой оперы. Славу чешского скрипичного искусства утверждали в Европе такие скрипачи, как Ф. Ондржичек, Я. Кубелик, Я. Коциан. Дирижерское искусство представляли О. Недбал в Вене, Э. Направник в Санкт-Петербурге, В. Сук в Москве. Направник, без которого невозможно представить развитие русского оперного театра, стал связующим звеном между чешской и русской музыкальной культурами¹³. В пражском Национальном театре К. Коваржовицу в итоге его двадцатилетней работы удалось сформировать чешский оперный стиль, высокую оперную культуру. Все указанные коллективы уделяли большое внимание исполнению чешской современной музыки, что дела-

ло ее неперменной частью музыкальной жизни, открывало широкому слушателю.

В начале XX в. самостоятельной научной дисциплиной стало музыковедение. Его патриарх Отакар Гостинский (1847—1910) перешел к изучению чешского фольклора как основы национального музыкального искусства. Большую роль в становлении чешского музыковедения и его идеологической ориентации сыграл Зденек Неедлы (1878—1962), ставший в независимой Чехословакии активным членом КПЧ, а затем идеологом строительства социалистической культуры. В его ранних трудах чешская музыка рассматривается как часть истории чешского народа, детерминированная социально-политическим развитием. Такой подход к музыке станет типичен для всего чешского музыковедения значительно позднее, в социалистическую эпоху. До 1918 г. и позднее в З. Неедлом видели прежде всего ученого, внешнего в музыковедение идеи национального служения, приоритета национального начала, что связывалось с социальным прогрессом, а также с развитием собственно музыкальных форм и жанров. З. Неедлы доказывал, что свои высшие ценности чешская музыка создавала в ключевые, переломные эпохи, когда она играла одну из важнейших общественных ролей. Предельная социальная ангажированность становилась причиной качественного расцвета собственно музыкального искусства. Эти идеи пронизывают историко-ведчески чрезвычайно ценное многотомное исследование "История гуситского пения во время гуситских войн" (1913) и подготовительные материалы к неосуществленной монографии о Б. Сметане. Именно в этих двух явлениях — гусизме и Национальном возрождении — З. Неедлы видел основы национальной музыкальной традиции, которую должна продолжать современная музыка.

По вопросу о ее характере велись жаркие дискуссии. Было ясно, что сметановская традиция, основанная на патриотическом подъеме, нуждается в переосмыслении в современных условиях; когда происходит дифференциация стилей, а национальные основы музыки должны обогащаться импульсами извне; только таким образом чешская музыка может стать явлением современной европейской культуры. Однако З. Неедлы, руководивший журналом "Сметана" (возник в 1911 г.), при справедливой критике консерватизма неправомерно выделил две линии развития национального музыкального искусства, противопоставив "прогрессивно-

му" Сметане и его современным продолжателям (З. Фибих, Й.Б. Фёрстер, О. Острчил) "консервативного" Дворжака и его учеников (Й. Сук, В. Новак). Разгоревшаяся полемика, получившая название "борьбы за Дворжака", проявила глубокие национальные основы творчества обоих классиков и их европейскую, хотя и несколько различную, ориентацию. Однако догматизм З. Неедлого еще долго мешал адекватному восприятию того нового и ценностного (музыка Л. Яначека), что создавалось композиторами молодого поколения.

Оно в 1890 — 1918 гг. заявило о себе неожиданно и сильно. По аналогии с литературой его принято называть чешским модерном. Не отказываясь от национальных традиций, его представители углубили связь с новой европейской музыкой, впитывая новые идеи и образы, осваивая новые стили музыкальной речи. Это были те явления, которые можно объединить термином сецессия, аналогичным с искусством и литературой.

Интегральные связи чешской и европейской музыки, а также плавный переход от XIX к XX веку, обозначил в своем творчестве Йозеф Богуслав Фёрстер (1859 — 1951), чья активность продолжалась на всем протяжении его долгой жизни. В своей музыке он органично соединил влияния Сметаны, Дворжака, Чайковского и Малера. До 1918 г. он жил преимущественно в Германии и Австрии, но с 1919 г., переехав в Прагу, активно включился в ее музыкальную жизнь, преподавая в Консерватории и несколько раз ее возглавляя, а в 1931 г. став президентом Чешской академии. Он вместил в себя целую эпоху, являясь живым носителем классической традиции. Его музыка отличается эмоциональной ровностью, мягким лиризмом, мелодичностью, неким универсализмом. Замечательным писателем-мемуаристом, патриотом, влюбленным в вечную красоту Праги предстает композитор в своих многотомных мемуарах.

Также целую эпоху в чешской музыке охватывает творчество Витезслава Новака (1870 — 1949). Он оказал сильнейшее воздействие на становление новой чешской композиторской школы, преподавая с 1919 г. в Пражской консерватории (в 1920 г. стал ее ректором) и создав там свою школу. Новак — одна из основных фигур чешского модерна. Он творит во всех жанрах, способствуя проникновению новых тенденций во все сферы музицирования. Его творчество необыкновенно цельно, внутренне едино. Он внес в чешскую музыку плотное оркестровое письмо, роскошное колорис-

тическое звучание импрессионистического типа, изобретательность гармонических сочетаний. Он был широко эрудированным творцом, в его музыке есть много реминисценций литературного и изобразительного характера. Он пламенно любил и хорошо знал фольклор Моравии и Словакии и отразил его в своих сочинениях, составивших фольклористическую струю чешского модерна в музыке. Его высочайший профессионализм, строгость в подходе к искусству, требовательность как педагога снискали ему славу "живого классика". Эмоциональный мир музыки Новака уравновешен, в ней над активностью превалирует созерцательность, окрашенная в яркие, чувственные тона, хотя встречается и сецессионное "томление духа". Новак, оставаясь верным своему индивидуальному стилю, всегда был открыт новому. О модернизации языка престарелого композитора свидетельствует этапное сочинение — "Осенняя симфония" (1934). О переживании за судьбу Родины говорит появление политически программных произведений в судьбоносные для Чехословакии годы: в связи с фашистской оккупацией в 1941 г. Новак пишет симфонические произведения "De profundis" ("Из бездны [к Тебе взываю, Господи]") и "Святовацлавский триптих"; как бы предчувствуя освобождение страны в мае месяце он еще в 1943 г. создает "Майскую симфонию", проникнутую свежестью настроения, подъемом новых жизненных сил, трактуя старую символику мая, которой широко пользовались романтизм и сецессия, как гимн возрождения страны¹⁴.

Другой крупнейшей фигурой чешского модерна, соперником и другом Новака, был Йозеф Сук (1874—1935), связанный родственными узами с А. Дворжаком. Сук рано заявил о себе как о верном последователе великого композитора, его творчество развивалось в теплой, доброжелательной атмосфере семьи Дворжаков. Серенада для струнных (1892) благодаря своей яркой мелодичности и светлому настроению сразу и надолго стала "визитной карточкой" чешской музыки. Произведения 1898—1904 гг. сложнее и богаче музыкальными идеями, появляется историко-патриотическая тема (симфоническая поэма "Прага", 1900). Резкий перелом в жизни и творчестве Сука связан со смертью Дворжака в 1904 г. и его дочери Отылки, супруги Сука. Композитор погружается в мрачный мир образов и фантазий, связанных со скоротечностью человеческой жизни, неумолимостью смерти, трагичностью человеческой судьбы, которые, одна-

Леош Яначек

ко, не конечны, а имеют высшее, неземное, духовное продолжение. Сук создает ряд симфонических полотен, где эти мысли выражены в наиболее типичной для сецессии форме больших, длительных симфонических циклов, иногда с хором; манера оркестрового письма плотная, насыщенная, основанная на "бесконечной" мелодии, богатой модуляциями и хроматизмами (симфония "Азраил", 1906, симфонические поэмы "Сказка лета" и "Созревание", 1912–1914, "Эпилог", 1920–1932). В моменты, исторически судьбоносные, субъективный настрой музыки Сука уступал

место единению с народом в патриотическом подъеме ("Медитация на святовацлавский хорал", 1914, "Легенда о мертвых победителях" и "В новую жизнь", 1920)¹⁵.

Совершенно по-иному складывалось творчество Леоша Яначека (1854–1928). Воспринимавшееся сначала как сугубо местное, моравское явление, да еще несовершенное в плане музыкальной техники, далекой от классичности, оно затем приобретает общечешский масштаб, хотя с теми же упреками в резкости музыкального языка, и, наконец, во второй половине XX в. становится в первый ряд чешской музыкальной классики наряду с музыкой Сметаны и Дворжака, более того, в конце XX в. Яначек как ни один из чешских композиторов проникает в мировой оперный репертуар, Запад переживает настоящий яначковский бум. Почему сугубо провинциальный автор, тексты опер которого (а это главный вклад Яначека) принципиально непереводимы на другие языки, оказывает такое воздействие на современного слушателя? Очевидно, "загадка Яначека" кроется в том, что композитор был чрезвычайно далек от академизма, от консерваторского традиционализма с его непреложным требованием красоты звучания. Именно провинциальность привела Яначека к "музыке человеческой речи", передаваемой

безо всяких оглядок на правила гармонии и контрапункта. Цель Яначека состоит в выражении крайне сложного мира человеческих чувств, соотносенных с вечными категориями и ценностями, передаваемого непосредственно экспрессивно. Этим, в частности, объясняются "неправильности" и резкости в его музыке, так раздражавшие современников. Но именно эта экспрессия, ведущая к резкой ломке музыкального языка, к отрицанию традиционного мелодическо-гармонического мышления, делает Яначека участником общеевропейского процесса модернизации музыки в гораздо большей степени, чем всех его чешских современников. В то же время Яначек никогда не занят чисто формальными поисками, возведшими стену непонимания между композитором и широким слушателем в XX в. Все его "модернизмы" и "варваризмы" идут не от эстетической, а от бытийной позиции, от стремления передать высказывание "от сердца к сердцу", при этом сам передаваемый эмоциональный комплекс чрезвычайно сложен и противоречив. Темы своих опер Яначек брал из чешской и русской литературы. Они соответствовали требованиям сецессии: страдание и смерть, болезненная психика, крушение идеала, растворение в мире природы, ощущение трагедийного гротеска от лицемерия человеческого ничтожества. Но все эти темы переводятся Яначком в сферу непосредственного переживания, личностного соучастия, ставящего человека в пограничные ситуации. Трагический психологизм его опер не абсолютизирован, где-то за ним кроется объективированный мир высших ценностей и смыслов, вступить в который, однако, можно лишь через драматическое преодоление пограничной ситуации, приводящее к катарсису. Оперы Яначека великолепно драматургически проработаны, в них осуществлен вечно искомый европейской оперой синтез слова и музыки, действия и звучания. Яначек создал абсолютную музыкальную драму, полиаспектную и многоуровневую, где за сюжетом скрываются общечеловеческие культурные символы, а архетипы сознания проявляются через музыкальную речь персонажей¹⁶.

Свою новаторскую художественную программу Яначек начал осуществлять в опере "Ее падчерица" (1894 — 1903), которая долго (до 1916 г.) не могла увидеть свет первой сцены Чехии, но впоследствии стала едва ли не наиболее известным его сочинением¹⁷. Насмешкой над мещанством проникнута ироническая опера "Путешествия пана Броучека" (по

С. Чеху, 1908—1917). Признание, правда, относительное, пришло к композитору поздно, когда ему было за 60 лет, но это вместе с новым любовным чувством стало стимулом для расцвета его творчества в 20-е годы.

Необходимо отметить огромное влияние русской литературы на Яначека, которая привлекала его постановкой экзистенциальных проблем. Ее прямое воздействие мы видим в оркестровой рапсодии "Тарас Бульба" (1918), где автор сосредоточен на трех различных образах смерти героев повести Н.В. Гоголя, и в операх на сюжеты "Грозы" А.Н. Островского и "Записок из мертвого дома" Ф.М. Достоевского, написанных позднее. Русофильство Яначека носило принципиальный характер и было связано не столько с прорусской политикой Т.Г. Масарика и партии К. Крамаржа в начале Первой мировой войны, сколько с увлеченностью славянской идеей и богатством эмоциональной выразительности русской культуры. Я. Марек даже относит Яначека к "восточному типу музыкальности", уносящей слушателя за границы собственно искусства в мир высших откровений¹⁸.

Выдающийся дирижер Отакар Острчил (1879—1935) как композитор обозначил еще одну линию развития чешской музыки, за которой было будущее. Это абсолютная музыка современного звучания, противостоящая программной музыке гигантских по размеру и плотности звучания фресок Новака и Сука, занимавших в предвоенный период доминирующее положение. Оркестровые "Экспромт" и "Сюита доминор" (1911—1912) Острчила опирались на музыку Г. Малера, но, с другой стороны, они шли дальше к музыкальной абстракции.

Оскар Недбал (1874—1930), также крупный дирижер, предпочел иной композиторский путь. Он сочинял "серьезную" музыку, граничившую с популярной, салонной как по жанрам (оперетта), так и по стилю музыкального письма. Живя в Вене, он писал многочисленные оперетты, ставшие в Праге любимыми ("Польская кровь", 1913), и балетные пантомимы ("Сказка о Гонзе", 1902, "От сказки к сказке", 1908, "Принцесса Гиацинта", 1911). По своей музыке, спонтанной, мелодичной, красивой, но несколько легковесной в смысле содержания и тяжеловатой в смысле оркестрового письма, они близки к традициям чешской музыки, в том числе и популярной, расцвет которой приходится на конец XIX в. (знаменитые "деховки" — полусамодельные духовые оркестры, исполнявшие танцевальную музыку и песни,

в том числе на открытом воздухе). "Деховки" обозначили особую линию чешской музыкальной культуры, которую принято называть полународной. Она сопровождала общественные и рекреационные мероприятия, была демонстрацией чешскости в самой демократической среде и надолго укоренилась в музыкальной жизни чехов.

Развитие театрального искусства продолжало опираться на национально-возрожденческие традиции Национального театра в Праге, остававшегося образцом для провинции, где в начале XX в. стали появляться свои театры. Впереди был Пльзень, где драматический театр был основан в 1902 г. и где развернулась деятельность реформатора чешского кукольного театра Йозефа Скупы, воскресившего этот жанр не как забавное зрелище для детей, а как стилизованное выражение больших эстетических категорий. В драматическом театре обозначился переход к режиссерскому театру, что произошло не без влияния гастролей "Немецкого театра" Макса Райнхардта в 1900 г. и МХТ в 1906 г. Появились две крупные режиссерские фигуры — Я. Квапил и Г. Гилар, а также театральный художник Й. Вениг. Ярослав Квапил (1868 — 1950) в 1911 г. стал главным режиссером Национального театра и привнес в него художественную струю, отвечавшую эпохе сецессии, что соединило театральное искусство с общим развитием чешской культуры. Он значительно уменьшил натуралистическое жизнеподобие театральных инсценировок, стремился к стилистическому единству всех слагаемых спектакля. Демонстрацией мирового уровня чешского театра стало репрезентативное и довольно амбициозное проведение "Шекспировского фестиваля" в 1916 г., когда за полтора месяца было представлено 15 шекспировских пьес. Не только в национальное, но и в общеславянское торжество в 1918 г. — году возникновения многих самостоятельных славянских государств — превратился цикл постановок пьес чешских авторов при праздновании 50-летия основания Национального театра. Гастроли МХТ, значение которых для становления чешского театра было громадным, повысили интерес к русской драматургии. Квапил ставит пьесы М. Горького и А.П. Чехова, других русских авторов¹⁹.

Гораздо дальше в своих поисках выразительности пошел экспрессионистический театр в лице режиссеров Ф. Завржела и Г. Гилара, пропагандировавших этот метод в журнале "Сцена" (с 1913 г.). Гилар придал основанному в 1907 г. Театру на Виноградах характер экспериментальной сцены. Он

заряжал зрителя энергией трагизма, шедшей со сцены в зал, при этом большую роль играло освещение, вырывавшее из тьмы отдельные фрагменты, и предельно экспрессивная актерская игра.

Самые радикальные перемены переживало чешское изобразительное искусство и архитектура. Впереди всех видов чешской культуры начала XX в. оказалась живопись, сконцентрировавшая в себе культурологему разрыва с прошлым и инновационного прорыва. В изобразительном искусстве хронологически раньше в полной мере проявились авангардные течения, вводившие еще перед Первой мировой войной чешское искусство в контекст мирового авангарда. Четко обозначились новые течения — импрессионизм, сецессия, экспрессионизм, кубизм, хотя для изобразительного искусства Чехии, как и для всего региона Восточной Европы, в целом характерен синтетизм, когда в тесной взаимосвязи художественных доктрин и практик происходило соединение и взаимопроникновение стилей. Их отдельные элементы, утрачивая первоначальный контекст, вступали во взаимоотношение с другими элементами, что в итоге открывало новые перспективы развития искусства. Абсолютные инновации, смешиваясь, образовывали новый контекст иного уровня, синтетический, что позволило инновациям глубоко внедриться в художественную жизнь и образную систему чешского искусства, укорениться в нем и надолго оставаться его парадигмой. Такой ситуации способствовало и то, что сами художники на всем протяжении своего творческого пути меняли стилистику своих работ, ориентируясь на то новое, что приносило дальнейшее развитие искусства. В чешской среде модернизм стал определяющим течением, охватив все сферы творчества. В то же время для чешского модернизма характерна определенная демократичность, стремление привлечь внимание зрителя к современному искусству. На это была направлена деятельность художников новых направлений в старых, уже существовавших художественных структурах, таких как "Художественная беседа" и общество художников "Манес"* со своим выставочным залом, одним из популярнейших в тогдашней Праге. Надо сказать, что модернисты в принципе, несмотря

* Общество возникло в 1887 г. и было названо в честь наиболее выдающегося чешского художника XIX в. Йозефа Манеса, ставшего символом передового искусства.

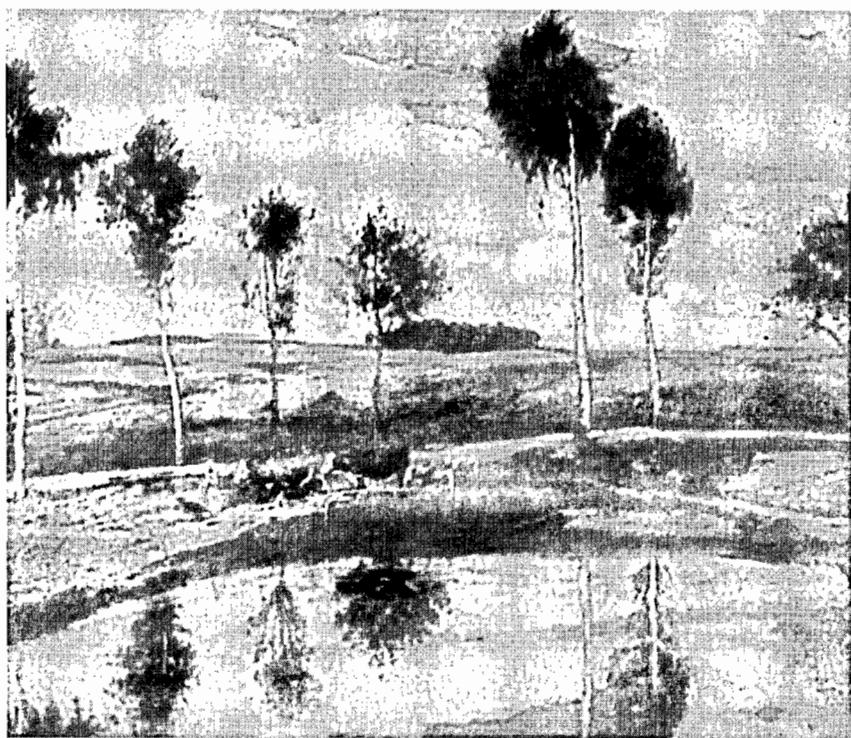
на все столь естественно острые дискуссии, органично вошли в общественно-художественную жизнь, не превратившись в элитно-богемную касту. Утверждению и распространению нового искусства и новой эстетики содействовал журнал "Вольне смеры" ("Свободные направления", основан в 1896 г.). В нем выступал Ф.Кс. Шальда. Благодаря создавшемуся союзу художников и критиков окрепло убеждение, что обновление культурной жизни должно быть делом представителей всех видов творчества и что оно имеет более общий смысл и послание — модернизацию социума и человека.

Возникают новые художественные группировки и объединения. В 1907 г. появилась "Осма" ("Восьмая"), в которую вошли наиболее радикально настроенные живописцы — Э. Филла, А. Прохазка, Б. Кубишта. В 1911 г. заявила о себе "Группа художников", включившая в свой состав помимо Й. Чапека и В. Шпалы скульптора О. Гутфройнда и архитекторов Й. Гочара и П. Янака, а также писателя К. Чапека. "Группа художников" не только устраивала выставки своих членов, но и показывала пражской публике новейшее парижское искусство, тем самым включая чешский модернизм в общеевропейский контекст. Завершают период конституирования новых институций основанные в 1918 г. общество графиков "Голлар"*, лицо которого определял М. Швабинский, и группа "Упрямые"**, куда входили Р. Кремличка и Я. Зрзавый, уже ставший исключительным по своему своеобразию феноменом чешского искусства.

Первые десятилетия XX в. стали периодом, чрезвычайно богатым, как ни один другой период, талантами и художественными результатами. На зрителя обрушился буквально шквал авангардного искусства, необычайно интенсивно развивавшегося и менявшегося. Накладывавшиеся друг на друга стили и направления, частая смена ориентации творчества одного и того же художника весьма затрудняли современникам анализ линий развития и классификацию явлений. Лишь к концу XX в. стала ясной картина чешского искусства этого времени, которое, вместе с искусством 20-х годов,

* Названо в честь чешского графика Вацлава Голлара (1607—1677), работавшего в эмиграции и получившего европейское признание.

** Чешское название "Tvrdšíjní" адекватнее было бы перевести как "Жестоковольные", так как чешское и русское слова взяты из лексики библейских переводов, что наделяет название группы дополнительными смыслами (богоизбранные, но непокорные, гордые).

А. Славичек. У нас в Каменичках, 1904

ныне интерпретируется как высший взлет чешского художественного гения за всю историю чешской культуры²⁰.

Чешская пейзажная живопись на рубеже веков отмечена сильнейшим влиянием импрессионизма. Она теперь не только "портрет родного края", она служит выражением душевного состояния художника. Великим мастером такого пейзажа стал Антонин Славичек (1870—1910). Он схватывает мимолетные изменения природы, еще не отказываясь от повествовательности в трактовке мотива, но затем переходит к чистой созерцательности, редко радостной (сияющий солнцем "Июньский день", 1898), чаще эпической (цикл пейзажей Каменичек, 1900-е годы). Славичек, пользуясь импрессионистической техникой, создал ставший затем классическим новый образ чешской природы — лирический, созерцательный, лишенный эффектов, растворяющий в себе художника и зрителя. В конце жизни художник создал цикл, посвященный Праге. Здесь и монументальная панорама

"Прага с Летны" (1908), и дождливая слякоть "Марианской площади" и "Элишкина моста" (1906), и таинственность "Златой улочки" (1906), и диалектика глубоко личного и культурно-ассоциативного восприятия национальной святыни ("Собор св. Вита", 1909).

От описательности к образу-настроению пришла в своем графическом творчестве Зденка Браунерова (1858—1934), обратившаяся к технике офорта будучи уже зрелым живописцем. Ее пражские пейзажи схватывают урбанистическое пространство перед модернизацией, она с ностальгией и любовью изображает трущобы гетто и разрушившиеся памятники архитектуры. Ее Прага живая, пульсирующая, хотя мрачноватая и грязная. Лучшие работы художницы — своеобразные пейзажи-ноктюрны с их таинственностью и очарованием недосказанности. С 1906 г. она сближается с писателями-символистами, восемь лет иллюстрирует их журнал "Модерни ревю", увлекшись искусством книжного оформления. Объективацией лирического впечатления отмечена живопись Людвика Кубы (1863—1956) — многогранного деятеля культуры, музыковеда-слависта, этнографа, представляющего собой возрожденческий тип личности в условиях буржуазной Чехии. Творчество Милоша Иранека (1875—1911) — критика, эстетика, журналиста, писателя, но прежде всего живописца, развивалось в том же направлении. Импрессионистическое видение у него дополняется стремлением к конструктивности целого и значительности сюжетов. Больше чистого импрессионизма у Иранека-писателя. Особой утонченностью композиции и колорита выделяются акварели художника. Он пробует различные техники в поисках оптимального выразительного решения. Он очень много сделал как художественный критик, открыв чешскому зрителю огромный мир нового французского искусства.

Сецессия в чешском искусстве была явлением универсальным, охватившим все виды художественной деятельности в порыве к созданию нового "большого стиля", синтезирующего типа искусства. Генетически вышедшая из символизма, но свободная от его излишней литературной описательности, она через повышенный орнаментализм передавала новое содержание, устремленное к инобытию. Для нее характерна тяга к монументальности и общезначимости, новое обращение к публике с идейной программой, что должно было превратить интимно-лирический мир фанта-

зий художника в знамение эпохи, через декоративное решение целого утверждающей парадигму новой красоты, возникающей из томления по иному, гиперчувственному и гиперпрекрасному миру, где "сецессия" (уход) художника-индивидуалиста встречает "массовую поддержку" перешедших в то же измерение других индивидуумов. Так возникает новое единение "гения и толпы", что позволило сецессии решить проблему индивидуального и всеобщего на небывалом до того уровне эстетизации нового урбанистического техногенного пространства. Противоречие между бегством в субъективный мир, находящийся в сферах, никак не соприкасающихся с реалиями бурного развития капитализма и технизации, и эстетизацией этого самого пространства путем превращения его в тотально эстетизированное благодаря насыщению общепонятными символами и ликвидации тем самым дихотомии жизни и искусства, объясняет такую черту сецессии, как декорирование сооружений и объектов урбанистической цивилизации (вплоть до лифтов) и зданий нового общественного назначения — банков, вокзалов, народных домов, почтамтов, кафе, ресторанов, магазинов, офисов и т.д. Особенно ярко, программно и высококачественно общественная функция сецессии проявилась в искусстве Чехии.

Она органически вписалась в целостный строй пражского урбанистического пространства, лишь увеличив его мистическое звучание. Тем самым пражская сецессия продолжила ту линию формирования эстетического облика столицы, которая была обозначена готикой и барокко. Городские власти поддерживали этот стиль, видя в нем средство продемонстрировать "модерность" Праги, ее европейскость, преодоление провинциальности. Первыми зданиями пражской сецессии стали кафе "Корсо" (не сохр., 1897) архитектора Бёдржиха Омана (1858—1927) и доходный дом Петерки (1899) на Вацлавской площади, построенный Яном Котерой (1871—1923), сразу же обозначившими два течения внутри чешской архитектурной сецессии. Для первого характерно усвоение опыта барокко, изобилие традиционного скульптурного декора, повышенная декоративность, тяга к грандиозности, к гигантским сегментам овалов как основе конструктивного решения. Таковы наиболее репрезентативные здания этого периода: Выставочный павильон (1897—1907, архитекторы Б. Оман и др.), Главный вокзал (1902—1909, Й. Фанта), отель "Европа" (1906, А. Дрыак и Б. Бендельмайер)

А. Муха. Мечты, 1897

и в особенности огромный по масштабам и значению Муниципальный дом (1903 – 1911, А. Балшанек и О. Поливка). Последний явил собой новый тип комплексного общественного полифункционального сооружения, в котором разместились апартаменты для официальных приемов главой город-

ской власти, банк, ресторан, кафе, магазины, выставочный зал и концертный зал им. Сметаны. Если экстерьер Муниципального дома несколько дробен и индифферентен, то интерьер поражает цельностью решения перетекающего пространства и единством декоративного оформления, яркого, изысканного и обильного, где абсолютно все компоненты, от мозаик до портьер и дверных ручек решены в едином художественном ключе. Другими словами, Муниципальный дом явил первый пример дизайнерского решения, основанного к тому же на применении новых строительных материалов и техник²¹, что позволяет считать его шедевром общеевропейского значения.

Другая линия связана с творчеством Я. Котеры, осуществившим быстрый переход от сецессии к модернизму. Его постройки, в том числе снискавший ему славу Музей в г. Градец Кралове, тяготеют к четкой архитектонике масс, внешней сдержанности, синтезу искусств при главенстве архитектуры, доминировании плоскости, обозримости контуров, четкому членению элементов внутри целого. Он разработал тип виллы и частного дома, ставший для Чехии классическим. В его творчестве есть отзвуки неоклассицизма и конструктивизма. К последнему он склоняется в своем самом грандиозном проекте — комплексе Пражского университета, над которым работал с 1907 г. до конца жизни и из которого было реализовано лишь здание Юридического факультета (завершено в 1927 г.).

В целом же пражская и, шире, чешская сецессия, иногда дающая в провинции произведения удивительно рафинированной красоты, яркости и изящества, развивалась между этими двумя полюсами, никогда не забывая и элементов "исторических стилей". Изобилие разнообразного декора, органичная интеграция его элементов, как изобразительных, так и орнаментальных, в архитектуру здания, яркие колористические решения — все это превращает сецессионную архитектуру в некую воплощенную сказку, формирующую двойственное — реально-иллюзорное — ощущение городского пространства. Сецессия глубоко проникла в декоративно-прикладное искусство и в дизайн интерьеров, оставшись там очень надолго благодаря особой атмосфере уюта, непосредственного соприкосновения с прекрасным в каждой вещи.

В живописи ярчайшим представителем этого стиля был Ян Прайслер (1872—1918). Для него характерны большие

циклы на типично символистские сюжеты, где каждая работа представляет собой вариацию на тему, как в музыке. Вообще стремление к музыкальности изобразительного искусства, его каждого произведения, присущее сецессии, чрезвычайно сильно проявилось у Прайслера. Этому способствует особая текучесть формы, размытость цветового пятна, условность желто-зеленого с фиолетовым колорита, общая созерцательность, погруженность автора в мир субъективных ощущений. Сюжеты картин Прайслера — это видения, сны, мечты, мифы, где явь сначала переплетается с фантазией ("Весна", 1900), затем полностью торжествует греза, окрашенная в меланхолические тона ("Черное озеро", 1904). Мифологические и литературные мотивы (многочисленные варианты "Купания", "Истории печального рыцаря", "Соблазнения", "Леда и лебедь") часто окрашены в эротические тона; юноша, красивый, нерешительный и меланхоличный, поставлен в ситуацию невозможности противостоять соблазну и искушению, но он грустит по чему-то более возвышенному, несказанно прекрасному. Но этот хрупко-индивидуальный мир, благодаря манере художника предстающий как расплывчато-неясная мечта, тяготеет к монументальным решениям. Таковы многие декоративные панно Прайслера, предназначенные для общественных зданий, его росписи в Муниципальном доме. Благодаря силе и своеобразию своего таланта Прайслер занял исключительное положение, получил широкое признание. Его живопись соответствовала поэзии и музыке своего времени, что придавало цельность культуре сецессии и универсальность ее лексике. Многие работы Прайслера типологически близки к таким синхронным явлениям в искусстве Восточной Европы, как "Молодая Польша" и живопись М. Врубеля и В. Борисова-Мусатова.

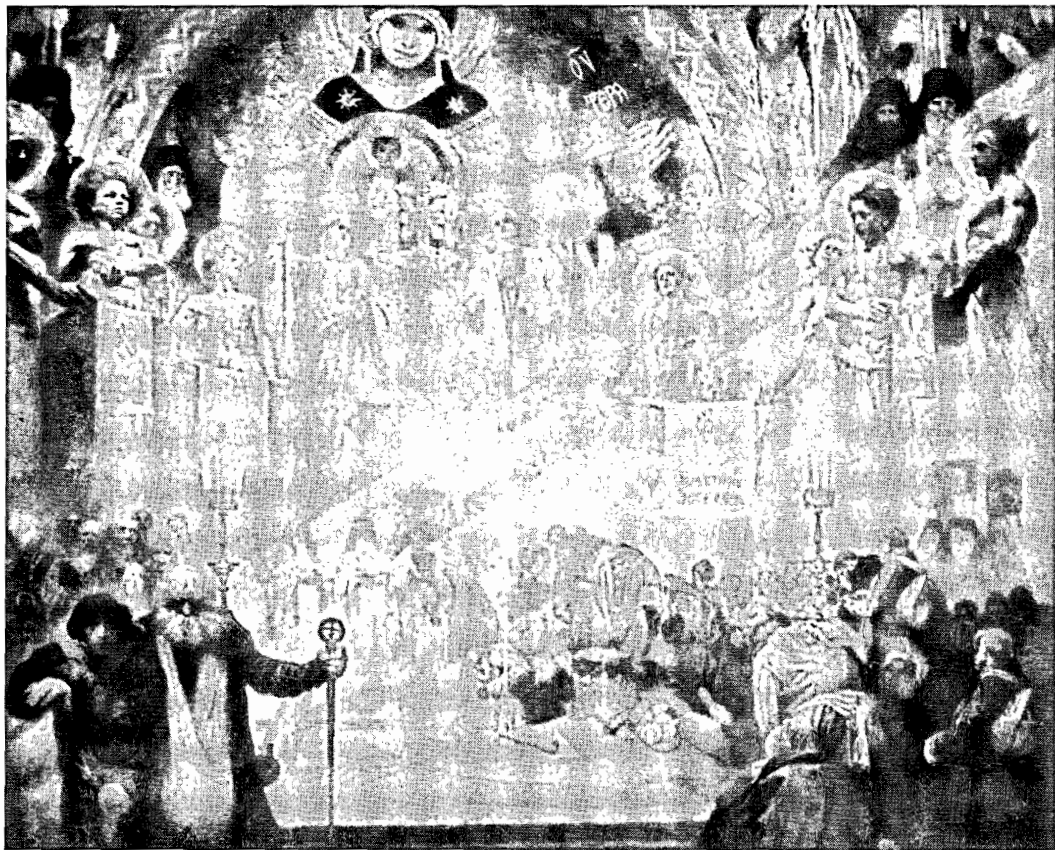
Антонин Гудечек (1872—1941) пишет в более плотной манере, он стремится к насыщению своих грустных, эгегических пейзажей глубокими символами. Его меланхолия скорее символистско-философского толка, чем непосредственно чувственного, что придает его тщательно прописанным несколько обобщающими форму мазками полотнам некую монументальность и значительность ("Вечерняя тишина", 1900). Пейзажи А. Гудечека пронизаны тягой к иному бытию, реальный мир для него — лишь набор знаков и символов другого измерения, реализуемого, однако, через повышенную овеществленность чувственно-визуального восприятия.

К высшим проявлениям сецессии, не только чешской, но и мировой, относится творчество Альфонса Мухи (1860 — 1939). Муха прославился в Париже на рубеже веков прежде всего как плакатист, автор литографий с изображениями красивых женских фигур и головок и художник знаменитого театра Сары Бернар. Для последнего он разработал принцип, получивший позднее название театрального дизайна, применив единство стилистического оформления ко всем компонентам театра от сценографии, костюмов до ювелирных украшений актрисы, программки и афиш спектакля. Плакат, в том числе рекламный, приобрел чисто сецессионное звучание: протяженные извилистые линии, резко выделяемый текст, привлекательные своей почти неземной красотой женские персонажи. Последние стали главным мотивом его литографий, предназначенных для массовой печати в виде открыток, календарей и постеров или использовавшихся как панно. Красота женских образов Мухи, их эротичность находятся на грани слащавой красоты, так импонирующей обывателю, но всегда претворяются в возвышенно-прекрасное благодаря необычайной певучести линий и особым, остраивающим ракурсам и планам. Муха как никто другой сумел сочетать рафинированность сецессии с массовым вкусом, оперируя его лексикой, но возводя ее в высшую степень прекрасного, отвечающего "мечте о неземном" эпохи "конца века". В этом секрет успеха его графики во Франции и США, в этом же кроется причина "ренессанса стиля Мухи" (по-французски — "стиль муша"²²) на рубеже следующих — XX — XXI вв. Художник предпочитал работать сериями, в которых кристаллизовался его стиль ("Времена года", 1896 и 1900, "Цветы и фрукты", 1897, "Византийские головки", 1897, "Цветы", 1898, "Четыре искусства", 1898, "Времена суток", 1899, "Звезды", 1902, "Драгоценные камни", 1900 и др.). Его многочисленные театральные и торговые плакаты повлияли на становление чешского плаката как самостоятельного жанра искусства²³. Муха всегда по убеждениям оставался чешским и, шире, славянским патриотом. Свое видение славянства, его истории, в которой было величие сменилось порабощением, но не иссякла надежда на будущий всемирный расцвет, на великий национальный прорыв, основанный на особой духовности, присущей славянству, он задумал выразить в большой серии грандиозных полотен под названием "Славянская эпопея", которую начал создавать с 1910 г. Первоначально он предполагал по-

А. Муха. Блондинка (из цикла "Византийские головки"), 1897

дарить все 20 полотен городу Праге с условием, что для них будет выстроен специальный павильон. Однако "отцы города" отказали, очевидно, их не устраивала панславистская концепция цикла, политически весьма опасная в Австро-Венгрии накануне мировой войны. Тем не менее Муха получил заказ от пражского муниципалитета на роспись Приматорского салона Муниципального дома (1912), в которой он прославил возвышенный и непокорный славянский дух.

А. Муха. Афон (из цикла
"Славянская эпопея"),
1924

Фрески Мухи настолько мастерски выполнены и суггестивны, образуют такое неразрывное единство в системе "интерьер — роспись — зритель", что безусловно относятся к лучшему, что создано чешской монументальной живописью. Средства на создание "Славянской эпопеи" Муха получил от американского промышленника Ч. Крейна, связанного с Т.Г. Масариком и имевшего заводы в России. Муха накануне Первой мировой войны объехал славянские земли, в том числе посетил Россию, где сделал серию интереснейших фотографий из жизни простого народа. Иронически пренебрежительное отношение у Мухи вызвали балканские князьки, но он не переставал восхищаться духовным мужеством и религиозностью простого народа. Этой теме посвящена одна из лучших картин художника — "Нищенка. Сибирь" (1914), где замерзающая ночью беременная женщина представлена на фоне снегов и неба, с которого на нее нисходят божественные энергии Богоматери. В религиозном отношении Муха был близок к эзотерике, противопоставляя широко понимаемую духовность практицизму времени. Создание "Славянской эпопеи" растянулось на большой период — с 1912 по 1928 г. Периодически проводившиеся в Праге, куда художник переехал с 1910 г., публичные показы вызвали неоднозначную реакцию. Дело не только в том, что менялась политическая ситуация и панславизм устарел, но и в изменении стиля художника: вышедшая из моды сецессия сменилась у него неоисторизмом и неоакадемизмом, основанным на символистических приемах, что казалось в обстановке расцвета авангардных течений живым анархизмом. Поэтому цикл, подаренный автором "чешскому народу и городу Праге", остался невостребованным и практически был забыт. Лишь наше время воскресило его физически (реставрация, экспонирование, публикации) и оценило художественно, ибо он именно своей стилистикой, точнее, полистилистикой, стал отвечать вкусам нашего времени. В связи с этим можно предположить, что художественный язык "Славянской эпопеи" обогнал свое время: оно рвалось в техногенное будущее, Муха уже подводил итоги духовной разочарованности в нем.

Долгий путь в искусстве прошел Макс Швабинский (1873—1962). Он вышел из символизма, увлекался импрессионизмом, но более всего тяготел к академизму. В целом он предстает как традиционалист, "живой классик" консервативной линии чешского искусства XX в., официально при-

знанный и сохранявший положение ведущего мастера вплоть до конца жизни, став у истоков социалистического реализма в чешском искусстве. Однако его эволюция представляется весьма органичной, а творчество целостным. Искусство Швабинского, довольно поверхностное и слишком конвенционное, великолепно с технической стороны, в особенности ранняя графика²⁴. Всеобщее внимание художник привлек к себе в 1899 г. картиной "Бедный край", удачно сочетавшей традиционную повествовательность, сочувствие к простому человеку с новой сецессионной образностью.

Сецессия чрезвычайно глубоко повлияла на графическое искусство. Она в принципе сформировала искусство книги как синтетический вид творчества, в котором в процессе создания целостного артефакта объединились литература, графика, дизайн, полиграфия, переплетное ремесло. Появилось понятие "художественная книга" ("krásná kniha"). Искусство книги достигло в Чехии таких высот, как ни в одной другой стране Центральной и Восточной Европы, прежде всего благодаря библиофильству ведущих писателей и поэтов-теоретиков (Арношт Прохазка, Ф.Кс. Шальда, С.К. Нойман, И. Карасек из Львовиц), выработавших четкую эстетическую программу нового библиофильства, направленную на создание нового, по своему синтезу искусств и единству искусств и техники, вида художественной деятельности, отвечающего требованиям эпохи. Ведущей фигурой в искусстве книги становился график, по сути превращавшийся в дизайнера. Тем самым чешская книга опередила и даже в чем-то определила дальнейшие судьбы книжного искусства²⁵. Крупнейшим художником книги стал Войтех Прайссиг (1873—1944). Он сформировался под влиянием А. Мухи, жил в Париже до 1903 г., расцвет его творчества приходится на годы, проведенные в США (1910—1930). Вернувшийся на родину художник участвовал в Сопротивлении и погиб в фашистском концлагере. В Чехии и за границей Прайссиг утверждал единый принцип оформления книги: органическое сочетание текста, шрифта, полосных иллюстраций, заставок, виньеток, обложки, титула, цветового решения. Он создал образцы оригинальных типографских объектов, выявил конструктивную основу книги, логику ее развертывания в пространстве и времени. Со стороны типографского дела эти тенденции поддержал Карел Диринк (1876—1949), редактор (1905—1914) журнала "Типография", в котором была опубликована программная статья

Ф.Кс. Шальды "Книга как художественное произведение". С 1919 г. Диринок был руководителем Государственной типографии, превратив ее в образцовое художественно-техническое заведение, и содействовал осуществлению той книжной программы, которая была в 1910 г. намечена при основании Общества чешских библиофилов и сформулирована в его книге "Художественная книга. Ее техническое оснащение" (1909).

С книгой и иллюстрацией связаны лучшие ранние работы целого ряда художников, чье творчество вышло из сецессии и идеалам которой они сохранили верность на всю жизнь, продлив отголоски ее существования до второй половины XX в. В чешском искусствоведении к ним применяется термин "вторая волна" символизма. Франтишек Коблига (1877 — 1962) погружен в свои поэтические сны, навеянные литературой символизма (цикл "Май", 1911, цикл "Поздно к утру", 1909, "Женщины моих снов", 1913 — 1918), он одним из первых увлекается космизмом, который получил у него новое звучание в работах 40-х годов. В 20-е годы он активно занимается искусством книги. Утонченно болезненная культура переживания, тонкая техника, камерность звучания даже вселенских тем позволили Коблиге занять особое место. Более экспрессивен и открыт новому Ян Конупек (1883 — 1950), в работах которого четко обозначена дихотомия мира: возвышенной духовности христианского толка противостоят ужас и агрессия зла. Йозеф Вахал (1884 — 1969), недооцененный при жизни, но сейчас получивший статус гения отшельник, мистик, визионер, чрезвычайно плодовитый художник, выработал яркую индивидуальную манеру, сочетавшую наследие сецессии, экспрессионизм, наив и рафинированную книжную технику. Вахал с потрясающей суггестией изображает свои видения. Особенно воздействуют картины кошмаров и эротических перверсий. Художник не заботится о зрителе, для него главное — самовыражение. Он даже создает, первым в Чехии, авторскую рукотворную книгу (в одном экземпляре), активно работает как писатель. Позиция "проклятого гения" позволила Вахалу сохранить самобытность и полную творческую свободу при всех политических режимах. Мистическое визионерство, спиритуализированная экзальтация, замкнутость на духовно-психологических проблемах и переживаниях объединили этих трех графиков, а также Я. Зрзавого, в возникшем в 1910 г. в Брно обществе "Сурсум". Утонченному стилизаторству сецессии остался

верен крупный художник книги Вратислав Бруннер (1886—1928), во многом определивший направленность пражской Художественно-промышленной школы в 20-е годы, и разносторонний Франтишек Кисела (1881—1941), проявивший себя как график, иллюстратор, сценограф, чья педагогическая деятельность также связана с Художественно-промышленной школой.

В скульптуре на рубеже веков появилась целая плеяда мастеров, принадлежащих к сецессии и находившихся под сильным влиянием О. Родена, посетившего Чехию в начале века. Исключительное положение заняло творчество Франтишека Билека (1872—1941). Гипертрофированная спиритуалистичность, мистичность, принципиальная многозначность и неисчерпаемость символики, своеобразная бесконечность духовного континуума приобрели в пластике Билека абсолютно адекватную форму: "священный танец" или "ритуальное шествие", в котором пребывают все его фигуры, длятся вечно. Пластическая моделировка приобретает ритмическое движение, заостряются углы в целом очень плавных и певучих линий, появляются фокусированные изломы, овалы больших голов увенчивают тонкие вытянутые фигуры. В рельефах на христианские темы страдание акцентируется деформацией экспрессионистического типа (алтарь с распятием в соборе св. Вита, 1899), что позволяет удачно вписывать новые скульптуры в старое готическо-барочное пространство ("Крестный путь" в соборе св. Варфоломея в Колине, 1913). Билек давал своим композициям, сделанным преимущественно в дереве, программно-философские названия, демонстрирующие общую эзотерическую направленность его творчества: "Тоска от тела, от мира и от свода небесного" (1909), "Красота молодости в своей борьбе" (1910), "Духовная встреча" (1925), "Кто закончит мой труд?" (1927), "Песня о вечном пристанище" (1929), группа "Завоеватели будущего": "Целенаправленный", "Чувство болезни, вызванной виной", "Духовное обоняние и вкус", "Духовное зрение и слух", "Творец" (1931—1937). Такая концептуальность, однако, не грешит литературностью, поскольку сюжетика и пластическая форма объединяются в синтезе высшего, идеального плана. Поздние скульптуры Билека лишь развивают образы, найденные мастером в начале XX в.

В этот период чешская скульптура утверждает себя как самостоятельная национальная школа европейского уровня: это не только отдельные имена выдающихся ваятелей, но и

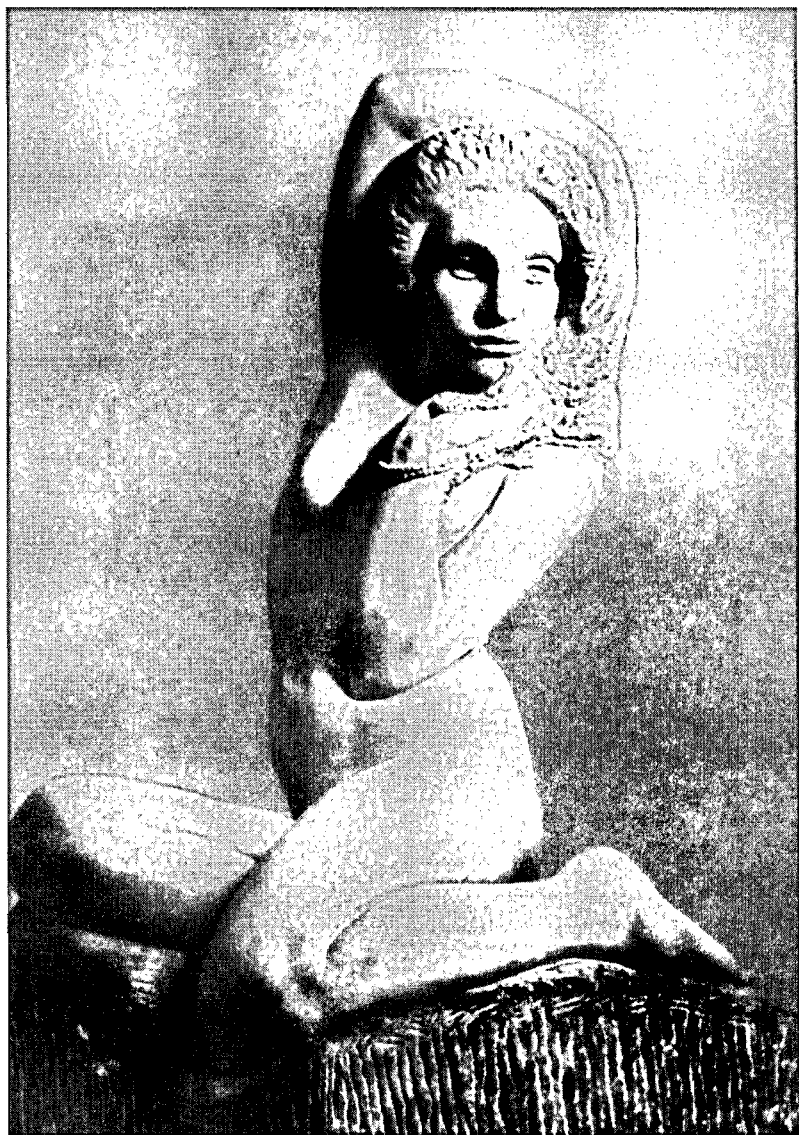

Ф. Билек. Слепцы, 1926

общие черты, позволяющие говорить именно о школе, что вновь, после эпохи барокко, вывело чешскую скульптуру в число ведущих форм культуры. Возникновение чешской скульптурной школы связано с поздним творчеством Йозефа Мыслбека (1848 – 1922), создавшего в это время шедев-

ры, отмеченные сецессией, такие как "Музыка" (1894) и "Автопортрет" (с предками и потомками, 1902), с расцветом творчества Билека и появлением целого поколения молодых скульпторов, создавших большое количество произведений нового типа на чрезвычайно высоком уровне²⁶. Станислав Сухарда (1866 — 1916) активно отстаивал новое искусство как председатель общества "Манес" и член редколлегии журнала "Вольне смнеры". Мягкость, лиричность, плавность линии и живописная моделировка сделали его плакетки и медали образцами камерной пластики. Монументальные же работы, такие как скульптуры на здании Главного вокзала в Праге и рельефы в Музее г. Градец Кралоуе, но прежде всего памятник Ф. Палацкому в Праге (1898 — 1912), утверждали патриотические ценности в довольно традиционной барочно-классической символике. Ладислав Шалоун (1870 — 1946) прославился памятником Яну Гусу на Староместской площади в Праге (1901 — 1915), ставшим квинтэссенцией патриотизма и гуситской традиции в самом сердце города накануне Первой мировой войны. Пластически памятник решен в роденовском ключе, но несколько растекающиеся формы всей группы снижают пафосность общего решения, представляющего вождя чешской реформации не как жертву католицизма, а как учителя и победителя. Долгие годы (с 1906 г.) он руководил школой каменной скульптуры в Горжице, ставшей кузницей молодых ваятелей, Квидо Коциан (1874 — 1928), чей дебют в скульптуре ознаменовался скандалом, так как прозвучал вызовом искусству "живого классика" Мыслбека. Для ранних скульптур Коциана характерна подчеркнутая экспрессия, внутреннее напряжение ("Авель", 1903, "Смерть и воскресение" на кладбище в Горжице, 1906), затем стиль мастера успокаивается, возвращаясь к манере учителя всех чешских бунтарей Мыслбека. Йозеф Маржатка (1874 — 1937) в роденовской манере создавал портреты деятелей чешской культуры и динамичные композиции с женскими фигурами. Богумил Кафка (1878 — 1942) сделал прорыв в "экстатическую экспрессию иррациональных человеческих сил"²⁷ в крупнофигурных "Сумасшедшем" и "Идущей во сне" (обе 1906). Отакар Шпаниэль (1881 — 1955) отразил влияние Э.А. Бурделя; наиболее интересное в его довоенном творчестве — портретные рельефы.

Крупнейшим скульптором предвоенного периода, обозначившим переход от сецессии к неоклассицизму, стал Ян

Я. Штурса. Меланхолическая девушка, 1906

Штурса (1880 – 1925). Его женские образы одновременно притягательно-эротичны и отталкивающе-сексуальны ("Пуберта", 1905, "Ева", 1909), при этом они тяготеют к "вечным проблемам" жизни. Но начиная с "Меланхолической девушки" (1906) эти образы обретают более классическое звуча-

ние ("Туалет", "Женщина с дельфином", 1910), наполняются радостью бытия; уравниженность масс при развороте фигуры в сложных ракурсах ("Девушка, моющая волосы", 1910, "Мессалина", 1913, "Девушка, моющая грудь", 1925) создает ощущение покоя, чувственной радости и гармоничности жизни. Трагедию войны и радость обретения независимости Штурса выразил в двух монументально решенных мужских фигурах "Раненый" (1920) и "Победитель" (1921). Большой силы монументального звучания достигают его скульптурные композиции "Гуманизм" и "Труд" для Главкова моста в Праге (1911 — 1913). Ни об одном чешском скульпторе не было написано столько восторженных слов, как о Штурсе. Его искусство высоко гуманно, в центре находится человек, прекрасный, сильный, иногда несколько меланхоличный, но чаще наслаждающийся красотой жизни. В европейской скульптуре Штурса завершал антично-ренессансную линию, которая в образе человека видела эстетический идеал и драму существования²⁸.

Магистральную линию развития европейского искусства от сецессии к беспредметности во многом определил Франтишек Купка (1871 — 1957), которого теперь можно с полной уверенностью причислить к первому ряду мировых художников-новаторов, не рвавших с традицией, а органически развивавших интенции, заложенные в предшествующей культуре и аналитически-креативной деятельности человека. Купка с 1895 г. жил в Париже, активно выставлялся также на родине (член "Манеса" с 1890 г.), вернувшись в Прагу в 1919 г. стал профессором Академии художеств. В Париже он вместе с Р. Делоне стал основоположником орфизма — динамически-цветового варианта абстракционизма и одновременно открыл принцип передачи духовного содержания через нефигуративную форму, т.е. явился одним из "отцов" абстракционизма как новейшего стиля. К этому открытию вел длительный путь. Как ни странно, Купка начинал как карикатурист, причем остро социальный, настроенный антикапиталистически²⁹. Фигура капиталиста с неизменным толстым брюхом и саркастической ухмылкой всевластия предстает у него как эманация адских сил, противостоящих всему гуманному и губящих человечество. В такой трактовке сказалась философская основа всего творчества Купки, кстати, детерминировавшая его творческую эволюцию, которую можно охарактеризовать как внеконфессио-

Ф. Купка. Сотворение мира, 1911–1920

нальную духовность, стремящуюся к чистому созерцанию божественных энергий и эманаций блага. Поэтому то, что связано с деформацией высшего начала, вызывает у художника отвращение, а демократические основы воспитания ведут к четкой общественной позиции неприятия социального-зла. Карикатуры Купки были широко известны в Чехии и вызвали восторг как эстетов, так и социал-демократических политиков.

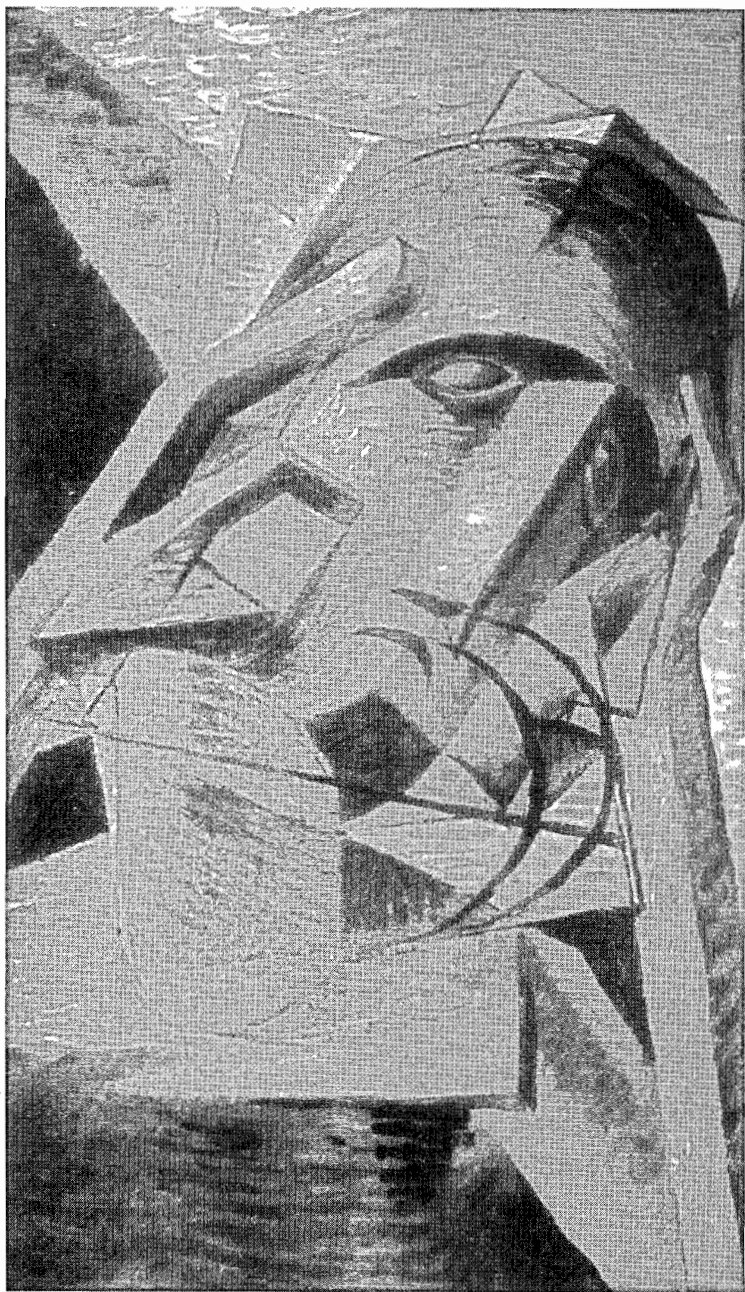
Творчество Купки может показаться чрезмерно пестрым даже для того времени. Он долго оставался верен постимпрессионизму, утверждая ценность остро характерного, придерживался сецессии в книжных иллюстрациях, фовистически утверждал витально-радостную, даже брутальную радость бытия, не ориентируясь на классическую кра-

соту, которую сам же воспевал в сецессионной графике, увлекался философией, естественными науками и паранатурой, спиритуализмом. Научные склонности приводят его к иллюстрированию многотомного компендиума Э. Реклю "Человек и земля" (1904 — 1906), посвященного истории цивилизации. Его остро занимает проблема передачи красками музыкального звучания, слияния форм различных предметов, образующих новый цветовой, формальный и смысловой синтез ("Клавиши — озеро", 1909). Прорывом в абстрактную живопись, наиболее адекватно сконцентрировавшую все художественные и внехудожественные искания Купки, стала картина "Аморфа. Фуга в два цвета" (1912), имеющая принципиальное значение для мировой живописи. Провозгласив в названии сначала бесформенность, автор тут же объясняет новую, неизобразительную форму стремлением дать эквивалентное музыке пластическое подобие двухголосной фуги. Так революция в изобразительном искусстве оказывается прорывом в другие искусства и в старые культурные традиции. Но Купка идет еще дальше: в 1913 г. появляется цикл картин "Вертикальные поверхности", являющийся прямым аналогом супрематизма. Затем Купка долго пишет две принципиально важные картины: "Сотворение мира" (1911 — 1920) и "Форма голубого" (1913 — 1924), в которых создает "архитектуру космического пространства", исследуя становление материи и ее основных форм в креационном процессе. Микрокосм клетки при этом у него равен макрокосму Вселенной, а живописание "химических процессов" преисполнено духовными энергиями. Динамическая абстракция все более структурируется, что позволяет художнику в 30-е годы перейти к абстракции чистой геометрической формы и тем самым достигнуть идеала объективной передачи природы как ипостаси без субъективного, авторского начала³⁰. Художник так излагал свое кредо: "Произведение искусства, само по себе являющееся абстрактной действительностью, должно быть системой выдуманных элементов. Его конкретное значение прямо вытекает из комбинации морфологических типов и отдельных архитектурных узлов как целостного организма"³¹.

Купка стал как бы международным камертоном чешского авангардного искусства³², созданного следующим поколением художников примерно в десятилетие перед Первой мировой войной. Сначала эти молодые живописцы, громко

заявившие о себе в 1907 г. на выставке "Осма", прошли через экспрессионизм. Шедевром этого периода, имеющим особое значение для русского человека, останется "Читатель Достоевского" Э. Филлы (1907), поражающий глубиной понимания творчества писателя, атмосферы его произведений и адекватностью живописной манеры художественному строю прозы русского автора, которым в начале XX в. зачитывалась пражская молодежь. Эмоциональность впечатления — восприятия безвременно погибшего на фронте Индржиха Прухи (1886 — 1914) трансформировалась у него в открытую экспрессию, выражаемую мощным мазком и шквалом остро или трагически темно звучащих красок ("Распятие", 1912). Крайней эзотерической мистичностью, мрачным визионерством отличаются картины Ярослава Панушки ("Дух матери", 1900). Отдал дань экспрессионизму и Я. Зрзавый ("Антихрист", 1909). Но экспрессионистический период был краток.

Вскоре осуществляется переход к кубизму, который вышел за рамки живописи, затронув скульптуру, архитектуру и прикладное искусство, что сделало его феноменом общекультурного значения. Размах, глубина проникновения, укоренение новой традиции, общественный резонанс и собственно художественные достижения позволяют считать чешский кубизм явлением уникальным в культуре модернизма, ставят его в первый ряд художественных явлений мировой культуры XX в. Кубизм эквивалентен цивилизму в литературе, но более концептуален, философичен и острохарактерен. Чешский кубизм — явление чрезвычайно разнообразное, которое, пройдя через свой ортодоксальный этап, стало открытой системой авангардного мировосприятия. Кубизм сухого, рационального, аналитического плана у чешских художников в целом, несмотря на острые разногласия и споры, не привился³³. У них он более камерный, порой ироничный, даже трагичный, т.е. эмоциональный. Почему именно кубизм из всех других авангардных течений так укоренился на чешской почве? Может быть потому, что в нем новому поколению художников представилась возможность наиболее адекватно выразить свою чешскость лексикой мирового стиля: сочетать структурный, рациональный подход к решению целого с непосредственной эмоциональностью и юмором в деталях, детскую игрушечность "кубиков" и прочих "токарных" геометрических форм, идущих от народной культуры, с добротностью работы чешских ремесленников,

Б. Кубишта. Медитация, 1915

особо ценящих мир простых предметов и соответствующих форм. В кубизме чехов пленило отношение к произведению искусства как к предмету, объективация творчества и его продукта, что оказалось созвучно демократическому чешскому менталитету. Чехи создали "человеческий" вариант кубизма, доказав верность традициям того чешского гуманизма, который в XX в. лучше всего сконцентрировал в своем творчестве Карел Чапек. Недаром крупнейшим чешским художником-кубистом стал его брат и соавтор Йозеф Чапек. Вместе братья Чапеки стали мощным явлением предвоенной культуры, заложившим основы того, что можно назвать гуманизированным авангардизмом и что составило основное содержание чешского авангарда 20-х годов. Здесь мы рассмотрим лишь довоенное творчество чешских художников-авангардистов, тем более что кубизм пережил свой апогей в 1910 — 1914 гг.³⁴

Центральной фигурой этого периода стал Богумил Кубишта (1884 — 1918) — протагонист кубизма, но и первый из мастеров, его преодолевших в сторону расширения модернистского дискурса. Он, как и все поколение, будучи глубоко неудовлетворенным системой обучения в провинциальной Праге, устремляется в Париж за "новым искусством". Как и все, он прошел через увлечения постимпрессионизмом и Э. Мунком. В 1910 г. Кубишту, наделенного математическим талантом, увлекает мистика чисел, их отношений, в которых он видит символические значения и основу своих новых композиций (одна из первых чешских кубистических картин "Курильщик", 1910). За ней следует ряд кубо-аналитических картин, хотя художник иногда отклоняется в сторону фовизма или кубофутуризма (под итальянским влиянием). Его влечет не столько философско-пластический анализ предмета и материи, сколько усиление экспрессии посредством кубизации формы ("Купающиеся мужчины", 1911). Особо это сказывается в работах 1912 г., посвященных традиционной теме смерти и страдания, столь неожиданно предстающей в кубизированном облики ("Натюрморт с черепом", "Поцелуй смерти", особенно "Св. Себастьян"). Их колорит предельно темный, формы динамичны. От пражских пейзажей веет застывшей в динамике, кристаллизировавшейся ужасной тайной бытия. Трагизм усиливается в живописи военного времени, когда художник создает свое самое известное полотно "Медитация" (1915), уже далеко выходящее за рамки кубизма. Трагическая гуманизация ку-

бистического метода, обращение к эмоциям зрителя, поиск сочувствия и сострадания, — все эти качества искусства Кубишты определили его влияние на своих коллег, намного его переживших. В статье "О духовной сущности современной эпохи" (1914) Кубишта доказывает два положения, определившие весь характер, всю специфику чешского авангардизма. Во-первых, это стремление к "духовному наполнению формы". Во-вторых, художник не должен замыкаться в рамках одного нового стиля, более того, он обязан внимательно относиться к реальной, современной жизни, выявлять ее сущность. "В результате твое произведение будет не только живым, что недостаточно для искусства, но в нем будет жить твой дух и в нем будет звучать новое время своим метафизическим голосом"³⁵.

Эмил Филла (1882—1953), напротив, стал ортодоксальным кубистом, видя в кубизме универсальный художественный метод, которому оставался верен почти до конца жизни. У Филлы сильно влияние П. Пикассо и в особенности Ж. Брака, но все же и он впитывает в себя иные художественные импульсы: живопись Эль Греко, искусство старых и новых голландцев (в "голландский" период творчества, 1914—1920), которые реинтерпретирует в кубистическом стиле. Филла активен как организатор художественной жизни авангарда: в 1911 г. в Праге он основывает "Группу художников" ("Skupina výtvarných umělců"), в которую вошли А. Прохазка, В. Бенеш, В. Шпала, Й. Чапек, архитекторы Й. Гочар, В. Гофман, Й. Хохол, П. Янак, скульптор О. Гутфройнд, а также писатель К. Чапек. Кубишта участвовал в первых собраниях "Группы", которая сконцентрировала весь цвет творцов новых направлений. "Группа" организовала ряд выставок, показанных также в Германии, и выход журнала "Умнелецки мнесечник" ("Художественный ежемесячник"), что превратило Прагу в общеевропейский центр кубизма, правда, не надолго: мировая война положила конец существованию "Группы", разбросала художников по разным странам, но, главное, показала исчерпанность кубизма.

В краткий период увлечения кубизмом Отакар Кубин (1883—1969) создает живописные и графические циклы "Фигуры" (1912—1914), где схематизированные изображения человеческой фигуры ("человечки") приобретают характер знака, иероглифа, ключа к новому семиотическому пространству. Заново открытые в 60-е годы, они для худож-

ника остались лишь эпизодом творчества, которое протекало во Франции и было связано с постимпрессионизмом и неоклассической фигуративностью. Антонин Прохазка (1882 — 1945), так и не сумевший выбиться из чешской провинции, также не стал "правоверным" кубистом и чаще всех бунтовал против него в "Группе художников". Однако именно Прохазка еще в 1907 г. создал первые чешские кубистические композиции, правда, не получившие того резонанса, который в 1910 г. вызвал "Курильщик" Кубишты³⁶. Основная кубистическая картина Прохазки — "Прометей" (1911). После нее он обогащает свой метод, в котором теперь доминирует изнутри светящаяся, густая материя цвета (краска), магически завораживающая. Для него цель искусства — посредством кубизированных форм "развить вложенные энергии", поэтому само искусство "в сущности является магическим, а идея становится телом"³⁷. В ранний период Прохазка трактует телесность как проявление креативной силы художника, но с 1920 г. переходит к телесности самого человека, создавая ее неоклассический вариант.

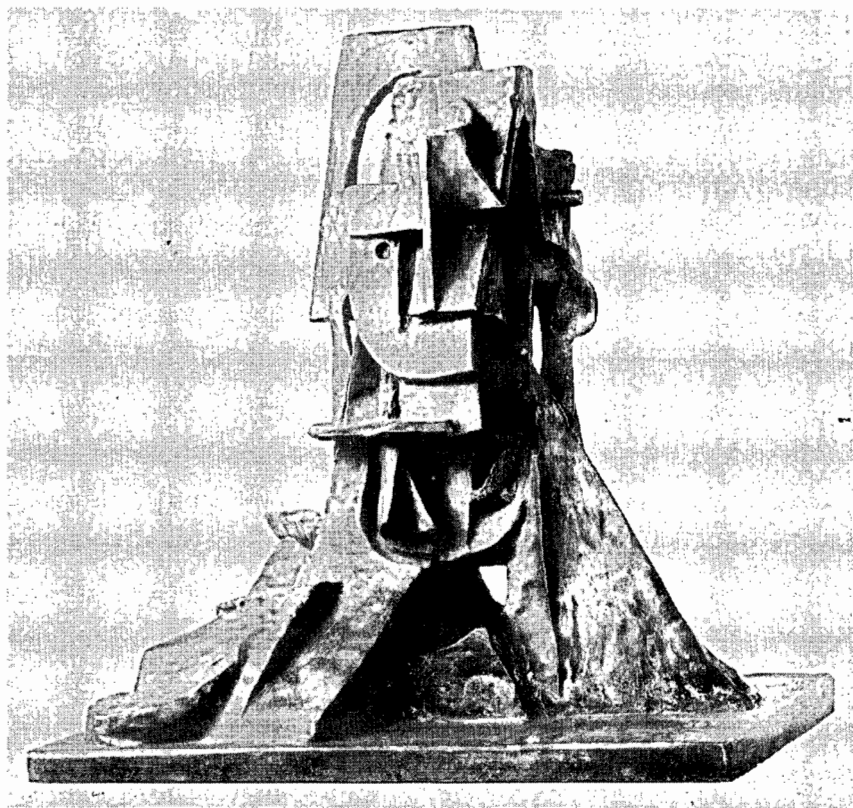
Вацлав Шпала (1885 — 1946) с самого начала вкладывал в свои кубистические произведения огромные витальные силы, придающие особую ритмику геометрическим первоэлементам и радостное красочное звучание всей картине ("Три прачки", 1913, "Крестьянка", 1912, "Купание" и "Деревенская песня", обе 1914). Особенно художник любит красные тона. Его картины орнаментальны и динамичны одновременно. Широкая кисть легко движется внутри геометрического контура. Собственно, живопись Шпалы — это кубистический гедонизм, гимн природе и растворенному в ее ритмах человеку.

Йозеф Чапек (1887 — 1945) — явление уникальное в чешском модернизме по своей универсальности³⁸. Как писатель он выступал в соавторстве со своим братом Карелом, в некоторых аспектах оказав на него влияние, он работал как живописец, график-станковист, иллюстратор, газетно-журнальный художник, плакатист, художник книги, сценограф. Его кубизм, весьма своеобразный, содержит целую шкалу эмоциональной образности, он впитал в себя все виды европейского кубизма, а также наивизм, игровое начало и элементы народного искусства, что позволило искусствоведам Я. Славику назвать стиль Й. Чапека "народным кубизмом"³⁹. Многозначность кубизма сконцентрировалась в наиболее известной картине мастера "Гармонист" (1913). Геометриче-

Й. Чапек. Гармонист, 1913

ски-эзотерический кубизм представлен "Пьяницей" (1913), аналитический — "Женским актом" (1913), гротескно-юмористический — "Головой девушки" (1914), магически-камерный — "Тоской" (1915), игрушечно-игровой — "Туалетом" (1916) и "Матросом (Африкой)" (1917). Портрет и пейзаж могут взаимно проникать, тогда становится уже непонятным,

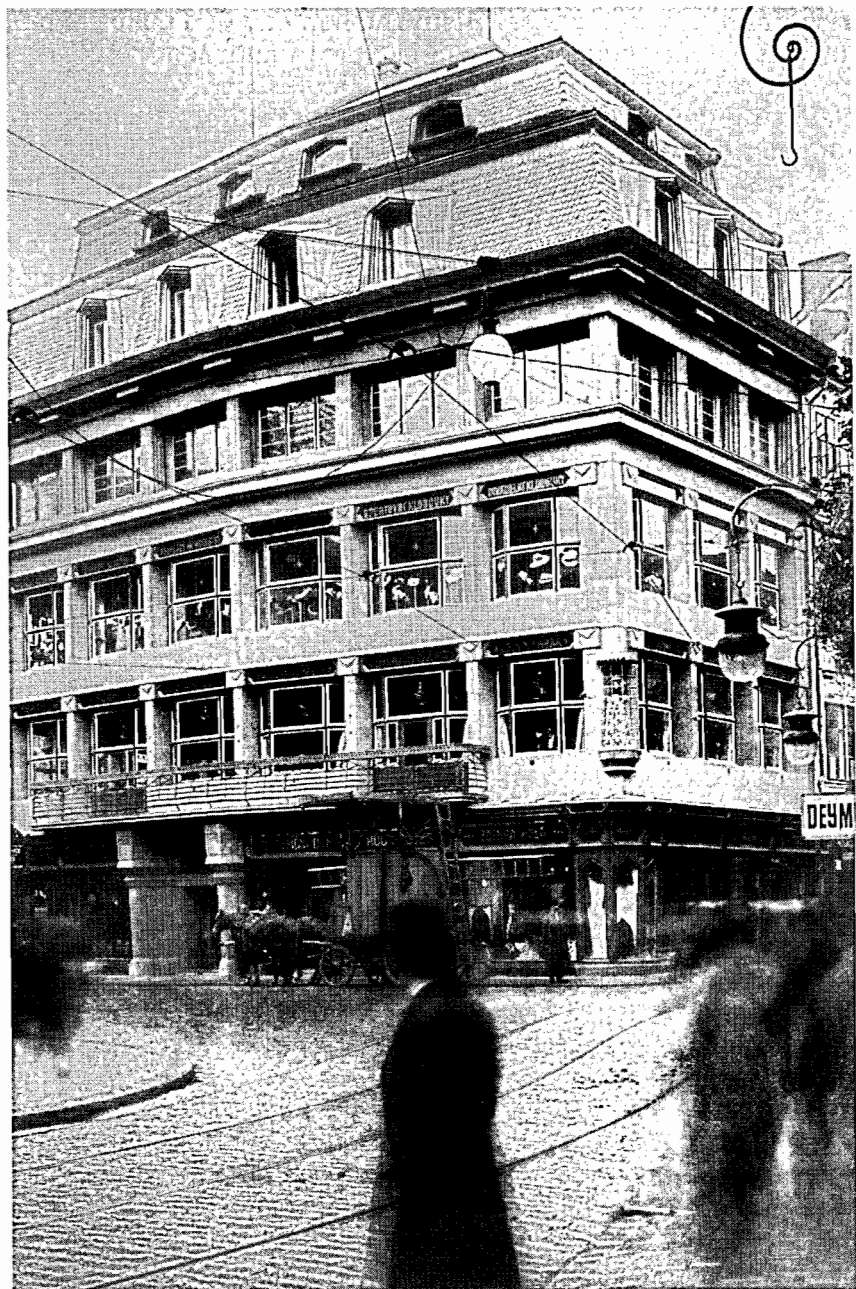
О. Гутфройнд. Кубистический бюст, 1913

голова это или дом, шляпка или луна ("Проститутка в высокой шляпе", 1918). Именно Й. Чапек определил широчайшее распространение кубизма в чешской культуре, его синтетический и открытый характер, придавший французскому импорту чисто чешский характер.

Кубизм в скульптуре в европейском искусстве не получил той цельности и того значения, как в живописи. Тем интереснее и значительнее творчество Отто Гутфройнда (1889 – 1927), немецкого еврея из Праги, объездившего Европу в поисках нового понимания пластического искусства и завершившего свой путь созданием сугубо чешского стиля как нового выражения "чешской идеи". Гутфройнд начинает свои поиски с кубо-экспрессионистической фазы, тяготея при этом к образам мировой литературы, наделяя их в сущности символистским звучанием ("Гамлет", "Дон Кихот", оба

1912). С 1913 г. скульптор, живя в Париже, пробует создать скульптурные композиции, где экспрессия выражена динамикой чистых объемов, создающей ощущение брутальности материальных основ мира ("Голова женщины", "Полулежащая женщина со стаканом", обе 1913). Затем он переходит к конструированию абстрактной кубизированной формы крупного формата. Если бы не антропоморфные названия ("Кубистический бюст", 1914, "Сидящая женщина", 1916), то можно было бы говорить не только о первых кубистических скульптурах, но и об абстрактном ваянии, предвещающем переход к конструктивизму и созданию скульптур-объектов. Но сам автор не пошел по этому пути, развернувшись в сторону традиционализма, тем не менее именно Гутфройнд, по прошествии столетия, должен по праву занять место protagonista мирового авангардного ваяния.

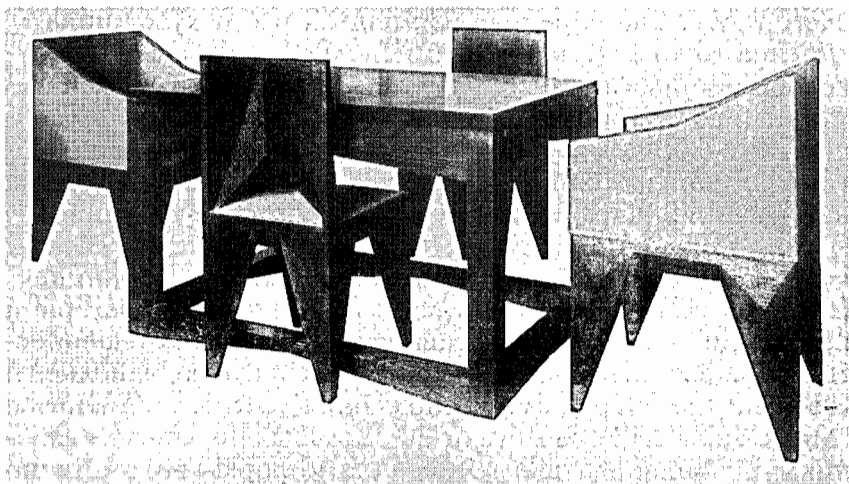
Своеобразнейшим явлением был чешский архитектурный и прикладной кубизм, не имеющий аналогов в мировом искусстве⁴⁰. В постройках его лидера Йозефа Гочара (1880—1945), а также Властислава Гофмана (1884—1946), Йозефа Хохола (1880—1956), Павла Янака (1882—1956), проявилось новое, чисто конструктивное понимание архитектурной формы при сохранении традиционных архитектурных типов и масштабов построек, а также некое "скульптурное" решение щитовых блоков. Типологически кубизм в архитектуре стал связующим звеном между сецессией и конструктивизмом. Но если европейские конструктивисты вышли из лоно сецессии (Art Nouveau), то в Чехии появилось самостоятельное связующее звено между этими направлениями — кубизм. В свою очередь его рационализм и лаконизм проистекали из творчества Я. Котеры, который, несмотря на критическое отношение к кубизму, многое взял у своих учеников. Кубистические строения, будь то общественные здания, доходные дома или виллы, органически вписывались и в историческое, и в новое урбанистическое пространство, акцентируя на себе внимание, но не становясь доминантой ландшафта. "Скромность" кубистической архитектуры диктовалась ее соразмерностью человеку, недаром кубистические интерьеры создавали новый — урбанизированный, технизированный тип уюта. Манифестом чешского архитектурного кубизма стал дом "У черной Божьей Матери" в Праге (1911, архитектор Й. Гочар), ныне превращенный в Музей чешского кубизма. Основа здания — железобетонная конструкция, способствующая впе-

*Й. Гочар. Дом "У черной Божьей Матери", 1911
(ныне Музей чешского кубизма)*

чатлению, что дом "растет" изнутри наружу. Й. Гочар сохранял тягу к классическим формам, что наиболее заметно в его другом шедевре — санатории (купальне) в Богданчи у Пардубиц (1913). П. Янак больше увлекался теоретическими разработками, считая, что гармонизация горизонтали и вертикали достигается "размышляющим и чувствующим духом", проявляющимся в "моделировке, проработке поверхности" главным образом фасада здания⁴¹. Из этой посылки исходил и П. Янак-практик (Якубцова вилла в Йичине, 1912, Фаров дом в Пельгржимове, 1914). В. Гофман — наиболее последовательный кубист, но его творчество ограничивалось проектами и архитектурными фантазиями, в которых внимание к одному зданию, главным типом которого для него был полигональный объект, переключалось на обширные градостроительные замыслы. Проекты и теоретические разработки В. Гофмана существенно повлияли на чешскую архитектуру. Й. Хохол синтезировал разные течения в кубизме, что явно видно в его доходных домах и виллах, построенных в пражских районах.

Кубизм благодаря основанному в 1912 г. Пражским художественным мастерским, руководимым архитекторами-кубистами, создал свой вариант и в прикладном искусстве. Это прежде всего мебель, ставшая некой разновидностью архитектуры малых форм для интерьера. В ее разработке и даже создании принимали участие все ведущие архитекторы-кубисты. Многоугольные, многогранные, полиплоскостные, звездообразные (звезда — любимый мотив архитектурного кубизма) столы, шкафы, трюмо, постели, зеркала, стулья, кресла и этажерки создают фантастическое впечатление абсолютно ирреальных предметов, которые, однако, своей подчеркнутой материальностью, устойчивостью, функциональностью формируют новый интерьер, тем самым выводя человека из пошлой мещанской домашней среды в артифицированное и одухотворенное, несколько фантастически-остраненное жизненное пространство. Есть в этой мебели и элемент провокации, юмора, также способствующий трансформации быта. Кубизм проник и в декор тканей для одежды, и в предметы из стекла и фарфора. Особый тип авторских художественных изделий, противостоящий мещанской безвкусице, изготовляло объединение "Артель" (с 1908 г.)⁴², благодаря которому чешское декоративно-прикладное искусство было сориентировано на декоративизм модернистского плана, совмещавший функциональ-

В. Гофман. Обеденный стол с креслами, 1912

ность вещи, простоту форм, геометризм и значительную художественную идею, воплощенную с высокотехничной тщательностью, не мешающей яркой образности предмета. Эти черты станут характерными для всего чешского прикладного искусства XX в.

Несколько в стороне от кубизма развивалось довоенное творчество Рудольфа Кремлички (1886 — 1932), долгое время верного импрессионизму, но с серии обнаженных 1917 — 1918 гг. перешедшего к более плотной, весомой манере, где четкий контур очерчивает формы, написанные широкими мазками. Ярчайшее и оригинальнейшее явление чешского модернизма — Ян Зрзавый (1890 — 1977). Он начал в 10-е годы XX в., сразу обратив на себя всеобщее внимание. Член групп "Осма" и "Сурсум", он все же не очень вписывался в "главную линию" нового чешского искусства. В принципе он представлял тип художника-визионера. У него очень сильно символистское начало, но прихотливость и декоративность сецессионных форм он заменяет плотным письмом с моделировкой формы цветом. Я. Зрзавый остается фигуративистом, но все его композиции тяготеют к духовности, окрашенной в элегические, ностальгические тона. Ранний Я. Зрзавый весьма эзотеричен: сказались модные увлечения оккультизмом. Его духовный мир выражен в такой суггестивной манере, что завораживает и потрясает зрителя, не давая возможности вырваться за рамки своего магиче-

ского круга. Самая ранняя из этапных работ художника — "Долина грусти" (1908) — это исполненное вселенской духовной ностальгии видение: долина с пирамидальными вытянутыми холмами на заднем плане и тонкой фигурой женщины в белом под деревом на первом плане. Критикой картина расценивается как квинтэссенция настроений "конца века", сам же автор считал ее своим лучшим творением⁴³. Эзотерикой проникнуты историческо-библейские образы художника: сатанински усмехающийся "Ашурбанипал" (1910) и мистически таинственный Христос в "Нагорной проповеди" (1912). Медитативностью, полной отрешенностью от мира, магически передающейся зрителю, наполнены его женские погрудные изображения 1915 г. (знаменитая "Медитация" и "Дама в вуали"). Я. Зрзавый не избежал влияния кубизма, придавшего более четкие формы его кисти, но по сути оставшегося для него чуждым (та же "Нагорная проповедь", "Натюрморт с ландышами", 1913). У Я. Зрзавого равновесие содержания и средств выразительности ведет к большой роли композиции. Сюжет трактуется внелитературно, передавая принципиально не вербализируемое, лишь переживаемое состояние души, что связано с увлечением художника восточными духовными практиками. Первая персональная выставка Я. Зрзавого в 1918 г. (автору было только 28 лет) показала, что в его лице чешское искусство обрело самобытное явление мирового значения.

* * *

Начало XX в. — период в чешской культуре необычайно цельный, несмотря на обилие течений, направлений, стилей, несмотря на кажущуюся мозаичность и столкновение тенденций. Он имеет главный вектор, направленный в сторону новой культуры (модерность), обладает солидной теоретическо-эстетической базой. Все виды художественной культуры развиваются синхронно, даже в тесном взаимодействии. Развитие идет быстрыми темпами, модерность как выражение современной жизни получает общественное признание, новаторство расценивается как ценностное качество. Чешская модерность утвердилась как знак модернизации всего общества. Некоторые явления чешской культуры обрели мировое признание.

Такая ситуация в корне изменила положение творца культуры, ставшего из рупора общественных идей вырази-

телем художественной субъективности, автором-творцом. Реципиент культуры столкнулся с новым типом культуры, отличным от того, в системе которого воспитывались его отцы и деды. Отсюда ощущение ломки, беспокойства, переходности, кризиса, поиски новой системы ценностей.

Дальнейшей самоидентификации чешской культуры способствовала продолжающаяся конфронтация с чешскими немцами. Деятели чешской и немецкой культур в Праге, за исключением некоторых художников, не устанавливали прочных связей друг с другом. Сама же немецкая культура в Чехии, особенно в Праге, представители которой часто были евреями по национальности, что дает основания литературоведам говорить о пражской немецко-еврейской литературе как целостном феномене, была высокоразвитой, в особенности литература и музыка. В Праге существовала Немецкая опера, которой долгие годы руководил выдающийся дирижер и композитор А. Цемлинский, проходили премьеры новейших сочинений австро-немецких авторов. Особой темой немецко-еврейской литературы стала "мистическая Прага", давшая прекрасные воплощения в творчестве Г. Майринка, Л. Перуца, Э. Киша. Именно из этой среды вышел такой гений, как Франц Кафка, неотделимый от пражской атмосферы. Активные связи между чехами и немцами пытался наладить лишь Макс Брод, друг Ф. Кафки и почитатель Л. Яначека. Он выявлял параллельные явления в двух культурах, стремился их сблизить, но не очень преуспел в своем благородном деле.

Чешская культура этого времени дала огромное, дотоле невиданное, количество выдающихся творцов во всех областях. Исходя из качества и эстетической значимости можно утверждать, что не Национальное возрождение, а модерн стал подлинным возрождением креативной способности чешского народа в формах общеевропейской культуры, т.е. именно модерн осуществил программную установку Национального возрождения: реинтеграцию в европейскую культуру на основе создания на национальной почве художественных произведений всеобщей значимости. Тем самым модерн продолжил ряд наиболее художественно ценных эпох: Средневековье — Ренессанс — Барокко. Этому помог отказ от тотальной сконцентрированности на национальной проблематике при одновременном инкорпорировании патриотической идеологии в структуру новой культуры, что позволило чешской культуре выйти из круга провинциальности.

Словацкая культура начала XX в.

Словацкая культура в начале XX в. остается весьма провинциальной, ее социальные формы недостаточно развиты, что объясняется крестьянским характером словацкого социума, немногочисленностью интеллигенции, ее недостаточно высоким уровнем образованности. Сказывается отсутствие единого культурного центра и конфессиональная разобщенность. Культура мало дифференцирована. Ее общественные функции продолжают пониматься в духе Национального возрождения как прежде всего служение своему народу, его воспитание и просвещение, хотя в связи со спадом национального движения этноцентризм словацкой культуры претерпевает изменения: национальная идея грозит превратиться в пафосное клише, с другой стороны, появляются новые веяния, свидетельствующие об эмансипационных тенденциях культуры по отношению к идеологии. Сохраняется региональная разобщенность культурной жизни. Политическая деятельность словаков в Вене, Будапеште, Париже, США остается без особого отклика в самой Словакии, в государственно-правовом отношении никак не выделенной в Австро-Венгерской монархии ("верхние комитаты Венгерского королевства"). Идет активный процесс мадьяризации, чему особенно способствуют венгерские школы и административно-полицейские преследования деятелей словацкого движения. В таких условиях сохраняется литературоцентризм словацкой культуры, так как только словесность является единственной легальной формой выражения словацкой национальной идеи.

Литература рассматривает себя как носительницу традиции национального патриотизма, духовного просветительства нации⁴⁴. Общество также расценивает литературу как основного репрезентанта нации, поэтому национальная проблематика остается в центре художественного творчества. Ведущим направлением остается реализм, его "вторая волна". В то же время заявляют о себе новые тенденции, которые, однако, не порывают со старыми традициями полностью. Таким образом можно говорить о континуитете развития словацкой литературы, о преемственности поколений, об органическом восприятии новаций.

Один из руководителей Словацкой национальной партии (основана в 1870 г.) Светозар Гурбан-Ваянский (1847 – 1916) еще в XIX в. стал крупнейшим словацким писа-

телем-реалистом. В 90-е годы XIX в. его охватывают чувства разочарования, бессилия, бесперспективности. Стагнацию национального движения, которая вызвала эти чувства, писатель отразил в романе "Пустоцвет" (1893). В романе "Корень и побеги" (1896) Ваянский впервые в своем творчестве, уже получившем статус общепризнанной ценности, обратился к жизни крестьянства, которое он всегда рассматривал как "корень" нации, гарант ее существования. Эти "корни" нужно тщательно сберечь в ожидании лучших времен, уповая на Бога и надеясь на политическую помощь России. Эта идея выражена в поздней публицистике писателя и романе "Котлин" (1901)⁴⁵.

Крупнейшим поэтом зарекомендовал себя Павел Орсаг Гвездослав (1849 — 1921). Современная поэту критика делила его творчество, куда, кроме стихов, входит драматическая поэма "Ирод и Иродиада" (1909), на оптимистическую эпическую, в основном вдохновляемую жизнью простого народа, и проникнутую горечью лирическую, адресованную образованной части нации. Но в своем многообразном лирическом творчестве поэт уделял место и песне, стремясь придать новое дыхание этому угасающему жанру. Поэта интересуют переживания конкретной личности, соответствие быта и бытия, поиски высшей правды. Отсюда философские размышления в его поэзии. Гвездослав, всю жизнь проживший в глубинке, занимал активную гражданскую позицию. Он обличал богатых и власть имущих, стремился, уповая на Бога, к справедливому социальному порядку. Разрыв между идеалом и действительностью порождал у поэта чувства разочарованности, тщеты усилий. Для его стиля характерно сочетание интимности выражения с описательностью в реалистическом духе. Последний всплеск поэтического таланта Гвездослава — антивоенный сборник "Кровавые сонеты" (1914) и стихотворение "Молодая Словакия", в котором он воспел образование Чехословацкой Республики.

Особняком стоит Мартин Кукучин (1860 — 1928), значительную часть жизни проведший в других странах. Его крестьянская проза — "зарисовки с натуры", пронизанные юмором и лишенные романтической чувствительности. В то же время он восторгается патриархальностью деревни, сложившимся укладом крестьянской жизни. Кукучин учился в Праге, в 1893 г. уехал работать врачом в Далмацию, где сжил-ся с хорватской средой, в 1907 г. переехал в Южную Амери-

ку, вернулся в Европу в 1922 г. и жил в Югославии, хотя всегда считал себя словацким писателем.

На развитие словацкой культуры значительное воздействие оказала идея чехословацкого сближения, исходившая от Т.Г. Масарика и его реалистической партии. В Праге в 1896 г. создается общество "Чехословацкое единство", под воздействием которого находятся словацкое студенческое землячество "Детван" и журнал "Глас" (1898 — 1904), на страницах которого излагается новая литературная "гласистская" программа, сыгравшая неоднозначную роль в развитии словацкой литературы. Своим требованием конкретных, реальных дел, направленных на повышение уровня жизни словацкого общества, она вела к деидеализации крестьянской жизни в художественном творчестве, но, с другой стороны, утилитарным пониманием литературы она ослабляла национально-репрезентативное и социокультурное значение критерия художественности⁴⁶. В начале XX в. появляется несколько новых словацких литературных журналов, в том числе задававшие тон всей культурной жизни "Денница" (с 1907 г.) и "Пруда" ("Течения", с 1909 г.). Их основатель Ф. Вотруба стал ведущим критиком, близким по своим взглядам к партии Масарика. Как критик он считал, что должны сосуществовать две тенденции: социально-реалистическая и модернистско-символистская. Они и получили свое отражение в изданном им в 1909 г. "Сборнике словацкой молодежи". Так началась история течения, по аналогии с чешским получившего название "словацкого модерна", проявившегося особо отчетливо в поэзии.

В прозе господствовал критический реализм, впитывавший в себя влияния импрессионизма, натурализма, экспрессионизма. Критицизмом, беспощадным психологическим и социальным анализом процесса проникновения капитализма в крестьянскую страну проникнуты повести и рассказы Тимравы (Б. Слачикова, 1867 — 1951), полностью отказавшейся от идеализации крестьянского уклада. Йозеф Грегор-Тайовский (1874 — 1940) сформировал лицо словацкой прозы начала XX в. Для его стиля характерен очеркизм, документальность, почти полное отсутствие фабулы и действия, активность авторско-публицистического начала. Он критически исследует жизнь низов общества, социальная тематика определяет все его творчество. Основу национального реалистического театрального репертуара заложили его пьесы. Во время Первой мировой войны писатель, находясь на

фронте, сдался в русский плен. В России он активно участвовал в движении чехословацких legionеров, вернувшись на родину занялся политикой: был в руководстве Словацкой национальной партии, разделял доктрину чехословакизма, выступал против автономии Словакии. Расцвет его творчества приходится на предвоенные годы, когда он стал центральной фигурой "второй волны" словацкого реализма. Другой ее представитель — Янко Есенский (1874 — 1945) также близок словацкому модерну. Он прославился юмористическими, иногда жестко сатирическими рассказами. Особую группу составляют исповедальные рассказы на любовную тему, насыщенные внутренними монологами. В своих стихах он демонстрирует легкость, подвижность письма, ироничность. Его любовная лирика выглядит заземленной, в ней нет пафоса, но есть усмешка над меркантильностью, правящей теперь человеческими чувствами. Более традиционна гражданская лирика. В поэме "Наш герой" (1910 — 1913) показано измелъчание характеров и чувств людей новой эпохи. Я. Есенский, как и Й. Грегор-Тайовский, сдался в русский плен, стал legionером, в ЧСР занимал ряд административных постов, пропагандировал идею чехословакизма, поэтому не принял Словацкую республику 1939 г.

Поэзия словацкого модерна, кроме Я. Есенского, дала еще несколько крупных имен. Иван Краско (Я. Ботто, 1876 — 1958) развивался в чешской среде. Событием в словацкой литературе стал его сборник "Nox et solitudo" ("Ночь и одиночество", 1909). В нем сфокусировались новые черты, присущие европейской поэзии символизма (сецессии). Впервые по-словацки так сильно прозвучало субъективированное "я" поэта. В сборнике "Стихи" (1912), ставшем последним для И. Краско, проявились не только тоска и разочарованность, но и воля к "прояснению" души. Поэт принципиально гиперсамокритичен, он как бы взваливает на себя все грехи человечества. Одновременно он обращается к "корням", видя их в истории Великой Моравии. Иван Галл (1885 — 1955) — автор утонченной лирики, его стиль подчеркнуто артистичен, очень близок к символизму. Владимир Рой (1885 — 1936) выразил внутреннюю раздвоенность молодой словацкой интеллигенции: изысканная субъективная лирика сочетается у него с патетикой гражданской поэзии. Проза словацкого модерна наполнена мучительной рефлексией, психологичностью. Рассказы (микроновеллы) Я. Есенского, И. Краско, И. Галла отличаются бессюжетностью, ис-

поведальностью, мучительностью переживаний героев. Словацкий модерн резко оборвался в годы Первой мировой войны: закрывались журналы, писатели уходили на фронт. Несмотря на не очень долгое существование словацкий модерн ввел словацкую литературу в контекст европейского художественного развития и поднял ее, особенно поэзию на родном языке, до уровня литератур соседних народов.

Словацкая литература, как и вся культура этого времени, тяготела к двум полюсам. С одной стороны, это Прага с ее развитой, по-европейски интенсивной культурной жизнью, с другой — Россия как образец славянской страны, создавшей великую литературу и любящей "славянских братьев", помогающей им. Панславизм в словацкой культурной среде расценивается положительно, он воспринимается как гарантия от мадьяризации. Большое влечение молодые словаки, по примеру Масарика, испытывают к учению Льва Толстого, очень хорошо ложащемуся на проблемы крестьянской страны. "Гласист" Душан Маковицкий уезжает в Россию и становится в 1904 г. личным врачом Л. Толстого, его секретарем и последователем. До этого в Словакии он активно пропагандировал учение Л. Толстого, издавал библиотечку для народного чтения, опубликовал словацкий перевод романа "Воскресение" еще до выхода его в свет по-русски, переписывался с писателем. Маковицкий оставался в Ясной Поляне до 1920 г., вернувшись на родину он испытал тяжелейший душевный кризис и покончил с собой. Посмертно в Москве вышли его ценнейшие мемуары, написанные по-русски — "Яснополянские записки" (1923).

Театральное искусство продолжало страдать от отсутствия профессиональной сцены. Господствовал любительский театр с его непривлекательным репертуаром — водевилями, комедиями в одном действии, сценками из жизни. Любимым драматургом такого театра стал плодовитый Ферко Урбанек. Центром любительского театра стал Мартин, где в 1889 г. открылся Национальный Дом, в котором выступали актеры-любители во главе с Андреем Галашой, адвокатом по профессии. Энтузиазм труппы, любовь к театру несколько искупали поверхностный репертуар; развитие театра тормозилось также людоедами, не поощрявшими, исходя из католических позиций, развитие искусства представления, опасаясь "порчи нравов".

С 90-х годов XIX в. можно говорить о зарождении собственно словацкого современного искусства. Организацион-

но оформляется художественная жизнь: в 1903 г. в Жилине после громкого успеха словацких живописцев на Верхневенгерской промышленной выставке основывается "Группа венгерско-словацких живописцев", лидером которой стал чех Я. Аугуста. Ведущей фигурой новой словацкой живописи, пришедшей к импрессионизму и постимпрессионизму, становится Густав Маллы (1879 — 1952), получивший образование за границей. В новом стиле широкой, свободной живописи он изображает жизнь трудового народа. Э. Пацовский — идеолог "Группы" — более ориентировался на традиционный реализм⁴⁷. Такое сочетание социальной тематики с новым живописным языком соответствует аналогичному явлению в литературе словацкого модерна.

Музыка продолжала ориентироваться на романтизм и фольклор. Музыканты состояли на службе церкви или государства (в школах). Поэтому они с запозданием включились в процесс модернизации словацкой культуры. Собственно музыкальные организации были в руках венгров и немцев. Словацкая музыка оставалась любительской. Ее пропагандистом выступали хоровые объединения, деятельность которых, однако, наталкивалась на массу непреодолимых трудностей. Новое поколение словацких композиторов, не отказываясь от национально-просветительской программы, стремилось преодолеть ее тесные рамки, создавая произведения чистой, непрограммной музыки. До 1918 г. это поколение в лице М. Шнайдера-Трнавского, В. Фигуша-Быстрого, М. Мойзеса, Ф. Кафенды уже заложило основы профессионального развития словацкой музыкальной культуры, прежде всего композиторского творчества.

В целом культура словаков в начале XX в. еще только становилась на путь модернизации. Впереди шла литература. В других сферах культуры еще предстояло создать профессиональные школы и организации.

Культура Чехословакии в межвоенный период

С возникновением Чехословацкой республики (ЧСР) в 1918 г. условия развития культуры изменились. Была выполнена задача создания самостоятельного государства чехов и словаков, причем демократического. Идеология нового государства в целом опиралась на философию и социологию его

первого президента Т.Г. Масарика, основные положения которого были выработаны задолго до 1918 г. и значительно укоренились в чешском обществе. Для культурного развития было важно то, что официальная идеология государства рассматривала культуру как наследницу прогрессивных идей Национального возрождения и гуситской традиции. Эти доминанты историко-культурного сознания обусловили демократический характер развития новой культуры, ее ориентацию на национальную традицию и одновременно открытость новейшим европейским тенденциям, социальную отзывчивость. Последние факторы обусловили превалирование авангардизма, окрашенного социально, что составляет специфику чешского межвоенного модернизма. Левые формы искусства подкреплялись левой политической ориентацией его творцов, что приводило к конфронтации с официальной доктриной, казавшейся уже консервативной и традиционалистской. Диалог левой творческой интеллигенции с масариковцами, несмотря на всю свою остроту, был полезен обеим сторонам.

Можно утверждать, что в независимой Чехословакии культура переживала период расцвета. Этому во многом способствовало то, что в период независимости чешская культура вступила на подъеме, начавшемся еще в 90-е годы XIX в. До 1918 г. она уже прошла стадию самоутверждения как национальная культура, создающая художественные ценности европейского уровня. Поэтому культуре ЧСР уже не надо было "доказывать себя" себе самой и Европе. Открытый характер чешской и словацкой культур лишь подчеркивал эту ситуацию, укрепляя связи с европейской культурой. Сама чешская культура была уже глубоко дифференцированным, сложным и развивающимся организмом.

Внутри новой страны сказывалась разница между уровнем развития чешской и словацкой культур. Последняя еще находилась на стадии утверждения своей идентичности, шли поиски "национального стиля", стояла задача резкого повышения образовательного и профессионального уровня. В таких условиях чешская культура, безусловно, стала, как во многом было и раньше, образцом для словацкой, оказывая благотворное влияние и помощь. Здесь двоякую роль сыграла идея чехословакизма. Учение Масарика о "едином чехословацком народе, разделенном на две ветви", с одной стороны, препятствовало дальнейшей самоидентификации сло-

ваков, их культурной специфичности, с другой стороны, оно "выравнивало" отсталую Словакию, подтягивало до общеевропейского уровня, которого словацкая культура в итоге и достигла примерно к середине XX в., не утратив своей специфичности.

Чешская культура 1918–1939 гг.

В ЧСР актуальными стали задачи национального культурного строительства, чему большое внимание уделяли государственные и правительственные органы. Благодаря плавному переходу австрийского чиновничества на службу новому государству была сохранена преемственность развития (эволюция, а не революция, в полном соответствии с доктриной Масарика) культурных учреждений. Все силы политической жизни поддерживали новое государство, что вело к консолидации общественных и культурных сил. Увлечение русской революцией 1917 г., которое было довольно сильно в среде левой творческой интеллигенции, носило скорее поверхностно-эстетический характер как демонстрация своего перманентного экзистенциального бунта, тем более, что правда о событиях в России была малодоступна, а сама русская революция рассматривалась в абстрактных категориях борьбы за справедливость, правду, гуманизм, против капиталистической и любой другой эксплуатации. Революционность чешской интеллигенции не была радикальной по сути, она была направлена не на тотальное разрушение старого, а на создание нового, социально справедливого и гуманного, поэтому в чешской левой культуре так сильно позитивное начало, а сквозь радикальную левизну формы постоянно сквозит традиционный чешский демократизм, что позволило чешскому авангарду не оторваться от массового реципиента культуры и сделать авангардную традицию весьма устойчивой и длительной.

В 20-е годы резкая политизация общественной жизни приводит к тотальной политизации прессы: не только газеты, но и журналы, рассчитанные на интеллигенцию, отражают позиции конкретных политических кругов. Широчайший спектр прессы выражает понимание принципа свободы слова в многопартийном обществе, что в целом может служить показателем развитости и дифференцированности не только чешской политической культуры, но и журналистики. В ней большую роль играют левые литераторы, уже ра-

нее создавшие себе имя, как С.К. Нойман, или только начинающие, как Ю. Фучик. Левые радикалы образовали в 1920 г. творческий союз "Деветсил", душой и организатором которого стал Карел Тайге, издававший ряд левых журналов. Ведущим публицистом и вершиной чешской эссеистики стал Фердинанд Пероутка — свободомыслящий комментатор общественной жизни, развивавший традиции чешской журналистики гавличевско-нерудовского типа. С 1924 г. он издавал еженедельник "Пршитомност" ("Современность"), во многом посвященный литературе и искусству. Высокую традицию чешской книжной культуры развивало издательство "Мелантрих", принадлежавшее Национальной социалистической партии, и ряд частных издательств. Сформировался общий высокий культурно-художественный уровень чешской публики. Модерность уже воспринимается как положительная ценность, что позволило получить признание и широкую известность многим творцам культуры. Востребованность современного искусства свидетельствует о динамическом характере культурного развития и поднятии общего уровня восприятия культурных феноменов. В этом деле огромную роль продолжал играть стареющий Ф.Кс. Шальда, а также новое поколение критиков — А. Новак, К. Тайге и др.

Возникновение самостоятельного государства требовало реорганизации системы образования, которая начала проводиться на демократических основах с 1922 г., когда был принят закон о школах. Провозглашалась равноценность и синхронность школьного обучения на всей территории страны, вводился базовый стандарт образования, которое можно было продолжать в городских реальных гимназиях, затем в университетах. Равное образование для девочек наконец получило признание. Школа постепенно становилась государственной, в ней акцент делался на изучение родного языка, вводилась физкультура, изучение основ религии становилось факультативным. Подчеркивалась приверженность новой чешской педагогики наследию "учителя народов" Я.А. Коменского. Большой вклад в развитие прогрессивной педагогики внес Франтишек Дртина — первый госсекретарь министерства образования, философ, политик, друг Масарика, разработавший еще в 1902 г. программу гуманизированного воспитания, положенную затем в основу школьной реформы 1922 г. Ее цель — формирование сознательного гражданина-республиканца, преданного нацио-

нальным и общедемократическим ценностям, занятого органическим трудом на благо человека и общества, была достигнута уже перед Второй мировой войной, что доказывает неприятие новыми поколениями чехов, сформировавшимися уже в ЧСР, фашизма и нацизма.

Значительно увеличилось число высших школ, в 1919 — 1920 гг. прибавилось несколько технических и сельскохозяйственных вузов, был основан университет им. Масарика в Брно, Гуситский богословский факультет в Праге. Католический характер сохраняла высшая школа в Оломоуце. Продолжал существование немецкий университет в Праге, поскольку немецкое меньшинство в ЧСР, несмотря на высокий процент эмиграции после 1918 г., оставалось чрезвычайно значительным. Для эмигрантов из бывшей Российской империи в Праге при государственной поддержке были созданы Русский и Украинский (с белорусским отделением) университеты, в которых трудилось много видных ученых. Расцвету гуманитарных наук в ЧСР также способствовали научные учреждения, включая основанные по инициативе Масарика Славянский и Востоковедческий институты.

В сфере художественной культуры определяющим оставался модернистский дискурс, достигший своего апогея в авангардизме 20-х годов, однако существовала пестрая шкала явлений, течений, направлений, придававшая чешской культуре необходимое разнообразие и богатство, свидетельствующее о ее высокоразвитости. Очень многие явления культуры, не будучи авангардными, тем не менее сочетали в синтезе традиционные и инновационные черты, что в целом придавало современной чешской культуре большую жизненность и гуманистическое измерение при использовании новейшего арсенала выразительных средств. В словесности задавала тон журналистика, ее влиянием отмечена и беллетристика. Чешская литература межвоенного периода не только закрепила свой европейский уровень, но в лице Я. Гашека, К. Чапека и "поэтистов" дала вершинные явления мировой литературы.

Ярослав Гашек (1883 — 1923) уже в 18 лет приобрел славу блестящего фельетониста. Находясь под влиянием анархизма, молодой Гашек ведет эпатазирующий образ жизни, становится "королем пражской богемы", завсегдатаем пивных, где он в основном и сочинял свои произведения в шумной и веселой компании друзей. Писать Гашек мог всегда и везде,

Я. Гашек (третий слева) с членами Исполкома "Партии умеренного прогресса", 1911

при любых обстоятельствах. При этом он не обрабатывал услышанное или увиденное, а все выдумывал сам, но облачал это в форму традиционного анекдота. Серьезным розыгрышем было создание фиктивной "Партии умеренного прогресса в рамках закона", от имени которой писатель даже издавал всяческие документы. Его сатира (фельетоны в пражских газетах) была актуальна, социально окрашена и больно ранила адресатов, хотя и не поднималась до высокой степени обобщения.

Она была достигнута в романе "Похождения бравого солдата Швейка" (1920 — 1923), сделавшем чешского солдата неотъемлемой частью галереи образов мировой сатиры. Созданию сложного, амбивалентного образа Швейка способствовал многогранный жизненный опыт автора. Гашек добровольцем пошел на Первую мировую войну, получил медаль "За храбрость", но вскоре сдался в русский плен, что давно задумал, поскольку, как многие чехи и словаки, любил русскую культуру и хотел "жить по-русски" в стиле персонажей ранних произведений М. Горького. В плену он не при-

мкнул к движению чехословацких легионеров, а после Октябрьской революции 1917 г. стал большевиком, комиссаром чехословацкой красноармейской роты. В Сибири Гашек издает большевистские газеты, основывает и редактирует первую газету на бурятском языке, которого, конечно, не знал. С октября 1918 г. Гашек занимал посты в политотделе Красной Армии. В 1920 г. партия направила Гашека на родину, но чешские коммунисты его не приняли, да и сам Гашек, как кажется, разочаровался в их идеалах. Он возвращается к богемной жизни, обещая написать роман о своем комиссарском прошлом, и действительно начинает писать большое произведение, но о простом чехе, волею событий оказавшемся в солдатском мундире. Доказано, что существовал реальный прототип Швейка, хотя в "бравом солдате" есть и черты самого, в общем-то загадочного, автора⁴⁸. Публикацию начальных глав романа предварял еще один розыгрыш — невиданная по наглости рекламная кампания "романа века". Парадоксально, но шуточная самореклама ("первая чешская книга, переведенная на важнейшие языки мира", "лучшая юмористически-сатирическая книга мировой литературы, издаваемая тиражом 100 тыс. экземпляров") вскоре после смерти автора стала реальностью. Роман, печатавшийся по главам, остался незаконченным: Гашек умер в провинции, истощив себя работой и алкоголем.

Специфический чешский юмор и едкая сатира на глупость, будь она политическая или бытовая, обеспечили популярность роману, а образ Швейка с его внутренним "пофигизмом" и внешней покорностью обстоятельствам, плачевные последствия которых герой избегает благодаря своей придурковатой хитрости, с его органическим неприятием пафосных идей стал восприниматься как воплощение чешского национального характера. Однако последнее отрицалось и отрицается частью чешской литературной критики, видящей в Швейке гнусную пародию на чешский характер, своеобразный национальный нигилизм. По форме роман о Швейке представляет собой цикл анекдотов и фельетонов, продолжающий традиции жанра плутовского и сатирического романов прошлого, но в чешской литературе отсутствовавших. Каждый эпизод романа — это абсурдистский анекдот, поскольку абсурдность ситуации и поведения вызвана абсурдом тех идейно-политических установок, которые несовместимы с нормальной жизнью. Это искажение кроется в войне, выявляющей и обостряющей общую бессмыслицу

человеческого существования. Но абсурдизм Гашека не мрачный, он шутовской, веселый, театрализованный, даже карнавальный, что хорошо вписывается в мировую тенденцию к абсурдизму, наметившуюся именно в 20-е годы XX в. прежде всего в славянских и, шире, центральноевропейских литературах.

Другой подход к войне обозначили писатели-легионеры, создавшие целую романную эпопею о чехословацких легионах в России, их участии в русской революции и Гражданской войне, возвращении домой через весь мир, трудностях вживания легионеров в новые условия на родине. Это романы Рудольфа Медека (1890 — 1940), Йозефа Копты (1894 — 1962), Франтишка Лангера (1888 — 1965), чьи пьесы получили международную известность. Последовательно левая позиция приведет его в 30-е годы к соцреализму и антифашизму. Простотой, реалистичностью отличаются военные рассказы Яромира Йона (1882 — 1952). В целом тема войны и образования национального государства, хотя и была широко представлена в литературе межвоенного двадцатилетия, а памятники павшим были установлены во всех относительно крупных населенных пунктах, не стала ведущей темой чешской культуры, может быть потому, что основные события, кровавые сражения, поход легионов не затронули собственно чешскую территорию и основную массу населения.

Вторая вершина чешской литературы и всей культуры — Карел Чапек (1890 — 1938), оказавший, вместе с братом Йозефом, существенное воздействие на культурный облик межвоенного двадцатилетия, а благодаря своей широкой известности за границей ставший главным репрезентантом новой чешской культуры во всем мире, о чем свидетельствует его выдвижение на Нобелевскую премию. Творчество К. Чапека очень разнообразно: равное место в его наследии занимают юмористический рассказ и фельетон, социально-фантастические произведения, философские притчи, антитоталитаристские романы и пьесы. В этом ему помогло сочетание философского образования и многолетней журналистской работы, которое позволило прийти к убеждению, что "познание относительности знания ведет к толерантности и постоянному стремлению улучшить мир вокруг нас", ставшему кредо писателя⁴⁹. Каждый персонаж его произведений по-своему прав, однозначного решения проблемы не существует, а истина — труднонаходима, однако это не отменяет

Президент Т.Г. Масарик и писатель К. Чапек. 1931

общегуманистические принципы, не приводит к релятивизму и скептицизму. В содружестве с братом Йозефом они придумали механических людей — роботов, положив тем самым начало теме технических монстров, их войне с людьми, ставшей благодаря американскому кинематографу ведущей темой культуры конца XX в. Кстати, К. Чапек был одним из первых теоретиков кинематографического искусства. Техногенной цивилизации будущего и ее опасностям посвящены многие его социально-фантастические произведения. Он считает, что главная задача науки и техники — не расширение до бесконечности человеческих возможностей, что само по себе таит угрозу человечеству, а забота о сохранении жизни. Еще в 20-е годы он предсказал ядерный взрыв и осудил идею счастливого будущего той части человечества, которая уцелеет после атомной катастрофы. Футурология К. Чапека, несколько обогнавшая свое время, приобрела чрезвычайную актуальность в конце столетия. Естественно, что он опасался фашизма и предупреждал о скрытых в нем опасностях, видя в его наступлении величайшую культурную катастрофу в мировой истории, о чем предупредил в фантастическом романе "Война с саламандрами" (1936), где сплавлены элементы многих жанров от фельетона до прит-

чи. Неожиданно для К. Чапека, роман назидателен, так как предупреждает об опасности абсолютизации гуманистических ценностей, открывающей дорогу тоталитаризму и примитивизации культуры. В радиообращении к народу в сентябре 1938 г. К. Чапек призвал к духовной, нравственной мужественности, которая поможет выдержать все исторические испытания. И правая чешская печать, и партия чешских немцев требовали расправы над писателем. "Мюнхенское соглашение" подтвердило правоту К. Чапека, но и свело писателя в могилу. Сразу после германской оккупации Чехии в марте 1939 г. гестапо пришло арестовать уже к тому времени умершего писателя. Это была реальная фантазмагория в духе созданных К. Чапеком мрачных сатир⁵⁰.

В литературе, конечно, продолжали присутствовать авторы предыдущего поколения, издававшие свои новые произведения (Й.С. Махар, А. Сова, К. Томан, Ф. Шрабек, К. Чапек-Ход и др.). Но уже не они определяли развитие литературы. Инициатива перешла к следующему поколению. В каком-то смысле связующим звеном стало многогранное творчество Иржи Магена (1882 — 1939) с его анархическим бунтом, буйством фантазии, любовью к дикой природе, ироничностью ("либретто для кинематографа" "Гусь на веревочке", 1925). Маген был видным представителем чешской литературы в Моравии, которая стремилась учитывать "местный колорит", использовать моравские говоры. Все это в сочетании с юмором, насмешкой, мастерством рассказчика присуще другому представителю этого поколения Рудольфу Тесноглидеку (1882 — 1928), чья "Лисичка-плутовка" (1920) вошла в первый ряд чешской смеховой культуры. Более молодое поколение организовало в Брно в 1921 г. "Литературную группу" с расплывчатой прогрессистской программой ("культ нравственных ценностей, любви, гуманизма, революция людских сердец"⁵¹), что позволило на время соединить очень разных писателей и поэтов, входивших в литературу (Ф. Гётц, Й. Халоупка, Б. Стейскал, С. Кадлец, З. Калиста, Й. Кнап, И. Волькер и др.).

Особую линию в чешской прозе представляло творчество левых ("пролетарских", как они себя называли) писателей. Социальная направленность их произведений, однако, не превращалась в партийно-политическую ангажированность, она сочеталась с виртуозным владением стихотворной формой и словом. Иван Ольбрахт (1882 — 1952) начал как автор историческо-психологических романов, в 20-е годы

занимался коммунистической пропагандой, писал репортажи, рассказы, агитационный роман "Анна-пролетарка" (1926). Затем он открыл для чешской культуры Подкарпатскую Русь (территория, подмандатная ЧСР) с ее архаической славянской культурой и необычайно красивой природой, контрастировавшей с нищетой населения: роман-эпос "Никола Щугай, разбойник" (1933) — это одновременно и крестьянская, и социально-критическая, и балладно-эпическая, и модернистско-остраненная проза. Самым радикальным экспериментатором в чешской прозе стал другой писатель-коммунист Владислав Ванчура (1891 — 1942), что, очевидно, и помешало ему приобрести мировую славу, так как его тексты крайне трудно переводимы на другие языки. В. Ванчура прежде всего мастер слова и формы. Он создает свою, новую языково-пространственную реальность по законам модернистской парадигмы. В его творчестве не отразились партийные пристрастия, очевидно, он остро ощущал несовместимость коммунистической идеологии, которую отставлял, с пониманием искусства как автономной сферы творчества, развивающейся по своим собственным законам. Главные, этапные романы Ванчуры — своеобразный роман-притча о современном Иове "Пекарь Ян Маргоул" (1924), "Поля пахоты и войны" (1925), иронично-поэтический "Капризное лето" (1925), баллада о любви в кровавое время феодальных войн "Маркета Лазарова" (1931), социальный гротеск "Конец старых времен" (1934), и, наконец, пронизанные историко-патриотическими идеями "Картины истории чешского народа", созданные для укрепления духа нации накануне фашистской оккупации (1939 — 1940), в ходе которой он был казнен. Герои В. Ванчуры — люди неординарные, странные; сами произведения наполнены открытым драматизмом. Писатель тяготел к новому искусству кино, создавая фильмы; в самой его прозе прослеживается композиционное мышление, близкое кинематографу⁵².

Традицию чешской прогрессистской "женской прозы" продолжили две левые писательницы с весьма разной манерой повествования. Для романов Марии Майеровой (1882 — 1967), таких как "Лучший из миров" (1923), "Сирена" (1935), "Шахтерская баллада" (1938), характерны полиаспектный охват действительности, мощная суггестия социально направленного, реалистического по сути повествования о людях труда, отсутствие сентиментальности, внимание к социальным последствиям индустриализации. Проза

Марии Пуймановой (1893—1958) более камерна, психологична. Она анализирует судьбы женщин из высших городских слоев, их приход к левым убеждениям, но также стремится дать панораму социоэпического характера, своеобразную хронику чешской жизни в эпоху индустриализации ("Люди на перепутье", 1937, после войны последовали две другие части трилогии — "Игра с огнем" (1948) и "Жизнь против смерти" (1952), более слабые).

В 20-е годы на позиции коммунизма становится группа так называемых "пролетарских поэтов" во главе с С.К. Нойманом, редактором журнала "Червен" ("Июнь"). Она страстно пропагандирует идеи Октябрьской революции в России, понимая их абстрактно, вне связи с реальностью русской революции. Из утонченного эстета и футуриста Нойман превращается в автора "Красных песен", (1923), славящих большевизм, однако его поэзия не ограничивается агитационным пафосом и риторикой, он создает любовную и философскую лирику большой человеческой глубины и силы. Для молодых поэтов 20-х годов он был настоящим авторитетом, указывающим направление творчества. Он разрабатывает идеологию "пролетарской поэзии", считая, что она должна выражать мир чувств рабочего человека и служить его революционному освобождению. К счастью, творческая практика "пролетарских поэтов" была гораздо многообразнее. Наиболее талантливый из них Иржи Волькер (1900—1924) стал культовой фигурой целого поколения. В его образно сложной поэзии идеологема борьбы со старым миром и утверждение новых ценностей пропущена сквозь призму глубоко лирического восприятия и воплощена через традиционную символику (библейские мотивы сборника "Гость на порог", 1921). Одновременно И. Волькер пишет манифест "Пролетарское искусство", вступает в КПЧ. Коммунизм И. Волькер понимал как воплощение гуманизма³³, как апогей культурного развития человечества, поэтому новая образность у него органически развивает и дополняет традиционный европейский культурный код. В стилистическом отношении "пролетарская поэзия" обращалась к "новой конкретности", объективации эмоций, прямой действительности. Симпатии к русской революции привели к организации в 1925 г. Общества экономического и культурного сближения с СССР, руководителем которого стал З. Неедлы.

В середине 20-х годов появляется поэтизм — специфически чешская интерпретация "синтезного модернизма",

"отцами" которого стали критик К. Тайге и поэт В. Незвал, а печатными органами — журналы "Диск", "Пасмо", "Ред". Организационно поэтисты были сосредоточены в обществе "Деветсил" — центре всех левых течений. Поэтисты создавали новаторское искусство, свободное от прямого выражения идеи, но в то же время сохраняющее общую левую ориентацию. Они произвели "разделение труда" между политиками и поэтами, освободив поэзию от идеологическо-воспитательной функции. Интеллектуализму они противопоставляли интуицию, романтическо-сецессионной эмоциональности — конкретику чувств. Они умели видеть прекрасное в каждом проявлении жизни, в самом ее течении и радоваться этому, иногда по-детски. Поэтому они чрезвычайно ценили игровое начало в культуре, которое ярче всего проявляется в "низких" жанрах искусства — цирке, балагане, кино, эстраде, джазе, детских играх, лубке, анекдотах, детективах и приключениях. Возвышение "низкого", раскрытие его неожиданных смыслов или наделение его новыми, несвойственными ему значениями делает поэтизм продолжателем чешской демократической традиции, в то же время приближая его к таким типологически схожим течениям европейского авангарда, как дадаизм и сюрреализм. Поэтизм, однако, отличается от них светлой, радостной, "эпикурейской" эмоциональной окрашенностью. Поэтизм был подготовлен витализмом и цивилизмом двух предшествующих десятилетий, он близок игровой составной части ведущего течения в чешском искусстве — кубизма, поэтому так органически входит в главную линию развития чешской культуры. Своим вниманием к иррациональным основам экзистенции, открытием ценностей в "низком" поэтизм подготовил свое сближение с сюрреализмом, который в начале 30-х годов становится новым авангардным направлением всей чешской культуры. Поэты-поэтисты плавно становятся сюрреалистами. В. Незвал в 1934 г. основывает "Группу чешских сюрреалистов". Однако строгой приверженности одному "изму" у них нет, их творческий горизонт гораздо шире, он вмещает "тысячи прекрасных вещей" быстротекущей жизни и выражает их в разных литературных жанрах от абсурдистской драмы до реалистического романа, от сентиментальной истории до бессюжетной прозы, причем все это многообразие может быть вмещено в одно произведение. Таким образом всякая теория является релятивной, решающим фактором служит

индивидуальный "творческий дух", выражающий абсолютную свободу творчества⁵⁴.

Главной фигурой поэтизма был Витезслав Незвал (1900 — 1958), воплотивший в своем творчестве его программу и свойственный ему открытый тип творческого восприятия. Сам В. Незвал воплощал в себе модель поэтизма с его пониманием жизни как радостной игры, что особенно характерно для сборника "Удивительный волшебник" (1922). Несмотря на декларируемую верность идеям коммунизма, в поэзии Незвала нет политизации. Его лирика свидетельствует о постоянном обновлении, о способности выражать все многообразие человеческих чувств, ситуаций, фантазий. Он не боится банальностей, защищая здоровый гедонизм, и не боится визионерской сложности, воплощая сюрреалистический дискурс. Он очаровывает читателя виртуозностью слова, будь то традиционный или свободный стих. Поражает изобретательность и какая-то осязательная конкретность его образов. Философична, полна размышлениями о современности и прославлением жизни во всех ее формах поэма "Эдисон" (1928). Наиболее сюрреалистичны сборники "Прага с пальцами дождя" (1936) и "Абсолютный гробовщик" (1937). Предчувствием катастрофы проникнуты "Мать Надежда" (1938) и "Пять минут за городом" (1940). В социалистической Чехословакии Незвал почитался как признанный мастер. Он не устает удивляться и радоваться жизни, славит новую действительность, пишет "Песнь мира" (1950). Себя поэт считает пережившим внутри своего творчества всю историю мировой поэзии⁵⁵.

Сложнее был творческий и жизненный путь другого поэта — Константина Библа (1898 — 1951). Он эволюционировал от "пролетарской поэзии" к сюрреализму, но у него всегда встречались чувства горечи, болезненного разочарования, являвшиеся оборотной стороной гедонизма. Универсализм творчества — главная тема его лучшего произведения "Новый Икар" (1929). Человек коммунистических убеждений, Библ, столкнувшись после 1948 г. с их реальным воплощением, не выдержал и добровольно ушел из жизни. Ярослав Сайферт* (1901 — 1986) начинал как "пролетарский поэт" ("Город в слезах", 1920), был увлечен поэтизмом ("На волнах Т.С.Ф.", 1925), но свой почерк обрел в интимной ли-

* Именно так по-чешски звучит его фамилия, которую по-русски пишут как Сейферт.

рике песенного характера ("Почтовый голубь", 1929). Побывав в 1925 г. в СССР, Сайферт может быть первым из чешских левых почувствовал, что большевистская революция — это совсем не то, о чем грезилось чешским радикалам ("Соловей поет плохо", 1926). В его последующем творчестве возвращаются мотивы родного дома, чешского пейзажа, дружбы, радости жизни. Сайферт был большим мастером лирического видения повседневности, певцом высоких и простых истин. Он как свой воспринимал исторические события, связанные с судьбой народа и государства, поэтому создал лучший словесный реквием Масарику — сборник "Восемь дней" (1937), стал антифашистом, а затем с болью воспринял и отразил поражение "Пражской весны" 1968 г. Присуждение ему в 1984 г. Нобелевской премии (единственный чех, удостоенный этой награды) поэт справедливо воспринял как запоздалое мировое признание ценности чешской поэзии межвоенного периода.

Большим мастером стиха проявил себя Йозеф Гора (1891 — 1945). Он дольше других поэтов оставался в плену "пролетарской поэзии", поскольку революция означала для него торжество справедливости. Однако затем, избежав увлечения поэтизмом, что отличает его от других левых поэтов, он переходит на позиции отстаивания "вечных ценностей", используя приемы "тихой лирики", выражая тонкие душевные состояния, а в конце 30-х годов обращается к народно-демократическим мотивам. Очень характерен для идейной атмосферы чешской поэзии обмен строчками двух ведущих поэтов. На утверждение Й. Горы о том, что "Выше красного знамени развевается знамя вечности", ответил С.К. Нойман: "Под красным знаменем совершаются все события"⁵⁶.

"Поэтами трагического пафоса" обычно называют Ф. Галаса, В. Голана, В. Заваду. Франтишек Галас (1901 — 1949) сосредоточен на горестях жизни, мучительности процесса творчества, дисгармонии бытия. Но он также социально отзывчив, а гуманное отношение к человеку позволило ему, может быть как никому в европейской поэзии, увидеть позитивные стороны женской старости ("Старые женщины", 1935). Владимир Голан (1905 — 1980) — поэт замкнутый, размышляющий о вечных проблемах бытия. Вилем Завада (1905 — 1982) ощущает грядущую катастрофу, для него поэзия — это средство выразить душевную боль, горечь, страдания. Этим поэтам, вышедшим из лона поэтизма, свойст-

венна чрезвычайно усложненная форма стиха, активное внедрение неологизмов, архаизмов, сложных метафор, использование приемов барочной поэзии. "Темный" язык они предпочитают понятной банальности выражения. Но постепенно, в связи с опасностью для народа и государства и ростом антифашистских настроений их поэзия объективизируется и обретает мощное политическое звучание, обращаясь к чешской традиции.

В 1934 г. возникло Общество чешских писателей (руководитель Й. Гора), имевшее целью профессионально объединить литераторов разной идейно-художественной ориентации. Горизонт чешской межвоенной литературы был столь широк, что его не может закрыть даже такой феномен, как "левая" литература, организационно и идейно, весьма сплоченная, а эстетически безусловно ценная. Правда, в 30-е годы и в ней наметилось серьезное художественное размежевание: почти одновременно (в 1934 и 1935 гг.) возникают Группа сюрреалистов В. Незвала и "Блок — литературная группа социалистических реалистов в ЧСР", руководимая марксистским критиком Б. Вацлавком, куда входили Курт Конрад, Ф. Нехватал, Я. Нога, И. Тауфер, П. Илемницкий, затем к "Блоку" присоединились такие мастера пера, как С.К. Нойман, И. Ольбрахт, М. Майерова, М. Пуйманова, Я. Кратохвил, К. Новый. Таким образом можно говорить о соцреализме в чешской литературе как о влиятельном художественном направлении. На противоположном полюсе находились католические авторы. Они не обладали большим влиянием в чешском межвоенном обществе, внецерковном, идеологически основанном на взглядах Масарика, коренившихся в протестантско-гуситской традиции. Это делало писателей-католиков оппозиционерами, противопоставлявшими католические ценности, прежде всего преданность своей вере, родной земле и стремление к Абсолюту — демократической, поэтому плюралистической шкале ценностей. Неприятие официоза, пропаганда художественными методами своей идейной позиции сближала их, как это ни парадоксально, с писателями-коммунистами. Об этом свидетельствуют и личные связи: близким другом И. Волькера был З. Калиста — будущий активный католик, поэт, историк культуры барокко, а Ф. Галас одно время жил в одной комнате с Я. Заградничком, причем над постелью каждого висело по "своей иконе" — соответственно Ленин и Дева Мария⁵⁷.

Католические авторы объединяются вокруг журналов "Твар" ("Образ"), "Ржад" ("Порядок"), "Акорд", книжного издательства Й. Флориана. Их эстетика противопоставляет себя авангардной, эксперименту они предпочитают правдивость и эмоциональность. Крупнейшим поэтом этого круга был Ян Заградничек (1905—1960) — певец темы "смерти и просветления", генетически восходящей к сецессии и дальше — к раннехристианской апологии страдания как средства просветления души ("Искушение смерти", 1930), перешедший затем к прославлению жизни во францисканском духе, к воспеванию родной земли, ее сакральности и повседневности. Стих Я. Заградничека — мощный, гимнического склада, но далекий от проповеднического пафоса.

Жизнь деревни стала темой писателей-руралистов, воспевавших остатки патриархального быта, связь человека с землей как противостояние от сатанизма урбанизации, разлагающей человеческую душу. Рураллисты опубликовали книгу со своими литературными портретами — "Поэты сельской жизни" (1932) и коллективный сборник "Лицом к деревне" (1936). Теоретические основы рурализма разрабатывал критик А. Матула ("Философия деревни", 1925). Идеологически рураллисты были связаны с Аграрной партией, претворяя ее лозунг "Деревня — одна семья" в художественные образы, что порой приводило к схематичности, тем более, что писатели видели процесс расслоения деревни. Психологом в исследовании отчуждения от деревни новых поколений показал себя Йозеф Кнап (1900—1973), а Франтишек Кршлина (1903—1976) был более склонен к католическому нравоучительству, как и Ян Чеп (1902—1974), который вышел на более высокий, экзистенциальный уровень обобщения "вечных тем". Проза Я. Чепы поэтична по языку и своей образности и принадлежит к вершинам чешской литературы XX в., составляя вместе с прозой Я. Дуриха консервативный противовес демократической литературе от Я. Гашека и К. Чапека до В. Ванчуры и И. Ольбрахта.

В межвоенный период продолжало развиваться творчество такой мятущейся католической души, как Я. Демл. В 1934 г. он издал "Забытый свет" — текст синтетического характера, составленный из автобиографических, порой предельно откровенных фрагментов, отзывов прессы, писем читателей, дневников. Иной характер носит творчество Ярослава Дуриха (1886—1962). Католик, ставший не священником, а военным врачом, он оставался в армии до 1939 г., не

переставая публиковать романы, рассказы, стихи, публицистику. Он был крайне консервативен по своим убеждениям: антилиберал, воинствующий католик, осудивший антифашизм, борец с атеизмом. Однако как писатель он много сделал для чешской литературы, прежде всего воскресил интерес к историческому роману. Он едва ли не одним из первых пересматривает традиционно негативную оценку периода барокко как "эпохи тьмы", открывая позитивные стороны чешского исторического развития в XVII — XVIII вв., что соответствовало исторической концепции Й. Пекаржа, актуализированной и пропагандируемой в 30-е годы его учеником З. Калистой. Стиль Я. Дуриха воскрешает поэтику барокко, показывая ее ценность и созвучность эпохе модерна, что делает язык прозы Дуриха не столь далеким от общей стилистики чешской авангардной прозы.

Несколько особняком стоят писатели спиритуалистического, мистического, визионерского склада. Философ Ладислав Клима (1878 — 1928), чьи художественные произведения стали достоянием читателя уже после смерти автора, исходил из глубин человеческой психики, из того таинственного и иррационального, что не подчиняется никакому порядку. Его оригинальная философия — не академическая дисциплина, а рассуждения о способе истинного существования, где сливаются поэзия, проза, мысль, что ведет к деструктуризации текста. Он не допускает однозначной интерпретации, его цель — многозначность высказывания. Журналист Рихард Вайнер (1884 — 1937) долгие годы работал в Париже и не был связан с чешской литературной жизнью. Его эссеистическая, прихотливая проза и стихи выражают странный и страшный внутренний мир, где фантазия и иррациональные порывы всегда тяготеют к трагическому. Этому соответствует язык его произведений, нарушающий все правила и образующий свой лексический микромир, принципиально некоммуникабельный. В сюрреализме Р. Вайнер видел наилучшее воплощение "эвокативности Искусства", стремящегося "поймать божественные секунды реальной жизни, равные вечности", при этом он хочет "закрепить вербально сны и воспоминания" с целью их "объективизации для других", в чем можно видеть специфику трактовки Р. Вайнером сюрреализма. В понимании Бога у писателя просматриваются черты барочной религиозности, поскольку путь к Богу лежит для него только через отчаяние, открывающее перед душой "пропасть света"⁵⁸.

Полярной противоположностью такому искусству была "литература факта" с ее документальностью, репортажностью, простотой и лаконизмом стиля, конвенциональностью языкового выражения. В этом жанре, заявившем о себе еще в 20-е годы, в высшей мере воплотилась тенденция к объективации, конкретности переживания, к восприятию реальной действительности как эстетической ценности. Лучшие произведения "литературы факта" появились в 30-е годы, среди них "Покушение" К. Нового (1935) и "Москва-граница" И. Вайля (1937), где перед чешским читателем разворачивалась страшная картина шпиономании и политических процессов в СССР.

В целом межвоенную чешскую литературу можно разделить на два этапа — двадцатые и тридцатые годы. Первый период характеризуется доминированием левизны формы и содержания, групповой сплоченностью авторов, их социально-политической активностью, социальной отзывчивостью их творчества. На рубеже 1920 — 1930-х годов начинается дифференциация литературного процесса, где уже доминируют не группы, а творческие индивидуальности. Литература идет "вглубь", сосредоточивается на сущностном, внутреннем. С середины 30-х годов, когда угроза чешскому народу и ЧСР со стороны германского фашизма и собственной Немецкой партии постоянно нарастала, вновь усиливается социально-национальная позиция литераторов, обращающихся к теме мужества, традиций народа, стремящихся поддержать его демократические устои в годину суровых испытаний и разделить его судьбу.

На развитие чешской словесности большое воздействие оказал Пражский лингвистический кружок, возникший в 1926 г. В его состав входили Я. Мукаржовский, В. Матезиус, Б. Гавранек; а также русские ученые Р.О. Якобсон и П.Г. Богатырев. Разработанный ими функционально-структуралистический метод, базировавшийся на феноменологии, функциональной лингвистике, структурализме формальной школы советского ОПОЯЗа, стал важным вкладом в мировую филологическую науку, принес членам кружка широкую известность. Лидер чешского структурализма Ян Мукаржовский (1891 — 1975), чьи интересы охватывали широкий спектр явлений культуры, подчеркивал, что при всей автономности искусства по отношению к действительности оно связано с нею целым рядом опосредованных факторов

("Эстетическая функция, норма и ценность как социальные факты", 1936)⁵⁹.

В изобразительном искусстве начало межвоенного периода было обозначено поворотом к социальному, ангажированному творчеству. Наиболее наглядно эта тенденция проявилась в скульптуре. Вернувшийся в ЧСР О. Гутфройнд отходит от кубизма и делает скульптуры для Легионерского банка (1923) в совершенно ином стиле, сочетавшем натуралистический фигуративизм с наивностью народной пластики и керамики. Многие ученики Я. Штурсы, такие как Я. Лауда, К. Покорный, К. Дворжак, Б. Бенда, проходят через увлечение одновременно и социальным искусством, и классической традицией, увлекаются творчеством А. Майоля и вновь обращаются к наследию Мыслбека. Расцветает жанр портрета, особенно у О. Шпаниеля, ставшего как бы официальным скульптором Первой республики. Он создает галерею портретов видных деятелей культуры и политики, разрабатывает дизайн медалей и монет. В. Маковский, Й. Вагнер, К. Лидицкий, Г. Вихтерлова, Б. Стефан, Й. Кубичка — более синтетичны. Каждый из них ищет свою дорогу в искусстве, обобщая различные стили и влияния от неоклассицизма до сюрреализма, обращаясь в 30-е годы к наследию скульптуры барокко.

Возникшее государство нуждалось в своей "монументальной пропаганде". Появляется большое количество скульптурных памятников, прежде всего жертвам и героям войны и борьбы за освобождение, а также историческим и культурным деятелям, в первую очередь Масарику, статуи которого устанавливаются на площадях в каждом относительно крупном населенном пункте. Заканчивается, приобретая окончательный вид, возведение центрального монумента — памятника св. Вацлаву работы Й. Мыслбека на Вацлавской площади Праги. В серьезном, длительном, активно обсуждавшемся общественностью конкурсе на памятник Яну Жижке для Праги побеждает проект Б. Кафки, решенный в предельно монументализированных, даже устрашающих формах: гуситский защитник Отечества, возвышаясь над Прагой, воплотил в себе идею силы и мужества нового государства и его граждан, способных отстоять свою чешскость перед лицом иноземных поработителей. Пафосная интерпретация типа классического конного монумента нашла свое новое решение.

В живописи и графике ведущее положение продолжают занимать художники, сформировавшиеся в начале XX в. Од-

нако их творчество заметно эволюционирует, отражая повороты общекультурного развития. Идет очень интересный процесс: при поляризации художественных течений их элементы смешиваются в творчестве одного и того же художника, что усложняет анализ межвоенного искусства и в то же время свидетельствует о поисках синтетического стиля, который объединил бы все элементы модернистского дискурса и элементы традиции.

"Академический полюс" был представлен М. Швабинским, интенсивно и разнообразно творившим в это время. Продолжает существовать кубизм, обретающий после войны второе дыхание. Триумфом позднего чешского кубизма стала парижская Выставка декоративного и художественно-промышленного искусства 1925 г., после чего кубизм переходит в фазу лирической имажинативности⁶⁰. Однако кубизм теряет свою авангардность: то, что он предлагал как обогащение видения структур материально-духовного мира, сделавшись широко востребованным, прежде всего в прикладных видах (дизайне), стало естественной составной частью канона современного искусства. Занимая ведущие позиции в объединении "Манес" и журнале "Вольне смнеры" Э. Филла оказывал существенное влияние на всю художественную жизнь, способствуя, пользуясь официальной поддержкой, закреплению и утверждению позиций современного искусства. Однако затем, ощущая смертельную угрозу стране и народу, он становится, пожалуй, наиболее ярким представителем чешского катастрофизма, перейдя к широкой манере в изображении монструозных фигур ("Будет война, будет", 1939). После освобождения в творчестве Э. Филлы, подвергшегося официальным нападкам как "главный модернист", в полной мере проявилась его увлеченность примитивом, народной живописью, фольклором (цикл "Разбойничьи песни словацкого народа", рубеж 1940 — 1950-х годов), хотя и раньше, в конце 30-х, он напрямую обращался к фольклорной традиции, создав цикл "ужастиков" в стиле катастрофизма — картины на темы баллад К.Я. Эрбена. А. Прохазка с конца 20-х годов тяготеет к примитивизму и "новой вещественности", затем переходит к неоклассицизму, создавая картины необычайной пластической красоты. В. Шпала обращается к широкой, монументальной манере живописи, могуче звучат его пейзажи и натюрморты, своей колористической ясностью и простой ритмизацией близкие чешскому мироощущению. Й. Чапек также упрощает свой язык: эле-

менты действительности превращаются в некие знаки, доступные пониманию и не очень подготовленного зрителя, хотя для посвященного сохраняют свой герметический смысл. Живопись и графика Й. Чапека становится более наивно-игровой, имажинативной, она не лишена мотивов "социального искусства". С конца 20-х годов художник значительно меняет свой стиль, открывая наивный мир детства. Но его новые работы — не стилизация под детский рисунок, а стремление воспринять и передать мир через призму детского сознания, осложненного, однако, горьким опытом взрослого человека. Печальный инфантилизм в конце 30-х годов сменяется катастрофизмом цикла "Огонь" (1938 — 1939) — яркой реакции художника на политические события, выраженной в широкой, обобщенной манере живописи при сохранении конструктивности композиции.

Примитивизм и неоклассицизм очень много взяли от кубизма, составив параллель ему в стремлении к "новой простоте" — влиятельной тенденции мировой культуры 20-х годов, к которой, безусловно, следует отнести и творчество крупнейшего чешского писателя К. Чапека, повлиявшего как эстетик и критик на все сферы чешского художественного творчества межвоенного периода. Аналогичная тенденция видна в необычайно красивой, изысканной по цветовому решению живописи Рудольфа Кремлички, чей цикл "Обнаженных" (20-е годы) необычайно органично вобрал в себя разные художественные импульсы, став гимном красоте женского тела, выраженным языком современной культуры. Художники-примитивисты, образовавшие в 1925 г. группу "Но-Но-Ко-Ко" (названа по первым буквам их фамилий: К. Голан, М. Голь, П. Котик, К. Котрба), позднее перешли на позиции "социального искусства". Из их картин исчезает игровое начало и светлый колорит, они обращаются к реальной повседневности, иногда открывая в ней поэзию, чаще же видя безликость и тоску человека урбанистической цивилизации, не находящего выхода и поэтому опускающегося на "дно города". К этим художникам близки Я. Крал, А. Ваксман, А. Пелц. Все они значительно расширили тематику новой чешской живописи, в большой мере реабилитировав тенденциозность, идеологичность как внеэстетические категории искусства, а также восстановив в правах реалистическое видение действительности.

Воздействие кубизма ощутили и бывшие члены "Сурсума" (натюрморты Я. Зрзавого, иллюстрации Я. Конупека),

однако у них главенствовал спиритуалистический реализм. Я. Зрзавый становится широкоизвестным и влиятельным мастером, достигая кульминации своего творчества, его стиль наиболее адекватно можно назвать магическим реализмом. Завораживающая медитативность изображений женщин со свечами (начало 20-х годов) сменяется увлечением архаикой ("Велес", 1929) и метафизической живописью ("Спящие лодки", 1935). На патриотический предвоенный порыв художник отвечает обращением к пейзажному жанру, создавая, как и в годы войны, пейзажи родной страны, наполняя их изысканностью предельной простоты и таинственной трогательностью. Именно в годы оккупации он реализует свой давний замысел — создает огромную картину "Клеопатра" (1942—1957) (см. илл. на с. 436), неотразимую по силе магического воздействия притчу о притягательности губительных сил, о своеобразной "красоте дьявола". Состоявшаяся в 1940 г. в Муниципальном доме юбилейная выставка художника стала легальной в условиях "Протектората" манифестацией своеобразия чешской культуры, способной дать художника мирового класса, каковым Я. Зрзавый в действительности и является. Также достигает своего зенита изобразительное творчество Й. Вахала, аутсайдера художественной жизни ЧСР. Не знающее границ и приличий экспрессивное визионерство Й. Вахала дает наиболее значимые результаты в искусстве книги и станковой графике, составляя параллель, более фигуративную и эмоционально открытую — до крика — сюрреализму. Медитативно-символистическое визионерство присуще Я. Конупеку, погруженному в мир философии Л. Климы, классическую музыку и литературу. Его мистический спиритуализм в 40-е годы, космизм его позднего творчества наряду с гротесками 20-х и сюрреалистической метафизичностью 30-х делают его одной из самых характерных фигур той линии чешской культуры, которая понимает жизнь как целостность, основанную на духовных началах, которая открыта всем духовным традициям мира и синтезирует новейшие тенденции искусства, видя в них различное проявление этих общих начал.

Абстракционизм в межвоенном искусстве представляли художники, жившие в основном за границей. Геометрические абстракции Ф. Купки обретают отточенность и еще большую философичность, композиции В. Прайссига динамичны и близки к парадигме "научного" изображения макро- и микрокосмических процессов. Франтишек Фолтын

(1891 — 1976) синтезировал основные течения чешского авангарда, переводя их на язык абстрактных формул, лаконичных, динамичных и выразительных,

Особую линию чешского искусства составляют художники, прямо признававшиеся в верном следовании национальной реалистической традиции, но чье творчество не могло не учитывать общей направленности современного искусства. Поэтому чешский реализм XX в. оказался не реликтом или нарочитой стилизацией, а живой частью нового искусства, представляя его "умеренное" крыло. Главным жанром их живописи стал пейзаж, близкий по трактовке деревенской атмосферы прозе руралистов. В картинах Вацлава Рабаса, Войтеха Седлачека, Властимила Рады, Карела Сволинского мир деревни предстает как единосущностное бытие природы и человека, чье восприятие ландшафта лирично или эпично, но всегда проникнуто сознанием ценности родной природы как мерила гуманизма. Наиболее ярко синтез народности и современных форм проявился в стиле Йозефа Лады (1887 — 1957), чья живопись и главным образом графика были адресованы обычному зрителю. Й. Лада создал своеобразную изобразительную энциклопедию уходящей архаической жизни чешской деревни с ее народно-барочным обликом и красочными праздниками. Наивный примитивизм Й. Лады, четкий контурный рисунок, звучный цвет, юмористическая гротескность персонажей при общем ностальгически-созерцательном настрое давали квинт-эссенцию чешскости на широкой коммуникативной основе, что обеспечило его работам — иллюстрациям, открыткам, рисункам — быстрое признание всего общества и неослабевающую до сих пор любовь зрителя и читателя. Последний находил в книгах, особенно детских, сделанных Ладой как художником и писателем, знакомый с детства родной мир, основанный на игровом начале. Единство текста и изоряда придавало его детским книгам особую цельность, превращая их в структурное и смысловое целое, в синтетический артефакт, веселый, задорный, понятный. Лада на новом, народном материале и новом художественном уровне осуществил идею "чувственного мира в картинках", одну из основных в философско-педагогическом учении Я.А. Коменского, что объясняет глубинную традиционность Лады и его уникальное место в мировом искусстве книги. Наряду с многочисленными "Азбуками", "Поговорками", "Считалочками", "Сказками" особую любовь снискали иллюстра-

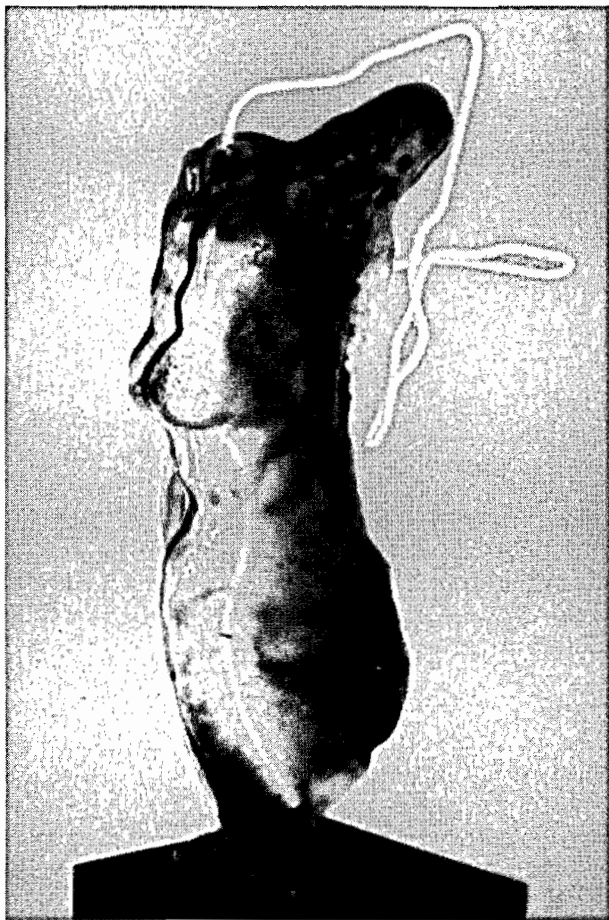

Й. Лага. Пасхальная поздравительная открытка, 30-е годы XX в.

пии к гашековскому "Швейку" (1926), ставшие единственно возможной по адекватности тексту визуализацией великого романа⁶¹.

На левое искусство оказал решающее воздействие "Деветсил", организовавший в 20-е годы свои первые художественные выставки. В работах, на них представленных, сплетались цивилизм и наивизм у таких разных творческих индивидуальностей, как А. Гоффмейстер, прославившийся затем как мастер гротескного рисунка-портрета, Б. Стефан, А. Ваксман, К. Тайге, Ф. Музика. Знаковым произведением эпохи стала скульптура О. Швеца "Мотоциклист" (1924). Через "Деветсил" на чешское искусство воздействовали новые ведущие стили: итальянский футуризм, французский конструктивизм, советский авангардизм. Ружена Заткова в Италии создала футуристические скульптуры из разных нетрадиционных материалов и, очевидно, первую в мире кинетическую конструкцию. Иржи Крога стал новатором сценографии, введя принцип динамически подвижной стены, "играющей" и без актеров.

Выставкой "Поэзия 32", состоявшейся в 1932 г., заявил о своем появлении чешский сюрреализм, ставший новой ипостасью чешского авангарда и мощным культурным течением, охватившим все виды творчества и укоренившимся в чеш-

*Э. Пешанек. Женский и мужской торсы. Для фонтана "Курорты"
на Всемирной выставке искусства и технологий, 1937 г.*

ской левой традиции⁶². Главенствующее положение сюрреализма в 30-е годы подкреплялось его тесными связями с парижским центром международного сюрреалистического движения. Отличительная черта чешского сюрреализма, для которого в целом характерно все то, что присуще французскому сюрреализму, состоит в том, что он в гораздо большей мере впитал в себя элементы других, близких ему левых течений. Временно или частично влияние сюрреализма испытал в своем творчестве очень широкий круг деятелей чешской культуры. Его протагонистами стали Индржих Штырский (1899–1942) и Тойен (псевдоним Марии Черминовой,

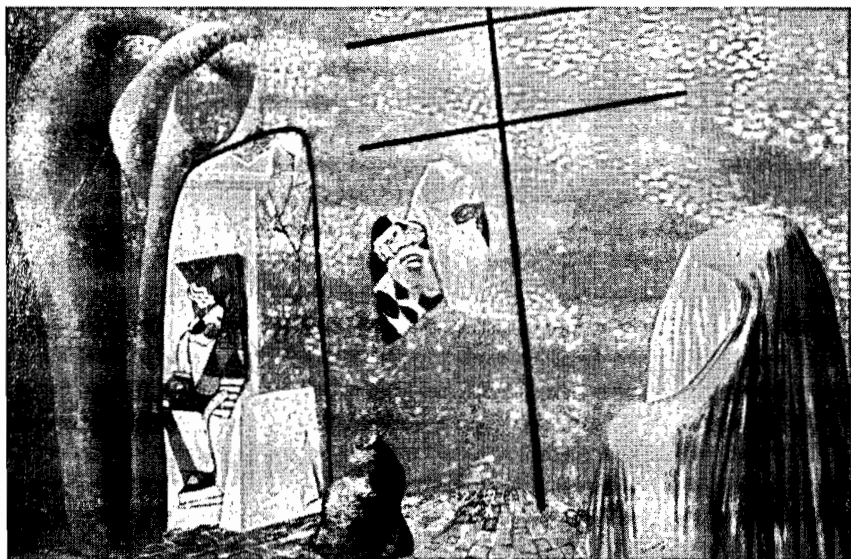
1902—1980), а также интимный лирик Йозеф Шима (1891—1971), драматичный Франтишек Музика (1900—1974). Скульптуре сюрреализма, занявшей в чешском искусстве чрезвычайно видное место, присущи брутальность, непосредственное выявление свойств материала, обращение к праархаическим формам, выявление архетипического. При этом форма может быть предельно лаконична, пуристически геометризована или, наоборот, текуча, колюча, нарочито неряшлива. Все эти качества присущи скульптурам Винценца Маковского (1900—1966) — наиболее последовательного из этой группы ваятеля мирового уровня, Ганы Вихтерловой (1903—1995), стремившейся к иллюзионизму четких объемов абстрактных композиций, Йозефа Вагнера (1901—1957), в чьих природно-мифологических образах вдруг проявляется пластическая мощь чешского барокко. Совершенно оригинальные свето-кинетические объекты создал для Всемирной выставки 1937 г. в Париже Зденек Пешанек (1896—1965). В них (это торсы или сюрреалистически осмысленный набор разных фигуративных элементов) использованы пластик, стекло, дерево, провода, неон, что стирало грань между скульптурой и прикладной вещью, наделяя первую кажущейся практичностью, а вторую — статусом произведения искусства. Так возникал синтезный арт-объект как союз искусства и техники, порождающий новые смыслы (в том числе и абсурдные). Многие идеи Пешанека о световом искусстве не были реализованы, но оказали серьезное влияние на современное искусство светового шоу. Живопись, графика, фото И. Штырского и Тойен 30-х годов уже в полной мере визуализируют подсознательные импульсы без метафизической мифологизации предшествующего периода, становясь зеркалом фантастических объектов воображения, вращающегося в кругу любви и смерти.

Поэтизм и сюрреализм существенно повлияли на очень своеобразный почерк Франтишека Тихого (1896—1961), персонажи работ которого балансируют на грани фантазмогоричности. Его реальность насыщена знаковостью, эмоционально варьируемой от саспенса ("Фокусник", 1934) до трагической клоунады. Грустные, лирически-гротескные головы его клоунов вводят в странный мир того таинственного балагана бытия, вход в который доступен лишь людям с болезненно чуткой психикой ("Повешенный арлекин", 1948). Это прежде всего артисты в минуты высшего творческого подъема, такие как "Паганини" (1943).

Группа
сюрреалистов:
И. Штырский,
В. Незвал, Тойен.
1930-е годы

И. Штырский.
Из моего дневника

Более молодое поколение сюрреалистов сгруппировалось вокруг критика Индржиха Халупецкого (1910—1990), ставшего на многие десятилетия живым носителем авангардной традиции и ее преданным пропагандистом, коллекционером новейшего нонконформистского искусства. Молодые художники относились к сюрреалистическому методу менее ортодоксально, видя в нем "авантюру познания", раскрывающую механизмы психики в самом процессе творчества, которое использует полный спектр сюрреалистических практик. Новизна дискурса становится для них "нормальной" лексикой; они не создают произведения нового стиля, а спонтанно реализуют свое "я" уже привычными средствами. Таковы четко выписанные фантастические структуры Франтишека Гудечека (1909—1990), нарочито антиэстетичные, гротескные картины-схемы Франтишека Гросса (1909—1985), полихромные биоморфные ассамбляжи Ладислава Зивра (1909—1980), колючие монструозные полуфигуративные персонажи Франтишека Яноушека (1890—1943). Отдельно стоял Зденек Рыкр (1900—1940), не разделявший догматики сюрреализма. Его четко структурированные картины, представляющие мир "абстрактной натуры", контрастируют с артистически-небрежными, но на самом деле тонко колористически и композиционно организованными ассамбляжами абстрактного характера, ставшими примечательнейшим явлением крайнего авангарда 30-х годов.

Чешская художественная фотография с момента ее возникновения рассматривалась как часть изобразительного искусства, поэтому она быстро достигла высокой художественности и обрела свою поэтику, основанную на ценности эксперимента, разработанную в трудах К. Тайге. Франтишек Дртикол прошел путь от сецессии и пикторальной фотографии к модернизму. Яромир Функе — от репортажной документальности к абстрактной и сюрреалистической фотографии. Ярослав Рёсслер относится, в мировом контексте, к пионерам конструктивизма и абстракционизма в фотоискусстве. Целый мир образует творчество Йозефа Судека, ставшего легендой чешского фото. Декоративизм уступил у него место социальной фотографии, функционализм перерос в поэтическое видение городской среды⁶³.

Развитие архитектуры в межвоенный период обусловлено социальным заказом государства на создание новых общественных и административных зданий, представляющих

модерность и социальную открытость нового государства. Широкая строительная деятельность разворачивается не только в столице, но и на периферии. Каждый город, каждое местечко, даже село приобщаются к современной архитектуре: в стиле функционализма строятся школы, больницы, почты, административные здания, целые новые кварталы, даже такие эксклюзивные здания, как храмы (молельные дома) Чехословацкой гуситской церкви (так называемые Гусовы сборы), театры, крематории. Современная архитектура рассматривается как составная часть, как лицо общих перемен в жизни социума, поэтому ей придается большое значение. Она также модернизирует чешский ландшафт, становясь второй после барокко архитектурой, формирующей в решающей мере культурный пейзаж страны. Межвоенная архитектура начинается со стадии монументализированного кубизма (Легионерский банк Й. Гочара, 1921 — 1923) и поисков "национального стиля" (полихромные виллы и крематорий в Пардубицах П. Янака, санаторий в Подебрадах). Отдельные кубистические здания разрастаются до целых домовых комплексов (постройки И. Фрейвальда в Колине) и формируют городские кварталы (Градец Кралове, Й. Гочар). Но ни "прямоугольный", ни "круглый" кубизм уже не удовлетворяет современной потребности в лаконизме форм. Господствующим становится функционализм, появившийся в промышленной архитектуре еще в военный период и не свободный от черт традиционного монументализма (гидроэлектростанции в Подебрадах, архитектор А. Энгель и Нимбурке, архитектор Ф. Ройт, обе 1914). В 20-е годы функционализм обретает свои основные черты: практичность, целесообразность, обращенность к человеку массового общества, выражаемые строгими, даже аскетическими средствами архитектурной геометрии. Используются новые строительные материалы: бетон, стекло, "скелетные" металлоконструкции. Пионерами чешского функционализма были Яромир Крейцар, прославившийся постройкой современного санатория в Тренчанских Теплицах (Словакия, 1932), и Бедржих Фойерштайн. Предельный пуризм демонстрирует Дворец торговли в Праге (О. Тыл и Й. Фукс, 1928). Наоборот, эволюцию в сторону арт-деко и неоклассицизма обнаруживают принципиально важные для межвоенной Праги постройки словенского архитектора Й. Плечника — костел Сердца Господня (1926 — 1932) и перестройка Града под резиденцию президента (1922 — 1928). Разрабатываются и осу-

ществляются градостроительные планы, основанные на строгом рационализме, как в Злине — столице обувной империи Бати, появляются целые городские кварталы, застроенные типовыми домами. Формируется новое урбанистическое пространство из унифицированных элементов. Крупным центром функционализма стал Брно с его международным выставочным комплексом. Большой резонанс вызвали многочисленные здания, возведенные Б. Фуксом. Функционализм в чешской архитектуре придал современный комфорт общественным помещениям и частному жилищу. Этот стиль оказал сильнейшее влияние на прикладное искусство и, вместе с кубизмом и декоративизмом, на промышленный дизайн. Мебель, посуда, хрусталь, стекло, ткани, осветительные приборы обретают четкие, функциональные формы, в которых теперь и заключается красота предметов повседневной жизни. Благодаря всемирным выставкам чешское декоративно-прикладное искусство получает широкое признание.

В чешской музыке в межвоенный период продолжается творчество композиторов старшего поколения, создавших в это время ряд значительных сочинений, как, например В. Новак и Б. Фёрстер. Завершается жизненный путь Й. Сука, вместе с которым уходит жанр больших симфонических полотен с философской программой. В 20-е годы достигает апогея творчество Л. Яначека. Глубоко человеческое содержание, эмоциональная метафизика выводят его музыку из категории искусства на такую высоту душевно-эмоциональной коммуникативности, которая до Л. Яначека вряд ли достигалась мировой оперой. Технически это совершается с помощью микромотивов, близких моравским попевкам, которые, не получив классического (с точки зрения классическо-романтического музыкального мышления) развития, сменяются новым микротематическим материалом, что вызывает у слушателя ощущение непрерывного потока бытия. Выразителем последнего служит оркестр, чье звучание далеко от общепринятой инструментовки. Стиль позднего Л. Яначека абсолютно оригинален, хотя можно отметить, кроме фольклорных и русских влияний, воздействие веризма и экспрессионизма. В операх "Катя Кабанова" (по "Грозе" А.Н. Островского, 1921) и "Из мертвого дома" (по Ф.М. Достоевскому, 1928), в Струнном квартете № 1 (по "Крейцеровой сонате" Л.Н. Толстого, 1923) русские сюжеты обретают общечеловеческое звучание. Душевная боль, страдания ведут к просвет-

лению, очищению. Бытийная, философская по сути, экзистенциальная проблематика определяет характер "Похождений Лисички-плутовки" (по Р. Тесноглидеку, 1923) с её гимном природе, естественной жизни, пониманием смерти не как конца существования, а как высшего поворотного пункта земного существования души. В то же время у Л. Яначека много юмора, даже сарказма в показе мелочности ежедневного человеческого существования. Все эти качества в высшей степени присущи "Средству Макропулоса" (по К. Чапеку, 1925), свидетельствующему о пристальном внимании старого композитора к новым явлениям культуры. В 1926 г. написаны два его вершинных неоперных сочинения — Симфонietta с её сложнейшей ладо-гармонической структурой, восходящей к архаическим пластам славянского фольклора, и Глаголическая месса. Последнее сочинение — это музыка огромной духовно-эмоциональной силы воздействия и одновременно идеологическая программа славянского единства на общехристианской основе, где жанр католической мессы объединен с текстом на церковнославянском языке и постлюдией органа в духе протестантского богослужения. Христианский экуменизм Л. Яначека актуализирует кирилло-мефодиевское наследие как базу славянского единства. В год смерти (1928) появилось самое психологически утонченное, исповедальное сочинение композитора — Струнный квартет № 2 "Интимные письма", раскрывающее глубины человеческой души в ее высшем проявлении — в любви.

Творчество Л. Яначека стояло как бы вне и над развитием чешской композиторской школы. В 20-е годы чешская музыка заметно модернизирует свой язык и в некоторых своих проявлениях достигает крайнего авангарда (А. Хаба) и высшего уровня современного европейского музыкального развития (Б. Мартину). О. Острчил в своей музыке развивал симфонические принципы Г. Малера в сторону большей полифонизации. Музыкальной исповедью композитора и дирижера, шефа оперы Национального театра, затравленного критикой, стали симфонические вариации "Крестный путь" (1928). Свое видение идеального общественного устройства композитор воплотил в опере "Гонзово королевство" (1933). Второе поколение чешского музыкального модерна освобождается от позднеромантических (сецессионных) элементов, оно настроено весьма скептически, ищет новые направления как в смысле идей, так и в смысле музыкально-технической выразительности, испытывает тягу к атональности.

В музыке Рудольфа Карела (1880 — 1945) сталкиваются элементы пафосного романтизма и строгого рационализма (симфоническая поэма "Демон", по М.Ю. Лермонтову, сочинена в 1919 г. в Сибири, где автор был как чехословацкий легионер). Творческим подвигом Р. Карела стало сочинение оперы "Три волоска деда Всеведа" в фашистском концлагере, куда он был брошен за участие в Сопротивлении и где погиб. Ладислав Выцпалек (1882 — 1969), углубленно занимавшийся полифонией, в "Кантате о последних минутах человеческой жизни" (1922) достиг внутренне интенсивного этического выражения веры современными средствами музыкального языка. Отакар Йеремиаш (1892 — 1962) прославился оперой "Братья Карамазовы" (1927), свидетельствующей о тектоническом характере его мышления, в котором главенствуют основные линии музыкального развития, а сам стиль несет явные следы экспрессионизма.

Чешский музыкальный авангард ориентировался на современную западную музыку, не столько на немецкую, сколько на И. Стравинского и французскую "Шестерку". Для него характерно остро критическое отношение к состоянию чешской музыки, обвиняемой в консерватизме, активное приятие современности, конструктивный подход к проблеме музыкальной выразительности, увлечение неоклассицизмом и "низкими" жанрами: джазом, городской песней, современной танцевальной музыкой⁶⁴. Авангардисты устанавливают тесные контакты с европейской "новой музыкой".

Ведущей фигурой стал Богуслав Мартину (1890 — 1959), приобретший мировую известность. Значительную часть жизни он провел за границей, активно участвуя в европейском движении "новой музыки", тем самым включив чешскую музыку в авангард мирового музыкального развития. Творчество Б. Мартину огромно по количеству созданного, необычайно разнообразно по жанрам и по охвату культурного материала, используемого в сочинениях (от Древнего Востока, барокко, до французских символистов, русских писателей, Стравинского, джаза и чешско-моравского фольклора), но необычайно цельно по способу музыкальной выразительности. Всеохватность привела не к эклектике, а к синтезу, в котором на первом месте оказалось не увлечение современным урбанизмом, а погруженность в мировую культуру и ее реинтерпретация языком "новой музыки". Сам этот язык тяготел к неоклассицизму, отсюда ощущение объ-

ективации эмоций, являющееся главной особенностью всей чешской культуры межвоенного периода, что делает Б. Мартину ее основным репрезентантом в сфере музыки. Но при всем рационализме в музыке Б. Мартину иногда кроются такие глубины эмоциональности, создающей у слушателя впечатление художественного потрясения, которые остались недоступны другим композиторам авангарда⁶⁵.

Среди многочисленных произведений радикального авангарда 20-х годов особенно интересны его ансамблевые сочинения нетрадиционного состава, например Концертино для виолончели в сопровождении фортепьяно, духовых и ударных, Квартет для кларнета, валторны, виолончели и барабана (оба 1924). В эти же годы Б. Мартину переживает страстное увлечение джазом и пишет сочинения в джазовом стиле. В 30-е годы формируется неоклассический (по сути — неobarочный) стиль композитора, наиболее совершенно проявившийся в Камерной симфонии для двух оркестров (1932), Concerto grosso (1937), Концерте для клавесина с оркестром (1935), разнообразнейших концертах, трио, квартетах, сонатах. Вместе с тем в 30-е годы у Б. Мартину усиливаются две тенденции. Одна связана с увлечением традицией народных религиозных мистерий (опера "Игры о Марии", 1934) и сюрреализмом (опера "Жюльетта, или Сонник", 1937), поэтому ее можно назвать мистической. Вторая связана с угрозой фашизма и актуализирует ценности национальные (кантата "Букет", 1937, балет "Шпаличек", 1932) и религиозные, придавая им патриотическое, суровое по музыке, звучание ("Полевая месса", 1939). Эта линия получит во время войны концентрированное воплощение в "Памятнике Лидице" (1943) — деревне, уничтоженной гитлеровцами вместе со всем мужским населением. Драматизм проникает и в чисто инструментальную, непрограммную музыку, таковы Двойной концерт для двух струнных оркестров, фортепьяно и литавр (1938) и симфонии, написанные как бы блоком (с 1942 по 1946 г.). С 30-х годов чешские фольклорные мотивы будут постоянно присутствовать в творчестве Б. Мартину, преимущественно в хоровых композициях. Вершины творчества композитор достигает в сочинениях 1950-х гг., написанных вдали от родины, где экзистенциальные проблемы получают философское воплощение языком утонченного драматизма: Симфония № 6 (1953), оркестровые "Фрески Пьеро дель Франческа" (1955) и "Параболы" (1958), оратория "Гильгамеш" (1955). Особо важны два его последних со-

чинения: опера "Греческие страсти Христовы" по Н. Казандзакису (1959) проникнута глубоким христианским гуманизмом, объединяющим страдание и просветление, социальную реальность жестокого мира и мистическое восхождение души; "Пророчество Исаяи" (1959) звучит как последнее предостережение миру и человеку с позиций гуманизма XX в., говорящего всем понятным языком библейских символов.

Творчеству Мартину близка позиция Витезслavy Капраловой, которой он посвятил свою "Жюльетту". Большую известность в Европе ей принесли необарочные Партита для струнных и Концертино для скрипки и кларнета с оркестром (оба 1939), а также политически ангажированная Военная симфонietta (1922), посвященная Э. Бенешу, исполнение которой под управлением автора в Лондоне в 1938 г. стало прямой художественно-политической и патриотической акцией.

Иной тип авангардного композитора представлял Алоиз Хаба (1893 — 1973). Его постоянно влекло экспериментаторство, открытие новых звуковых горизонтов. Изобретательность, творческая энергия, рациональный тип мышления ставят его в первые ряды мирового авангарда. Но прежде всего он обязан этим разработанной им системе микроинтервалики: привычные европейскому уху тона и полутона он разбивает на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{6}$ и даже $\frac{1}{12}$. Возникает абсолютно иная фоника, философски соответствующая общей сонорности мира, Вселенной. А. Хаба стал выдающимся теоретиком новой системы. Он был активным деятелем "новой музыки": в 1923 г. в Пражской консерватории основал отделение современной музыки, пропагандировал музыкальное новаторство, организовывал концерты. Для исполнения музыки, написанной им в новых системах, он сам создает новые инструменты, в том числе четвертитоновое фортепьяно. Творческое наследие А. Хабы чрезвычайно обширно. Его индивидуальным почерком было стремление к неизвестным звуковым формам. Премьера в Мюнхене четвертитоновой оперы "Мать" (1931) означала торжество новой системы, способной создать произведение высшего синтеза — оперу, и стала одним из крупнейших событий в истории европейского авангарда, одной из центральных побед чешской музыки. Чрезвычайно важно, что экспериментаторство А. Хабы, его теоретизирование опиралось на знание народной музыки, температура которой не идентична классической,

установившейся только к XVIII в. Сочинения Хабы при всей их умозрительности пронизывает живая, непосредственно пульсирующая музыкальность и эстетическая красота, столь характерные для чешской музыки. Сейчас сочинения А. Хабы стали вновь исполняться, причем наметился некоторый европейский "бум" его музыки, которая, как оказалось, намного обогнала даже послевоенный авангард и стала созвучной современному человеку, знакомому с неевропейской музыкой и рядом других неклассических традиций и практик.

Неоцененной современниками осталась авангардная музыка Эрвина Шульгофа (1894 — 1942), гражданина СССР, погибшего за свои левые убеждения в фашистском концлагере. Его творчество простирается от авангардного джаза до кантаты на текст "Коммунистического манифеста" (1932). Павел Боржковец (1894 — 1972) обратил на себя внимание энергичными, близкими витализму и конструктивизму "спортивными" сочинениями "Старт" для оркестра и "Стадион" (вокальный цикл, оба 1929). Затем его стиль становится более уравновешенным, сбалансированным. В двух сценических сочинениях, ставших этапными в развитии чешского музыкального театра, — балете-пантомиме "Крысолов" (1930) и опере "Палечек" (1947), он подчеркнул первенство музыкальной составляющей в синтетической форме сценического действия. П. Боржковец остался в послевоенный период тем носителем конструктивной красоты музыки авангарда (Симфониетта № 2, 1963 — 1968), который противостоял неоромантическим тенденциям. Он смог, благодаря педагогической деятельности, воспитать целый ряд композиторов, продолжавших традиции чешского модерна. Иша Крейчи (1904 — 1968) считался неоклассицистом среди авангардистов, хотя именно он был наиболее близок по стилю к французской "Шестёрке", что демонстрирует его "Кассация для 4-х духовых" (1925) — произведение, прозвучавшее как программа новой чешской музыки с ее простотой, легкостью, прозрачной фактурой, спонтанностью и внутренней ясностью. Радостность, веселая буффонада, беззаботность в сочетании с серьезностью, чистотой лиричности господствует в опере "Переполох в Эфесе" (по Шекспиру, 1939 — 1943), удивляющей своим оптимизмом, тем более что в условиях "Протектората" у И. Крейчи к этому не было никаких поводов. Наоборот, в послевоенной Чехословакии автор обращается к трагическому сюжету, написав музыкальную драму

"Антигона" (по Софоклу, 1964), ставшую последней вершиной его творчества. Э.Ф. Буриан был многогранным творцом, стоявшим у истоков "Деветсила". Как композитор он с особым успехом объединял "низкие" и "высокие" жанры. Его оперы "Бубу с Монпарнаса" (1927) и "Мариша" (по пьесе братьев Мрштиков, 1938) считаются вершинными произведениями музыки межвоенного периода. Популярной музыке и музыке к спектаклям отдал свой талант Ярослав Ежек (1906 — 1942). Будучи высокопрофессиональным композитором, близким к Б. Мартину, увлекаясь джазом и бытовой танцевальной музыкой, Я. Ежек стремился к созданию "третьего направления", где бы обретали ценность бытовые жанры, а "высокие", академические насыщались элементами эстрады, т.е. профанизировались. Так возник утонченный, даже рафинированный, очень изящный и простой, ярко индивидуальный стиль Я. Ежека, писавшего танго, фокстроты, песни к спектаклям Восковца и Вериха, а также балеты и симфонические сочинения. Конец развитию чешского музыкального авангарда положила оккупация: многие композиторы погибли или умерли, часть эмигрировала или отошла от авангарда.

Ведущими исполнительскими коллективами оставались опера Национального театра и оркестр Чешской филармонии. В Национальном театре при главном дирижере О. Острчиле шла острая борьба за новую концепцию оперного театра, не ограничивающегося стандартным репертуаром. Особенностью творческой манеры другого выдающегося дирижера В. Талиха был субъективный индивидуализм, проявлявшийся как в самой интерпретации, так и в отношении к нотному тексту, что вызывало резкую критику и обвинения в неуважении к национальной классике. Мощная творческая натура В. Талиха более успешно проявила себя в симфонической музыке. Возглавляемый им с 1919 г. оркестр Чешской филармонии стал одним из лучших оркестров мира. Славную плеяду чешских скрипачей-виртуозов завершил В. Пршигода, мировую славу приобрел пианист Р. Фиркушный. Певческое искусство освобождается от романтического произвола, проходит время своеволия звезд оперной сцены. В сильном составе оперы Национального театра особенно выделялся бас В. Зитек, за рубежом прославилась сопрано Я. Новотная.

Театральное искусство в целом носит левый характер. Психологический театр вытесняется театром условным, че-

му во многом способствует влияние советского театра 20-х годов «Театральный "Октябрь" ожидает Европу»⁶⁶, предрекает ведущий деятель левого театра Индржих Гонзл (1894 — 1953). Крупные драматические театры, придерживаясь в основном реализма, испытывают влияние левых стилей. Г. Гилар переходит в 1921 г. в драму Национального театра и возглавляет ее труппу, ставя классиков XX в., а бывший ее руководитель Я. Квапил с 1921 г. работает в Театре на Виноградах, ставя там пьесы К. Чапека и вновь организуя гастролы МХТ. Появляются новые театры в провинциальных городах. Но именно левый театр создал тот тип театральной постановки, который придал чешскому театру неповторимую специфику. Появление левого театра было подготовлено деятельностью Союза рабочей театральной самодеятельности Чехии (ДДОЧ), ставившего любительские спектакли с 1911 г., и "Дедрасбора" созданного в 1920 г. Этот коллектив в жанре хоровой декламации инсценировал революционную поэзию. Кульминацией деятельности этих объединений стала Рабочая спартакиада 1921 г., организованная в честь создания КПЧ. Это театрализованное спортивное представление, в котором принимал деятельное участие И. Гонзл, стало воплощением его идеи массовых театрализованных зрелищ, театров-митингов. Затем роль генератора новых театральных идей переходит к "Деветсилу", в котором объединились три ведущих деятеля левого театра — И. Гонзл, И. Фрейка и Э.Ф. Бურიан. В 1925 г. И. Гонзл в книге "Раскрепощенная сцена" излагает эстетические принципы нового театрального искусства. Тогда же эти режиссеры создают Освобожденный театр как театральную секцию "Деветсила". Но вскоре Иржи Фрейка (1908 — 1952) уходит оттуда и, под влиянием абсурдистских тенденций, основывает театр Дада, а в 1929 г. делает поворот вправо, приняв место режиссера Национального театра. Работы Г. Гилара и И. Фрейки значительно способствовали модернизации главной чешской сцены и в отношении стиля, и в смысле репертуара.

Освобожденный театр, существовавший до 1938 г., руководимый И. Гонзлом, ставил пьесы авторов "Деветсила". Он выработал оригинальный стиль спектакля-ревю, театра малых форм, с откровенным комедианством, буффонадой, клоунадой, элементами кабаре, зонгами. Движению театра от драматического к синтетическому во многом способствовал приход в него актеров Иржи Восковца (1905 — 1981) и Яна Вериха (1905 — 1980), ставшими легендой чешского теат-

рального искусства и культовыми фигурами новой чешской культуры в целом. Их дуэт (V + W) представлял традиционную клоунскую пару белого и рыжего клоунов, но они реинтерпретировали клоунаду в интеллектуальном плане как политическую сатиру, часто сами выступая как авторы текстов. Их импровизационная манера игры в традициях театра масок, откровенная буффонада, общение с залом, актуализация сюжетов, прямые реплики в зал, активизирующие зрителей, — все было новаторством для чешской сцены. Такая эстетика, близкая витализму и поэтизму, позволила чешскому левому театру стать не интеллектуально-абсурдистским представлением, а авангардно-демократическим зрелищем, в равной мере доступным интеллектуалам-радикалам и массовой аудитории, среди которой театр V + W приобрел необычайную популярность. Самые известные представления, снискавшие славу V + W, это "West pocket revue" (1927), "Дон Жуан и К°", "Голем" (оба 1931), "Цезарь" (1932), "Палач и шут" (1934), "Лицо и изнанка" (1936). В них чередовались социальная, политическая сатира и чистый бурлеск. Театр стал трибуной, с которой высмеивался тоталитаризм. После "Мюнхенского соглашения" театр был закрыт, дуэт V + W эмигрировал в США, где И. Восковец остался, а Я. Верих потом вернулся на родину, став живым воплощением демократической авангардности чешского искусства, человеком-легендой, снимаясь в кино и выступая с концертами⁶⁷.

Тотальность сценического движения, отсутствие оппозиции сцена — зал не исчерпывают арсенала левого театра. Эмил Франтишек Буриан (1904 — 1959) — режиссер, композитор, актер, драматург, поэт, теоретик создает в 1934 г. театр Д-34 ("Дивадло 34", т.е. театр 1934 г.). Он ставит собственные инсценировки романов чешской и мировой классики, в том числе русской, народной поэзии, используя литературный материал как "сырье" для режиссерских концепций, отличавшихся острой социальностью, политическими намеками, лиричностью выражения, оставаясь в рамках театральной иллюзии. Э.Ф. Буриан использует все средства театрального искусства, включая драму, балет, пантомиму, декламирующий хор, музыку, приемы народного театра, чтобы воздействовать на все чувства зрителя.

Развитие чешского киноискусства шло необычайно быстро. Под влиянием "Деветсила" оно создало свою специфическую поэтику. Техническое оснащение отвечало высшему

европейскому стандарту. В 1920 г. появились постоянные съемочные павильоны компании АБ на Виноградах, в 1930 г. возникло ателье звукового фильма, а с 1933 г. стала работать большая киностудия "Баррандов". Производство немых фильмов достигало 35 в год. На посредственном художественном уровне выделялись "Строитель храма" М. Фрича (1919), фильмы писателя В. Ванчуры, экранизация "Швейка" режиссером К. Ламачем (1926) и "Эротикон" Г. Махатого (1925). С 1930 г. начинается эра чешского звукового кино. Новое изобретение позволило не только использовать оригинальную музыку (для кино стали писать такие композиторы, как Я. Ежек и Э.Ф. Бурриан), но и экранизировать успешно шедшие театральные постановки, например "Белую болезнь" К. Чапека (1937, с выдающимся актером З. Штепанеком в главной роли). Особое значение в популяризации искусства Освобожденного театра приобрели киноадаптации спектаклей и оригинальные фильмы с V + W. Необходимо отметить, что эти фильмы-ревю, расширяя эстетическую сферу кино, все же лишали его специфических средств киновыразительности, навязывая театральные решения. Большой популярностью пользовались фильмы с уникальным комиком Властой Буррианом (1891 — 1962), имевшим в Праге свой театр. Пожалуй, одним из лучших звуковых фильмов, еще не утративших специфики языка кино, была лента Г. Махатого "С субботы на воскресенье" (1931). Появляются социальные фильмы О. Вавры ("Мы живем в Праге", 1933; "Девственность", 1937). В 30-е годы снимается много комедийных фильмов, экранизаций (вновь "Швейк", 1931, режиссер М. Фрич), включая русские сюжеты ("Ревизор", "Двенадцать стульев", оба — 1933, режиссер М. Фрич). М. Фрич проявил себя разносторонним мастером: будучи популярным комедиографом, экранизатором, он также обращается к социальному искусству ("Люди на льдине", 1937). В период кризиса конца 30-х годов усиливается, как и во всей культуре, патриотическая тематика (исторические фильмы О. Вавры). Появляется чешское документальное кино, стремящееся к лирическому обобщению природы и жизни людей. Правительство поддерживает национальный кинематограф путем субсидий и ограничений на показ иностранных фильмов. Чешские фильмы начинают проникать на международные кинофестивали⁶⁸.

В сфере философской, исторической мысли и историографии, оказывавшей значительное воздействие на формирование идеологии чешского общества, продолжают доми-

нирывать идеи Масарика о "чешском гуманизме" и чешской религиозно-демократической традиции, о верности идее славянской взаимности⁶⁹. Официально доминировавшему позитивизму, рационализму и прогрессизму противостояли, явно и скрыто, с одной стороны, католицизм, с другой — левая интеллигенция деветсилловского типа. В обществе наблюдались сильные антикатолические и антицерковные настроения; в то же время в левоинтеллигентской среде, объективно отдававшей должное Масарику как демократу, установился персоналистский индивидуализм, который становился источником антирационалистического течения в культуре⁷⁰. В значительной мере общественное сознание формировалось полемическими текстами чешских писателей, встречавшими живой отклик социума⁷¹.

В общей ситуации острой полемичности особая роль выпала на долю историков. Я. Дурих поставил перед исторической наукой вызов в статье с характерным названием "Тьма в истории": историки во имя истины должны вести "тяжелую борьбу" не только с прошлым, но и с современностью, и с самим собой, т.е. должны отрешиться от национальных мифов⁷². Центром такой борьбы стал возникший еще до освобождения "спор о смысле чешской истории"⁷³, в котором главными оппонентами продолжали выступать Масарик и Й. Пекарж и их последователи. В принципе это было столкновение неоромантизма, традиционного национально-возрожденческого комплекса с современным критицизмом, хотя обе стороны вели борьбу на "одном поле" национального патриотизма, различно лишь расценивая разные традиции национальной истории и культуры.

В собственно исторической науке, сосредоточенной на эпохе Средневековья с гусизмом как эпицентром европейской истории, фундированный католический критицизм Й. Пекаржа дополнялся прогрессивным демократизмом Й. Шусты и К. Крофты, позитивизмом крупнейшего гуситолага В. Новотного, археологическими исследованиями славянских древностей Л. Нидерле.

Словацкая культура 1918–1938 гг.

В ЧСР словацкая культура наконец получила благоприятные политические и социальные условия для своего развития. Официальная идеология чехословакизма рассматривала культуру словаков как часть общей чехословацкой культуры, ее ветвь. Поэтому для поднятия ее уровня, все еще

провинциального, были предприняты организационные меры. Словацкий язык по закону 1920 г. стал основным в школьном образовании, национальные меньшинства, там где они составляли свыше 20% населения, могли пользоваться своими языками, использовать их в школах. Ликвидация мадьяризации в культуре позволила открыть доступ к среднему и высшему образованию и активному культуротворчеству представителям низших социальных слоев, что, учитывая преимущественно крестьянский характер Словакии, означало значительный рост общей культуры населения и, в то же время, обеспечивало сохранение демократического облика словацкой культуры с ее идеологемой любви к крестьянству как основе нации. Обязательное восьмилетнее образование в школах, увеличение числа средних и специальных учебных заведений, открытие в Братиславе в 1920 г. Университета имени Я.А. Коменского чрезвычайно способствовало делу национального просвещения. Эту же цель ставили перед собой общественно-культурные организации: возрожденная Матица Словацкая, католическое "Общество св. Войтеха", евангелический "Траносциус"*. Появляется первый словацкий профессиональный театр, создание которого было подготовлено десятилетиями развития любительского театрального движения. В культурной жизни Словакии межвоенного периода сказывался поликонфессионализм общества, католики и протестанты продолжали оказывать существенное влияние на облик культуры, им противостоял государственный секуляризм, что особенно сказывалось в острой полемике о светском или церковном характере обучения в словацких школах. Росту этнокультурного самосознания словаков также соответствовало включение их национальной символики в общегосударственную и превращение Братиславы с ее богатыми историко-культурными традициями и архитектурными памятниками в столицу Словакии, что, правда, вызвало отток ее венгерского и немецкого населения⁷⁴.

Большую роль в становлении культуры Словакии в ЧСР сыграла чешская интеллигенция. Многочисленные творческие работники, профессора университета, научные кадры, чиновники разных уровней содействовали бы-

* Общество названо в честь чеха Иржи Тржановского (лат. форма — Траносциус) — протестанта, послебелогорского эмигранта, поэта и композитора, который внес большой вклад в словацкую культуру XVII в.

строй профессионализации словацкой культуры, ее качественному росту, выравниванию с чешской, хотя в их деятельности иногда можно отметить стремление к некоторой чехизации. С другой стороны, многие словаки, как и раньше, получают образование в Праге и часто остаются жить в Чехии. Тем самым связи чешской и словацкой культур, их взаимовлияние (например, увлечение чешских прозаиков и поэтов крестьянской культурой Словакии) становятся как никогда тесными и плодотворными, но все же говорить о единой чехословацкой культуре было бы неверным, так как каждая часть страны сохраняла свою культурную специфику. В Словакии особенно настаивали на сохранении ее культурной идентичности деятели людацкой партии.

Лидерство в словацкой культуре сохраняет литература. В демократической ЧСР она уже отходит от сконцентрированности на национальном вопросе. При всех различиях политической ориентации писателей они осознают себя творческим сообществом, работающим на общую цель просвещения словацкого социума и подъема художественного творчества. Важной проблемой не только для литературы, но и для всей культуры, стало отстаивание прав словацкого языка на существование как литературного. Многие крупнейшие чешские филологи (А. Пражак, Ф. Травничек) считали словацкий язык, точнее многочисленные словацкие диалекты, диалектами чешского языка, а некоторые чешские политики, писатели, журналисты во главе с Ф. Пероуткой, считали за благо для культурного развития словаков вновь перейти на чешский литературный язык, как это было до конца XVIII — середины XIX в. Тем самым произведения писателей-словаков влились бы в единую чешскоязычную литературу, что подняло бы словесность Словакии на более высокий культурный уровень, дало бы ей гораздо более широкую читательскую аудиторию. Словацкие литераторы отвергали такую позицию, подчеркивая значение родного языка как национально-культурного средства, как носителя высокой культуры.

В условиях "малой" литературы каждое произведение привлекало к себе общественное внимание, анализировалось, обсуждалось, а творчество каждого автора становилось значимым фактором культуры. У малого по численности словацкого народа удивляет большое количество писателей и поэтов, что свидетельствует об общественной значимости

литературы, ее ведущей роли в формировании словацкого культурного, и, шире, национального сознания. О достаточной степени развитости литературы свидетельствует начавшаяся в 30-е годы критика вторичности, эпигонства, провинциальной замкнутости.

В 20-е годы на ведущие позиции в литературе выходит молодое поколение. Оно впитывает новейшие европейские художественные импульсы, стремится к полной свободе самовыражения, ищет свое место в семье европейских литератур. Своеобразие словацкой литературы и искания молодых были поддержаны таким влиятельнейшим в ЧСР критиком, как Ф.Кс. Шальда. Поэты и писатели старшего поколения, ставшие в сознании общества классиками, приветствовали образование ЧСР. Наступившее вскоре разочарование действительностью, далекой от взлелеянного в мечтах идеала, сказалось в лирике авторов словацкого модерна, таких как В. Рой и М. Разус. Если первый сосредоточивается на страдании, ожидании смерти, то второй в политических стихах и публицистике ставит острые вопросы современности, а в прозе дает глубокий анализ жизни деревни и города. М. Кукучин, оставаясь за границей, публикует на родине роман-хронику "Мать зовет" (1927) из жизни эмигрантов. Для писателей этого поколения характерен уход в исторические и мемуарные жанры, что имело положительное значение, так как формировало историческое сознание народа, ранее не имевшего своей государственности.

На эволюционном характере перехода словацкой культуры в новую фазу настаивал критик, поэт, организатор Штефан Крчмери (1892 — 1955), в 1919 г. ставший секретарем Матицы Словацкой, а в 1922 г. возглавивший ее журнал "Словенске погляды", сочетавший в своем творчестве преклонение перед Национальным возрождением и увлечение новой западной философией иррационализма. Его программу преемственности не разделяло молодое поколение. В дискуссиях также обозначилась новая проблема — определение сущности понятия традиция. Новый подход четко обозначил Я. Смерек в "Сборнике молодой словацкой литературы" (1924), призывавший "вырваться из зачарованного, узкого круга традиций, будь то национальных или религиозных", но сразу оговаривавшийся, что "речь идет, собственно, не о традициях, а о том, как мы их воспринимаем. Традиции следует почитать и основываться на них, но с учетом духа прогресса"⁷⁵. Самого Яна Смерека (1898 — 1982) можно счи-

тать представителем витализма в словацкой поэзии. Его жизнерадостные стихи мелодичны, конкретно образны, они воспевают любовь к природе и женщине. Иной характер носит поэзия Эмила Болеслава Лукача (1900 — 1979) с ее внутренним напряжением, поисками высших истин, ностальгией, двойственным отношением к любовному чувству, философским пессимизмом. В 30 — 40-е годы оба поэта заняли гуманистические позиции, в их творчестве возобладали тревожные, мрачные мотивы.

Ведущим стилем молодой прозы становится экспрессионизм. Иронией, мрачным гротеском, сарказмом проникнуты произведения Гейзы Вамоша (1901 — 1956). Страшная реальность войны, деградация человека в военных условиях, раскрывающих самые темные, потаенные стороны его натуры стали главной темой репортажей, рассказов и романов Яна Грушовского (1892 — 1975). Тидо Й. Гашпар (1893 — 1972), наоборот, экзальтированно воспевал любовь во всех ее оттенках и здоровый словацкий менталитет. Ассоциативная манера письма, выявляющая скрытые стороны человеческой натуры, присуща Ивану Горвату (1904 — 1960) — пропагандисту авангардной стилистики, хорошо знакомому с новейшей западной культурой.

Вниманием к вечным, бытийным проблемам, рассматриваемым на локальном материале деревенской жизни Оравского региона, новым стремлением к психологизму отмечено творчество Мило Урбана (1904 — 1982), ставшее центральным явлением межвоенной прозы. Поворотным событием считается его роман "Живой бич" (1927), включивший процесс модернизации Словакии в живой поток мировых событий.

Другой крупнейший прозаик этого типа — Йозеф Цигер-Гронский (1896 — 1961) в 1933 г. сменил Ш. Крчмери на посту секретаря Матицы Словацкой в Мартине, а в 1940 г. ее возглавил, став, таким образом, важной фигурой в независимой Словацкой республике 1939 г., что затем обусловило его эмиграцию. Он начал с идеализации патриархальности словацкой деревни, затем, реально взглянув на непрекращающееся бедственное крестьянское существование, усомнился в разумности социальных изменений и стал искать душевной опоры в добром сердце и жизнестойкости простого труженика ("Йозеф Мак", 1933). В стиле писателя сплелись традиции и новации, живая речь и внутренний монолог, "орнаментальность" и импрессионистичность, брутальность и

лиризм, что значительно обогатило художественно-выразительные средства словацкой литературы.

Формируется и революционная, "пролетарская", политически окрашенная в красный цвет литература. В 1922 г. в Праге появляется "Вольное содружество студентов-социалистов из Словакии", в которое входит впоследствии видный коммунистический деятель В. Клементис. О поддержке позиции "Содружества" заявили многие литераторы левой ориентации, жившие в Словакии, с 1924 г. ставшие издавать свой журнал "Дав" ("Масса"). Дависты были близки к чешской "пролетарской" поэзии и стилистике поэтизма. Ненависть к буржуазному миру и его ценностям, революционное бунтарство, провокативный эротизм и пролетарский мессианизм ранних стихов Яна Поничана (1902 — 1978) с их декларативной риторичностью сменяются затем обращением к образам, в том числе революционным, словацкого фольклора. Крупнейшим поэтом этого направления стал Ладислав Новомеский (1904 — 1976), связавший свою судьбу с КПЧ. Он редактирует словацкие коммунистические газеты, а с 1929 г., переехав в Прагу, — "Руде право", сближается с В. Клементисом, затем с Г. Гусаком, поддерживает Словацкое национальное восстание 1944 г., после войны сидит в тюрьме за "словацкий национализм", реабилитированный, пытается воспевать "истинный коммунизм". При этом Л. Новомеский — большой поэт, вышедший далеко за рамки агитационной поэзии. Он может быть осязательно конкретен, ироничен, печален и весел, его творчество — поэзия сложных авангардных структур и открытой эмоциональности, она далека от сюжетно-описательной и близка эстетике "Деветсила". Разделение линий искусства и политики позволило Л. Новомескому стать центральной фигурой словацкой поэзии в целом.

Итоги развития словацкой культуры, в том числе литературы в новых условиях подвело издание критического обобщающего труда "Словацкая литературная и художественная современность" (1931), где отмечался значительный прогресс культуры, но, одновременно, и ее неопределенное, дисперсное состояние. Созданное в 1923 г. Общество словацких писателей провело в 1936 г. Конгресс словацких писателей, ставший одним из важнейших культурных событий в ЧСР. Он способствовал утверждению словацкой литературы в европейском контексте (на конгрессе присутствовали многие зарубежные писатели), но, главное, сплотил очень

разнородное сообщество литераторов на общей профессиональной основе. Чехословакизм и национализм были осуждены как две крайности, принуждавшие словацкую литературу оставаться в локальных рамках. Напротив, было подчеркнуто (в докладе Л. Новомеского), что благодаря своему положению в центре Европы Словакия "может стать моделью складывающегося синтеза новых идей" Востока, т.е. Советской России, "выражающих важнейшие устремления человечества, с образованностью Запада... Надо хорошенько проветрить Словакию мощными, мировыми, общечеловеческими идейными веяниями, приобщить к самым разнообразным культурным исканиям. В таком приобщении к интернациональному культурному творчеству — залог будущего словацкой нации"⁷⁶. Эта программа, названная концепцией "открытых окон", получила всеобщее одобрение. Здесь следует учесть, что в отношении к новой России продолжала существовать старая русофильская традиция, интерпретировавшая русскую революцию не в коммунистическом, а в духовно-гуманистическом ключе русской культуры. Можно утверждать, что писательский конгресс определил будущую парадигму словацкой культуры, воплощение которой было отодвинуто на более чем полвека новыми историческими событиями, режимами национализма и "реального социализма". Конгресс также отметил опасность наступательного фашизма для свободы, демократии и национального развития словаков. Линию конгресса стали осуществлять возникшие в 30-е годы журналы "Элан" ("Порыв", редактор Я. Смерек, издавался в Праге) и "Слованске смиеры литерарне и умелецке" (редактор Э.Б. Лукач).

Председателем Общества словацких писателей в 1930 — 1939 гг. был Я. Есенский. Он не только много делал для организации литературной жизни, не только продолжал русофильскую, но некоммунистическую, линию словацкой культуры, переводя Пушкина, Есенина, Блока, но и вновь заявил о себе как крупный поэт и прозаик. Сделав в ЧСР успешную карьеру чиновника, он, верный друг и сторонник Масарика, стал испытывать разочарование в реалиях нового государства, далеких от первоначальных идеалов, за которые он боролся в России как легионер. Его критический образ мыслей отразился в большом сатирическом романе "Демократы" (1935 — 1937).

Социально-аналитический роман с элементами лиризма появляется в творчестве писателей-давистов. Петр Илем-

ницкий (1901 — 1949) — чех, живший в Словакии и перешедший на словацкий язык, прославившийся "крестьянской балладой" "Победное падение" (1926); под влиянием советской литературы лефовского типа создает романы "Звенящий шаг" (1930), "Поле невспаханное" (1932) и "Кусок сахара" (1934). Поэт Франьо Краль (1903 — 1955) пишет роман "Тернистый путь" (1934), Я. Поничан — "Машины заработали" (1935). В этих сочинениях жанр репортажа объединялся с эпическим обобщением романа, рождая новый для Словакии вид "пролетарской прозы", крайне идеологизированной, агитационной, прямолинейной.

Иной полюс представлял натурализм — неоромантическая проза таких писателей, как Л. Ондрейов, Д. Хробак, М. Фигули, Ф. Швантнер, на материале архаики словацкой деревни, абстрагируясь от "благ цивилизации", показывавших "в натуре" сильные, неиспорченные человеческие характеры, живущие естественной моралью на лоне природы. Нелучайно натурализм затем приблизился к эстетике народных баллад и песен, воспевавших героев-разбойников типа Яношика. Натурализм, таким образом, создал свой вариант деревенской прозы, поэтичный и полный символики.

В 30-х годах XX в., как главное, формируется стилистическое течение, называемое лиризованной прозой, в которой процесс эстетизации достигает ощутимых результатов. Субъективация восприятия и его лирическая реализация становятся концептуальным принципом, определившим специфику дальнейшего развития словацкой прозы, создававшей индивидуализированную картину мира, часто далекую от суровой повседневности. Это качество сближает прозу с поэзией, придавая особую цельность словацкой литературе, и одновременно проявляет ее крестьянско-демократические истоки. Лиризация, наиболее ярко проявившаяся у Й. Цигера-Гронского, отразилась и в прозе П. Илемницкого, и у натуралистов, став объединяющим признаком "словацкой школы".

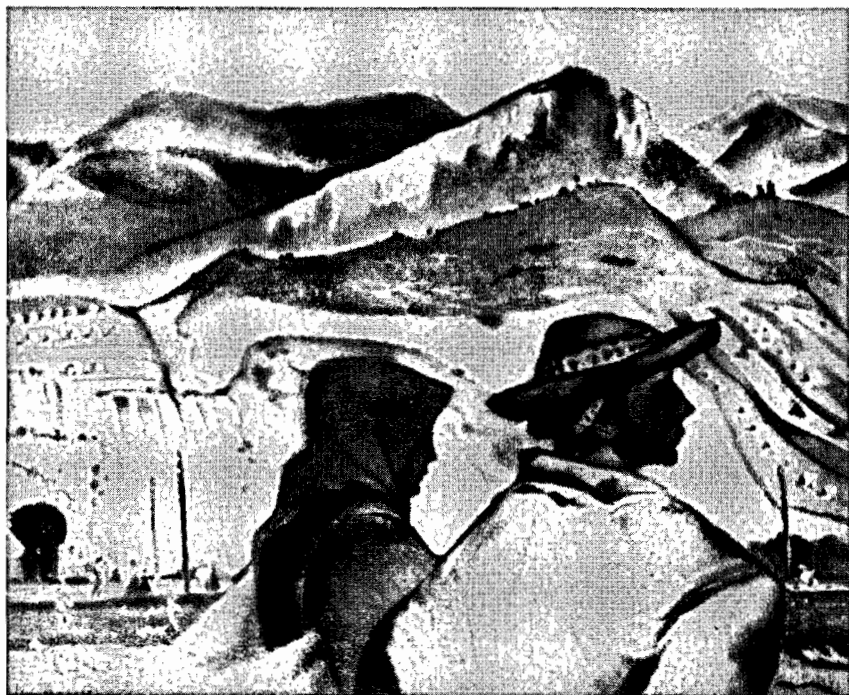
В середине 30-х годов в поэзии появляются два противоположные новые направления. Как "пик" авангарда, ориентированного на французскую поэзию, заявил о себе словацкий сюрреализм. Сборник Рудольфа Фабры (1915 — 1982) "Отрубленные руки" (1935), а затем стихи целого ряда молодых поэтов, не только произвели сенсацию, но и показали высокую степень развития словацкого поэтического языка, способного на предельное раскрепощение, а также спрово-

цировали дискуссию об органичности сюрреализма для словацкой литературы. Положительно ответить на этот вопрос помогли статьи видных членов Пражского лингвистического кружка и молодого словацкого критика М. Бакоша, собранные в специальном выпуске журнала "Словенске смиеры", озаглавленном "Да и нет". Другое направление получило название католического модерна, заявившего о себе сборником "Антология молодой словацкой поэзии" (1933). Поэты этого направления группировались вокруг монаха-францисканца Рудольфа Дилонга (1905—1986), очень талантливого и плодовитого поэта, и ориентировались на другое явление французской поэзии — творчество поэтов-католиков. Они порвали с традиционным дидактизмом и морализаторством словацкой католической поэзии, использовали модернистскую образность для вовлечения читателя в совместное духовное восхождение к абсолюту и для насыщения земных явлений и понятий божественным духом.

В драматургии появляются эстетически полноценные пьесы, что связано со становлением словацкого профессионального театра. В разноплановых произведениях для сцены Ивана Стодолы (1888—1977), известного и как деятель здравоохранения, первенствующее место занимает комедия нравов, высмеивающая человеческие слабости и провинциализм городских жителей. Классикой стала трагедия "Жена пастуха" (1928), поднявшаяся до высот мифологизированного типа трагедийности.

Словацкий Национальный театр, организованный в 1920 г., сначала состоял из чехов, дававших спектакли на чешском языке. В 1932 г. возникла словацкая труппа, ставшая по-настоящему первым словацким театром. Ею руководил режиссер Я. Бородач — приверженец системы Станиславского, много сделавший для утверждения реализма на словацкой сцене. В становлении словацкого кино также решающую роль сыграли деятели чешской культуры: режиссер М. Фрич поставил фильм "Яношик" (1936), сам выбор сюжета которого демонстрировал специфику словацкой культуры с ее преданностью народным образам и традициям.

Музыка также, как и театр, совершила рывок вперед, так как только в ЧСР были созданы условия для возникновения и развития профессиональной словацкой музыкальной культуры и современной национальной музыки. При активнейшей и всесторонней помощи чешских музыкантов со-

М. Бенка. Дорога в город, 1934

здавались необходимые институты: в 1919 г. — Музыкальная школа для Словакии, затем Словацкая филармония (как любительский оркестр), Хор словацких учителей. Особенно велико значение Музыкальной школы, в которой частично занимались по программе консерватории. Центром музыкальной жизни стала опера Словацкого национального театра (1920), состоявшая вначале из чехов, с 1923 г. руководимая таким выдающимся чешским композитором и дирижером, как О. Недбал. Он ввел в репертуар, кроме всех опер Б.Сметаны, оперы словацких композиторов: это "Кузнец Виланд" Я.Л. Беллы (1843—1936) — патриарха словацкой музыки, работавшего в Сибиу и Вене, а в 1928 г. переселившегося в Братиславу и пережившего новый расцвет своего творчества (кантаты "Свадьба Яношика", 1921, "Птица орел" и "Чудесный разбойник", обе 1933), а также "Детван" В. Фигуша-Быстрого — первая национальная опера на народный сюжет (премьера — 1928). Но ни романтизм Я.Л. Беллы, ни народная песенность В. Фигуша уже не соответствовали целевым устремлениям "словацкого модерна". О словацкой компози-

торской школе было заявлено на репрезентативном культурном мероприятии в Праге — Словацком концерте (1920). Новое поколение появляется в 30-е годы и ставит своей задачей покончить с провинциализмом и сравняться с новыми чешскими и европейскими направлениями. В композиторском творчестве это стало насущной проблемой, тем более что музыкальная жизнь Братиславы была чрезвычайно интенсивна.

Это поколение "словацкого модерна" представляют три выдающихся композитора. Александер Мойзес (1906 — 1984), начав с неоромантической Первой симфонии (1928), затем пришел к "новой музыке" в духе чешского авангарда, увлекался джазом, импрессионизмом и неофольклоризмом, писал в последнем из этих стилей симфонические произведения. Эуген Сухонь (1908 — 1993) привлек внимание современностью музыкального языка, сконцентрированно выражавшего духовно-психологическое состояние словацкой интеллигенции. Значительнейшим произведением для всей словацкой музыки стал его "Псалом земли Подкарпатской" (1938). "Весенняя симфония" (1937) Яна Циккера свидетельствовала о приобщении словацкого симфонизма к европейским тенденциям.

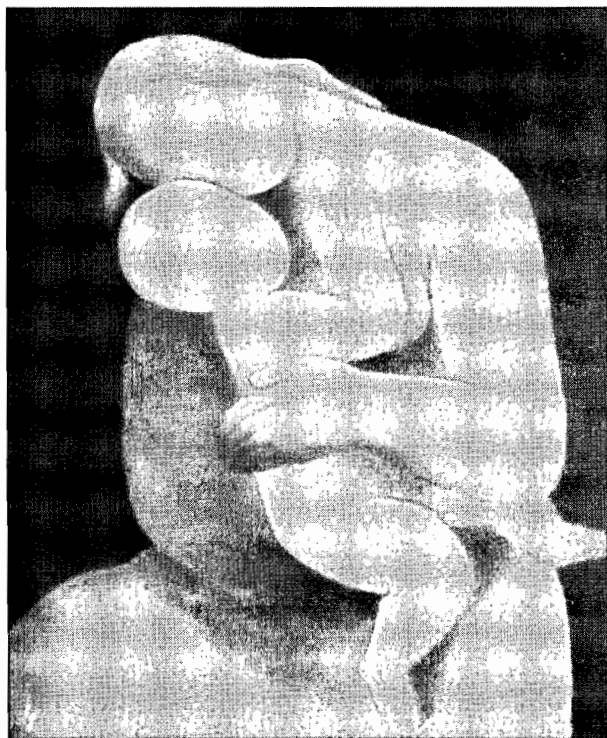
Наряду с литературой лидирующей сферой культуротворчества стала живопись. Возникла словацкая, самобытная школа изобразительного искусства, вполне отвечавшая уровню и тенденциям развития искусства в странах Восточной Европы. Гармоническое сочетание новаторства, европейскости и национальной традиции, воплощаемое плеядой выдающихся творческих индивидуальностей в произведениях высокого класса, позволили молодому словацкому искусству не только утвердиться, но и стать феноменом европейского масштаба. Организационно этому помогала деятельность Союза словацких художников и Словацкой художественной беседы. Школа художественных ремесел активно способствовала укоренению в словацком искусстве основных направлений модернизма.

Центром модернизма в начале 20-х годов становится Кошице, где работают в основном художники-венгры. Кошицкая школа оказала влияние и на других мастеров. Метафизическая живопись Антона Язуша (1882 — 1965) синтезировала футуризм, экспрессионизм, орфизм в произведениях большой эмоциональной силы. Юлиус Якоби (1903 — 1985) дал иной вариант — сочетание экспрессионизма с наивизмом и гротеском.

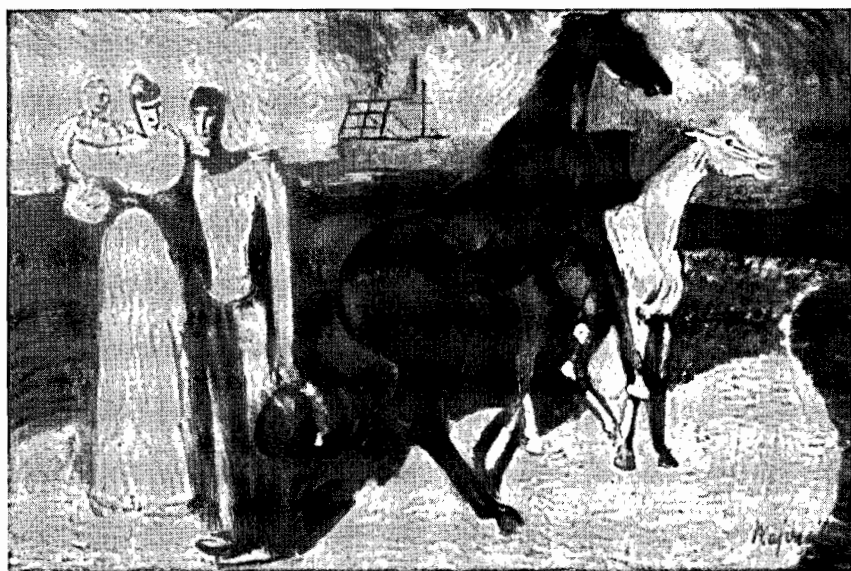
Формируется парадигма национального модернизма. Каждый из художников ищет свой стиль, и в то же время они вместе стремятся к выработке национального стиля. Г. Маллы остается в рамках широкой живописной манеры неомпрессионизма и крестьянской тематики, его полотна приобретают более монументальное, эпическое звучание. Еще более эти свойства присущи большим картинам Мартина Бенки (1888 — 1971), которому удалось создать подлинное национальное выражение словацкости средствами живописи безусловно ярко индивидуальной, современной, но одновременно опирающейся на глубинные традиции словацкой народной культуры, на романтически-символистские основы. Героико-монументальный стиль, эпический взгляд на природу, точка зрения сверху, пристрастие к мотиву гор и трудящихся на их фоне крестьян, крепкая обобщенная манера письма, лаконизм рожают ощущения простой величавости страны и ее людей, глубокого покоя естественного существования вдали от цивилизации. Бенка своей многогранностью как художник (графика, книжная иллюстрация, сценография, гобелены, монументально-декоративные работы) открыл словацкому искусству широкое поле для творчества. Сам мастер до 1939 г. жил в Праге, в 1940 г., переехав в Братиславу, год возглавлял основанное им графическо-живописное отделение Словацкой высшей технической школы, с 1941 г. как свободный художник жил и работал в Мартине, в 1960 г. подарил свои работы государству. Несмотря на то, что М. Бенка был чужд организаторско-функциональной деятельности, не занимал никаких постов, своим творчеством он оказал огромное влияние на словацкое искусство, подняв его на небывалый дотоле уровень и создав образную систему, которая вместе с авангардно-народной праздничностью другого художника — Л. Фуллы стала ядром национальной художественной идентификации словаков.

Янко Алекси (1894 — 1970) полжизни провел в провинции, был тесно связан со словацкой средой. Наивно-добрый, умиротворенно-идиллический взгляд на деревню в конце 30-х годов сменяется трагически экспрессионистским образом города, который затем, в более спокойном и тематически разнообразном послевоенном творчестве художника остается надолго. Я. Алекси активно участвовал в художественной жизни, пропагандировал новое словацкое искусство, способствовал организации в 1932 г. колонии художников в Пиештянах, занимался декоративно-прикладным и мо-

*М. Галанда.
Мадонна, 1933*

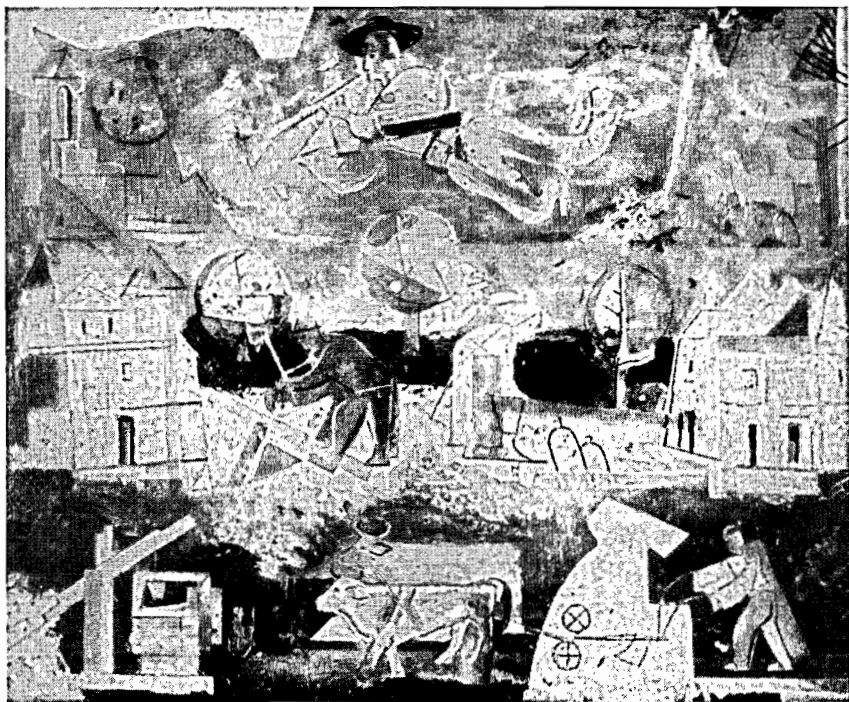

*Ц. Майерник.
Огонь, 1938*

нументальным искусством, стал основателем школы словацкого гобелена. Он также прославился как автор многих романов, воспоминаний и важной для истории словацкого искусства публикации "Судьбы словацких художников" (1948). Милош Базовский (1899 — 1968) ярко, в повышенной цветовой гамме, отразил влияние экспрессионизма и кубизма, к которым он приобщился в Праге. Напряженное пластическое решение у него получают бытовые сюжеты, переводимые в сферу абстрактных, общечеловеческих конфликтов и ситуаций. При всей экспрессии мазка и цвета работы М. Базовского, в которых часто применяется кубизированная форма, четко конструктивны. В творчестве Микулаша Галанда (1895 — 1938) — крупнейшего словацкого кубиста, этот стиль нашел лирическое воплощение. Особая выпуклость форм, нежная цветовая гамма придают его почерку яркое своеобразие. Его "Мадонна" (1933) с ее нежностью и концентрированностью обобщенного выражения почти монохромной, но богатой градациями красного цвета живописью относится к лучшим мировым образам материнства. В 20-е годы М. Галанда принадлежал к кругу социалистически ориентированных деятелей культуры. В 30-е годы он значительно расширил свою стилистику, активно выступал как график, поражая чистотой линейных решений, как художник книги, в т.ч. библиофильской. М. Галанда — педагог сильно повлиял на укоренение авангардных форм в словацком искусстве. Вместе с Л. Фуллой в 1932 г. они издали свою переписку ("Личные письма") как своеобразный манифест художественного авангарда, представив его целостной эстетической системой. Экспрессионизмом отмечена живопись Циприана Майерника (1909 — 1945) — художника трагической судьбы, жившего в Праге. Его фольклористические картины наполнены мрачной символикой ("Морана", 1933), которая стала господствующей в картинах предвоенного времени с их катастрофизмом, написанных необычайно широко и точно ("Огонь", 1938). Военный цикл "Беженцы" (1940 — 1945), напротив, социален, полон боли за конкретного человека, поднимаясь до общечеловеческих обобщений, выражающих идею "все мы только странники на земле".

Квинтэссенцией словацкого модернизма стало фольклорно-авангардистское, праздничное по звучанию творчество Людо Фуллы (1902 — 1980). Он идет от народных наивных картинок, орнамента, ему во многом присуще видение мира, характерное для народной культуры, поэтому он не стилизу-

Л. Фулла. *Песня и труд*, 1935

ет, а органически выражает народность, причем в формах авангарда, которые оказываются близкими народной эстетике (плоскостность, декоративизм). Он лаконичен и повествователен одновременно, тяготеет к монументально-декоративным панно со множеством персонажей и предметов, прославляя жизнь и труд крестьянина. Фулла работает во всех жанрах, становясь благодаря стилистической синтезности, длительности и неослабевающей интенсивности творчества, а также педагогической деятельности, центральной фигурой словацкого искусства XX в.

В конце 30-х годов заявляет о себе "поколение 1909 года", или "Авангард-38", соответствовавшее сюрреализму в поэзии. К нему относятся такие видные художники, как В. Гложник, Л. Гудерна, Я. Мудрох, П. Матейка, Я. Желибский, прошедшие, как и все их сверстники, увлечением различными течениями модернизма, но к концу 30-х годов обретшие каждый свой индивидуальный стиль. Их целью было создать в Словакии по-настоящему современную (модер-

ную) культуру и защитить ее от напора политической и культурной реакции. Характерной чертой их модернистского дискурса становится внимание к человеку, антропоцентризм⁷⁷. Лирико-фантастическое звучание сюрреализму в словацкой живописи придали повествовательные, четко выписанные картины Имро Вайнер-Краля (1901 — 1978), отдавшего дань и другим авангардным стилям. Для художника в 30-е годы, когда он в основном жил в Германии и Париже, характерна тема созвучности природы и жизни человека. Он всегда подчеркнуто метафизичен, лирически поэтичен, от его картин веет загадочностью и медитативностью. В войну он участвовал во французском Сопротивлении, работы этих лет полны ностальгии. Магической медитативностью наполнены полотна Эстер Шимеровой-Мартинчековой (р. 1909). В скульптуре, гораздо менее развитой, видной фигурой стал Юлиус Бартфай (1888 — 1979) — мастер большой выразительной силы, исходящий из наследия французской школы. За несколько десятилетий словацкое искусство прошло путь от становления профессиональной школы, от импрессионизма до начала абстракционизма. Его главной чертой стал модернистско-декоративный фольклоризм⁷⁸.

Словацкая архитектура как новый для словаков вид современного творчества сразу формируется в лоне конструктивизма под решающим чешским влиянием. Разрыв с предшествующим стилем историзма был революционный, однако в отличие от Чехии конструктивистские здания не стали новой существенной составной частью ландшафта, страна сохранила свой исторически сложившийся облик. Конструктивистские здания 20-х годов включили Словакию в ареал современной архитектуры. Выставочный зал Словацкой художественной беседы (1925, архитекторы А. Балан и И. Гроссман) стал этапной постройкой в новом стиле. Строгой аскетикой пуризма веет от Технического университета в Братиславе (1928, те же авторы). С 1925 г. выступает первое поколение архитекторов-словаков, лидером которых стал Э. Беллуш. 30-е годы XX в. — период расцвета функционализма в Словакии. Его спецификой становится социальная ориентированность, в значительной мере сформировавшая лицо т.н. жилинской школы. Самые значительные постройки этого периода: Колоннадный мост через Дунай (1932, архитектор Э. Беллуш), санатории в Сляче (1931, по проекту Р. Штокара) и Вышних Хагах (1934, по проекту Ф. Либры и

Й. Кана), торговые центры и рабочие поселки, возведенные В. Карфилом.

Продолжает интенсивное развитие словацкое народное искусство, достигая в первой половине XX в. впечатляющих результатов. Вместе со всей национальной культурой оно становится официально признанной ценностью, основой словацкой культуры. Благодатно сказалось то, что культурные учреждения не ставили своей целью профессионализировать и "окультуривать" народное творчество, что позволило ему сохранить аутентичность. Традиционная для региона Карпат живопись на стекле сохраняет религиозную и яношиковскую сюжетику. В среднесловацкой горнорудной области продолжает существовать уникальное явление. — "расписные шалаши", ставившиеся на Рождество в домах шахтеров. Акварелью или темперой на бумаге народные художники-любители с наивным очарованием, любовью к природе и людям изображали сцены из простонародной жизни. На основе габанской* керамической посуды, праздничной, с яркой росписью, сохранившей ренессансно-барочные формы, появляется керамическая пластика — майоликовая камерная скульптура, у истоков которой стоял великий гончар и тонкий художник Фердуш Костка (1878 — 1951). Созданные им фигурки и целые композиции полны точных реалистических наблюдений, несколько гротескны и лиричны, что превращает эти статуэтки в подлинное искусство, ставшее традиционным в Словакии и Южной Моравии. Оно находится на грани народного и профессионального творчества и подчеркивает живую связь нового словацкого искусства с фольклором.

В целом баланс словацкой культуры в 1918 — 1938 гг. был весьма положительным. Она сделала резкий рывок вперед, обогатилась необходимыми институтами для полноценной жизни, перестала бороться за самобытность своего существования. За эти годы она прошла период ускоренного развития, что выразилось в стилистическом синтетизме словацкого модернизма. Фольклоризм, народная традиция остались как основа культуры и общая тенденция ее развития, выражаемая в различных стилистических вариантах.

Сформировался широкий слой профессиональной словацкой интеллигенции, что обусловило не только небыва-

* Габаны — потомки немецких протестантских переселенцев-сектантов, пришедших в XVI в.

лый расцвет литературы, но и сложение национальных школ музыкального и изобразительного искусства, последнее из которых поднялось на невиданную до тех пор высоту, встав на один уровень с искусством соседних народов. Однако чрезмерная политизация творческих кадров, их дифференцированность помешали созданию единого "национального стиля", что придало бы молодой культуре монолитность и репрезентативность, но, с другой стороны, отсутствие единства, противоречия и конфликты, окрашенные политически, придали словацкой культуре динамичность, ангажированность, также необходимые для ее существования как живого и развивающегося организма.

¹ Wittlich P. Umění a život. Doba secese. Praha, 1986; *Idem*. Česka secese. Praha, 1982.

² Jandčková J. Moderna // J. Lehár, A. Stich, J. Janáčková, J. Holý. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha, 2002. S. 390.

³ Česká moderna // F.X. Šalda. O umění. Praha, 1955. S. 361.

⁴ Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha, 1977. Díl. II. S. 113.

⁵ Подробнее о борьбе по вопросу о подлинности рукописей см.: Ivanov M. Tajemství RKZ. Praha, 1969; Липтева Л.П. Письменные источники по истории Чехии периода феодализма (до 1848 года). М., 1985. С. 170—185.

⁶ Имеющийся в отечественной науке подробный, глубокий и объективный анализ чешской литературы (Бугагова Л.Н. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 3: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). М., 2001. С. 77—129, 424—478) позволяет в нашей работе, не повторяя историю чешской словесности, сосредоточиться на ее культурологических аспектах.

⁷ Holý J. Od počátku století po světovou válku // Lehár J., Stich A., Janáčková, J. Holý. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha, 2002. S. 471.

⁸ Никольский С.В. Чешская литература // История литератур западных и южных славян. Т. 2: Формирование и развитие литератур нового времени. М., 1997. С. 434.

⁹ Rak J. Bývalí Čechové... České historické mýty a stereotypy. Jinočany, 1994. S. 49—66.

¹⁰ Бугагова Л.Н. Чешская литература. С. 119.

¹¹ Кузнецова Р.Р. Ф.Кс. Шальда — литературный критик и теоретик // Studia bohemia: К 70-летию Сергея Васильевича Никольского. М., 1992. С. 128—138.

¹² Hudba. (Československá vlastivěda. D. IX. Umění. Sv. 3). Praha, 1971. S. 230.

¹³ Михеева Л.В. Эдуард Францевич Направник. М., 1985; Направник В. Эдуард Францевич Направник и его современники. Л., 1991.

¹⁴ Подробнее см.: Lébl V. Vitezslav Novák. Život a dílo. Praha, 1964.

¹⁵ Подробнее см.: Jozef Suk. Život a dílo, vzpomínky a studie. Praha, 1935.

¹⁶ Изложение биографии композитора и музыковедческий анализ его опер см.: Полякова Л.В. Оперное творчество Леоша Яначека. М., 1968.

¹⁷ Ее анализ см.: Нестьев И.В. "Ее падчерица" Леоша Яначека. М., 1960; Полякова Л.В. Чешская и словацкая опера XX века. М., 1978. Т. 1. С. 73—123.

¹⁸ Marek J. Česká moderní kultura. Praha, 1998. S. 246.

¹⁹ Солнцева Л.П. Театр Чехии и Словакии. М., 1977. С. 145—166.

²⁰ Marek J. Op. cit. S. 232. Подробную характеристику чешского искусства этого периода содержит единственное на русском языке монографическое исследование широкого пласта чешского искусства XX в., выполненное для времени его создания на высоком научном уровне и знакомившее отечественного любителя искусств с неизвестными ему дотоле первоклассными феноменами искусства, творцы которых даже в чешском искусствоведении той поры не всегда были высокооцениваемы: Виноградова Е.К. Графика и проблемы чешского искусства конца XIX — начала XX в. М., 1975.

²¹ Obecní dům v Praze. Historie a rekonstrukce. Praha, 1997.

²² Сарабьянов Д.В. Модерн. История стиля. М., 2001. С. 140.

²³ Виноградова Е.К. Графика... Гл. "Альфонс Муха и чешский плакат".

²⁴ Там же. Гл. "Рисунок в творчестве Макса Швабинского".

²⁵ Bohatcová M. a kol. Česká kniha v proměnách staletí, Praha, 1990. S. 397—544.

²⁶ Wittlich P. České sochařství ve XX. století (1890—1945). Praha, 1978.

²⁷ Czech Modern Art 1900—1960. The National Gallery in Prague. Praha, 1995. P. 44.

²⁸ Mašin J. Jan Štursa. Praha, 1981. S. 7.

²⁹ Виноградова Е.К. Графика... Гл. "Франтишек Купка и карикатура".

³⁰ Czech Modern Art... P. 67—80, 127—136, 194—200.

³¹ Цит. по: Vachtová L. František Kupka. Praha, 1968. S. 220.

³² На русском языке новейший небольшой анализ всего творчества Ф. Купки содержится в кн.: Герман М. Парижская школа. М., 2003. С. 142—146.

³³ Виноградова Е. Чешские "Упрямые" // Чешское искусство и литература. XX век. СПб., 2003. С. 41—50.

³⁴ В чешском искусствознании кубизм исследован фундаментально. См.: Lahoda V. Český kubismus. Praha, 1996; Lamač M. Osma a Skupina výtvarných umělců. 1907—1917. Praha, 1988; Шмейкал Ф. Футуризм и чешское искусство // Чешское искусство... С. 96—147. В отечественной науке об искусстве его изучает Е.К. Виноградова: Виноградова Е.К. Судьбы чешского кубизма // От конструктивизма до сюрреализма. М., 1996. С. 69—89; Она же. Чешский кубоэкспрессионизм и искусство XIX века // Европейское искусство XIX—XX веков: исторические взаимосвязи. М., 1998. С. 46—66.

³⁵ Цит. по: Виноградова Е.К. Судьбы... С. 74.

³⁶ Lahoda V. Op. cit. S. 37.

³⁷ Ibid.

³⁸ Характеристику всего творчества Й. Чапека см.: Pečínková P. Josef Čapek. Praha, 1995; см. также небольшую работу на русском языке: Виноградова Е.К. Йозеф Чапек. М., 1981.

³⁹ Slavík J. K výtvarnému dílu Josefa Čapka // Josef Čapek. Katalog výstavy. Národní galerie v Praze. Praha, 1979. S. 34.

⁴⁰ Стригалева А. "Архитектурный кубизм" и "рондокубизм". 1910-е — середина 1920-х годов // Чешское искусство... С. 169 — 189.

⁴¹ Цит. по: Lahoda V. Op. cit. S. 55.

⁴² Казакова Л. Декоративно-прикладное искусство 1900 — 1920-х годов // Чешское искусство... С. 151 — 158.

⁴³ Czech Modern Art... P. 55.

⁴⁴ Подробнее о словацкой литературе XX в. см.: Šmatldák S. Dejiny slovenskej literatúry od stredoveku po súčasnosť. Bratislava, 1988. S. 440 — 582; Боганов Ю.В. Словацкая литература // История литератур... Т. 3. С. 130 — 172, 479 — 524; Словацкая литература. XX век. М., 2003.

⁴⁵ Боганов Ю.В. Указ. соч. С. 135.

⁴⁶ Šmatldák S. Op. cit. S. 442.

⁴⁷ Abelovský J. Zrod a zdroje maliarskej moderny 1900 — 1938 // Rusinová Z. a kol. Dejiny slovenského výtvarného umenia. 20. storočie. Bratislava, 2000. S. 62.

⁴⁸ См. работы двух ведущих гашековедов: Пытлик Р. Гашек. М., 1977; Никольский С.В. Две эпохи чешской литературы. М., 1981. С. 128 — 169; Он же. История образа Швейка. Новое о Ярославле Гашеке и его герое. М., 1997.

⁴⁹ Marek J. Op. cit. S. 287.

⁵⁰ См. основные работы о К. Чапеке: Kniha o Čapkovi. Praha, 1988; Krdlík O. První řada v díle Karla Čapka. Ostrava, 1972; Branžovský J. Karel Čapek. Světový názor a umění. Praha, 1963; Burdáněk F. Karel Čapek. Praha, 1988. Творчество К. Чапека получило благодаря исследовательской работе С.В. Никольского значительное освещение в отечественном литературоведении. См.: Карел Чапек в воспоминаниях современников. М., 1983; Никольский С.В. Карел Чапек — фантаст и сатирик. М., 1973; Он же. Карел Чапек. М., 1990; Малевич О.М. Карел Чапек. М., 1989; Бугагова Л.Н. Карел Чапек и духовная экология чешской межвоенной культуры // Studia bohémica: К 70-летию Сергея Васильевича Никольского... С. 150 — 159; Ковтун Е.Н. Карел Чапек и социальная фантастика XX столетия. М., 1998.

⁵¹ Цит. по: Бугагова Л.Н. Чешская литература. С. 430.

⁵² Подробнее см.: Marek J. Op. cit. S. 285 — 286; Малевич О.М. Владислав Ванчура. Л., 1973; Филипчикова Р.Л. Творчество Владислава Ванчуры. М., 1999.

⁵³ Никольский С.В. Две эпохи... С. 170 — 225.

⁵⁴ Подробнее см.: Бугагова Л.Н. Сюрреализм в Чехословакии (30-е гг.) // Художественные процессы и направления в искусстве стран Восточной Европы. М., 1995.

⁵⁵ Подробнее см.: Бугагова Л.Н. Витезслав Незвал. М., 1967.

⁵⁶ Цит. по: Holý J. Op. cit. S. 573.

⁵⁷ Мельников Г.П. Чешский ученый З. Калиста и проблемы барокко: (К 100-летию со дня рождения) // Славянский альманах 1999. М., 2000. С. 300; Fučík V. Čtrnáctého zastavení. Praha, 1992. S. 242.

⁵⁸ Вайнер Р. Банщик. Эссе, новеллы. М., 2003. С. 269 — 275, 294.

⁵⁹ Лотман Ю.М. Ян Мукаржовский — теоретик искусства // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. С. 27.

⁶⁰ Виногорадова Е.К. Судьба чешского кубизма. С. 71.

⁶¹ О Й. Ладе подробнее см. фундаментальную монографию-альбом: Pečínková P. Josef Lada. Praha, 1998, а также: Йозеф Лада. Книга о художнике. Л., 1971.

⁶² На русском языке см. о нем: *Бугарова Л.Н. Сюрреализм...; Шмейкал Ф. Сюрреализм и чешское искусство // От конструктивизма до сюрреализма. М., 1996. С. 171 — 198.* Среди чешских работ центральное место занимают: *Chalupecký J. O dada, surrealismu a českém umění. Phara, 1980; Český surrealismus. Katalog výstavy / Ed. L. Bydžovská, K. Srp. Praha, 1996.*

⁶³ Подробнее см.: *Биргус В., Дуфек А. Чешский фотографический авангард // Чешское искусство... С. 190 — 238.*

⁶⁴ Подробнее см.: *Егорова В.Н. Новые тенденции в чешской музыке 20-х годов // Studia bohémica... С. 139 — 149.*

⁶⁵ *Мигуле Я. Богуслав Мартину. Прага, 1966. С. 75. Подробный анализ жизни и творчества композитора см.: Он же. Богуслав Мартину. М., 1981.*

⁶⁶ Цит. по: *Солнцева Л.П. Театр в духовной жизни чехов и словаков. М., 1995. С. 211.*

⁶⁷ См. беллетризованную биографию: *Иванов И. Ян Верих. Л., 1971.*

⁶⁸ Обобщающей работы по истории чешского кино еще не существует. См.: *Bartošek L. Naš film. Kapitoly z dějin. Praha, 1985; Bartošková S. Filmové profily. Praha, 1986 — 1990. Díl. 1 — 2.*

⁶⁹ На рус. яз. см. новейшую антологию: *Масарик Т.Г. Философия — социология — политика: Избранные тексты. М., 2003; Rozum a víra. K problematice myšlení a působení T.G. Masaryka. Praha, 1991; Doubek V. T.G. Masaryk a česká slovanská politika. Praha, 1999; Měšť'an A. Slované a slovanství v ČSR 1918 — 1938 // Československo 1918 — 1938. Osudy demokracie ve střední Evropě. Praha, 1999. Sv. 2.*

⁷⁰ *Marek J. Náčrt kulturních proudů mezi válkami // Československo... S. 444 — 445; Zúmr J. Česká umělecká avantgarda a T.G. Masaryk // Ibid. S. 446 — 449.*

⁷¹ *Brabec J. Modely kulturně politické tvorby a jejich vzájemné vztahy // Československo... S. 440.*

⁷² *Durych J. Tma v historii // Akord. 1932. N 5. S. 377.*

⁷³ Спор о смысле чешских dějin. 1895 — 1938 / Упоřádal M. Havelka. Praha, 1995.

⁷⁴ Новейшую оценку ситуации см. в коллективной работе словацких историков: *История Словакии. М., 2003. С. 309 — 311.*

⁷⁵ Цит. по: *Богданов Ю.В. Указ. соч. С. 493.*

⁷⁶ Цит. по: Там же. С. 507.

⁷⁷ *Kubíková K. Cesty a osudy maliarstva v rokoch 1938 — 1965 // Rusinová Z. a kol. Dejiny slovenského výtvarného umenia. S. 74.*

⁷⁸ *Váross M. Moderne Maler der Slowakei. Praha, 1961. S. 30.*

ЧЕХИ И СЛОВАКИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

1939—1945 гг.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ: ВЕКТОР НАРАСТАНИЯ

Чешские земли

Президент второй Чехо-Словацкой республики Э. Гаха после захвата Чешских земель гитлеровской Германией и включения их под названием "Протекторат Богемия и Моравия" в состав "третьего рейха" был оставлен оккупационными властями на своем посту. Согласившись на оккупацию и сотрудничество с нацистами, он выбрал, по его мнению, из двух зол меньшее, полагая, что чешское правительство и чешские власти станут играть роль некоего "буфера" между оккупантами и чешским народом и смогут таким образом ослабить многие негативные последствия их политики. Хотя большинство населения Чешских земель было настроено антинацистски и внутренне не приняло оккупацию, значительная часть общества поняла и признала вынужденность поступка Гахи, во всяком случае, резко не осуждала его. Находившийся в эмиграции Э. Бенеш до лета 1941 г., когда стала совершенно очевидной тождественность понятий "гаховщина" и коллаборационизм, тоже сначала не выступал с резкой критикой действий Гахи, поддерживал с ним связь и оценивал его деятельность, как политику "меньшего зла" для чешского народа. В то же время часть чехов сразу заняла остро критические позиции, расценив действия президента протектората как коллаборационистские. В историографии до сего времени ведутся споры об оценке "гаховщины" первых лет нацистского правления. Каковы бы не были субъективные намерения Гахи и его окружения, но выполнение гитлеровского ультиматума оскорбляло национально-патриотические чувства чехов, рождало пессимизм и подрывало веру в возможность действенного сопротивления оккупантам¹.

На первых порах гитлеровцы предпочитали действовать в Чешских землях "методом пряника": ведь они предполагали использовать их высокий промышленный потенциал и высококвалифицированную рабочую силу для ук-

Э. Гаха и А. Гитлер. Берлин, 20 апреля 1939 г.

репления своего военного могущества. Но этот метод, по представлениям немецких властей, дабы он был действенным, надлежало подкрепить "методом кнута". Поэтому сразу после оккупации в протекторате было введено военное положение и проведена репрессивная операция "Гиттер" ("Сеть"), превентивно направленная против всех возможных противников нового режима и имевшая целью всеобщее устрашение².

Чешскому обществу предстояло преодолеть напор "Мартовского ветра" — таково было кодовое название немецкой операции по захвату Чешских земель — всего через полгода после Мюнхена, когда оно еще не вышло из состояния охватившей его тогда депрессии. Новый удар был гораздо сильнее. Отсюда — массовая пассивная выжидательная позиция в первое время после оккупации. Единичные случаи выступления против захватчиков имели место главным образом в армейской среде. Выдержать и постепенно собраться с силами для отпора гитлеровцам помогли особенности национального менталитета чехов: здравомыслие, рационализм, прагматизм, ощущение порога возможного; воспитанная веками способность малого народа приспособляться к об-

стоятельствам, сосуществовать, идя на компромиссы, с более сильным соседом; чувство собственного достоинства, достаточно высокая степень интеллигентности и толерантности, высокая работоспособность и трудолюбие как результат индустриального и демократического характера общества; наконец, специфические черты чешского характера, аккумулированные в гашековском Швейке: склонность к юмору, остроумие, хитроватость, лукавство, добродушие, умение в нужный момент надеть на себя требуемую обстоятельствами "личину" и т.д. Все это породило специфические формы протеста чехов против захватчиков. Правительство протектората, созданное 27 апреля 1939 г. во главе с популярным "легионером" периода Первой мировой войны генералом А. Элиашем, по своим характеристикам, действиям и политике значительно отличалось от последующих классически-коллаборационистских правительств. В чехословацкой историографии 60-х годов, плодотворно разрабатывавшей проблематику Сопротивления, оно получило название "ретардационного", являвшего собой некую "прокладку" между оккупационными властями и чешским народом, сдерживавшего натиск захватчиков, пытавшегося сохранить "что возможно" и одновременно проводить определенную самостоятельную политику в рамках, дозволенных "автономией". Хотя в правительство входили и люди, нацеленные на прямое сотрудничество с оккупантами, но некоторые его члены, в том числе и Элиаш, поддерживали связи с чехословацкой эмиграцией в Лондоне (Бенешем) и начавшими формироваться в стране нелегальными антинацистскими организациями. Особый характер этого правительства с его политикой "лояльности и оппозиции" по отношению к гитлеровской Германии, которое чешский исследователь Й. Тесарж считал "европейским феноменом", обуславливался, с одной стороны, всеобщей ненавистью к оккупантам, их неприятием, с другой — пониманием реального положения вещей, стремлением чехов выжить, сохраниться как нация. Отличительной чертой атмосферы в начальный период оккупации было ощущение взаимной близости и национальной общности. Й. Тесарж справедливо полагал, что "национальную общность нельзя ни отождествлять с сопротивлением, ни относить к категории коллаборационизма", что это понятие, которое не укладывается в общепринятую схему. Он предложил для него название "общенациональное оппозиционное единство"³. Это единство крепло по мере того, как стано-

*Демонстрация пражан у Могилы неизвестного солдата
на Староместской площади, 1939 г.*

вилась очевидной эфемерность "чешской автономии". Проявления оппозиционности были различными. Они сказались прежде всего в демонстративном внимании чехов ко всему национальному. Массовые демонстрации с участием десятков тысяч человек состоялись при перезахоронении останков К.Г. Махи, у могил Б. Сметаны и Й.К. Тыла, перед памятником Я. Гуса в Праге и т.д. Массовый характер приобрело движение в защиту чешской культуры. Чрезвычайно вырос интерес к национальной литературе, музыке, живописи, театру. Прибывший осенью 1940 г. из оккупированной страны в Москву журналист-коммунист Б. Райцин писал: "Масштабы этого культурного подъема поистине поразительны: театры по всей стране ежедневно заполнены до отказа... Издательства переиздают всех чешских классиков и написанные ранее книги современных писателей... книготорговцы продали за год больше книг, чем ранее примерно за три года. Небывалое внимание к искусству и музыке"⁴. Одновременно подчеркнуто проявлялось негативное отношение к немецким книгам, газетам, радио, фильмам, спектаклям и пр. Усилилась "пропаганда шепотом", стала расти упавшая после Мюнхена популярность Бенеша. Одной из

форм противодействия оккупантам стало укрывательство преследуемых или "ненадежных элементов" и евреев, содействие переправке их за границу, оказание материальной поддержки лицам и семьям, потерпевшим от оккупационных властей. Антинацистские настроения были характерны для всех социальных прослоек городского населения. Деревня, которая оказалась в более выгодном положении по сравнению с остальными слоями чешского общества, вела себя сначала более сдержанно⁵.

Берлин, надеявшийся мирно "договориться" с чехами, был шокирован их нелояльностью. Отсюда — переход к карательным, но пока еще относительно умеренным, не тотальным, мерам по отношению к "непокорным". «Немцы намеревались переварить оккупированные области без особого обострения отношений с чехами, — сообщал советский генконсул в Праге В. Яковлев. — Однако "мирная" политика осваивания Протектората потерпела поражение»⁶.

Накануне нападения Германии на Польшу и в первые дни сентября 1939 г. оккупационные власти провели аресты во всех крупных чешских городах и прежде всего в Праге, Брно, Кладно, Моравской Остраве, которые коснулись самых разных слоев населения (рабочих, чиновников, интеллигенции, духовенства, офицеров и т.д.), активных функционеров бывших политических партий (коммунистов, социал-демократов, чешских социалистов, аграриев и пр.) и общественных организаций (спортивного общества "Сокол", "легионеров"), а также руководства и членов единственной существующей политической организации "Национальное содружество" и унифицированных профсоюзов. В сообщении Генконсульства СССР о ситуации в Праге говорилось, что 1 сентября аресты здесь приобрели "огромные размеры", что было взято "1245 заложников из всех слоев чешской политической жизни"⁷.

Аресты, хотя и косвенно, заделали также только что возникшие нелегальные организации. Большинство их, кроме коммунистической, создавались не на партийной основе, а объединяли близких по духу и по стремлению к активной антинацистской деятельности людей. Еще весной 1939 г. сформировались три организации: Политический центр (ПЦ), Защита нации (ЗН) и Петиционный комитет "Останемся верными" (ПКОВ). Все они были едины в неприятии оккупации и стремлении восстановить Чехословацкую республику, поддерживая лозунг Бенеша "Свободная Чехосло-

вакия в свободной Европе". В ПЦ объединялись представители основных политических партий домюнхенской ЧСР и армейских кругов. Это была верхушечная организация, которая не пыталась создать нелегальную сеть, сосредоточив свою деятельность в Праге, Брно, Пльзене; свою задачу она видела в координации внутреннего сопротивления и сборе информации для лондонской эмиграции. ЗН состояла в большинстве из демобилизованных офицеров бывшей чехословацкой армии. Эта организация, одним из инициаторов создания которой был генерал Элиаш, имела широкую подпольную сеть, строившуюся по военному образцу — генеральному штабу подчинялись земские, областные, окружные и местные командования, — что делало ее весьма уязвимой с точки зрения конспирации. В нелегальных организациях ЗН помимо военных состояло также много членов физкультурных объединений, легионеров, государственных служащих, ремесленников, торговцев, учителей и рабочих. Основными формами деятельности ЗН были сбор и накопление оружия и боеприпасов, подготовка и проведение саботажа, антинацистская агитация, организация переправки военных за границу, и особенно разведывательные акции. Интересно, что в сентябре 1939 г., когда Англия и Франция объявили войну Германии, руководство ЗН получило из Лондона указание готовить восстание. По некоторым сведениям в состоянии боевой готовности тогда находились 90 тыс. человек, объединенные в 200 батальонов⁸. Разрабатывались и конкретные планы восстания, однако им не суждено было осуществиться. ПКОВ начал складываться еще до оккупации. Его основу составляла группа левых социал-демократов из числа интеллигенции, которые в мае 1938 г. организовали сбор подписей под манифестом "Останемся верными", призывавшим к защите республики. Имеющий опору в широких социальных слоях ПКОВ располагал разветвленной подпольной сетью. Члены организации занимались главным образом разведывательной и пропагандистской деятельностью⁹. Все упомянутые нелегальные организации поддерживали более или менее тесные связи друг с другом, имели контакты с представителями чешских правительственных кругов и эпизодические встречи с коммунистами.

Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ), запрещенная еще в период "второй республики", уже тогда приступила к созданию своей нелегальной сети, которое заверши-

ла к концу 1939 г. Коммунистическое подполье, в отличие от подполья ПЦ, ЗН и ПКОВ, плохо представлявших себе правила конспирации, было лучше организовано и менее уязвимо. Главную опору национально-освободительного движения и гарантию восстановления независимой Чехословакии КПЧ видела в Советском Союзе.

Усилиями всех упомянутых организаций Сопротивления была организована 28 октября 1939 г., в день 21-й годовщины образования ЧСР, акция протеста против политики оккупантов. В демонстрациях, манифестациях, забастовках, состоявшихся в Праге, Брно, Моравской Остраве, Кладно и других крупных чешских городах, участвовали представители самых широких слоев населения¹⁰. Эпилогом событий 28 октября стала жестокая расправа гитлеровцев со студенческой демонстрацией 15 ноября 1939 г. Она состоялась по случаю похорон студента Я. Оплетала, который умер от ран, полученных при стычке демонстрантов с немецкими оккупационными войсками 28 октября. 17 ноября девять участников манифестации, обвиненных в связях с эмигрантскими крутами, были казнены, 1200 отправлены в концентрационные лагеря. Все чешские высшие учебные заведения, в том числе и духовные, были закрыты.

Немецкие власти решили полностью отказаться от политики "пряника" и перейти к политике "кнута". По Протекторату прокатилась новая волна арестов, от которых особенно пострадали плохо законспирированные организации ПЦ и ЗН. Нацисты требовали отставки кабинета Элиаша, но Гахе путем верноподданнических заявлений и уверений в лояльном сотрудничестве удалось сохранить правительство. Государственный секретарь К. Франк, упрекавший чехов в неблагодарности, пригрозил самыми решительными карательными мерами против всяких подрывных действий и демонстративных акций. "Кто не с нами, тот против нас. Кто против нас, то будет уничтожен" — заявил он¹¹. Период с 28 октября 1939 г. по февраль 1940 г. был отмечен, как сообщал генконсул СССР Яковлев, открытым массовым террором германских властей против чехов. Затем последовал этап "мирного" сосуществования чехов и немцев, когда чешское сопротивление было "придушено"¹². В годовщину оккупации Чешских земель посетившие их видные представители нацистской верхушки убеждали чехов в необходимости и выгоды "мирного" сожительства с рейхом.

В октябре 1940 г. Гитлер отдал приказ начать подготовку к "германизации территории и народа" Протектората что и осуществлялось, по сути, в течение всей войны. Чешские власти в этих условиях стали все более склоняться к целенаправленному сотрудничеству и далеко идущим компромиссам с оккупантами, являя черты классического коллаборационизма. Такая тенденция усилилась и среди части населения, в то время как среди другой обозначился отход от поддержки "гаховщины" и переход к резкой ее критике.

От террора нацистов менее других пострадало коммунистическое подполье. Однако с осени 1939 г. КПЧ, стремясь реализовать курс Коминтерна и своего московского руководства, оказывалась во все большей изоляции. Резкая критика западных держав, ведущих, хотя и пассивно, войну против Германии, а также Бенеша, как "агента империализма", нацеленность на социалистическую революцию, нерепальная ориентация на союз с пролетариатом Германии, безоговорочная поддержка и оправдание всех зигзагов внешнеполитической линии Советского Союза, в том числе и союза с гитлеровцами, отказ от требования восстановления единого Чехословацкого государства, вместо которого выдвигался лозунг самоопределения для чешского и словацкого народов, беспощадная критика так называемого ревизионизма¹³, — все это, несмотря на бескомпромиссные антинацистские позиции, не прибавляло популярности коммунистам, вело к их изоляции и окончательному разрыву с "бенешевским" лагерем Сопротивления. В конце 1939 г. из документов компартии исчез призыв к созданию широкого антифашистского национального фронта и снова появился лозунг организации народного фронта снизу. В него уже не включалась патриотическая часть буржуазии, а лишь рабочие, крестьяне, ремесленники и трудовая интеллигенция¹⁴. КПЧ изменила тактику, активизировав свою деятельность в легально существовавших организациях и на предприятиях и направив усилия на разоблачение и дискредитацию сторонников Бенеша, а также на социальную защиту трудящихся. Новая тактика была одобрена Исполкомом Коминтерна¹⁵. Коммунисты по-прежнему оставались самыми грозными противниками оккупантов: их превентивные аресты продолжались в течение всего 1940 и первой половины 1941 г. В начале 1941 г. были арестованы все, кроме Я. Зики, члены первого нелегального руководства КПЧ, разгромлены многие ее низовые ячейки. Однако уже весной возобновилась

работа по восстановлению коммунистического подполья. Другие организации Сопротивления тоже попытались, углубив конспирацию, наладить свою деятельность. Однако к существенным результатам эти попытки не привели. ЗН не смогла восстановить связи с низовыми звеньями и превратилась, как и ПЦ, в верхушечную организацию. Вместе с тем, несмотря на соперничество между пробенешевски ориентированными группировками Сопротивления, они достаточно тесно сотрудничали друг с другом. Весной 1940 г. было создано Центральное руководство внутреннего Сопротивления (ЦРВС), своего рода координатор деятельности ослабленных репрессиями ПЦ, ЗН и ПКОВ. Последний, как наиболее сохранившаяся организация, постепенно стал играть в ЦРВС ведущую роль.

Весть о нападении фашистской Германии на Советский Союз вызвала в чешском обществе взрыв самых разнообразных чувств: возмущение агрессором, сочувствие его очередной жертве, солидарность с ней, но вместе с тем радость и надежду на то, что нацистский "монстр" потерпит поражение в схватке со "славянским исполином"¹⁶. Представлялась близкой перспектива изгнания немецких оккупантов и восстановления Чехословакии. 12 июля 1941 г. ЦРВС сообщал в Лондон о настроениях чехов: "Настроение войной с СССР улучшено. Верят в нашу победу... Страха перед СССР не наблюдается даже среди богатых. Говорят: лучше Советы, чем немцы"¹⁷. Усилилось стремление к сопротивлению захватчикам: участились случаи саботажа, увеличилось число диверсий и забастовок. Массовый отклик получил призыв "работай не спеша". Рост брака на производстве, выведение из строя оборудования, задержка под разными предлогами поставок на фронт, т.е. ослабление по мере возможности военного потенциала Германии, — вот тот вклад, который чешское Сопротивление могло тогда внести в общую борьбу против нацизма.

После нападения Германии на СССР коммунисты активизировали свою деятельность. В соответствии с новой линией Коминтерна второе нелегальное руководство КПЧ, сложившееся вокруг Зики, взяло курс на создание широкого национального фронта борьбы против оккупантов, на сотрудничество с пробенешевски ориентированными организациями Сопротивления. Начались переговоры о создании его совместного руководящего органа, которые завершились образованием Центрального национально-революци-

онного комитета Чехословакии. Однако он не смог развернуть своей деятельности, так как осенью 1941 г. гестапо разгромило нелегальную сеть ЦРВС. Немецкие власти, встревоженные развитием событий в Чешских землях, усилили репрессии. Исполняющим обязанности главы протектората был назначен Р. Гейдрих, зарекомендовавший себя при подавлении движения Сопротивления во Франции, Норвегии и Голландии. Прибыв в Прагу 27 сентября, он объявил чрезвычайное положение с введением осадного положения в Праге, Брно, Моравской Остраве, Оломоуце, Градце Кралове и Кладно. Усилились репрессии, чрезвычайные суды выносили десятки приговоров о смертной казни, тысячи человек были отправлены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Среди арестованных находился и генерал Элиаш, который был приговорен к смерти. Основные удары нацистов направлялись против евреев, коммунистов и интеллигенции, представлявших, по мнению Гейдриха, особую опасность. Всего чрезвычайные суды вынесли 486 смертных приговоров и 2242 человека отправили в концентрационные лагеря¹⁸. Была уничтожена нелегальная сеть ЦРВС, казнены руководящие деятели ЗН, разгромлена организация "Сокол", серьезно пострадало коммунистическое подполье, началась депортация евреев в Лодзь, Ригу, Трешлинку. Естественно, все это вызвало не только возмущение и ненависть, но и страх. "Срезая" злонамеренную, по их мнению, верхушку общества, гитлеровцы вынуждены были предпринять шаги по созданию сносных условий жизни работающей массы населения. Успехи вермахта на советско-германском фронте, отступление, вплоть до Москвы, частей Красной Армии не могли не сказаться на движении Сопротивления, вызвав его отлив.

Когда весной 1942 г. террор несколько поутих, обозначились признаки нового подъема сопротивления оккупантам. Опять поползла вверх кривая саботажа и диверсий, что констатировали и немецкие документы¹⁹. Гейдрих начал новый виток репрессий. Однако развернуть свое наступление на непокоренных ему не удалось: 4 июня он умер от ран, полученных во время покушения на него 27 мая 1942 г. Оно было спланировано с согласия Бенеша в Лондоне и проведено прибывшей оттуда группой парашютистов, погибших после проведения этой акции.

Покушение на Гейдриха, как этого и хотел Бенеш, получило большой резонанс в мировой антифашистской обще-

ственности и снискало широкие симпатии к чешскому народу. Эмигрантское правительство извлекло из этого "политический капитал", укрепив свою репутацию борца за восстановление Чехословакии. Все то, что произошло в Чешских землях после покушения — массовые репрессии, аресты, казни, трагедия двух чешских деревень (Лидице и Лежаки), стертых гитлеровцами с лица земли, все это, как ни парадоксально, послужило делу борьбы за воссоздание Чехословакии, возбуждав интерес мирового сообщества к судьбам ее народов. После сообщения о трагедии Лидице Бенеш говорил: "Это ужасно, что происходит, но политически это принесло нам одну уверенность: что уже не может сложиться такая ситуация, при которой бы Чехословакия не выступала как признанное государство, имеющее право на самостоятельность... Пражские казни наше положение полностью укрепили. Это огромный политический результат данных событий"²⁰.

Для чешского же движения Сопротивления террор, развязанный после смерти Гейдриха его преемником К. Далюге, имел катастрофические последствия. Снова было объявлено чрезвычайное положение, опять заработали чрезвычайные суды, были взяты тысячи заложников, сотни из них, а также тех, кто до этого содержался в концлагерях и тюрьмах, казнены, в том числе генерал Элиаш. Всего число жертв в этот второй период "гейдрихиады" превысило пять тысяч. Сильно пострадало коммунистическое подполье, которое потеряло свое второе центральное руководство. От других антинацистских организаций остались лишь не связанные друг с другом "обломки". Чешское сопротивление было отброшено далеко назад и переживало самый глубокий кризис за все время оккупации²¹. В стране воцарилась атмосфера страха и уныния, чему способствовали и сообщения об успехах гитлеровцев на советско-германском фронте.

Между тем давление ИККИ на чешских коммунистов все усиливалось. Я. Шверма, один из руководителей Заграничного бюро КПЧ в Москве, 14 июня 1942 г. сообщал его главе К. Готвальду: "Меня пригласил М[ануильский] и выразил беспокойство по поводу того, что в центре внимания нашей пропаганды — как главная проблема настоящего момента — не поставлен вопрос о партизанской борьбе... На последующем совещании у Д[имитрова] была высказана аналогичная критика и поставлены основные задачи"²². В духе этих указаний были отредактированы и все последующие

выступления К. Готвальда²³. Постановление ИККИ "О политической линии и ближайших задачах КПЧ", принятое 5 января 1943 г., констатировало "отставание" национально-освободительной борьбы в Чешских землях. Рекомендовалось "расширить партизанское движение на всю страну". Лондонская эмиграция реагировала негативно на подобные призывы, не без основания полагая, что пока партизанская война в Чешских землях невозможна, и попытки ее форсирования могут привести лишь к новым массовым репрессиям.

К концу 1942 г. обозначились некоторые признаки оживления движения Сопротивления, постепенно восстанавливалось подполье, прежде всего коммунистическое. Характерной его чертой становится "полицентризм": строгая иерархичность не была воссоздана, многие организации работали самостоятельно, не будучи связаны с третьим нелегальным руководством, возглавленным Й. Молаком. Стараниями гестапо в коммунистическое подполье тогда проникло много конфидентов, что влекло за собой частые провалы. Формы чешского Сопротивления по-прежнему были преимущественно скрытыми: вредительство, саботаж, работа "не спеша", симуляция нездоровья и т.д. Вышеуказанное постановление ИККИ, доставленное в мае 1943 г. Р. Ветишкой из Москвы в Прагу, было принято как руководство к действию, хотя не без колебаний и дискуссий. Условия для развития партизанского движения в Чешских землях были неблагоприятны. Отсутствие опытных кадров и традиций, нехватка оружия, амуниции и боеприпасов (отдаленность фронта осложняла их доставку союзниками), большая плотность населения и развитая коммуникационная сеть, отсутствие больших лесистых территорий, малодоступных и слабо контролируемых нацистами, — все это облегчало оккупантам задачу борьбы с партизанами. В одном из сообщений, полученных в Лондоне из Праги в марте 1944 г., в частности говорилось: "Сегодня еще никто не может себе позволить начать активное сопротивление. Пока на границах чешских земель или недалеко от них нет русских войск, нельзя предпринять ничего более существенного", сейчас, "когда нет оружия и когда армии, которые могут оказать поддержку еще далеко", сопротивление невозможно²⁴. И все же, несмотря на новые жестокие удары, нанесенные гестапо коммунистическому подполью летом 1943 г. (арест более 3 тыс. человек, гибель Молака) оно сумело создать несколько партизанских отрядов, а в городах — боевых дружин.

После подписания 12 декабря 1943 г. советско-чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве²⁵ в Москве начались переговоры о возможной помощи при организации вооруженного сопротивления на территории Чехословакии. По поручению ЦК ВКП(б) конкретно решить этот вопрос должен был ЦК КП(б) Украины и персонально — председатель СНК Украины Н.С. Хрущев. В мае 1944 г. с ним по этому поводу вел переговоры в Киеве Готвальд. 17 июня 1944 г. Политбюро ЦК КП(б) Украины одобрило их результаты. На территорию Чехословакии было решено отправить 10 партизанских отрядов и 15—20 организаторских групп. Конкретное выполнение плана возлагалось на Украинский штаб партизанского движения (УШПД), возглавляемый генерал-майором Т. Строкачем. Постоянным представителем московского руководства КПЧ при штабе стал Р. Сланский. Летом 1944 г. партизанские курсы окончили 220 находившихся в СССР чехословацких граждан²⁶.

Чешское коммунистическое подполье, потерявшее летом 1944 г. свое третье руководство, не имело обратной связи с Москвой. Отдельно друг от друга существовали и действовали в Чехии несколько коммунистических подпольных организаций: Пришедвой (Авангард), Пламя свободы, Актив, Пест (Кулак) и др. Постепенно стали возрождаться и организации, ориентировавшиеся на Бенеша, самой крупной из которых была Рада трети (Совет трех) — Р-3. Необходимость активизации чешского движения Сопротивления, в том числе и перехода к вооруженным его формам, становилась все очевиднее и для чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне, которое ввиду приближения конца войны выступило с призывом "перейти от пассивного сопротивления к активному" и создавать национальные комитеты из представителей всех слоев народа и всех политических направлений²⁷.

Весть о восстании в Словакии, начавшемся в конце августа 1944 г. (о нем подробнее см. далее), была воспринята чешским обществом с радостью и одобрением. Наиболее решительные его представители, перейдя границу, пробирались на повстанческую территорию, чтобы участвовать в восстании. Власти Протектората были раздосадованы и напуганы такой реакцией: сейчас, как никогда прежде, здесь необходимы были спокойствие и порядок, так как Чешские земли становились ближайшим тылом отступавших частей

вермахта. 15 сентября была закрыта граница со Словакией. За ее незаконный переход грозила смертная казнь. В боевую готовность были приведены все службы безопасности. Строгие кары обрушились на нарушителей спокойствия и порядка²⁸. Все это имело самые печальные последствия для Соппротивления: массовые антинацистские настроения населения не вылились в открытые действия²⁹. В сообщении гестапо о положении в Протекторате в октябре 1944 г. говорилось, в частности, что не отмечено дальнейшего снижения трудовой морали и дисциплины, что "рабочие военных предприятий выжидают", что "не было зафиксировано более крупных акций саботажа", который проявляется в виде низкой производительности труда и неоправданных ссылок на болезни³⁰.

Конечно, относительное, на фоне военных бедствий и голода в окружающих странах, материальное благополучие жителей Чешских земель не могло не сказаться на состоянии Соппротивления. Но надо учитывать, что фронт был еще далеко, восстание в Словакии шло на убыль, именно в это время было жестоко подавлено гитлеровцами Варшавское восстание, не последовало предполагаемой доставки оружия с Запада, и, наконец, налицо была организационная слабость Соппротивления. Попытки активизировать движение извне в целом не имели большого успеха. Часть членов четырех организаторских групп, подготовленных УШПД и доставленных самолетами в Моравию в октябре 1944 г., была схвачена нацистами, а другая, не зная местных условий и не имея связей с подпольем, с трудом разворачивала свою деятельность. Из Словакии после занятия повстанческой территории немцами удалось пробиться в Моравию с большим трудом и потерями лишь партизанской бригаде "Ян Жишка" под командованием Я. Ушияка. Именно с ее приходом было связано увеличение числа диверсий на железных дорогах и стычек с нацистами, зарегистрированных в октябре – ноябре 1944 г. в Моравии³¹. Гитлеровцы нанесли ответный удар по оживавшему партизанскому движению, фактически разгромив бригаду. В период трехмесячного наступления гитлеровцев на партизан сумели сохраниться только их небольшие отряды. Гестапо пристально следило за тем, чтобы не могли "поднять голову" нелегальные антинацистские организации, особенно коммунистические. И все же в декабре 1944 г. на базе сохранившегося пражского подполья удалось создать четвертое нелегальное руко-

водство КПЧ (Й. Смирковский, Й. Гайек, В. Коуцкий и др.). Активизировали свою деятельность молодежные прокоммунистические организации "Актив" и "Пршедвой", а также "Рада-3", объединившая остатки демократических и армейских подпольных организаций и имевшая радиосвязь с Лондоном. Коммунисты контактов с Москвой не имели. Стал заявлять о себе и нелегальный Центральный совет профсоюзов (ЦСП), который действовал внутри официального, созданного властями национального профсоюзного центра.

Снова возродилась идея образования единого национального органа чешского Сопротивления. Им стал Чешский национальный совет (ЧНС), собравшийся первый раз в феврале 1945 г. под председательством университетского профессора А. Пражака. Однако деятельность Совета развертывалась "со скрипом": давали о себе знать разногласия учредителей относительно перспектив развития страны после ее освобождения от оккупации. Левые радикалы, представленные прежде всего коммунистами и некоторыми деятелями ЦСП, воспринимали идею единого антифашистского фронта и национально-демократической революции как ступень, как первый этап на пути к социалистической революции и установлению диктатуры пролетариата в более или менее отдаленном будущем, поскольку, как тогда считалось, массы еще не были готовы к восприятию идеи социализма. Эта мысль, представлявшая собой некую модификацию марксистско-ленинской идеи перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, с разной степенью настойчивости проводилась коммунистической нелегальной печатью весной 1945 г.³² Коммунисты держали курс на подготовку вооруженной борьбы, восстания, увертюрой к которому должна была стать генеральная забастовка, на создание революционных национальных комитетов, как органов будущей власти, и революционных гвардий, как основы (совместно с партизанами) новой революционной армии. Высокая активность и инициативность коммунистов, которая возрастала по мере приближения с востока Красной Армии, естественно, пугала их партнеров по ЧНС, нацеленных на совершенствование демократии в ходе постепенных преобразований. Споры и разногласия внутри Совета, к которому присоединялись все новые и новые антифашистские организации — крестьянские, женские, молодежные, студенческие, — снижали его дееспособность и эффективность как руководящего органа борьбы.

Весной 1945 г. оживилось партизанское движение. Оно пополнилось бывшими узниками концлагерей и военнопленными, бежавшими из эшелонов и колонн, перегоняемых с Востока через Чешские земли в Германию, чехами, уклонившимися от мобилизации на рытье окопов и теми, кто был готов вступить в вооруженную борьбу с нацистами. По некоторым сведениям в апреле 1945 г. в Чешских землях действовало 120 партизанских отрядов, насчитывавших 7,5 тыс. человек³³. Деятельность партизан носила главным образом оборонительный характер, что объяснялось не в последнюю очередь нехваткой оружия и недостатком опытных кадров. Чешское партизанское движение не имело своего центрального штаба, который мог бы координировать действия отдельных отрядов. Их связь с командованием Красной Армии или отсутствовала вовсе, или была нерегулярна.

В начале марта гестапо нанесло очередной удар по коммунистическому подполью, что сказалось на ходе подготовки вооруженного восстания, прежде всего в Праге. Следует отметить, что и к концу войны во всех слоях чешского народа было много сторонников пассивного выжидания, полагавших, что освобождение будет принесено союзническими армиями и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь³⁴. Действовала и пропаганда властей Протектората, предупреждавшая об "угрозе азиатского большевизма", предостерегавшая против "анархии и хаоса", убеждавшая в необходимости сохранения "спокойствия и порядка".

Однако нараставший процесс частичных капитуляций гитлеровских войск на Западном фронте, стремительное наступление Красной Армии в Моравии, освобождение Брно и Моравской Остравы, известие о смерти Гитлера и падении Берлина — все это действовало, как катализатор на развитие освободительного движения в еще оккупированной части Чешских земель. Здесь в это время были сосредоточены части вермахта группы "Центр" под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шернера, насчитывавшие около 900 тыс. человек. В начале мая 1945 г. в ряде чешских городов районного масштаба произошли стихийные выступления против оккупантов, положившие начало Майскому восстанию чешского народа. Эти выступления были разнообразными по форме и характеру: манифестации и демонстрации, в некоторых местах переросшие в вооруженное столкновение

Строительство баррикад в Праге. Май 1945 г.

с гитлеровцами (Пршеров), забастовки (Нимбург, Упице), поддержанные партизанами акции протеста (Раковник), разоружение немецких частей партизанами (северо-восток Чехии), восстание, скоординированное с действиями Красной Армии (Всетин) и др.

Однако еще и 4, и даже утром 5 мая немедленное начало восстания не входило в расчеты ни коммунистов, ни ЧНС³⁵. Наряду с Советом на роль организаторов восстания претендовали и активизировавшиеся в это время нелегальные организации бывших чехословацких военнослужащих. Они ориентировались на поддержку имевших оружие правительственных войск, полиции, жандармерии, пожарных, частей противовоздушной обороны и т.д. Было создано так называемое военное командование "Алекс" во главе с генералом Ф. Слунечко, политическим представителем которого стал Центральный национальный комитет. Комитет, не подчинившийся ЧНС, был распущен им 5 мая. С "Алексом" тесно сотрудничало Военное командование Большой Праги — "Бартош" во главе с генералом К. Кутлвашром. Это командование после начала восстания в Праге подчинилось ЧНС и участвовало в руководстве боями³⁶.

Чешский национальный совет. Май 1945 г.

В это время американские войска, освобождавшие Чешские земли с Запада, остановились в 60—70 км от Праги на линии Карловы Вары — Пльзень — Ческе Будеевице³⁷ и в соответствии с договоренностью с советским командованием не собирались продвигаться дальше на Восток³⁸. Красная Армия, начавшая 1 мая подготовку к Пражской операции, вела бои пока еще весьма далеко от Праги. В 50 км юго-западнее от нее находилась 1-я дивизия так называемой Русской освободительной армии (РОА) генерала А.А. Власова. Дивизией командовал С.К. Буняченко, с которым вступили в контакт представители Кутлавапра, договорившись о помощи в освобождении Праги. ЧНС после определенных колебаний и под давлением коммунистов отказался от переговоров с "власовцами" и от их помощи, понимая, что такой "союз" мог бы быть негативно воспринят советскими властями и командованием³⁹.

Вышеупомянутое решение ЧНС повременить с началом выступления не имело уже практического значения. Восстание началось стихийно. Ситуация стала неуправляемой. По пражскому радио, захваченному повстанцами, прозвучал призыв строить баррикады: всего за время восстания их было возведено 1600⁴⁰. В руки восставших перешли централь-

ные почта, телеграф и телефонная станция, здание радио, вокзалы, многие мосты через Влтаву, некоторые крупные предприятия. Захватив ряд военных складов и разоружив несколько мелких немецких частей, дислоцированных в Праге, они установили контроль над значительной частью города. В первый день восстания позиции гитлеровцев здесь были серьезно ослаблены. ЧНС взял на себя законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии⁴¹. Однако связи ни с советским командованием, ни с чехословацким правительством, которое уже действовало на освобожденной территории страны (об этом см. далее) Совет по-прежнему не имел. Поскольку о нем ничего практически не было известно, ни те, ни другие не испытывали к нему доверия.

Весть о восстании в Праге быстро разнеслась по ее окрестностям. Жители близлежащих городов и селений оказывали помощь повстанцам оружием, продовольствием, лекарствами, собственной вооруженной борьбой. Во многих местах власть взяли национальные комитеты, была провозглашена Чехословацкая республика. Особую активность в городах проявляли рабочие крупных промышленных предприятий (Пльзень), железнодорожники, члены боевых групп. В открытую борьбу с нацистами вступили все партизанские отряды. Однако силы были неравны. 6 мая Шернер отдал приказ подавить восстание, которое препятствовало намеченному отходу немецких частей на запад для сдачи в плен американцам.

"Власовцы", рассчитывая, что, повернув оружие против гитлеровцев, они заслужат снисхождения к своей участи, и тоже надеясь попасть в плен к американцам, согласились поддержать повстанцев в борьбе против "нацизма и большевизма". Дивизия Буняченко приняла участие в боях за Прагу, освободив 6 мая ее значительную часть. Но, поняв, что американцы не собираются продолжать наступление, и Прага будет освобождена Красной Армией, "власовцы" вечером 7 мая стали покидать сражавшийся город, уходя на запад, к американцам⁴². Не вняли они и просьбам повстанцев оставить им оружие. Однако некоторые бойцы дивизии остались в Праге и продолжали борьбу. Всего, по некоторым данным, в боях за город погибло около 300 "власовцев"⁴³. Дивизия Буняченко, в которой находился и Власов, была пленена Красной Армией в районе Пльзеня, большая часть РОА попала в плен к американцам и затем была передана ими советским властям⁴⁴.

С отходом "власовцев" на запад немцы, применив против повстанцев танки, авиацию и артиллерию, снова овладели частью города. Восстание перешло к обороне. В этих условиях в ЧНС снова усилились разногласия. Часть его членов склонялась к компромиссу с противником, к переговорам с ним о перемирии, в то время как коммунисты отвергали переговоры и настаивали на безусловной капитуляции нацистов. Именно в таком духе было составлено и обращение ЧНС от 7 мая 1945 г. В этот день в штаб Кутлавашра прибыли американские офицеры, от которых стало известно, что Шернер получил по радио приказ фельдмаршала В. Кейтеля о капитуляции немецких войск на всех фронтах. Начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р. Туссэн выразил желание вступить в переговоры с повстанцами о капитуляции. Они начались утром 8 мая в здании, где размещался ЧНС, и закончились в тот же день подписанием акта о капитуляции немецкого гарнизона. Согласно нему части вермахта могли свободно отойти на запад, оставив тяжелое вооружение на выходе из Праги, а остальное сложив перед американской демаркационной линией, что дало возможность части нацистских сил избежать советского плена. Это, не похожее на безусловную капитуляцию, соглашение, под которым стояла и подпись представителя КПЧ Й. Смрковского, прежде оценивалось как "временное поражение революционных сил и частичная победа оппортунистических и капитулянтских элементов", как "военная и политическая ошибка"⁴⁵. Но надо иметь в виду, что пражане почти не имели оружия, а немцы были отлично вооружены и готовы драться до последнего, что повстанцы не имели точных данных о передвижении частей Красной Армии. Поэтому с точки зрения здравого смысла и гуманизма желание избежать напрасного кровопролития и разрушения Праги является вполне понятным. То или иное решение ЧНС не могло повлиять ни на исход войны, ни на международно-правовое положение возрожденной Чехословацкой республики.

Части Красной Армии приближались к Праге с севера, юга и востока. Рано утром 9 мая в городе появились первые советские танки, которые в течение нескольких часов очистили его от остатков нацистских войск. Более чем 50 дивизий немецкой группировки армий "Центр" (860 тыс. человек), отступавшие на запад и юго-запад, оказались в гигантском "котле" и попали в советский плен. Партизанские и повстанческие действия в этот период слились с действи-

Пражане приветствуют советских освободителей. Май 1945 г.

ями Красной Армии. Бои продолжались до 11 мая 1945 г., когда завершился период шестилетней оккупации Чешских земель и борьбы чешского народа за национальное освобождение. По данным чешских исследователей в Майском восстании участвовало более 100 тыс. человек, из которых около 8 тыс. погибли, в том числе 3,7 тыс. в Праге. Более 500 советских солдат и офицеров отдали жизнь за ее освобождение⁴⁶.

Словакия

Словацкое государство, провозглашенное под нажимом Гитлера 14 марта 1939 г., формально было самостоятельным и суверенным⁴⁷. Берлин намеревался использовать его материальные ресурсы и территорию для реализации своих агрессивных намерений. Сохранив в Словакии спокойствие и порядок, он рассчитывал обеспечить безопасность тыла при проведении будущих военных операций в Юго-Восточной Европе. Гитлер стремился создать в Словакии "образцовое вассальное государство", превратить ее в некую "витрину", "визитную карточку Германии", устанавливающей "новый порядок" в Европе⁴⁸. Отсюда и гибкость приемов, с помощью

которых рейх добивался сначала подчинения Словакии своей воле: жесткость в важных вопросах и компромиссы в менее серьезных делах.

Провозглашение независимости Словакии повергло общество в шоковое состояние. Никакой эйфории и ликования по этому поводу не было. Большинство населения заняло сначала выжидательную позицию. Явно "довольных" или явно "недовольных" было значительное меньшинство. Неверие в возможность длительного существования самостоятельной Словакии, резкая смена курса с традиционно славянофильского на германофильский, фактическая оккупация западных частей страны немцами, слухи о готовящемся разделе Словакии между Венгрией и Польшей или ее присоединении к Венгрии, — все это сказывалось на настроениях населения и не способствовало стабилизации в стране⁴⁹.

Неуверенность и замешательство наблюдались во всех слоях словацкого общества, каждый из которых по мере развития событий ощущал на себе и выгоды, и невыгоды новой ситуации. Словацкие промышленники и банкиры, которые в ЧСР всегда были "на вторых ролях", видели возможность укрепить свое положение в экономике национального государства, но их пугало напористое стремление германских фирм занять ранее принадлежавшие чехам позиции. Стойкая тенденция к сокращению мелких — а их было большинство — и укреплению средних и крупных предприятий рождала недовольство городских мелких предпринимателей, среди которых оказалось много "проигравших". Положение наемных рабочих, казалось, стало улучшаться в связи с военной конъюнктурой и возможностью выехать на работу в Германию, однако рост цен на продукты и товары первой необходимости значительно опережал рост заработной платы, что вело к подъему забастовочной волны в 1939 — 1941 гг. Крестьянство, воодушевленное обещаниями земельной реформы и увеличением цен на сельскохозяйственные продукты, держалось пока лояльно, но по мере усиления германского нажима на деревню и здесь стало нарастать недовольство. Словакия начала создавать свою армию, и словацкие офицеры получили возможность продвижения по службе, чему ранее препятствовало занятие многих командных должностей чехами. То же самое относилось к полиции и жандармерии. Новые карьерные перспективы открывались также перед словацким чиновничеством и интеллигенцией, которые спешили занять места увольняемых чехов и евреев.

Гонения на последних начались еще в период автономии Словакии и усилились с лета 1939 г., когда власти приступили к "ариезации" еврейской собственности⁵⁰. Что касается творческой интеллигенции, познавшей вкус демократии и воспитанной в духе славянофильских традиций, то многим ее представителям претили авторитарные замашки новой власти и сервильность в отношении гитлеровской Германии. Репрессивные органы стремились держать левую интеллигенцию под своим наблюдением, как и функционеров распущенных политических партий, особенно коммунистической и социал-демократической. В условиях нарастания словацкого национализма появилась вероятность межнациональных конфликтов: венгры, украинцы и русины опасались усиления гнета теперь уже со стороны господствовавшей словацкой нации.

Надежной опорой нового режима стало католическое духовенство, представитель которого Й. Тисо сначала возглавил правительство, а в октябре 1939 г. был избран президентом страны. Однако священнослужители и паства евангелической церкви (католики в Словакии составляли 73,6% верующих, а протестанты — немногим более 15%), ощущавшие свое неравенство и ущемленность, не прочь были проявить оппозиционность к руководящей верхушке. Новая довольно высокая волна недовольства поднялась в связи с участием Словакии в войне против Польши⁵¹. Подъем славяно- и русофильских чувств при одновременном нарастании антинемецких настроений, причем во всех слоях населения, был связан с признанием Словацкой республики Советским Союзом де-юре в сентябре 1939 г. (см. об этом далее).

Однако правительству в целом удалось справиться с ситуацией. Положение в стране постепенно стабилизировалось, режим обнаружил тенденцию к укреплению. Но одновременно и параллельно с этим обозначился и развивался кризис в его верхах, что было связано с недовольством его германофильской группировки медленным, по ее мнению, процессом сближения Словакии с Германией. Эта часть словацких верхов во главе с В. Тукой и А. Махом стала пользоваться все большей поддержкой со стороны Берлина. 28 июля 1940 г. Гитлер вызвал в Зальцбург для переговоров и обсуждения внутривнутриполитического положения в Словакии президента Тисо, премьер-министра Туку, министра пропаганды Маха. Вместе с ними отправился и переставший пользоваться симпатиями Берлина министр внутренних и иност-

ранных дел Ф. Дюрчанский. Результатом совещания стало поражение "умеренного" крыла словацкого руководства. "Немцами было образовано правительство целиком послушное их воле" — констатировал полпред СССР в СР Г.М. Пушкин⁵². В Словакии, по словам Туки, началась "эра словацкого национал-социализма". Новый немецкий посланник в Братиславе М. Киллингер стал, как считал Пушкин, "истинным хозяином страны"⁵³. Методы подавления инакомыслия в стремлении достичь полной нацификации режима ужесточились. Однако больших успехов в обретении массовой социальной опоры пронацистское крыло словацкой верхушки не имело. Идеи национал-социализма не стали популярными в Словакии. Умеренное крыло правящей Глинковской словацкой народной партии (ГСНП) во главе с Тисо, определявшее основы своей политики как "словацкий национализм вкупе с христианским социализмом", продолжало уверенно "держаться на плаву". В то же время и в этих кругах усилилось стремление к созданию государства тоталитарного (фашистского) образца во главе с фюрером.

Единственной организованной силой, которая пыталась противостоять нацификации страны, была Коммунистическая партия Словакии (КПС), которая к концу 1939 г. закончила формирование подпольной сети и активизировала свою деятельность. В ее рядах насчитывалось в то время примерно 3—5 тыс. человек. Первое нелегальное руководство КПС (Ю. Дюриш, Я. Осога, Л. Бенада) поддерживало контакты с Прагой и Москвой. Оно одобряло линию Коминтерна и стремилось реализовать ее в Словакии, приспособив к местным условиям. Поддержав сначала лозунг "За свободную Словакию в освобожденной Чехословакии и в новой Европе", КПС затем отказалась от него и призвала бороться "за советскую Словакию", которая стала бы составной частью некой более широкой советской федерации или прямо Советского Союза. Несмотря на то что Заграничное бюро КПЧ (ЗБ КПЧ) в Москве осудило этот лозунг, как чреватый изоляцией компартии от масс, он еще долго владел умами определенной части действовавших в подполье словацких коммунистов. Кроме них оппозицию режиму сначала составляли немногочисленные группы и отдельные лица, как правило "чехословацки ориентированные" и поддерживавшие связи с лондонской эмиграцией и некоторыми чешскими организациями Сопротивления. К концу 1940 г. оформились группы "Флора", "Юстиция", "Демец", связанные с аналогичной

чешской организацией "Защита нации" и др. Они занимались главным образом разведывательной деятельностью, переправкой за границу попавших в немилость к властям лиц, информированием лондонской эмиграции о положении и настроениях в стране⁵⁴.

В конце 1940 г. Берлин начал ослаблять нажим на Братиславу. Это было связано, по-видимому, как с подготовкой нападения Германии на СССР, так и с очевидным провалом национализации Словакии с помощью жестких мер. Гитлер снова "делал ставку" на умеренное крыло ГСНП, на Тисо, хотя не намерен был порывать и с радикал-националистами. Новый немецкий посланник Г.Э. Лудин, прибывший в Братиславу в январе 1941 г. (он представлял здесь Германию до марта 1945 г.), получил задание "погасить" конфликт в словацкой верхушке. Закончилась краткая "эра" словацкого национал-социализма, объективно углубив фашизацию режима и его уподобление нацистскому образцу. Утверждалась модель тоталитарного (с элементами фашизма) государства, в котором активную роль играл католический клерикализм.

23 июня 1941 г. Словацкая республика присоединилась к войне Германии против Советского Союза и отправила на фронт моторизованную дивизию⁵⁵. Власти развернули широкую пропаганду под националистическими и антикоммунистическими лозунгами, сопровождая ее усилением репрессий за антигосударственную деятельность. Эти действия словацкого правительства были встречены с неодобрением всеми слоями населения, о чем свидетельствовали, в частности, и первые, пока не массовые, переходы словацких военнослужащих на сторону Красной Армии. Из 50 тыс. словацких солдат и офицеров, посланных сначала на советско-германский фронт, к августу 1941 г. там из-за их неблагонадежности осталось примерно 16 тыс. В первые месяцы после начала войны в Словакии были арестованы сотни антифашистов, главным образом коммунистов. Перестало существовать первое, а затем, в апреле и августе 1942 г., второе и третье нелегальные руководства КПС. Однако компартия не была уничтожена и восставала, как Феникс, из пепла. Словацкие коммунисты в этот период, хотя формально и восприняли идею широкого национального фронта, но фактически не отказались от своих сектантских воззрений, по-прежнему считая войну империалистической и видя выход из нее в пролетарской революции⁵⁶. В 1942 г. коммунисты пытались создавать партизан-

ские отряды, однако для таких форм борьбы в Словакии еще довольно длительное время не существовало ни политических, ни психологических условий.

В марте — октябре 1942 г. была осуществлена массовая депортация (около 58 тыс.) евреев из Словакии. Словацкие исследователи вопроса (И. Камене́ц, Л. Липтак) считают повинным в этом тисо-туковский режим, который признал основанные на расовой теории нацизма так называемые нюрнбергские законы и не воспрепятствовал, как это было в Венгрии, Румынии, Болгарии, их реализации в Словакии⁵⁷. Репрессиями были задеты и чехословацки ориентированные оппозиционные группировки: перестала существовать довольно крупная организация "Демец", на время прекратила свою деятельность "Флора". Репрессии, относительное социальное благополучие и, не в последнюю очередь, успехи гитлеровцев на советско-германском фронте сделали свое дело: антиправительственное движение не обнаружило тенденции к развитию. "Время от нападения на Советский Союз и до лета 1942 г., — считает словацкий исследователь Й. Яблоничский, — было... наиболее трудным и болезненным периодом Сопротивления в Словакии"⁵⁸. До лета 1942 г. в стране наблюдалось относительное затишье, режим опирался, если не на поддержку, то на лояльность довольно широких социальных слоев. Однако постепенно вызревало недовольство режимом, которое усиливалось по мере развития событий на фронтах Второй мировой войны, падения уверенности в германской победе и роста обусловленных военным временем экономических трудностей. Разгром гитлеровских войск под Сталинградом способствовал некоторому оживлению деятельности демократической нелегальной оппозиции, в частности "Флоры". Круг сотрудничавших с ней лиц был весьма широк, они имелись в армии, полиции, жандармерии, государственном аппарате, органах экономического управления, среди врачей, учителей, духовенства, деятелей культуры и т.д.⁵⁹ Однако стремление "Флоры" взять на себя политическое руководство раздробленным словацким Сопротивлением потерпело фиаско.

Переломным для Словакии стал 1943 г. Правительство почувствовало себя неуверенно особенно после падения режима Б. Муссолини в Италии летом этого года и выхода ее из войны. В словацкой верхушке усилились алиби́стские настроения, а разрозненные силы противников режима стали искать пути к сближению. На этом настаивали Москва и

Лондон. Заключение в Москве 12 декабря 1943 г. советско-чехословацкого договора и неуклонное приближение Красной Армии к довоенным границам Чехословакии ускорили процесс объединения: накануне Рождества между коммунистами и частью гражданских (некоммунистических) сил Сопротивления была достигнута договоренность о создании Словацкого национального совета (СНС), и подписано так называемое Рождественское соглашение. Со стороны коммунистов в переговорах участвовали представители пятого (четвертое было ликвидировано немцами весной 1943 г.) нелегального руководства КПС, в которое входили К. Шмидке, прибывший из Москвы летом 1943 г., а также Г. Гусак и Л. Новомеский. Их партнерами по переговорам являлись аграрии Я. Урсини и Й. Леттрих, а также национальный социалист М. Йоско. Программные принципы были сформулированы в Соглашении лишь в самом общем виде. Каждая из сторон надеялась, что в будущем сможет истолковать его в своих интересах. СНС создавался как координационный и руководящий орган движения Сопротивления, который в подходящий момент должен был взять на себя всю законодательную и исполнительную власть в Словакии. Совет высказался за новую Чехословацкую республику, демократически организованную, избавленную от фашистских, расистских и тоталитарных тенденций, базирующуюся на принципе равенства чехов и словаков, за перенесение идей демократии "в экономическую и социальную сферы". Выдвигалось требование тесного сотрудничества со всеми славянскими странами и особенно с СССР⁶⁰. В Рождественское соглашение вошло лишь то, что объединяло его участников, то же, что разъединяло, осталось за рамками документа и касалось главным образом представлений о будущем устройстве Чехословацкой республики. Если представители "гражданского блока" хотели, чтобы в восстановленном государстве, по словам Гусака, "было как можно меньше нового и как можно больше старого", то коммунисты стремились "к прямо противоположному"⁶¹.

СНС был создан как орган подготовки всенародного вооруженного восстания. Настроения в армии давали возможность надеяться, что она может стать основной опорой выступления против режима. Такого же мнения придерживался и "чехословацкий" Лондон. Коммунисты, которые ранее делали акцент на развитии партизанской войны, также принимали участие в работе по привлечению армии в целом на

сторону восстания. По инициативе Лондона в Словакии был создан повстанческий Военный центр, который в марте 1944 г. возглавил начальник штаба командования сухопутных войск в Банской Быстрице подполковник Я. Голиан. СНС, начавший с ним переговоры, добился его подчинения себе. Таким образом, у Голиана оказалось "два хозяина", которые давали, подчас, противоречивые указания, что, естественно, отражалось на действиях командующего военными силами Соппротивления, порождая его колебания и неуверенность. СНС настаивал на установлении связи с партизанскими отрядами, действовавшими в Восточной и Центральной Словакии, с целью всесторонней поддержки их, особенно оружием.

Что касается сроков начала восстания, то было решено установить их в зависимости от ситуации на советско-германском фронте и координировать вооруженное выступление с действиями Красной Армии. Однако попытка гитлеровцев оккупировать Словакию вне зависимости от всего прочего тоже должна была стать сигналом к восстанию. Подготовка к нему велась в глубокой тайне. Одновременно КПС не отказалась от мысли о развитии партизанского движения, которое, тем не менее, до лета 1944 г. не приняло широкого размаха. Коммунисты составляли политическое ядро партизанских отрядов. Они создавали их, как "свою армию", на которую можно было бы опереться в случае необходимости реализовать классовые цели рабочего класса⁶². Именно поэтому КПС отвергла предложение о подчинении партизанских отрядов армейскому командованию.

Из-за личных амбиций и интриг СНС не удалось договориться со всеми противниками режима, в частности с группой В. Шробара, тесно связанной с Лондоном, с организацией "Флора", что, несомненно, ослабляло потенциал Соппротивления. До лета 1944 г. согласованности в словацком Соппротивлении достигнуто не было. Й. Яблоничский, крупнейший знаток истории Словацкого национального восстания (СНВ), полагает, что участники СНС переоценивали степень единства Соппротивления и свое руководство им, что "широкие круги словацкого народа не имели представления о существовании" этого органа, который не был "однозначным авторитетом ни в политических, ни в военных кругах"⁶³.

Летом 1944 г. когда стало совершенно очевидно, что конец "третьего рейха" недалек, его сателлиты стали спешно покидать "тонущий корабль". Не могла не задумываться об

этом и словацкая правящая верхушка, в среде которой все более явно обозначались настроения "алибизма". "В правительственных кругах господствует убеждение, что поражение Германии неминуемо, и поэтому они стремятся всеми силами придать ходу дел новое направление" — говорилось в одном из сообщений, полученных тогда Лондоном⁶⁴. Часть "алибистов" стремилась установить связь с Западом и Бенешем. Но были и такие, которые хотели предложить "свои услуги" Москве, и среди них военный министр словацкого правительства Ф. Чатлош. В "меморандуме", направленном в июле 1944 г. советскому правительству и военным кругам, содержалось предложение об антинемецком военном перевороте и установлении просоветской военной диктатуры в Словакии. В качестве посредников Чатлош предлагал "подпольную организацию словацких большевиков". Говорилось о решении после войны внутриполитических вопросов в соответствии с интересами СССР⁶⁵. Чатлош, которому было известно о подготовке восстания словацкими армейскими кругами, сам хотел возглавить переворот⁶⁶. Тисо не разделял взглядов своего военного министра. Руководство нелегальной КПС и СНС неоднозначно относились к этим планам. Считая их политически "абсурдной наивностью", они вместе с тем не отвергали возможность прибегнуть к услугам военного министра, пользующегося влиянием в армии, в интересах успешного хода военных операций советских войск. Не исключено, что со стороны коммунистов это отношение обуславливалось неизжитым пока комплексом "советской Словакии": ведь Чатлош был за самостоятельную Словакию под эгидой Москвы⁶⁷. Однако к этому времени СССР занял твердую позицию признания в отношении ЧСР и Бенеша, который настойчиво требовал, чтобы советские власти не вступали в контакт с коллаборационистами. "Меморандум" Чатлоша остался без ответа, хотя в случае принятия его предложений события в Словакии могли бы развернуться по аналогии с румынскими.

Летом 1944 г. по Словакии стали усиленно курсировать слухи о возможной оккупации ее немцами. Это усилило антинемецкие настроения и способствовало росту прорусских и прочехословацких симпатий. Одновременно в связи с приближением к границам страны Красной Армии укрепились позиции коммунистов, росло, особенно среди рабочих и интеллигенции, их влияние и стремление сотрудничать с ними. Общество пришло в движение, понимая, что пассивного не-

Советское оружие словацким повстанцам. 1944 г.

согласия с существующим положением уже недостаточно, чтобы обеспечить свое будущее в послевоенном мире. На повестку дня встал вопрос об активных вооруженных формах борьбы. До августа 1944 г. партизанское движение в Словакии не получило широкого размаха. В конце лета УШПД начал заброску сюда специально подготовленных для его развития организаторских групп. Каждая из них состояла из 10 – 20 человек, среди которых были как советские, так и чехословацкие граждане. Эти группы и стали кристаллизующим началом, вокруг которого начали создаваться, причем очень быстро, партизанские отряды. По сообщению начальника УШПД генерала Т. Строкача в Словакии в конце августа 1944 г. действовало 20 украинских и словацких партизанских отрядов численностью около 3 тыс. человек⁶⁸. 15 августа Н.С. Хрущев сообщил И.В. Сталину о ходе заброски организаторских групп и о том, что они доносят "о благоприятных условиях для развития партизанского движения в Чехословакии"⁶⁹. При этом имелась в виду Словакия. Партизаны развернули такую бурную деятельность, что к концу августа в Центральной Словакии возникло несколько освобожденных районов. Правда, как считал Гусак, партизаны "имели успехи, не имея врага": немецкие войска в этих районах Словакии отсутствовали, а местные власти не способны бы-

ли да и не хотели оказывать сопротивление партизанам. 25 августа УШПД направил в ЦК ВКП(б) на имя Г. Димитрова и К. Готвальда сообщение о том, что по сведениям, полученным от партизан, у границ Словакии в целях ее оккупации сосредоточены войска СС, что некоторые немецкие части уже вошли в Словакию и что словацкая армия восстала против немцев⁷⁰. 27 августа начальник Чехословацкой военной миссии в Москве генерал Г. Пика сообщил советскому военному командованию, что из Словакии от Голиана получены данные о возможной оккупации Словакии в ближайшие дни и о принятии Голианом решения оказать сопротивление немецким и венгерским войскам. Это решение было одобрено Бенешем и военным министром чехословацкого эмигрантского правительства С. Ингром, которые также просили советское командование поддержать словацкие части. На документе об этом, направленном Сталину, имеется его короткая резолюция: "Нужно решить"⁷¹.

Нацисты были весьма обеспокоены развитием событий в Словакии — ведь она являлась прифронтовым тылом отступавшей немецкой армии — и неспособностью ее правительства навести "порядок и спокойствие" в стране. 28 августа Лудин посоветовал Тисо обратиться за помощью к Германии, и тот с благодарностью принял это предложение⁷². 29 августа части вермахта начали оккупацию Словакии: войска наступали с трех сторон — из Чехии, Польши и Австрии. В ночь на 30 августа Голиан отдал приказ о начале вооруженной борьбы против немецких оккупантов. Восстание началось. Центром его стал г. Банска Быстрица. Повстанческая территория ограничилась Центральной Словакией. Крупнейший братиславский гарнизон был в первые же дни восстания разоружен немцами, как и две восточно-словацкие дивизии, на поддержку которых повстанцы возлагали большие надежды: именно они должны были открыть горные перевалы в Карпатах для продвижения советских войск на территорию Словакии.

30 августа с призывом ко всем словакам, чехам и народу Подкарпатья поддержать восстание обратилось чехословацкое правительство в Лондоне. В тот же день посол Чехословакии в Москве З. Фирлингер по поручению своего правительства передал советскому руководству просьбу об оказании "материальной и военной помощи сражающимся частям в Словакии"⁷³. В восстании участвовали социальные и политические силы, единые в своем негативном отношении

к людацкому режиму и его нацистским покровителям, но весьма различные в своих представлениях о будущем. Сходство было в одном: восстановленная ЧСР не должна стать копией домюнхенской республики. При этом коммунисты не отказались от осуществления в перспективе своей социалистической программы, признавая лишь необходимость ее поэтапной реализации. Их же партнеры-соперники по борьбе, объединившиеся в "гражданский блок", в котором были представлены все, кроме коммунистической, довоенные политические партии, выступали за режим "усовершенствованной демократии", что предполагало более или менее глубокую модификацию довоенной общественно-политической системы. В одном из документов, подготовленных летом 1944 г. руководством КПС, значилось: "Для коммунистов — приказ дня: не предать собственную программу, ни социальную, ни национальную, ни политическую. И не упустить первой возможности"⁷⁴. Такой шанс для осуществления первого этапа своей программы коммунистам давало восстание, которое поэтому в прежней историографии квалифицировалось как начало национальной и демократической революции в Чехословакии. Приступая к реализации намеченных целей, коммунисты, по словам Гусака, руководствовались тезисом "как можно больше нового и как можно меньше старого". Их же партнеры, предпочитавшие эволюционные способы перестройки общества, исходили из обратного, выступая в роли "тормоза" на пути иницилируемых коммунистами преобразований.

1 сентября 1944 г. был легализован сформированный на паритетных началах СНС, сопредседателями которого стали В. Шробар, старейший словацкий политик пробенешевской ориентации, и коммунист К. Шмидке. На освобожденных в ходе восстания территориях создавались местные национальные комитеты (МНК), большинство в которых принадлежало коммунистам. Совет, взявший на себя "всю законодательную и исполнительную власть, а также оборону Словакии"⁷⁵, создал и свое правительство — Корпус уполномоченных (КУ). За два месяца восстания СНС издал весьма значительное для такого срока число распоряжений — 39, в том числе о роспуске партий и организаций, на которые опирался людацкий режим, об огосударствлении школ всех ступеней, об установлении принудительного управления на немецких и "ариезованных" предприятиях, о временном запрете на отчуждение недвижимости и т.д.⁷⁶ КПС заявила

*К. Шмидке, сопредседатель
Словацкого национального
совета*

о принципиальной необходимости осуществления аграрной реформы и национализации средств производства, но не настаивала на их немедленном обсуждении и реализации. Решались лишь те вопросы, по которым, по словам Гусака, "можно было договориться"⁷⁷. Но достичь договоренности по многим, важнейшим для судеб восстания вопросам, все же не удалось, например, о взаимоотношениях партизан и армии. Коммунисты рассматривали партизанские отряды как "армию партии" и по политическим соображениям не согласились на их подчинение командованию повстанческими армейскими частями, которое взял на себя назначенный Лондоном гене-

рал Р. Виест. С точки зрения военного успеха восстания, что являлось главным в ту пору, это было необходимо. Мысль о создании единого командования поддерживал и командующий 1-м Украинским фронтом маршал И.С. Конев. Однако возобладали политический подход к решению проблемы: сопряженности действий армии и партизан так и не удалось достигнуть.

Не существовало единства и в самом партизанском движении, хотя 16 сентября был создан его Главный штаб (ГШПД) во главе со Шмидке. После начала восстания партизанские отряды очень увеличились в количественном отношении. По сообщению Т.А. Строкача Хрущеву, к 10 сентября на территории Словакии действовали и поддерживали связь с УШПД 7 партизанских бригад, 2 соединения и 7 отрядов общей численностью 15 153 человека⁷⁸. Дело в том, что большинство партизанских формирований по-прежнему находилось в подчинении УШПД и выполняло его приказы. В этих условиях распоряжения ГШПД часто оказывались недействительными. Ничего не изменилось и с прибытием в конце сентября 1944 г. в Словакию представителя УШПД подполковника А.С. Асмолова, который стал заместителем

Шмидке в словацком штабе. Многие партизанские части, оказавшиеся на освобожденной в ходе восстания территории, отказывались перебазираться в тыл немецкой оккупационной армии, как того требовали правила ведения партизанской войны.

У повстанческой армии были и свои проблемы: не хватало оружия, было мало способных и опытных офицеров, значительная часть личного состава состояла из плохо обученных и призванных по мобилизации резервистов. Командование армии постоянно "лихорадило" от двойного подчинения, вынужденного выполнять зачастую противоречивые приказы СНС и Лондона. Отсюда — его лавирование, колебания, неспособность к решительным действиям. Всё это не могло не сказаться на ходе восстания, ослабляя надежды на его благоприятный исход.

Между тем в этой сложной, по существу прифронтовой обстановке, на освобожденной территории Словакии шла активная политическая жизнь. Союзники-соперники собирали силы для обеспечения себе лучших условий в будущей схватке за власть. Особенно действенной была вышедшая из подполья КПС. Она укрепила свои позиции, объединившись на идейной платформе марксизма-ленинизма с социал-демократами (съезд состоялся 17 сентября) и сохранив свое название. Председателем партии был избран К. Шмидке, его заместителями Г. Гусак и Я. Чех. В октябре 1944 г. на съезде представителей заводских комитетов в Подбрезовой было объединено и профсоюзное движение, которое оказалось под влиянием коммунистов. Стал постепенно организационно оформляться и "гражданский блок", выступивший с идеей создания Демократической партии (ДП), и опубликовавший ее программные принципы⁷⁹. С точки зрения наших сегодняшних представлений, программа партии была весьма прогрессивной и вполне в русле тех размышлений о совершенствовании либеральной демократии, кото-

А.Н. Асмолов. 1944 г.

рыми полнилось западноевропейское общество в годы войны. ДП считала себя защитницей идейного наследия Т.Г. Масарика и сторонницей его последователя Бенеша, хотя и не принимала теоретические представления последнего о едином "чехословацком народе". Ведущее положение в формирующейся партии занимала группа аграриев во главе с Я. Урсини (он стал председателем) и Й. Леттрихом. Почетным председателем ДП стал В. Шробар. Она вознамеривалась объединить представителей всех политических партий довоенной Словакии, кроме КПС и ГСНП. Слабыми сторонами нового политического образования были его гетерогенность и по существу верхушечный характер. С созданием ДП в Словакии были заложены основы двухпартийной политической системы.

В конце сентября командующим немецкими оккупационными войсками в Словакии был назначен фронтовой генерал Хёфле, от которого Г. Гиммлер потребовал решительных действий. Надежды на помощь восстанию со стороны Красной Армии не было: она находилась еще далеко, пробираясь с тяжелейшими боями через карпатские перевалы на территорию Словакии. В середине октября немецкие войска начали общее наступление на повстанцев, которое закончилось 27 октября падением Банской Быстрицы. Гусак утверждал, что согласно немецким данным в плен попали 15 тыс. словацких солдат и офицеров, 15—20 тыс. ушли в горы, чтобы продолжить борьбу партизанскими методами, или разошлись по домам⁸⁰. Отступление повстанческой армии было хаотичным и сумбурным. Многие части не получили последнего приказа Виеста о добровольном переходе на партизанский способ ведения войны. Сам Виест и Голиан были пленены, отправлены в Берлин и там казнены.

Что касается помощи восстанию со стороны Советского Союза, то тут оценки самые разные: от преувеличенно восторженных в прежние годы до резко критических в последнее время. Конечно, как и всякий иной, этот вопрос подлежит дополнительному изучению, особенно в свете непрерывно появляющихся новых документов, в том числе и из российских архивов. Представляется, что историография социалистического периода смогла дать принципиально верный ответ на вопрос об отношении советского государственного, политического и военного руководства к восстанию. Москва, оценивая события в Словакии через призму своих долговременных (национально-государственных и

классовых) и сиюминутных интересов в регионе Центральной Европы, поняла политическое и военное значение восстания и приняла решение об оказании ему помощи. Поэтому совершенно неправомерными представляются аналогии с отношением СССР к Варшавскому восстанию, по времени примерно совпавшему с СНВ. Советским руководством была оценена как возможность влияния Словацкого национального восстания на последующее, благоприятное для СССР, развитие событий в возрожденной Чехословакии, так и его роль в приближении краха нацистской Германии и выведения из строя ее сателлитов. Уяснив, что в хоре политических голосов, заявивших о своей причастности к подготовке и руководству восстанием, громко звучит голос коммунистов, Москва не сомневалась в необходимости оказания ему и материальной, и политической, и моральной поддержки.

Однако в принципе правильная постановка вопроса о позиции СССР в отношении восстания не исключает дальнейшей разработки этой темы, поскольку и тут есть свои "белые пятна", которые могут быть ликвидированы лишь при введении в научный оборот новых архивных материалов. Это относится как к подготовке восстания, так и к его ходу. Например, это касается участия советских людей в восстании (мало что известно, в частности, о группах, направленных в Словакию по линии специальных секретных служб), о тех конкретных заданиях, в том числе и политико-идеологического плана, которые получали люди, переправленные в Словакию Украинским штабом партизанского движения и советским военным командованием. Очевидно, могут быть уточнены данные, касающиеся поставок Советским Союзом вооружения на повстанческую территорию, а также прояснен вопрос о том, мог ли СССР тогда выполнить все заявки повстанцев, подчас чересчур завышенные и не соответствующие с имеющимися у Москвы возможностями. Конечно, сейчас трудно и даже невозможно посчитать, какое количество сброшенного повстанцам оружия по тем или иным причинам не попало по назначению. Пока еще не достаточно ясны механизм и мотивация принятия тех или иных решений советским политическим и военным руководством.

Дополнительного изучения требуют причины трудного хода Карпато-Дуклинской операции Красной Армии, направленной на оказание помощи повстанцам⁸¹. Как известно, получив сведения о начале Словацкого национального

восстания, советское руководство приняло решение об оказании ему немедленной помощи. Верховное главнокомандование Красной Армии отдало приказ о выделении оружия и боеприпасов и о сосредоточении их на близко расположенных к Словакии прифронтовых аэродромах. Первые партии оружия и боеприпасов были доставлены на словацкий аэродром Три дуба (севернее Зволена) в ночь с 3 на 4 сентября 1944 г. Во время восстания на территорию Словакии были переправлены 2-я Чехословацкая парашютно-десантная бригада, в составе которой было 1739 солдат и офицеров, 1-й Чехословацкий авиационный истребительный полк. Советское командование изменило свои стратегические планы и уже 2-го сентября приняло решение о подготовке и проведении Восточно-Карпатской операции, которая проходила с 8 сентября по 28 октября 1944 г. с целью прорыва фронта и соединения со словацкими повстанцами. Восточно-Карпатская операция включала две операции — Карпато-Дуклинскую и Карпато-Ужгородскую. Уже 3 сентября Военный совет 1-го Украинского фронта представил Сталину донесение о плане Карпато-Дуклинской операции "для выхода на словацкую границу и соединения со словацкими частями и партизанами". В тот же день план был утвержден Верховным Главнокомандующим⁸².

Просьбы чехословацкого правительства к Англии о помощи восстанию, по существу, не были удовлетворены. Форин Оффис, а затем и Британский комитет начальников штабов заняли в этом вопросе следующую позицию: 1) Словакия находится в советской оперативной зоне, и какая-либо реальная и действительная помощь должна быть оказана Советами; 2) нельзя предпринять ничего без полного согласия Советов, и, таким образом, на словацкую территорию не может быть сброшен никакой материал, пока Москва однозначно восстание не одобрит; 3) признание повстанцев воюющей стороной может быть декларировано лишь по договоренности с советским правительством⁸³. В инструкции Форин Оффис британскому послу в Москве был обозначен определяющий принцип британской позиции в отношении восстания: "Мы должны в вопросе словацкого восстания оставить инициативу за Россией". Однако Москва долгое время игнорировала запросы англичан, касавшиеся её отношения к вооруженному восстанию в Словакии и, по мнению исследовавшего этот вопрос В. Пречана, вынуждала их к "совершенному бездействию"⁸⁴.

Пика, поддерживавший постоянную связь с Лондоном, получал оттуда ежедневные сводки о развитии событий в Словакии и просьбы повстанцев о присылке вооружения. Пика, в свою очередь, направлял их советскому командованию⁸⁵. Документы из Архива Президента РФ свидетельствуют, что письма Пики с просьбой о помощи и по другим вопросам доводились до сведения Сталина, который, видимо, и принимал по ним окончательное решение⁸⁶.

Командир партизанского отряда А.С. Егоров. 1944

Начавшаяся Карпато-Дуклинская операция Красной Армии шла с трудом. Некоторый свет на причины этого проливает донесение командующего 1-м Украинским фронтом маршала Конева, отправленное Сталину и Г.К. Жукову 17 сентября 1944 г., в котором объяснялись причины затяжного характера операции. Маршал видел их в следующем: недостаточное количество сил и средств; горный характер местности, что не позволило "со всей эффективностью в начале операции после совершенного прорыва использовать танковые и кавалерийские войска"; неприспособленность нашей пехоты вести бои в горах; переброска противником значительных сил в целях противодействия 38-й армии; слабая материальная обеспеченность операции, поскольку "фронт считается в обороне"; малочисленность пехоты ("Операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизии 4,4 — 5 тыс. За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали насчитывать 3 — 3,5 тыс. человек"); мало танков ("привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно бывшими в ремонте танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук"). Подчеркивая далее, что словацкое направление является для фронта второстепенным, Конев писал, что не имеет возможности выделить для проведения операции 38-й армии дополнитель-

ные силы и средства за счет главного направления на Краков и севернее. "В этих условиях, — считал командующий 1-м Украинским фронтом, — вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии, или, если будет Ваше решение, продолжить операцию, выделив необходимые силы и средства"⁸⁷. Операция была продолжена, и, преодолевая сильнейшее сопротивление немецких войск, части Красной Армии 6 октября овладели Дукельским перевалом и вступили на территорию Словакии. В ходе Карпато-Дуклинской операции советские войска потеряли 36 тыс. человек убитыми и 146 тыс. ранеными. Участвовавший в операции чехословацкий корпус потерял почти 7 тыс. солдат и офицеров.

Для того чтобы более или менее правильно ответить на вопрос об отношении СССР к Словацкому национальному восстанию, следует рассматривать этот вопрос в широком международном контексте того времени. Без этого невозможно понять и объяснить не только важнейшие принимаемые Москвой решения, но и дать ответ на некоторые, казалось бы частные, но важные с точки зрения рассматриваемой проблемы вопросы (например, об отношении советских властей к миссии прибывшего в СССР в начале августа 1944 г. К. Шмидке, к судьбе и плану словацкого военного министра Ф. Чатлоша и т.д.). Очень важно также изучение проблемы с точки зрения отношений внутри антигитлеровской коалиции, а также отношений Москвы с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне. Запад, как уже подтверждено документально и доказано в историографии, не имел намерений оказывать существенную помощь восстанию, считая Словакию зоной советских военно-политических интересов. Некоторые предложения подобного рода, которые поступали от англичан и американцев, оказывались по военным или политическим соображениям неприемлемы для Москвы. Отношения с правительством Бенеша шли, с одной стороны, по линии укрепления сотрудничества и признания необходимости восстановления Чехословакии, а с другой — характеризовались недоверием и подозрительностью кремлевского руководства к планам Бенеша и военного министра чехословацкого эмигрантского правительства С. Ингра относительно Словакии. Далее, следует рассматривать проблему и в контексте советской политической стратегии в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в конце войны, намерений Москвы укрепить здесь свои по-

зиции. Наконец, нельзя забывать о внутренних условиях существования Советского Союза, ведшего три года тяжелейшую изнурительную войну, направившего все силы, чтобы довести ее до победного конца. Если говорить о внутренних условиях СССР, то следует иметь в виду и атмосферу всеобщей подозрительности и недоверия, существовавшую в стране, о чрезвычайных условиях военного времени, о том, что все решения принимались, в конечном счете, на самом верху и лично Сталиным. Недавно опубликованные в России документы из Архива Президента Российской Федерации, о чем говорилось выше, свидетельствуют, что все материалы, касающиеся советской политики в вопросе развития освободительной борьбы в Словакии, докладывались, как правило, И.В. Сталину. Эти документы показывают, что без сталинского одобрения и согласия не решался ни один вопрос, каким бы мелким он не казался. К сожалению, публикуемые документы не дают возможности отследить реакцию Сталина на поставленные вопросы или представленные материалы. Вполне вероятно, что указания давались в устной форме при личной встрече или по телефону. Так или иначе, но вопрос о советской помощи СНВ, видимо, еще долго будет привлекать внимание историков, и не исключено, что появятся какие-то новые материалы, которые могут пролить свет на неясные пока моменты⁸⁸.

По мнению советского Генерального штаба, переданному Фирлингером в Лондон, "словацкое восстание выполняло свою политическую и военную задачу, поскольку вызвало у немцев панику и лишило их возможных коммуникаций"⁸⁹. Началась партизанская война в горах, которую пытался как-то организовать и направлять ГШПД, возглавленный теперь уже А.Н. Асмоловым. Согласно донесению штаба 1-го Украинского фронта в Генштаб Красной Армии 16 ноября 1944 г., на территории Чехословакии действовали

*Командир партизанского
отряда Э. Биелик. 1944*

30 партизанских бригад, соединений, отрядов, общей численностью более 12 тыс. человек. Большая их часть находилась в Словакии, самые крупные из которых под началом советских командиров Величко, Егорова, Попова и др. начали движение в направлении Праги, Брно, Моравской Остравы⁹⁰, чтобы помочь развитию партизанского движения в Чешских землях. Однако пробиться им туда не удалось.

Вместе с отступившими в горы ушли и многие функционеры КПС, которые начали создавать сеть партийных организаций, вели политико-просветительскую работу и готовились к деятельности на освобождаемой Красной Армией территории Словакии. Они тесно общались с советскими командирами, которые делились с ними не только опытом организации партизанской войны, но и налаживания новой жизни по советскому образцу⁹¹.

¹ См. подробнее: *Tomášek D., Kvaček R.* Causa Emil Hácha. Praha, 1995.

² *Sládek O.* Od "ochrany" ke "konečnému řešení". Praha, 1983. S. 26.

³ Z počátku odboje. Praha, 1969. S. 465, 487.

⁴ Ibid. S. 98.

⁵ *Марьина В.В.* Расчленение Чехословакии. Начало Сопротивления // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939—1945 гг. М., 1995. С. 33.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 75.

⁷ Там же. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 31.

⁸ *Český antifašismus a odboj.* Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 269.

⁹ *Марьина В.В.* Расчленение Чехословакии. С. 35—38.

¹⁰ *Sborník dokumentů k dějinám ČSR a KSČ v letech 1938—1945.* Praha, 1971. С. 1. S. 63—68.

¹¹ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 19. П. 33. Д. 5. Л. 102—103.

¹² Там же. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 74.

¹³ *Depeše mezi Prahou a Moskvou. 1939—1941 // Příspěvky k dějinám KSČ.* 1967. N 3. S. 390—411; *Odboj a revoluce.* Zprávy. 1966. N 4. S. 43—44, 108.

¹⁴ "Rudé Právo". 1938—1945. Praha, 1971. S. 66.

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 495. Оп. 18. Д. 1298. Л. 72—85; Ф. 46. Оп. 6. Д. 931. Л. 12—21.

¹⁶ О развитии движения Сопротивления в Чешских землях в 1941—1944 гг. См. подробнее: *Марьина В.В.* Сопротивление в Чешских землях и Словакии: затишье перед бурей // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 230—246.

¹⁷ *Gebhart J.* Rozvoj českého hnutí odporu v období od června 1941 do počátku roku 1943 (1) // *Historie a vojenství.* 1982. N 3. S. 30.

¹⁸ *Sládek O.* Od "ochrany" ke "konečnému řešení" S. 48.

¹⁹ *Sborník dokumentů...* S. 194—195, 198, 202.

²⁰ Dokumenty z historie československé politiky 1939–1943. (Далее: DHČР.) Praha, 1966. Díl 1. S. 286.

²¹ Odboj a revoluce. 1938–1945. Praha, 1965. S. 174.

²² Цит. по: *Janaček O.* Na cestě k národní frontě (K vývoji politické linie Moskovského vedení KSČ v letech 1939, 1941–1943) // *Odboj a revoluce. Zprávy.* 1968. N 3. S. 189.

²³ *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1954. D. X. S. 56–58, 86–87, 160–163, 172–175.

²⁴ Státní ústřední archiv (Sbirka A ÚMZ ÚVKSČ). F. 37. A.j. 21/2. L. 162. (Далее: SÚA.)

²⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1981. Т. 4, кн. 1. С. 394–396.

²⁶ *Český antifašismus a odboj.* S. 87.

²⁷ АВР РФ. Ф. 138. Оп. 24. П. 37. Д. 11. Л. 2, 15–16.

²⁸ О развитии движения Сопротивления в Чешских землях на завершающем этапе Второй мировой войны см. подробнее: *Марыина В.В.* Апогей борьбы: словацкое и чешское восстания // *Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.* С. 429–442; *Великая Отечественная война 1941–1945. Книга 3: Освобождение.* М., 1999. С. 290–294.

²⁹ *Slovenské národné povstanie. Dokumenty.* (Далее: SNPД.) Bratislava, 1965. S. 688.

³⁰ *Sborník dokumentů...* Praha, 1981. Č. 2. S. 101.

³¹ *Slovenské národné povstanie 1944.* Bratislava, 1965. S. 477–479.

³² См.: *Rudé právo.* 1939–1945. S. 527, 532; *Český odboj a Květnové povstání.* Sb. dokumentů. 1943–1945. Praha, 1975. S. 109, 138, 201–202, 208, 241.

³³ *Mald J. a kol.* *Český lid v boji proti fašismu.* Praha, 1975. S. 468.

³⁴ *Odboj a revoluce.* 1938–1945. S. 367.

³⁵ *Osvobození Československa Rudou armádou. 1944–1945.* Praha, 1965. Sv. 2. S. 334–335.

³⁶ *Český antifašismus...* S. 299.

³⁷ См. подробнее: *Pecka J.* Na demarkační čáře: Americká armáda v Čechách v roce 1945. Praha, 1995.

³⁸ *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* Кн. 3. С. 291–292.

³⁹ *Zápis o zasedání ČNR ve dnech 4–9 května 1945* // *Historie a vojenství.* 1967. N 6. S. 979–1019.

⁴⁰ Подробнее о восстании см.: *Bartošek K.* *Pražské povstání 1945.* Praha, 1965; *Doležal J.* *Úvahy o pražském povstání* // *Sborník historický.* 1990. S. 175–208; *Mudra M.* *České národní povstání v květnu 1945.* Praha, 1995.

⁴¹ *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty.* Praha, 1965. Sv. I–2. S. 684–687.

⁴² Об участии "власовцев" в боях за Прагу подробнее см.: *Auský S.A.* *Vojska generála Vlasova v Čechách: Kniha o nepochopení a zradě.* Praha, 1992; *Rudny Z.* *Pražské povstání v květnu 1945 a vlasovci* // *Historie a vojenství.* 1995. N 2. S. 3–37.

⁴³ *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.* Кн. 3. С. 293.

⁴⁴ 1 августа 1946 г. на основе приговора советского военного трибунала А.А. Власов, С.К. Буняченко и др. руководители РОА были казнены за измену родине. Остальные "власовцы" попали в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа.

⁴⁵ *Za národní osvobození, za novou republiku. 1938–1945.* Praha, 1982. S. 465–466.

⁴⁶ Český antifašismus... S. 190 – 198.

⁴⁷ Об образовании Словацкого государства см. подробнее: *Марьина В.В.* Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе. Прошлое и настоящее. М., 1995. С. 201 – 225; *Byslrický V.* Nacistické Nemecko a vznik Slovenského štátu // *Vojenská história*. 2001. N 2. S. 41 – 61; *Slovensko a druhá svetová vojna*. Bratislava, 2000. S. 57.

⁴⁸ *Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny*. Bratislava, 1991. S. 39, 92; История Словакии: Пер. со словац. и англ. М., 2002. С. 320.

⁴⁹ *Hrnko A.* Politický vývin a protifašistický odboj na Slovensku. 1939 – 1941. Bratislava, 1988. S. 49.

⁵⁰ *Kamenec I.* Po stopách tragédie. Bratislava, 1991. S. 29 – 55; История Словакии. С. 325 – 326.

⁵¹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Расчленение Чехословакии. Начало Соппротивления. С. 48 – 52.

⁵² АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 2. П. 1. Д. 4. Л. 20.

⁵³ Там же. Л. 21.

⁵⁴ *Jablonický J.* Z ilegality do povstania. Bratislava, 1969. S. 57 – 62; История Словакии. С. 329.

⁵⁵ О пребывании частей словацкой армии на советско-германском фронте см. подробнее: *Slovensko a druhá svetová vojna*. Bratislava, 2000. S. 191 – 216.

⁵⁶ *Dejiny Slovenského národného povstania*. Zv. 3. Dokumenty. (Далее: DSNP. 3.) Bratislava, 1984. S. 110 – 111. См. подробнее: *Марьина В.В.* Соппротивление в Чешских землях и Словакии. С. 248 – 250.

⁵⁷ См. подробнее: *Kamenec I.* Po stopách tragédie, а также *Slovensko v rokoch...* S. 41 – 42; История Словакии. С. 325 – 327.

⁵⁸ *Jablonický J.* Z ilegality... S. 68.

⁵⁹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Соппротивление в Чешских землях и Словакии. С. 252 – 254.

⁶⁰ SNPD. S. 125 – 126.

⁶¹ *Гусак Г.* Свидетельство о Словацком национальном восстании. М., 1969. С. 95.

⁶² Там же. С. 126 – 127.

⁶³ *Jablonický J.* Povstanie bez legend. Bratislava, 1990. S. 21.

⁶⁴ SÚA. F. 37. A.j. 21/3. L. 573.

⁶⁵ Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 126 – 127; SNPD. S. 262 – 263.

⁶⁶ См. подробнее: *Marjina V.V.* Vážen butyrskej cely Ferdinand Čatlos // *Historický časopis*. 1996. N. 4. S. 678 – 700.

⁶⁷ См. подробнее: *Марьина В.В.* Апогей борьбы: словацкое и чешское восстания. С. 412 – 413.

⁶⁸ DSNP. 3. S. 347.

⁶⁹ Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. С. 128 – 129.

⁷⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 5526. Л. 43.

⁷¹ Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 129 – 130.

⁷² *Slovenské národné povstanie*. Nemci a Slovensko. Dokumenty. Bratislava, 1971. S. 179.

⁷³ ДМИСЧО. М., 1984. Т. 4, кн. 2. С. 117.

- ⁷⁴ DSNP. 3. S. 343.
- ⁷⁵ ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 122.
- ⁷⁶ SNPD. S. 1511 – 1169.
- ⁷⁷ Гусак Г. Свидетельство... С. 354.
- ⁷⁸ SNPD. S. 508.
- ⁷⁹ Ibid. S. 620 – 626.
- ⁸⁰ Ibid. S. 975.
- ⁸¹ См. подробнее: Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг. Кн. 3. С. 125 – 128.
- ⁸² ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 137 – 138.
- ⁸³ Prečan V. V kradeném čase. Výber ze studií, článků a úvah z let 1973 – 1993. Brno, 1994. S. 49.
- ⁸⁴ Ibid. S. 50.
- ⁸⁵ Некоторые из этих документов частично опубликованы. См.: Советско-чехословацкие отношения во время Великой отечественной войны 1941 – 1945 гг. М., 1960. С. 187 – 188, 195, 196, 198.
- ⁸⁶ Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 6. С. 114 – 118.
- ⁸⁷ Великая Отечественная война. 1941 – 1945 гг. Кн. 3. С. 465 – 466.
- ⁸⁸ Марьина В.В. Словацкое национальное восстание 1944 г. в военно-политических планах СССР // Россия XXI. 2003. № 3. С. 154 – 179.
- ⁸⁹ SNPD. S. 776.
- ⁹⁰ ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 237.
- ⁹¹ См. подробнее: Марьина В.В. Апогей борьбы: словацкое и чешское восстания. С. 427 – 429.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО ГОСУДАРСТВА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ (1939–1945 гг.)

Словацкое государство

Словацкое государство, появившееся 14 марта 1939 г. по воле Гитлера после расчленения Чехословакии, постепенно признали де-юре или по меньшей мере де-факто большинство ведущих стран мира, в том числе Германия, Италия, Япония, Франция, Англия, СССР, а также Польша, Венгрия, Болгария, Югославия, Румыния, Финляндия, Швейцария, Швеция, Испания, прибалтийские и другие государства (всего 27 стран). Исключение в этом плане составляли США¹. Словацкая республика, как она официально стала называться с лета 1939 г., занимала определенное место в геополитических расчетах Берлина. Её роль менялась в зависимости от непосредственных конкретных задач, встававших перед "третьим рейхом". Вместе с тем в 1939–1941 гг. одним из важнейших аспектов внешнеполитической истории Словакии являлись ее взаимоотношения с СССР, которые следует рассматривать лишь в контексте советско-германских отношений той поры².

"Ворота на Балканы", "окно в Юго-Восточную Европу" — так схоже именовалась Словакия немецкими и советскими дипломатами, что, по существу, и определяло заинтересованность Германии и СССР в укреплении своих позиций в этом квазисамостоятельном государстве в 1939–1941 гг. Гитлер полагал возможным использовать эту маленькую страну для реализации своих политических, военно-стратегических и экономических целей при установлении "нового порядка" в Европе. Самостоятельность Словакии, как казалось Берлину, здесь могла быть более полезной, чем ее непосредственное присоединение к "третьему рейху". Так называемый "Охранный договор", официально подписанный между Германией и Словакией 23 марта 1939 г. на 25 лет, свидетельствовал, что Братислава внешнеполитически и в военном плане оказалась абсолютно зависимой от Берлина. В договоре значилось: "1. Германская империя берет на

себя охрану политической независимости Словацкого государства; 2. Для проведения охраны германские вооруженные силы имеют право строить военные объекты и держать там военные части; 3. Словацкое правительство должно организовать свои вооруженные силы в тесном контакте с германскими вооруженными силами; 4. Словацкое правительство должно проводить свою внешнюю политику в тесном контакте с правительством Германии"³. Словакия, по мнению Л. Липтака, по своему положению оказалась "где-то на полпути между прямо оккупированной страной, или протекторатом, каким являлись Чехия и Моравия, и суверенными государствами, находившимися под немецким контролем, какими были Венгрия, Румыния или Болгария"⁴. Следует отметить, что именно в дни подписания "охранного договора" Венгрия, с согласия Германии оккупировавшая Подкарпатскую Русь, заняла и часть территории Восточной Словакии. Видимо, в качестве компенсации за эту потерю и после участия по настоянию Берлина в войне Германии против Польши, Словакия вернула себе территории, отошедшие к этой стране в 1920, 1924 и 1938 гг.

Германия, рассматривавшая Словакию как сферу исключительно своих интересов, постепенно прибрала к рукам и ее экономику⁵. Для выполнения планов в отношении Словакии Гитлеру нужно было, чтобы во главе ее стоял популярный и авторитетный в стране человек, но не германofilствующий экстремист. Такой личностью был представитель умеренного крыла Глинковской словацкой народной партии (ГСНП), католический священник, что являлось очень важным для чрезвычайно религиозного населения Словакии, Йозеф Тисо, который и стал сначала премьер-министром, а с осени 1939 г. президентом Словацкой республики. По подсказке из Берлина и исходя из собственных соображений, он поддержал идею установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

СССР сразу после расчленения Чехословакии занял позицию решительного непризнания ее ликвидации и создания самостоятельного Словацкого государства. В Москве, несмотря на недовольство Германии, продолжало функционировать чехословацкое посольство во главе с З. Фирлингером, правда, постепенно ограничивавшее свою деятельность. Резкое изменение советского внешнеполитического курса обозначилось после заключения пакта Молотова — Риббентропа 23 августа 1939 г. По инициативе сло-

вацкой стороны, одобренной Берлином, в сентябре 1939 г. были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Словакией, что Москва сначала старалась широко не афишировать. Наиболее влиятельная в ту пору часть словацкого государственного руководства, стремясь создать противовес все усиливавшемуся и по существу монопольному влиянию Германии в Словакии, была заинтересована в официальном признании со стороны СССР. В декабре 1939 г. в Москву прибыл словацкий посланник Франьо Тисо, родственник Й. Тисо. В январе 1940 г. в Братиславе появился советский полномочный представитель Г.М. Пушкин. Чехословацкое посольство прекратило свое существование в Москве 1 января 1940 г. Установление дипломатических отношений со Словакией давало Москве возможность (по крайней мере предположительно) противодействовать укреплению позиций Германии в регионе, небезразличном для интересов СССР.

Часть словацких политиков, группировавшаяся вокруг Й. Тисо и влиятельного в ту пору министра иностранных и внутренних дел Ф. Дюрчанского, в недавнем прошлом германофила, питала иллюзии относительно того, что возникшее по милости Берлина Словацкое государство может, используя традиционную для небольших стран Центральной и Юго-Восточной Европы тактику лавирования, достигнуть определенной степени самостоятельности путем балансирования между претендующими закрепиться в этом регионе державами, прежде всего Германией и СССР. Два вопроса красной нитью проходят через все документы, касавшиеся советско-словацких контактов первой половины 1940 г.: во-первых, развитие экономических связей, во-вторых, стремление словаков побудить СССР оказать им поддержку в территориальных претензиях к Венгрии, т.е. в возвращении территорий, отошедших к Венгрии в 1938 — 1939 гг. Весной 1940 г. Словакия была наполнена слухами о том, что Советский Союз готов "взять себе" Карпатскую Украину, которая в марте 1939 г. была оккупирована Венгрией, и тогда СССР, оказавшись непосредственным соседом Словакии, поможет ей вернуть южные и восточные территории. Однако присоединение Закарпатской Украины (Подкарпатской Руси) к СССР в ту пору не входило в советские планы, поскольку им противодействовали Германия и ее союзники⁶. Москва вынуждена была считаться с этим и смогла осуществить инкорпорацию только в конце

Второй мировой войны. Словацко-советские переговоры по экономическим вопросам с большим или меньшим успехом продолжались весь 1940 г. и увенчались подписанием 6 декабря 1940 г. Договора о торговле и судоходстве сроком на два года, ратифицированном обеими сторонами в январе 1941 г. Однако договор фактически не был реализован ввиду разрыва дипломатических отношений Словакии с СССР 22 июня 1941 г.

Берлин, весьма обеспокоенный желанием Советского Союза усилить свои позиции в Словакии, ростом там русофильских и одновременно антигерманских настроений, активизацией коммунистов, стремился не допустить подобного развития событий и исправить положение путем реорганизации словацкого правительства и усиления в нем позиций прогерманской группировки Туки и Маха. Ободренная поддержкой Гитлера она активно принялась за дело приспособления словацкого режима к германскому. В этом же направлении действовал и новый посланник Германии в Словакии М. Киллингер. Во время первых же встреч с Пушкиным он ясно дал понять советскому полпреду, что "Словакия — зона германских интересов", что ее самостоятельность — призрак, что в отношениях Германии со Словакией "речь идет не о смелом и трусливом, а о сильном и слабом"⁷. Оставшийся президентом Й. Тисо противодействовал внедрению национал-социалистской идеологии в стране, но вынужден был, хотя и с неохотой, принять нацистские правила игры в "еврейском вопросе".

Одновременно Германия стала усиленно приспособлять территорию Словакии к своим военным потребностям: развернулось широкое строительство шоссейных и железных дорог, аэродромов, мостов, объектов военно-стратегического характера. Началась реорганизация словацкой армии по германскому образцу. В стране были размещены немецкие военные гарнизоны. "Ворота на Балканы" были открыты: в декабре германская армия через территорию Словакии двинулась в Венгрию и Румынию. Словакия, по мнению НКВД СССР, начала играть роль "германского плацдарма в Юго-Восточной Европе"⁸. С созданием германского консульства на востоке страны в Прешове, по словам Г.М. Пушкина, возник "центр по организации работы против Советского Союза"⁹: В Словакии усилилась антисоветская пропаганда, несмотря на то, что, как отмечалось в одном из документов НКВД, "Советский Союз, избегая пре-

вращения Словакии в камень раздора между ним и Германией, проводил по отношению к словакам осторожную и вполне тактичную по отношению к немцам политику"¹⁰. 24 ноября Словакия одновременно с Венгрией и Румынией присоединилась к агрессивному Тройственному пакту, подписанному Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г.

К весне 1941 г. немцам удалось "указать Москве" на ее более чем скромную роль в словацких делах, хотя информационные письма Пушкина свидетельствовали о том, что чем сильнее был германский нажим на Словакию, тем более росли здесь русо- и славянофильские настроения. "Немцы очень боятся нашего влияния в этой стране", — констатировал Г.М. Пушкин и делал вывод, что "до тех пор, пока здесь господствуют немцы, не может быть и речи о сколько-нибудь широких связях между СССР и Словакией... Немцы весьма ревниво относятся к каким-либо, даже безобидным, нашим начинаниям в Словакии". Вместе с тем в отчете за 1940 г. советский полпред писал: "Словакия представляет для нас большой интерес. В Словакии мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах. Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт"¹¹. Вплоть до нападения фашистской Германии на СССР она и оставалась для него лишь "наблюдательным пунктом". Москва, не желавшая в то время осложнения отношений с Германией, оставила инициативу здесь полностью за ней. 22 июня 1941 г. словацкие руководители заявили о вступлении в войну на стороне нацистской Германии и разорвали дипломатические отношения с Советским Союзом. 23 июня Словакия объявила войну СССР и направила словацкую механизированную бригаду на советско-германский фронт. Таков был не очень удачный опыт первой попытки установления официальных советско-словацких отношений.

Присоединение Словацкой республики к войне Германии против Советского Союза было встречено с неодобрением большинством населения страны и оказало серьезное влияние на дальнейшую судьбу существовавшего там режима. Власти развернули широкую пропаганду под националистическими и антикоммунистическими лозунгами, сопровождая ее репрессиями за антигосударственную деятельность. На советско-германский фронт, как уже говорилось, было отправлено более 50 тыс. словацких солдат

А. Гитлер и Й. Тисо. Май 1944 г.

и офицеров, но уже в августе 1941 г. бóльшая часть резервистов возвратилась на родину, на фронте осталось примерно 16 тыс. молодых воинов¹². Война против Советского Союза была непопулярна в словацком народе. Об этом свидетельствовали, в частности, и многочисленные случаи перехода словацких военнослужащих на сторону советской армии и партизан, которые особенно участились после того, как произошел перелом в ходе войны. 1943 год был отмечен массовым переходом солдат и офицеров двух словацких дивизий, действовавших в Белоруссии и на Украине, на советскую сторону. В январе перешла рота из 1-й словацкой дивизии во главе с подпоручиком П. Марцели, а в октябре под Мелитополем добровольно сдались в плен 2750 солдат и офицеров этой дивизии, большинство из которых вскоре пополнили ряды 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады, формирующейся в СССР. В мае к партизанам перешла группа во главе с начальником штаба 101-го полка 2-й словацкой дивизии капитаном Я. Налепкой, который возглавил чехословацкий отряд в партизанском соединении А.Н. Сабурова. Десятки словацких партизан-антифашистов сражались в одесских

катакомбах, в горах Крыма, в лесах Белоруссии и Украины. В составе 1-го Чехословацкого армейского корпуса к маю 1945 г. из 97 299 человек личного состава было 72 400 словаков¹³. Они составляли значительную часть чехословацких военных формирований на Западе. Словаков можно было встретить в рядах французских "маки", итальянских партизан, бойцов югославской народно-освободительной армии и т.д.

В самой Словакии постепенно вызревало недовольство тисовским режимом, которое усиливалось по мере падения уверенности в германской победе и нарастания обусловленных военным временем экономических трудностей. Обозначившаяся перспектива освобождения страны с Востока содействовала усилению русо- и славянофильских настроений различных слоев словацкого населения. Все это вылилось в Словацкое национальное восстание (о нем см. выше), нацеленное на свержение следовавшего в фарватере гитлеровской Германии правительства Тисо и воссоздание Чехословацкой республики. Части Красной Армии, вступившие 6 октября на территорию Словакии, с боями продвигались вглубь страны. В середине января 1945 г. советские войска начали мощное наступление на широком фронте от Балтики до Карпат, в ходе которого была освобождена значительная часть Восточной и Центральной Словакии. 4 апреля 1945 г. советские части вошли в Братиславу.

Документы российских архивов свидетельствуют, что русофильские, а в конкретных условиях конца войны и советофильские настроения получили в Словакии широкое распространение и стали основой по меньшей мере лояльного, а зачастую и восторженно-гостеприимного отношения к советским солдатам и офицерам. Тех, кто опасался прихода Красной Армии, было значительно меньше. Г. Гусак в информации о положении дел и настроениях в Словакии, подготовленной им в начале 1945 г. для Разведуправления Генерального штаба Красной Армии и Загранбюро КПЧ в Москве, в частности, утверждал, что "весь словацкий народ желает наиболее тесной связи с Советским Союзом", что "Словакия подготовлена в психологическом и политическом отношении к приходу Красной Армии", что "значительная часть населения с коммунистической ориентацией заранее приветствует Красную Армию, надеясь с ее приходом получить возможность осуществления своих социальных и экономических порядков". Он полагал, что

*Чешский писатель И. Ольбрахт с советскими освободителями.
Табор, май 1945 г.*

70 — 80% населения Словакии настроены просоветски¹⁴. Видимо, подобное утверждение было преувеличением, если понимать под этим установление советского строя, но, вероятно, отражало широкое распространение симпатий к России в словацком обществе. Вот как описывал настроения на территории Средней Словакии известный военный корреспондент газеты "Комсомольская правда" Крушинский, находившийся там с 27 сентября по 6 октября 1944 г., т.е. во время Словацкого национального восстания: "Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице английских и американских офицеров. Они, безусловно, не встречали такого выражения симпатий... С несомненной искренностью население и солдаты (словацкой армии. — В.М.) ждут прихода частей Красной Армии". Вместе с тем Крушинский

указывал "на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств", что "произойдет немедленное и механическое уравнивание по беднякам, что будут пересчитаны скатерти и простыни и т.д."¹⁵ Но несмотря на имевшиеся у части словацкого населения опасения, советских солдат в Словакии ждали и встречали, по большей части хорошо. Об этом свидетельствуют донесения политорганов Красной Армии, направляемые в Москву¹⁶. Правда, ореол освободителей несколько потускнел в результате деятельности органов советской контрразведки (СМЕРШ) и НКВД, а также новых чехословацких властей, приведшей к репрессиям против словаков, поддерживавших режим Тисо. Имели место также случаи мародерства и насилия со стороны советских солдат, естественно, вызывавшие недовольство населения¹⁷. Однако известные на сегодняшний день как опубликованные¹⁸, так и неопубликованные документы дают основание полагать, что в целом для словаков в конце войны были характерны анти-немецкие, антивенгерские и прорусские (для какой-то части и просоветские) настроения, независимо от ориентации на сохранение самостоятельного государства или восстановление Чехословакии. Это, конечно, не означает, что среди части населения (в донесениях чаще всего говорится о представителях интеллигенции и зажиточного крестьянства), особенно под воздействием немецкой пропаганды и верных Германии властей, не наличествовали нежелание нести тяготы военного времени и страх за свои жизнь и имущество¹⁹. "Некоторая часть населения, — говорилось в докладной записке Главного политического управления Красной Армии в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Димитрова в марте 1945 г., — опасается того, что Красная Армия рано или поздно введет в Чехословакии свои порядки"²⁰. И эти опасения, как показала история, были не напрасными. Одинаково страшившийся как "чешской, так и большевистской тюрем" Тисо и словацкое правительство при приближении Красной Армии бежали в Австрию, часть которой была освобождена американской армией, и в Баварию, где и сдались в плен американским военным властям. После окончания войны (в октябре 1945 г.) по требованию нового чехословацкого правительства Тисо и ряд активных функционеров его режима были переданы Чехословакии²¹.

**На пути к чехословацко-советскому договору 1943 г.
по формуле Бенеша:
"50% — на Запад, 50% — на Восток,
а не 100% на Запад"**

Реакция СССР, Англии, Франции и США на расчленение Чехословакии по сути была однозначно негативной, осуждающей агрессию²². Полномочные представители Чехо-Словакии в Москве, Вашингтоне, Париже и Лондоне отказались повиноваться правительству Э. Гахи и сохранили свои посты. Весть об оккупации Чешских земель и создании Словацкого государства застала экс-президента Э. Бенеша в Америке, где он, как частное лицо, читал лекции в Чикагском университете. 16 марта он выступил с манифестом, в котором декларировалась борьба за реставрацию Чехословацкой республики. Цель борьбы формулировалась так: "Свободная Чехословакия в свободной Европе". Основным принципом освободительной программы было признание непрерывности (континуитета) правового существования Чехословакии и ликвидация Мюнхенского соглашения. Бенеш высказался за объединение действий всех чехословаков (он, как известно, придерживался теории единого чехословацкого народа), независимо от их партийной и социальной принадлежности, а также от вероисповедания, в целях борьбы за восстановление республики. Он ратовал за создание единственного и внутренне единого руководства для этого за границей. Решение вопросов будущего устройства освобожденной республики, по его мнению, должно было быть оставлено за самим чехословацким народом²³. В решении указанных задач Бенеш рассчитывал как на содействие Запада (США, Великобритании, Франции), хотя его надежды на "мюнхенцев" были невелики, так и на СССР. Несколько позднее, говоря о внешнеполитических ориентирах восстановленной Чехословакии, он выразил это формулой "50% — на Запад, 50% — на Восток, а не 100% — на Запад", которой, будучи политическим прагматиком, руководствовался до конца своей жизни.

Москва в ту пору искала связей с движением Сопротивления в оккупированных Чешских землях, готова она была сотрудничать и с Бенешем. Сразу после расчленения Чехословакии советское посольство в ЧСР было преобразовано в Генеральное консульство СССР в Праге. Работало там и Торгпредство СССР, которое активизировало свою деятель-

ность после поворота в отношениях между Советским Союзом и Германией, обозначенного пактом Риббентропа — Молотова 23 августа 1939 г. Вернувшийся за месяц до этого в Европу и обосновавшийся в Англии Бенеш не осуждал Москву за этот шаг, о чем он неоднократно говорил в беседах с советскими дипломатами. При этом он считал, что советско-германский альянс будет недолговечным и закончится столкновением Москвы и Берлина. С пониманием Бенеш отнесся и к присоединению Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, рассматривая это как необходимую меру для обеспечения безопасности Советского Союза, как, впрочем, вопреки британскому общественному мнению, считал и У. Черчилль²⁴. Осенью 1939 г. Бенеш несколько раз встречался с советским послом в Лондоне И.М. Майским, стремясь заручиться поддержкой Москвы в деле восстановления Чехословацкой республики и усиления собственных позиций как руководителя заграничного Сопротивления²⁵.

3 сентября 1939 г., в день объявления Англией и Францией войны Германии, чехословацкий экс-президент направил британскому премьеру Н. Чемберлену, премьеру Франции Э. Даладье и премьеру Польши Складковскому телеграмму, в которой говорилось: "Мы, чехословацкие граждане, считаем, что наша страна находится в состоянии войны с немецкими военными силами. Мы пойдем вместе с Вашим народом до полной победы и освобождения своей родины"²⁶. К этому времени, несмотря на чрезвычайную пестроту и разномастность чехословацкой западной эмиграции и продолжавшуюся в ее среде борьбу за лидерство, фигура Бенеша, как политического деятеля, способного возглавить за границей движение за восстановление Чехословакии, явственно выдвинулась на первый план. Руководящие круги Англии и особенно Франции относились к нему сдержанно, помня о его позициях в период Мюнхена, но все же считали его политиком в основном прозападной ориентации. Б. Локкарт, назначенный летом 1940 г. английским представителем при Временном чехословацком правительстве в Лондоне, писал о Бенеше в своих воспоминаниях: "Он был всегда западником и западником остался... Вся политика Бенеша была основана на согласии между англо-американцами и русскими"²⁷. По существу разделял это мнение и Майский: "Бенеш не испытывал большой радости от ориентации на Восток. Его душа срослась с Западом, но как патриот он не видел для своей страны иного выхода, кроме сотрудничества с

Востоком. Чтобы обеспечить в будущем самостоятельность Чехословакии, он готов был проглотить и горькую пилюлю советско-чехословацкого сближения"²⁸. Однако после установления дипломатических отношений между СССР и Словакией, ликвидации в Москве чехословацкого посольства, начала непопулярной в чехословацкой среде советско-финской войны встречи Бенеша с Майским прекратились, хотя неофициальные контакты между советскими и чехословацкими представителями имели место²⁹.

Сохранились и экономические связи между Советским Союзом и протекторатом³⁰, определяемые позицией германских властей в этом вопросе. Генеральный консул СССР в Праге В. Яковлев в декабре 1940 г. сообщал: "Торговля чехов с СССР строится на заинтересованности советского хозяйства в получении продукции высокоразвитой чешской индустрии, в частности военной. Со своей стороны СССР продает хлеб, лён и нефтепродукты... После оккупации Чехословакии Германией объем торговли чешской промышленности с СССР сохранился... Главный предмет вывоза в СССР составляют станки (токарные, фрезерные, револьверные). Чехи намерены поддерживать торговлю и далее. Их интересует получение из СССР главным образом стратегического сырья"³¹. Но в 1941 г. по сведениям, приводимым З. Сладеком, резко сократился вывоз из Протектората в Советский Союз³², что объяснялось запретом нацистских властей поставлять Советскому Союзу военные материалы после принятия ими решения о войне против него (план "Барбаросса"). Ощущение близящегося советско-германского военного столкновения, особенно после падения Франции и открытия Гитлером "окна в Юго-Восточную Европу" становилось все острее.

В результате длительных переговоров с английскими властями и после того, как Чемберлена на посту премьера в мае 1940 г. сменил Черчилль, Бенешу удалось добиться согласия на создание в Лондоне Временного чехословацкого правительства и его признания (9 июля 1940 г.). Но англичане не брали на себя обязательств "поддерживать установление каких-либо будущих границ в Центральной Европе". В этот период Бенеш очень внимательно следил, чтобы его "русская" политика не расходилась кардинально с английской политикой в этом вопросе. В августе 1940 г. он сообщал своим сторонникам на родину: "Мы не можем делать с Россией то, что поставило бы под угрозу наши отношения

с Англией. Черчилль ни в коем случае не хочет ни в чем идти против России, и, наоборот, рассчитывает на сотрудничество. Мы хотим, чтобы и наше сотрудничество с Советами шло параллельно развитию сближения Советов и Англии"³³. По подсказке и с одобрения англичан в конце 1940 г. начались переговоры о создании после войны "чехословацко-польской конфедерации" как барьера против "пангерманизма" и проникновения "большевизма" на Запад. Правда, и Фирлингер, который как частное лицо общался с Майским, и позднее Бенеш неоднократно утверждали, что создание конфедерации мыслится ими только при условии согласия на это Советского Союза и ни в коем случае не против него³⁴.

Весной 1941 г., когда неизбежность советско-германского конфликта стала очевидной, Бенеш назначил в качестве своего неофициального представителя в Москве полковника Г. Пику, который с политической точки зрения должен был выполнять миссию наблюдателя, а с военной — вести переговоры о возможном создании чехословацкой воинской части в Советском Союзе. Одной из главных политических предпосылок эвентуального сотрудничества Бенеш считал положительное отношение советского руководства к восстановлению Чехословакии и признание чехословацкого эмигрантского правительства. Однако Москва пока была сдержана в этом вопросе и не считала возможным обещать что-либо даже в конфиденциальном порядке³⁵.

Обстановка кардинально изменилась после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну. Уже 24 июня 1941 г. Пика направил письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях. С точки зрения содержания письмо походило, скорее, на дипломатическую ноту. "После изменения политической ситуации СССР и Европы (см. заявление председателя британского правительства мистера Черчилля), — писал Пика, — можно приступить к осуществлению полной программы советско-чехословацкого сотрудничества. Целесообразно и необходимо действовать быстро, ясно и открыто, чтобы мировое общественное мнение и особенно чехословацкий народ знали, какова советская точка зрения по вопросу борьбы Чехословакии против Германии с целью восстановления ее (Чехословакии. — В.М.) самостоятельности". Пика предлагал развить "пропагандистское наступление" в протекторате, чтобы "усилить и укрепить в чехословацком народе чувства в поль-

зу Советов и способствовать в подходящий момент началу массового саботажа и всеобщего восстания". Необходимо, чтобы Советы официально заявили, — говорилось далее в письме, — что "1) СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью освобождения независимой Чехословакии; 2) СССР признает чехословацкое правительство в Лондоне как единственного представителя чехословацкого народа и д-ра Бенеша как руководителя борьбы чехословацкого народа против нацизма и фашизма; 3) СССР признает чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельного и участвующего в войне государства; 4) СССР будет всеми силами поддерживать на своей территории всякого рода чехословацкие инициативы (направленные на разгром Германии. — В.М.); 5) СССР разрешит организовать чехословацкие военные части, которые будут сражаться против агрессора, напавшего на СССР; 6) После поражения Германии победоносный СССР позволит чехословацкому народу свободно принять решение о своем политическом устройстве по принципу самоопределения народов, уважаемому Советами". Пика предлагал советскому правительству, опираясь на эти официальные заявления, предпринять конкретные шаги в деле налаживания советско-чехословацкого сотрудничества. Чехословацкое правительство, по словам Пики, брало на себя обязательство "тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором"³⁶.

25 июня Пика сообщил Бенешу о направленном им письме, подчеркнув: "У меня впечатление, что здесь с признанием спешить не будут, у них другие заботы. Необходимо будет начать переговоры по этому вопросу с послом Майским". Однако Пика ошибся. 29 июня его принял нарком государственной безопасности Л.П. Берия, который предложил проект создания чехословацкой воинской части в СССР на основе добровольного вступления в нее всех чехословацких эмигрантов, находившихся на территории Советского Союза, а также остальных чехов, словаков и карпатских украинцев — советских граждан³⁷.

Приведенные документы свидетельствуют, что инициатива в установлении советско-чехословацких дипломатических отношений и налаживании сотрудничества исходила от чехословацкой стороны, а не от СССР, как это прежде изображалось в историографии. Другой вопрос, что Москва в изменившихся условиях тоже была заинтересована в этом, и

*Отакар Ярош.
Герой Советского Союза. 1943 г.*

уже 3—4 июля 1941 г. высказалась за восстановление Чехословакии и дипломатических отношений с ней, поручив Майскому сообщить это Бенешу. На обеде, состоявшемся 8 июля, советский посол передал ему следующее: "а) политической программой советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством; б) само собой разумеется, что советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит

сам; в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, советское правительство с радостью его примет; г) советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России"³⁸.

Бенеш был рад этому предложению. 16 июля советское правительство представило ему проект соглашения и высказалось за его немедленное подписание. Оно состоялось 18 июля 1941 г. в Лондоне. Свои подписи под документом поставили Майский и министр иностранных дел Чехословацкой республики Я. Масарик. Соглашением предусматривались немедленный обмен посланниками, взаимопомощь и поддержка всякого рода в войне против гитлеровской Германии; согласие советского правительства на образование на территории СССР чехословацких воинских частей во главе с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с советским правительством, но в оперативном плане подчиненных Верховному командованию СССР. Место чехословацкого посланника в Москве вновь занял в августе З. Фирлингер, который привез с собой личные письма Бенеша на имя И.В. Сталина, В.М. Молотова и М.И. Калинина. В письме на имя М.М. Литвинова президент сообщал, что он намерен приехать в Москву "при первом возможном случае"³⁹. Соглашение о формировании че-

М.И. Калинин вручает Л. Свободе Орден Ленина. 26 апреля 1943 г.

хословацкой воинской части было подписано 27 сентября. Ее инструкторским ядром стала группа (90 человек) чехословацкого легиона Л. Свободы, интернированного в СССР в 1939 г. Большинство легионеров до июня 1941 г. было отправлено на Запад, где в то время формировались чехословацкие воинские части. Сам Свобода, участвовавший с осени 1940 г. в обсуждении идеи создания такой части в Советском Союзе, остался в СССР⁴⁰. Решение вопроса затянулось до начала 1942 г., когда в качестве сборного пункта формируемого батальона был определен г. Бузулук Чкаловской (Оренбургской) области. В течение всего этого года велись переговоры об освобождении из советских лагерей граждан "чехословацкой" национальности, главным образом "карпатских украинцев", которые, надеясь получить защиту в СССР после оккупации Подкарпатской Руси Венгрией в марте 1939 г., перешли советскую границу и были отправлены в лагеря, как нелегалы. По непроверенным данным, которые в конце концов были опровергнуты советской стороной, в ведении ГУЛАГа находилось тогда около 10 тыс. "карпатских украинцев" или карпато-русин, как они именовались в советских документах военных лет⁴¹. Они-то и состав-

ляли в 1942 — 1943 гг. костяк чехословацкой воинской части в СССР⁴². Летом 1942 г. она получила официальное наименование 1-й Чехословацкий отдельный батальон, который насчитывал 968 человек и командовал которым подполковник Свобода. Коммунисты, составлявшие по некоторым данным 5% личного состава батальона, непосредственные инструкции получали от Заграничного бюро КПЧ, возглавляемого К. Готвальдом.

К моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз на Ближнем Востоке, во Франции и Великобритании уже были сформированы чехословацкие воинские части, которые под национальными флагами действовали в составе французских и британских вооруженных сил⁴³. Вслед за Москвой Лондон, а затем Вашингтон признали чехословацкое эмигрантское правительство представителем суверенного государства, ставшего членом антигитлеровской коалиции. Однако вопрос о будущих границах Чехословацкой республики по-прежнему оставался открытым. В декабре 1941 г., когда в СССР для переговоров прибыл министр иностранных дел Великобритании А. Иден, советская сторона пыталась, в частности, поставить и этот вопрос. На встрече Сталина и Идена 16 декабря 1941 г. советский руководитель передал последнему проекты двух договоров, один из которых касался решения послевоенных проблем. Кроме того Сталин считал нужным приложить к нему секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Говорилось и о ЧСР: "Чехословакия должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны"⁴⁴. Советский Союз, по словам Сталина, не возражал бы против создания в Европе тех или иных государственных федераций. Иден, высказав личное согласие с мнением Сталина, тем не менее заявил, что британское правительство пока всерьез не занималось проблемами послевоенной Европы, и поэтому он не готов подписывать какие-либо документы на этот счет. При этом он поблагодарил Сталина за его отношение к вопросу о федерировании малых европейских государств, отметив, что "подготавливаемая конфедерация Польши и Чехословакии должна

рассматриваться как положительный факт"⁴⁵. Вопрос о будущих границах Чехословакии, таким образом, был отложен на неопределенное время.

Между тем идея визита Бенеша в СССР, особенно после посещения его Иденом, в первой половине 1942 г. начала "обкатываться" по дипломатическим каналам. При этом в центре внимания находился вопрос о создании чехословацко-польской конфедерации. Несмотря на заявления Сталина о положительном к ней отношении, Москва, опасаясь ее антисоветской направленности, заняла в этом вопросе выжидательную, осторожную позицию⁴⁶. На май 1942 г. было намечено подписание англо-советского договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и о послевоенном сотрудничестве. Бенеш, приветствовавший его заключение, полагал, что вслед за этим "актуальными станут другие вопросы Центральной Европы", и считал необходимым "своевременно говорить об этом с Россией". Кроме того он хотел "информировать Советы", как он представляет себе "переход к послевоенным условиям" в освобожденной стране. Обо всем этом Бенеш уведомил посла СССР при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолова, который сообщил ему 15 мая 1942 г. о принципиальном согласии советского правительства на его приезд в СССР в любое время⁴⁷.

В начале июня 1942 г. Богомолов сообщил государственному министру Чехословакии Г. Рипке о том, что "советское правительство выступает за восстановление независимой, сильной Чехословакии... в тех границах, которые существовали до Мюнхена". Этот активный обмен мнениями подготовил почву для встречи Бенеша с Молотовым 9 июня в Лондоне, куда последний возвратился после поездки в США. Во время беседы был затронут ряд вопросов, интересовавших обе стороны, в частности о Мюнхене и о чехословацко-польской конфедерации. Бенеш тогда сказал Молотову: "Если Ваши отношения с Польшей не будут дружественными, конфедерации не будет". Советский нарком принял эти слова к сведению. Говорилось и о поездке президента в СССР: за ним был оставлен выбор времени визита⁴⁸.

В июле 1942 г. наступило резкое ухудшение в советско-польских отношениях, и Богомолов в категоричной форме заявил Я. Масарику о том, что Москва против чехословацко-польского сближения. Из-за открыто антисоветской позиции польского эмигрантского правительства Москва заняла резко отрицательную позицию в вопросе о создании чехо-

словацко-польской конфедерации. Бенеш не мог не учитывать позиции Советского Союза: переговоры о конфедерации зашли в тупик. Советское руководство не склонно было рассматривать и новое предложение Бенеша о подписании трипартитного договора между Чехословакией, Польшей и СССР⁴⁹. Затягивалось и решение вопроса о поездке президента в Москву. Это осложнялось еще и тем, что осенью 1942 г. в связи с задержкой открытия второго фронта в Европе усилилась напряженность в англо-советских отношениях, что проявилось во время визита Черчилля в СССР. И тут возникла идея заключения советско-чехословацкого (в духе советско-английского) договора с присоединением к нему впоследствии Польши. Весной 1943 г. возможность такого поворота в решении возникшей ситуации обсуждалась как в Москве, так и в Лондоне. Советское руководство и Бенеш пришли к выводу о желательности такого развития событий. Во второй половине мая президент посетил США и Канаду, где, помимо прочего, была обсуждена и его позиция по отношению к СССР, которая, по утверждению Бенеша, получила одобрение⁵⁰. Англичане, по словам Бенеша, также были поставлены в известность об этом, но свою позицию пока резервировали. Между тем Москва стала педалировать идею заключения договора, настаивая на его подписании уже во время поездки президента в СССР, которая сначала планировалась на июнь 1943 г. Это несколько отличалось от представлений Бенеша, который полагал, что следует резервировать себе "необходимое время и спокойно подготовить вопрос"⁵¹.

Сложившаяся международная ситуация — разрыв дипломатических отношений между СССР и польским правительством, новое оттягивание открытия второго фронта — усилила напряженность внутри антигитлеровской коалиции, и не могла не сказаться на советско-чехословацких отношениях, осложнив их. Москва быстрым подписанием договора с ЧСР хотела, видимо, во-первых, продемонстрировать после разрыва с Польшей свои добрые намерения в отношении другого центрально-европейского государства, а во-вторых, оказать нажим на своих западных союзников с целью понудить их все же к открытию второго фронта в Европе. Тогда-то Англия и высказала свое решительное несогласие с немедленным подписанием советско-чехословацкого договора, считая, что он не может быть подписан до конца Второй мировой войны. Бенеш оказался, таким образом,

между двух великодержавных жерновов, ведших свою политическую игру. Президент решил повременить с подписанием договора и добиться, чтобы Лондон и Москва урегулировали этот вопрос между собой. Его позиция четко отражена в телеграмме Фирлингеру от 28 июня 1943 г.: "...наша политика — сближать англичан и русских, а не разделять их... кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы все еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, в продовольствии, сырье и финансах... спор должен быть решен согласием..., если бы выяснилось, что англичане вообще хотят помешать заключению договора, мы категорически это отклоним"⁵². В то же время по просьбе советской стороны Бенеш подготовил проект договора и направил его в Москву.

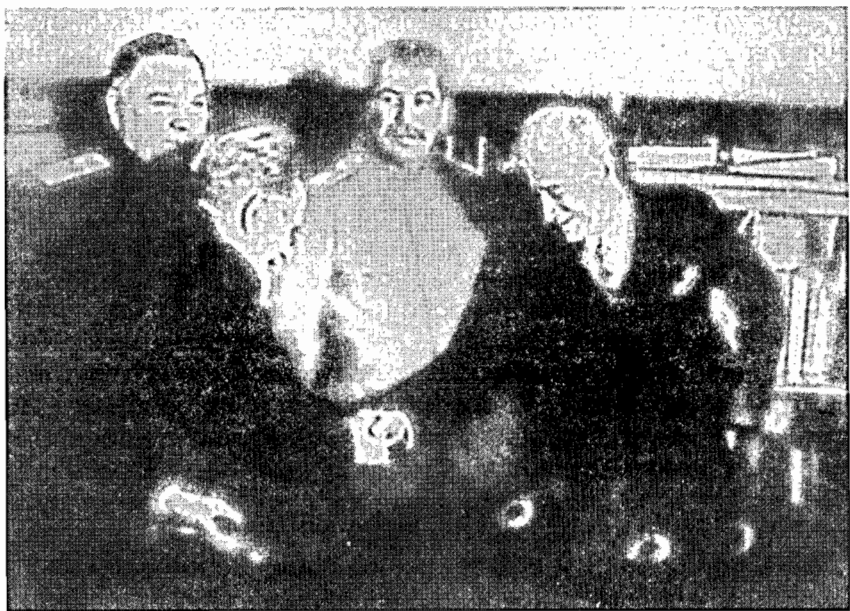
Представляется, что такая позиция главы небольшого государства, будущее которого зависело от степени согласованности действий великих держав, была адекватна сложившейся ситуации, вытекала из общей внешнеполитической концепции Бенеша (Чехословакия — мост между Востоком и Западом), характеризовала его, как гибкого и реально мыслящего политика, не желавшего углубления разногласий между ведущими членами антигитлеровской коалиции. "Ситуация деликатная и требует чрезвычайно осторожных действий с нашей стороны"⁵³, — писал Бенеш Фирлингеру. Поездка президента в Советский Союз откладывалась на неопределенное время, так как Москва хотела принять его только для подписания договора. В июле — сентябре 1943 г. создававшаяся ситуация обсуждалась внешнеполитическими ведомствами СССР, Великобритании, Чехословакии, однако прогресса в решении вопроса не обнаружилось. Бенеш был раздражен несговорчивостью англичан и не скрывал этого от британского посла при чехословацком правительстве Б. Николса, заявив ему 8 августа 1943 г., что своей негативной позицией они сами толкают Чехословакию на Восток, и ей "ничего не останется, как повернуться исключительно к России"⁵⁴.

К осени 1943 г. явственно обозначилась перспектива освобождения Чехословакии с Востока. Бенеш, поддержанный правительством и Государственным советом, настаивал на скорейшем подписании договора. Во-первых, он полагал, что таким образом, Чехословакия сможет обеспечить себе помощь со стороны СССР в случае возможно-

го в будущем возрождения германского агрессора, во-вторых, надеялся оградить страну от опасности большевизма путем дружественных отношений с Москвой и привлечения коммунистов к сотрудничеству в будущем правительстве. Как показала история, второе предположение оказалось неверным.

19 — 30 октября 1943 г. в Москве проходила встреча министров иностранных дел СССР, Великобритании и США, на которой среди прочих рассматривался и вопрос о соглашении между главными и малыми союзниками по послевоенным проблемам. За два дня до его обсуждения Молотов передал Идену и Хэлли проект советско-чехословацкого договора, ознакомившись с которым Иден заявил, что считает договор хорошим и не имеет ничего против поездки Бенеша в СССР для его подписания⁵⁵.

Так завершилась длительная и сложная история поисков путей к советско-чехословацкому договору о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, который был подписан 12 декабря во время визита Бенеша в Москву. Кроме того был подписан Протокол к договору, касавшийся Польши и дававший ей возможность в случае необходимости присоединиться к нему. Сегодня известно множество документов, которые освещают переговоры президента с советскими руководителями в Москве⁵⁶. Бенешу был оказан торжественный прием. Он был принят М.И. Калининым, неоднократно встречался с Молотовым, несколько раз беседовал со Сталиным. Во время переговоров затрагивалось множество самых разнообразных вопросов. На официальных встречах с Молотовым 14 и 16 декабря обсуждались такие вопросы, как ликвидация последствий Мюнхена, наказание Германии и Венгрии после победы, судьба немцев и венгров в Чехословакии, проблема репараций, чехословацко-польские отношения, военное и экономическое сотрудничество во время и после войны, наказание виновников войны, будущее государственное устройство ЧСР, политика в отношении Австрии, Румынии, Югославии, Франции, Италии⁵⁷. Бенеш вручил Молотову документ под названием "Выселение части немецкого населения Чехословакии", который затем был разослан Сталину, Ворошилову, Микояну, Берии, Маленкову, Деканозову, Литвинову и Корнейчуку⁵⁸, а также две записки для обсуждения с советским правительством "Военные вопросы" и "Экономическое сотрудничество". Эти документы

М.И. Калинин, К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин и Э. Бенеш после подписания советско-чехословацкого договора. Москва, декабрь 1943 г.

свидетельствовали о том, насколько тесным, по представлению Бенеша и его окружения, должно было стать сотрудничество ЧСР и СССР после войны. Во время пребывания в Москве Бенеш имел шесть бесед с представителями Заграничного бюро КПЧ К. Готвальдом, Я. Швермой, Р. Сланским и В. Копецким, во время которых речь шла об устройстве возрожденной Чехословацкой республики. Обмен мнениями свидетельствовал о существенном сближении позиций сторон и их намерениях содействовать созданию широкого национального фронта в целях ведения борьбы за освобождение Чехословакии и нормализацию ее жизни после войны. Однако по ряду позиций достичь соглашения не удалось. В частности, это касалось концепции Бенеша о единой "чехословацкой нации", его представлений о национальных комитетах лишь как временных органах руководства освободительной борьбой, о необходимости организационного слияния коммунистов с социал-демократами и национальными социалистами, о вхождении коммунистов в существующее эмигрантское правительство и т.д.

Результаты переговоров в Москве превзошли все ожидания Бенеша. Он находился в состоянии, близком к эйфории. "Можно сказать, что я сам не ожидал, что мы продвинем все так далеко, что вопросы будут поставлены так ясно, так решительно, на основе таких сердечности и гармоничного сотрудничества в отношении будущего", — сообщал он 18 декабря в Лондон. Бенеш был очарован приемом и почестями, любезностью и вниманием первых лиц советского государства, Сталина и Молотова. Их заявления о послевоенном мирном урегулировании в основном совпадали с его собственными взглядами. Будущее страны Советов представлялось Бенешу в "розовых тонах". Развитие России "в духе народной демократии — неопровержимый и необратимый процесс"⁵⁹, — полагал он. Эти свои впечатления Бенеш нес на Запад, убеждая его, что опасаться советской угрозы нет оснований, что Советская Россия начала движение по пути демократии. Об этом он говорил и с Черчиллем, встретившись с ним в Алжире на обратном пути в Лондон. По словам президента, английский премьер "высоко оценивал значение чехословацко-русского договора". Общественное мнение Великобритании тоже было на стороне договора, однако так называемые "мюнхенцы" по-прежнему выражали недовольство его подписанием⁶⁰. Не было единства по отношению к договору и в США: спектр оценок здесь флюктуировал от безусловно одобрительных до резко критических. Бенеш же и советские руководители искренне оценивали договор как несомненный успех своей внешней политики. Советский Союз сделал первую серьезную заявку на укрепление своих позиций в Центральной Европе, где Чехословакия должна была играть роль форпоста его влияния⁶¹. Вместе с тем Москва как бы декларировала на практике свое намерение установить дружественные и равноправные отношения с малыми странами центральноевропейского региона, (а после разрыва дипломатических отношений с Польшей это было крайне необходимо), опровергая установившееся на Западе представление об их вероятной "советизации". Подавляющая часть чехословацкой эмиграции и чешской общественности в оккупированной стране приветствовала заключение договора, видя в нем залог объединения сил в борьбе против немецких захватчиков и в деле восстановления Чехословацкой республики, а также гарантию получения помощи на случай возрождения германской агрессии в будущем. Бенеш считал, что договор, декларировавший не-

вмешательство Советского Союза во внутренние дела Чехословакии, поможет предотвратить ее возможную "большевизацию"; коммунисты же, наоборот, полагали, не говоря об этом открыто, что СССР, опираясь на договор, станет их серьезной опорой в стремлении реализовать программу-максимум — установление социалистического строя.

Из Лондона в Прагу через Москву

В апреле 1944 г. Красная Армия подошла к довоенным границам Чехословакии. 8 мая по инициативе чехословацкого правительства, опиравшегося на соответствующие статьи договора, в Лондоне Лебедевым и Рипкой было подписано Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии⁶². Формулировки этого документа, вокруг которого ныне ведутся споры в историографии, были в некоторых пунктах весьма неточны (это в дальнейшем было практически признано и "чехословацким" Лондоном), что давало возможность сторонам трактовать его в своих интересах⁶³. В советско-чехословацких отношениях наступил новый этап — этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. И здесь Бенеша ждали не только радости дружбы с Москвой, но и первые разочарования. Выяснять отношения с Кремлем пришлось в связи с действиями, советских военных властей на территории Закарпаття, освобожденного Красной Армией. Здесь начался набор добровольцев в ее ряды, что "чехословацкий" Лондон считал неправомерным и противоречившим, как советско-чехословацкому договору, так и Соглашению от 8 мая. У советской стороны были свои аргументы в пользу именно такого решения вопроса. Не сложились отношения между командующим 4-м Украинским фронтом И.Е. Петровым, войска которого освобождали Подкарпатскую Русь, и чехословацкой правительственной делегацией во главе с Ф. Немецем. Он, как и эмигрантское правительство, рассчитывали на то, что власть чехословацкой администрации будет быстро установлена на всей территории Закарпаття. На деле же, эта власть, да и то ограниченная советскими военными органами, распространялась только на восточную его часть. В связи с требованием Народной Рады Закарпатской Украины о включении этой области в состав СССР (УССР)

Л. Свобода на наблюдательном пункте. Чехословацкая граница. 1944 г.

не могли быть налажены отношения между Радой и Немцем. По дипломатическим каналам долго и сложно обсуждался вопрос о том, когда Подкарпатская Русь (Закарпатская Украина) может быть включена в СССР: Бенеш в принципе не был против, но считал, что это может произойти только после окончания войны и на основе официального решения чехословацких властей⁶⁴.

Определенные трения в советско-чехословацких отношениях возникали и в связи с организацией помощи Словацкому национальному восстанию, а затем в связи с советским требованием официально признать просоветское Временное польское правительство, чему Бенеш довольно долго сопротивлялся. События в Подкарпатской Руси, вылившиеся в организованное коммунистами с помощью советских военных властей движение с требованием ее присоединения к СССР, вызвали опасения "чехословацкого" Лондона, что такое же может произойти и в Словакии, когда начнется ее освобождение Красной Армией. Присутствие президента и чехословацкого правительства в стране стало просто необходимым. Тогда Бенеш и принял предложение Москвы, высказанное А.Я. Вышинским, а затем Молотовым в беседах с чехословацкими политическими деятелями 26 и 27 декабря

1944 г., возвратиться на родину через территорию СССР. В телеграмме Фирлингеру от 31 декабря 1944 г. Бенеш обозначил даже предварительный круг вопросов, которые могли бы быть обсуждены им с советскими лидерами и касались, в частности, Подкарпатской Руси, чехословацкой внешней политики, проведения трансфера⁶⁵ немецкого и венгерского населения, возмещения ущерба Чехословакии, нанесенного ей Германией и Венгрией. При этом Бенеш подчеркнул, что он приветствует это приглашение, поскольку "самые важные для нас вопросы сейчас решаются в Москве, а не в Лондоне". Учитывая возможную реакцию Запада на этот акт, президент считал необходимым определить в качестве местопребывания чехословацкого правительства не Львов, как предлагали в Москве, а город на освобожденной территории ЧСР, например, центр Восточной Словакии г. Кошице⁶⁶. В середине февраля 1945 г. НКВД СССР получил уведомление о том, что Бенеш собирается в ближайшее время выехать в Москву, где он "хочет сформировать новое правительство", "с которым и поедет на освобожденную территорию Чехословакии". По словам Фирлингера, которого принял в связи с этим Вышинский, Бенеш намеревался "обсудить с советским правительством ряд актуальных политических вопросов", встретиться с некоторыми находившимися в Москве чехословацкими политическими деятелями, т.е. коммунистами, и с делегацией Словацкого национального совета, которому было отправлено приглашение принять участие в предстоящих переговорах⁶⁷.

Очевидно, Бенеш ясно осознавал, что в сложившейся ситуации "дружественное" по отношению к СССР правительство Чехословакии, скорее всего наподобие польского "люблинского комитета", может возникнуть при всех обстоятельствах, независимо от желания или нежелания кого бы то ни было на Западе. И он, как опытный политик, предпочел, опираясь на советско-чехословацкий договор 1943 г., взять инициативу в свои руки. После событий в Подкарпатской Руси, Бенеш, видимо, еще более утвердился в мысли, высказанной им в беседе с генералом В. Сикорским в начале 1942 г., о том, что "надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и Берлин вместе с Красной Армией", и что "надо пойти на уступки СССР, так как они все равно возьмут то, что им нужно силой, и тогда будет хуже"⁶⁸. Поэтому Бенеш был решительно настроен войти в Прагу вместе с Красной Армией.

17 марта 1945 г. чехословацкая делегация прибыла в Москву. НКВД получил подробный перечень вопросов, которые Бенеш хотел бы обсудить с советскими руководителями: 1) Границы с Германией, Венгрией и Польшей; 2) Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения; 3) Карпатская Украина; 4) Хозяйственное положение на освобожденной территории: установление правил, касающихся трофейного имущества; вопросы чехословацкой валюты; помощь со стороны СССР населению освобожденных территорий; 5) Вопрос репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты; 6) Транспорт; 7) Дальнейшая организация чехословацкой армии; 8) Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией; 9) Дальнейшая политика СССР и ЧСР в отношении Германии; 10) Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР⁶⁹.

Все эти темы и были затронуты во время первой беседы Бенеша с Молотовым 21 марта 1945 г.⁷⁰ По вопросу о границах президент заявил, что он всегда определял свои взгляды формулой "домюнхенские границы". Англичане, по его словам, накануне его отъезда в Москву "сделали шаг вперед" в этом вопросе: "к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы", т.е. на 31 декабря 1937 г. Бенеш заявил также о согласии англичан, что было, мягко говоря, преувеличением, на трансфер немцев и венгров из Чехословакии. При этом он отметил, что англичане пока не готовы подтвердить это письменно. Их опасения сводятся к тому, что, во-первых, это касается не только Чехословакии, но и Польши и затрагивает переселение в целом 7 — 8 млн немцев; во-вторых, неизвестно, в какой из четырех зон оккупации Германии могут быть расселены выселенные немцы. Англичане, по словам президента, ожидают мнения советского правительства по этому вопросу и не считают его простым. Он сказал также, что в Европейской консультативной комиссии этот вопрос уже неофициально обсуждался и что американцы не будут против выселения немцев. По расчетам Бенеша из Чехословакии необходимо было бы переселить не менее 2 млн немцев, оставив в стране примерно 800 тыс.: "Вся немецкая буржуазия и интеллигенция, очевидно, уйдут, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения". Молотов, отметив в принципе положительное отношение советского

правительства к такому решению вопроса, предложил Бенешу поставить его в практическую плоскость. Что касается венгров, то, по словам президента, из 600 тыс. имеющихся в Чехословакии следовало бы выселить 400 тысяч. Достаточно пространно Бенеш говорил о Карпатской Украине, подчеркнув, что чехи "самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина". Молотов принял это к сведению, заявив, что все конкретные стороны указанного дела могут быть решены дружески.

Подробно обсуждался вопрос о военных трофеях на освобожденной территории Чехословакии. Молотов изложил свою позицию так: "Мы рассматриваем Чехословакию союзником, и на добро Чехословакии мы не покушаемся, однако законы войны требуют, чтобы то, что захвачено в результате боя, то, что завоевано кровью солдат, считалось военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзнические армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все-таки принадлежит тем, кто изгнал противника". Был затронут вопрос об организации чехословацкой армии после войны, и Бенеш передал записку чехословацкого правительства, касавшуюся помощи СССР в этом. Состоялся обмен мнениями о политике СССР и ЧСР по отношению к Германии. Президент подчеркнул необходимость "общей славянской политики", с чем Молотов полностью согласился, заявив: "Если будет сближение между славянскими народами, то безопасность на Востоке укрепитесь".

Бенеш был в целом доволен результатами официальной встречи с Молотовым. Казалось, что все вопросы более или менее прояснены. Однако после разговора Молотова со Сталиным советский нарком снова пригласил президента на беседу, которая состоялась 24 марта 1945 г. Она была посвящена в основном вопросу о Закарпатье, дальнейшая судьба которого, несмотря на ранее сделанные Бенешем заявления по этому поводу, все же представлялась советским руководителям неясной. Москва хотела большей определенности и гарантий в том, что Чехословакия не будет возражать против присоединения этой области к СССР. По предлогу, что советское правительство должно проинформировать Президиум Верховного Совета СССР о состоянии вопроса, Молотов попросил президента "сделать определенное заявление"

в письменной форме, в котором следовало бы указать на желательность "общих границ с СССР и о том, чтобы Закарпатская Украина вошла в состав УССР". Предавать заявление широкой огласке не предполагалось. Молотов подтвердил безусловность сохранения существовавшей границы между Словакией и Закарпатской Украиной. Написанное Бенешем письмо было передано Молотову 26 марта 1945 г.⁷¹

За день до отъезда президента и сопровождавших его лиц из Москвы на родину Сталин дал обед в его честь. На этот раз советский лидер, произнося тосты, затронул два вопроса. Во-первых, он просил, чтобы "чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии" за все "излишества" и безобразия, которые могли иметь место на освобожденной территории Чехословакии; во-вторых, разъяснял термин "новые славянофилы", которые стоят за "союз независимых славянских государств". Этот союз, по его мнению, необходим потому, что немцы "сильный и способный народ", который попытается "возродиться в течение ближайших 15 лет" и "взять реванш". При этом Сталин подчеркнул, что у него и коммунистов нет намерения устанавливать повсюду советский строй: "Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин"⁷².

Во время пребывания Бенеша в Москве была решена и еще одна из намеченных им задач: сформировано первое правительство Национального фронта чехов и словаков и согласована его программа. Перед отъездом из Лондона президент принял отставку чехословацкого эмигрантского правительства. Вместе с Бенешем в Москву прибыли представители социал-демократической, национально-социалистической и народной партий. Хотя в Лондоне и обсуждались некоторые вопросы программы будущего правительства, но ни одна из политических сил не имела сколько-нибудь цельной его платформы. Коммунисты же, которые очень тщательно готовились к приезду Бенеша в Москву, разработали структуру нового правительства и его подробную программу (платформу), которые обсудили с Г. Димитровым. По некоторым сведениям программа была послана и Сталину. В состав нового правительства, по представлению Загранбюро КПЧ, должны были войти 20 человек, представлявшие "все главные политические группы", в том числе и люди из чехословацкого эмигрантского правительства, пять человек, "которые наиболее важны для Бенеша". Из 20 членов проек-

тируемого кабинета восемь человек во время войны находились в Англии, шесть — в Советском Союзе и шесть — в Словакии. Предполагалось, что после освобождения Чешских земель правительство будет пополнено представителями чешского подполья⁷³.

Ознакомились с проектом программы также В.А. Зорин, который в конце марта был назначен советским послом в ЧСР, и Молотов. Замечания Зорина, более или менее существенные, касались почти всех разделов программы, кроме тех, которые затрагивали вопросы социально-экономических преобразований. Особой критике советского дипломата подвергся раздел о внешней политике ЧСР. Он полагал, что "при сохранении ориентации Чехословакии на Советский Союз и на укрепление единства славянских народов" следует подчеркнуть также "укрепление дружественных отношений Чехословакии с Англией, США, Францией и другими объединенными нациями и устранить скользкие формулировки о славянской линии внешней политики". Эти пожелания были учтены в доработанном тексте программы. Существенные замечания касались раздела о национальной политике. "Во всем разделе, — считал Зорин, — хотя и говорится о равноправии чешского и словацкого народов, вопрос о государственных формах их дальнейшего существования поставлен крайне расплывчато: нет упоминания ни об автономии Словакии, ни о федеративном объединении Чехии и Словакии". Он полагал, что в интересах преодоления словацкого сепаратизма следует более определенно сказать о "формах существования Словакии в рамках единого чехословацкого государства". Кроме того, по его мнению, надо было сформулировать обязательства по обеспечению прав национальных меньшинств, в первую очередь украинцев и русин⁷⁴. Эти соображения не были учтены в окончательной редакции программы.

Делегация Словацкого национального совета, приглашенная на переговоры в Москву, также привезла с собой документ, касавшийся будущего государственно-правового устройства Чехословацкой республики и положения в ней Словакии. При обсуждении программы этот вопрос был одним из тех, по которым велась серьезная дискуссия. Споры разгорелись также вокруг вопросов об армии, национальных комитетах, внешней политике, судьбе Подкарпатской Руси, персональном составе правительства⁷⁵. В конце концов, удалось достичь согласованного решения по всем разде-

лам программы. Она предусматривала, что в правительстве будут представлены все политические силы, которые участвовали на родине или за границей в борьбе за освобождение Чехословакии. Доведение этой борьбы до конца провозглашалось первоочередной задачей. Гарантировалось осуществление демократических прав и свобод в ЧСР и искоренение всех остатков фашизма. Новыми органами государственного и общественного управления объявлялись избранные и контролируемые народом национальные комитеты. Участники национально-освободительной борьбы должны были составить ядро новой чехословацкой армии и органов безопасности.

Программа исходила из признания самобытности словацкой нации и ее сосуществования с чехами в едином государстве на основе принципа "равный с равными". Предусматривались функционирование национальных органов как носителей государственной власти на территории Словакии (Словацкого национального совета и Корпуса уполномоченных), а также необходимость выравнивания экономического уровня обеих частей республики, но вопрос о форме будущего государственного устройства не предreshался, компетенции общегосударственных и словацких органов власти не определялись. Декларировалась необходимость решить судьбу Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) в соответствии с волеизъявлением ее населения. Лица немецкой и венгерской национальности, в прошлом граждане ЧСР, за исключением активных антифашистов, лишались чехословацкого подданства. Военные преступники, предатели, коллаборационисты подлежали преданию суду. Все фашистские, а также предавшие интересы народа и государства партии и организации, распускались.

Намечались весьма радикальные социально-экономические преобразования. В акционерных обществах, на предприятиях, в банках, принадлежавших гражданам вражеских государств, поддерживавшим оккупантов немцам и венграм, а также чешским и словацким коллаборационистам, предполагалось ввести национальное управление. У тех же лиц должна была изыматься земля и передаваться в собственность мелким и средним крестьянам и сельскохозяйственным рабочим. Декларировалось проведение социальной политики в интересах трудящихся города и деревни, осуществление последовательной демократизации образования и культуры. Во внешней политике акцент делался на взаимо-

действии с Советским Союзом, но в то же время подчеркивалась необходимость сотрудничества со странами Запада и славянскими государствами.

Намеченная программа являлась несомненным успехом коммунистов, но вместе с тем она несла на себе печать компромисса между политическими силами, участвовавшими в создании Национального фронта чехов и словаков. Коммунисты не могли не считаться с тем, что их партнеры по Фронту пользовались в стране весьма значительным влиянием, особенно среди мелкобуржуазных слоев населения. Отражением этого факта была относительная умеренность программы, прежде всего в вопросах, касавшихся социально-экономических преобразований, в частности, отказ от немедленного осуществления всеобщей земельной реформы, курс на ее поэтапное проведение; отсутствие четкого положения о национализации банков и ключевых отраслей промышленности. Коммунисты пошли на уступки, полагая, что реализация программы станет первым шагом на пути дальнейших, более глубоких преобразований, которые приведут страну к победе социализма. К. Готвальд, подчеркивая национальный характер программы, в то же время отмечал, что "ее выполнение является предпосылкой осуществления социалистических целей"⁷⁶. Оценивая расстановку политических сил в освобождаемой стране весной 1945 г. руководитель чехословацких коммунистов говорил: "Мы одни править не можем, и они одни тоже не могут. Они не могут править без нас, а мы без них. При этом они — больше без нас, чем мы — без них. Остается необходимость сотрудничества с другой политической группой, которая принуждена с нами сотрудничать"⁷⁷. Тактикой коммунистов, по словам Готвальда, "сегодня и на обозримое время остается тактика национального фронта", которая "не означает, что классовая борьба прекращается, она развивается в иных формах, причем в формах, выгодных для нас"⁷⁸.

31-марта 1945 г. Бенеш и сопровождавшие его лица выехали из Москвы и 4 апреля прибыли в г. Кошице на востоке Словакии. 5 апреля 1945 г. здесь было официально объявлено о создании первого правительства Национального фронта чехов и словаков и обнародована его программа, получившая название Кошицкая правительственная программа. Из 25 членов правительства семь представляли коммунистов, три — социал-демократов, три — чешских национальных социалистов, неформальным главой которых был Бенеш,

В ожидании приезда Э. Бенеша. Кошице. Апрель 1945 г.

три — народную (католическую) партию, четыре — словацкую демократическую партию, пять были беспартийными. Возглавил кабинет близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер; представители КПЧ и КПС заняли важнейшие посты двух вице-премьеров (К. Готвальд и В. Широкий), министров внутренних дел, информации, сельского хозяйства, социального обеспечения и пост государственного секретаря в министерстве иностранных дел. Формально беспартийный З. Неедлы, получивший портфель министра школ и просвещения, был введен в правительство

З. Фирлингер, Э. Бенеш, В.А. Зорин. Кошице. Апрель 1945 г.

Приезд чехословацкого правительства в Прагу. 10 мая 1945 г.

как фигура общенационального значения. Министрами иностранных дел и национальной обороны стали также формально беспартийные Я. Масарик и Л. Свобода. 12 членов правительства во время войны находились в Англии, шесть — в СССР, семь — в стране. По национальности 16 были чехами, девять — словаками⁷⁹. 10 мая 1945 г. правительство прибыло в Прагу. Пополнение кабинета после полного освобождения Чехословакии представителями чешского движения Сопротивления, как это предполагалось ранее, не произошло из-за недоверия к членам Чешского национального комитета как со стороны советских военных органов, так и созданного чехословацкого правительства.

Таким образом, коммунисты впервые в истории Чехословакии вошли в состав правительства, заняв в нем весьма сильные позиции, что имело серьезное значение для последующего развития ЧСР, оказавшейся в сфере советского влияния. С освобождением страны закончился важный этап в истории ее народов. К власти пришел единый в своем стремлении к воссозданию независимой Чехословакии, но противоречивый в своем представлении о ее будущем блок политических сил, объединенных в Национальном фронте чехов и словаков.

¹ *Lipták L'. Slovensko v 20. storočí*. Bratislava, 2000. S. 181; История Словакии: Пер. со словац. и англ. М., 2003. С. 319.

² См. подробнее: *Марьина В.В.* Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 198—140; *Она же.* "Ворота на Балканы". Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии. 1939—1941 гг. // Война и политика. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 472—490.

³ Архив внешней политики российской Федерации. (Далее: АВП РФ.) Ф. 0138. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 155—156.

⁴ История Словакии. С. 320.

⁵ *Lipták L'. Slovensko...* S. 195—209.

⁶ См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939—1945 гг. М., 2003. С. 6—23.

⁷ АВП РФ. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 3. Л. 168—169.

⁸ Там же. Д. 9. Л. 185.

⁹ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 122.

¹⁰ Там же. Ф. 01386. Оп. 4. П. 2. Д. 2. Л. 173.

¹¹ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 133, 156.

¹² *Lipták L'. Slovenský štát a protifašistické hnutie v rokoch 1939—1943* // Historický časopis. 1966. N 2. S. 193; *Slovensko a druhá svetová vojna*. Bratislava, 2000. S. 192—193.

¹³ История Словакии. С. 336.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. (Далее: РГАСПИ.) Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 21—40.

¹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 708. Л. 12.

¹⁶ Там же. Оп. 125. Д. 320. Л. 39–51, 79–81, 139–140; Оп. 128. Д. 32. Л. 42.

¹⁷ Letz R. Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ku komunistickéj totalite. Bratislava, 1994. S. 77–80.

¹⁸ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. (Далее: ДМИСЧО.) М., 1985. Т. 4, кн. 2. С. 256, 273–275, 279 и др.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 3–5, 18, 34; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 256–257, 273.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 30.

²¹ Pokus o politický a osobný profit Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 321–329.

²² См. подробнее: *Марьина В.В.* СССР и чехословацкий вопрос. 1939 год // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 – август 1940). М., 1990. С. 95–129.

²³ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 23. П. 36. Д. 3. Л. 21, 32.

²⁴ *Мягков М.Ю.* И.В. Сталин и У. Черчилль в годы войны: По материалам семинара в Лондоне // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 88.

²⁵ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чешское общество о советско-германском пакте 1939 г. и начале Второй мировой войны // Вопросы истории. 1990. № 7.

²⁶ Beneš E. Šest let exilu a války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 435.

²⁷ Цит. по: *Křen J.* V emigraci. Zapadni zahraniční odboj. 1939–1940. Praha, 1969. S. 502.

²⁸ Цит. по: *Ibid.* S. 503.

²⁹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкие legionеры в СССР. 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1997. № 12; *Она же.* Втайне от Берлина и Лондона. Контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. // Россия. XXI. 2001. № 3; Československo-sovětské vztahy diplomatických jednání. 1939–1945. Dokumenty. (Далее: ČSVDJ.) Praha, 1998. Díl. 1. S. 40–190.

³⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Политика СССР по чехословацкому вопросу накануне Великой отечественной войны (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 194 – июнь 1941 г.). М., 1992. С. 134–136.

³¹ АВП РФ. Ф. 138в. Оп. 1. П. 1. Д. 3. Л. 101.

³² *Sládek Z.* Hospodářské styky mezi pomnichovskou ČSR a Sovětským Svazem (1938–1941) // Slovanské historické studie, XVI. Praha, 1988. S. 159.

³³ *Edvard Beneš:* Vzkazy do vlasti. Směrnice a pokyny československému domácímu odboji za druhé světové války / Ed. J. Šolc. Praha, 1996. S. 75.

³⁴ ČSVDJ. Díl. 1. S. 167. 185.

³⁵ См. подробнее: *Марьина В.В.* Втайне от Берлина и Лондона. С. 137–140, 143–146.

³⁶ ČSVDJ. Díl. 1. S. 196–197.

³⁷ *Ibid.* S. 198 (примеч. 1 и 2 к док. № 85).

³⁸ ДМИСЧО. Т. 4, кн. 2. С. 117.

³⁹ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 15.

⁴⁰ См. подробнее: *Марьина В.В.* Чехословацкий легион в СССР. С. 58–73.

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 23–24.

⁴² См. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 30–34.

⁴³ *Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha. 1988. S. 274–278.*

⁴⁴ Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 137.

⁴⁵ Там же. С. 140–141.

⁴⁶ О переговорах по поводу создания чехословацко-польской конфедерации см. подробнее: *Československo-polská jednání o konfederaci 1939–1944. Praha, 1994. Díl. I–IV.*

⁴⁷ Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1960. С. 38.

⁴⁸ ДМИСЧО. С. 229; АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 14–15; *Dokumenty z historie československé politiky. Praha, 1966. (Далее: ДНČР.)* ДІ. 1. С. 273–274.

⁴⁹ См. подробнее: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.). // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 156–157.

⁵⁰ Советско-чехословацкие отношения... С. 77.

⁵¹ *Марьина В.В.* Э. Бенеш: второй визит в Москву. С. 157.

⁵² Советско-чехословацкие отношения... С. 126–127.

⁵³ *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Praha, 1948. Díl. 2. S. 138.*

⁵⁴ ДНČР. ДІ. 1. С. 365.

⁵⁵ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 1978. Т. 1. С. 168–171.

⁵⁶ Советско-чехословацкие отношения... С. 132–145; ДМИСЧО. Т. 4, кн. 1. С. 394–401; ДМИСЧО. М., 1983. Т. 4, кн. 2. С. 10–20; Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) Вступ. ст. В.В. Марьиной. // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 6–28, 2001, № 3. С. 3–20; ČSVDJ. ДІ. 2. С. 121–191.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1–7, 20–30; ČSVDJ. ДІ. 2. С. 121–126, 134–143. Перевод чешских записей бесед на русский язык см.: Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.). С. 16–28.

⁵⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10.

⁵⁹ ČSVDJ. ДІ. 2. С. 173.

⁶⁰ Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.). С. 10–11.

⁶¹ СССР и германский вопрос. 1941–1949 гг. Документы: в 2-х т. М., 1996. Т. 1. С. 342, 353.

⁶² Советско-чехословацкие отношения... С. 160–162.

⁶³ Анализ Соглашения см. подробнее: *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 40–56.

⁶⁴ О событиях в Закарпатье зимой–осенью 1944/1945 гг. и решении вопроса о его присоединении к СССР см. подробнее: Там же. С. 56–154.

⁶⁵ Трансфер (англ. transfer) в данном случае – переселение части населения на территорию другого государства на основании международных договоренностей.

⁶⁶ *Fierlinger Z. Ve službách ČSR. S. 490, 493, 495–496.*

⁶⁷ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 6. Л. 134; Д. 5. Л. 1.

⁶⁸ Там же. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 6.

⁶⁹ Там же. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43.

⁷⁰ Там же. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9.

⁷¹ *Марьина В.В.* Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь)... С. 136–144.

⁷² О переговорах Бенеша в Москве в марте 1945 г. см. подробнее: *Марьина В.В.* Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.). Документальный очерк // *Славяноведение*. 1996. № 6. С. 77–88. Записи бесед на чешском языке см.: *ČSVDJ*. Díl. 2. S. 505–512, 517–519, 520–531, 534–536.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 75–76, 105–140; Ф. 495. Оп. 74. Д. 55. Л. 41–65.

⁷⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 822. Л. 1–3.

⁷⁵ *Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty*. Praha, 1965. I-1. S. 391–448.

⁷⁶ *Ibid.* I-2. S. 611.

⁷⁷ *Gottwald K.* Spisy. Praha, 1955. Díl. XII S. 26; *Cesta ke Květnu*. I-2. S. 592–593.

⁷⁸ *Gottwald K.* Spisy. S. 21; *Cesta ke Květnu*. I-2. 594.

⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 183; *Cesta ke Květnu*. I-2. S. 727.

КУЛЬТУРА ВО ВРЕМЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Культура в Протекторате Богемия и Моравия

Положение чешской культуры во время оккупации обуславливалось двумя факторами. С одной стороны, немецкие власти осуществляли жесткий контроль в сфере культуры, проводились репрессии, унесшие жизнь некоторых видных деятелей культуры, осуществлялся запрет на профессии, создавались трудности для сохранения чешских патриотических традиций. С другой стороны, согласно тезису Геббельса о пригодности чешской нации к германизации, у фашистов отсутствовала политика геноцида, чешских деятелей культуры призывали к сотрудничеству, чешская музыкальная классика стала частью германского культурного официоза, патриотическая традиция чехов, прежде всего святовацлавская и гуситская, реинтерпретировались в имперском духе как ценная часть общегерманского наследия. В таких условиях создалась возможность не только для продолжения художественного творчества представителей старших поколений, но и для выступления новой генерации, создавшей в начале 40-х годов свои художественные ценности. Вся чешская культура периода оккупации носила характер сопротивления германскому фашизму, которое в основном выражалось в неприятии его ценностей, в верности чешской национально-исторической традиции, в создании новых произведений в модернистском ключе, не соответствовавшем официальной эстетике захватчиков.

Демократическая позиция детерминировала активность чешских писателей. До и после Мюнхенского соглашения 1938 г. они опубликовали несколько обращений к прогрессивной интеллигенции всего мира с призывом поддержать преданный западными политиками народ Чехословакии. В поэзии, которая вновь становится лидирующим жанром, возникают патриотические мотивы, пронизанные сознанием трагизма судеб родины, особенно в стихах Ф. Галаса, поэмах В. Голана "Сон" и В. Незвала "Историческое полотно",

или воспеванием красоты родной земли, как у Й. Горы и Я. Сайферта. Резко возрастает интерес к истории и культуре прошлого ("Над гробницами чешских королей" Я. Сайферта, ряд биографических книг З. Калисты, "Картины из истории чешского народа" В. Ванчуры и др.), который только будет увеличиваться за годы оккупации (романы М.В. Кратохвила, К. Нового, Ф. Кубки, К. Шульца, Й. Томана), показывая значение духовного сопротивления и мужества на примере отдаленных эпох.

Некоторые писатели активно включились в деятельность подпольного Сопротивления и стали жертвами фашистских репрессий. В одном случае это дало потрясающий художественный и человеческий феномен: ведущий коммунистический литературный критик и публицист Юлиус Фучик (1903 — 1943) в тюрьме перед казнью тайно написал поражающий силой духа "Репортаж с петлей на шее". Его призыв "Люди, будьте бдительны!" стал камертоном всей послевоенной антифашистской литературы. Подвиг Ю. Фучика состоит в том, что из своей личной трагедии он сделал факт общей значимости, акцентировав необходимость жертв во имя борьбы гуманизма с тоталитаризмом.

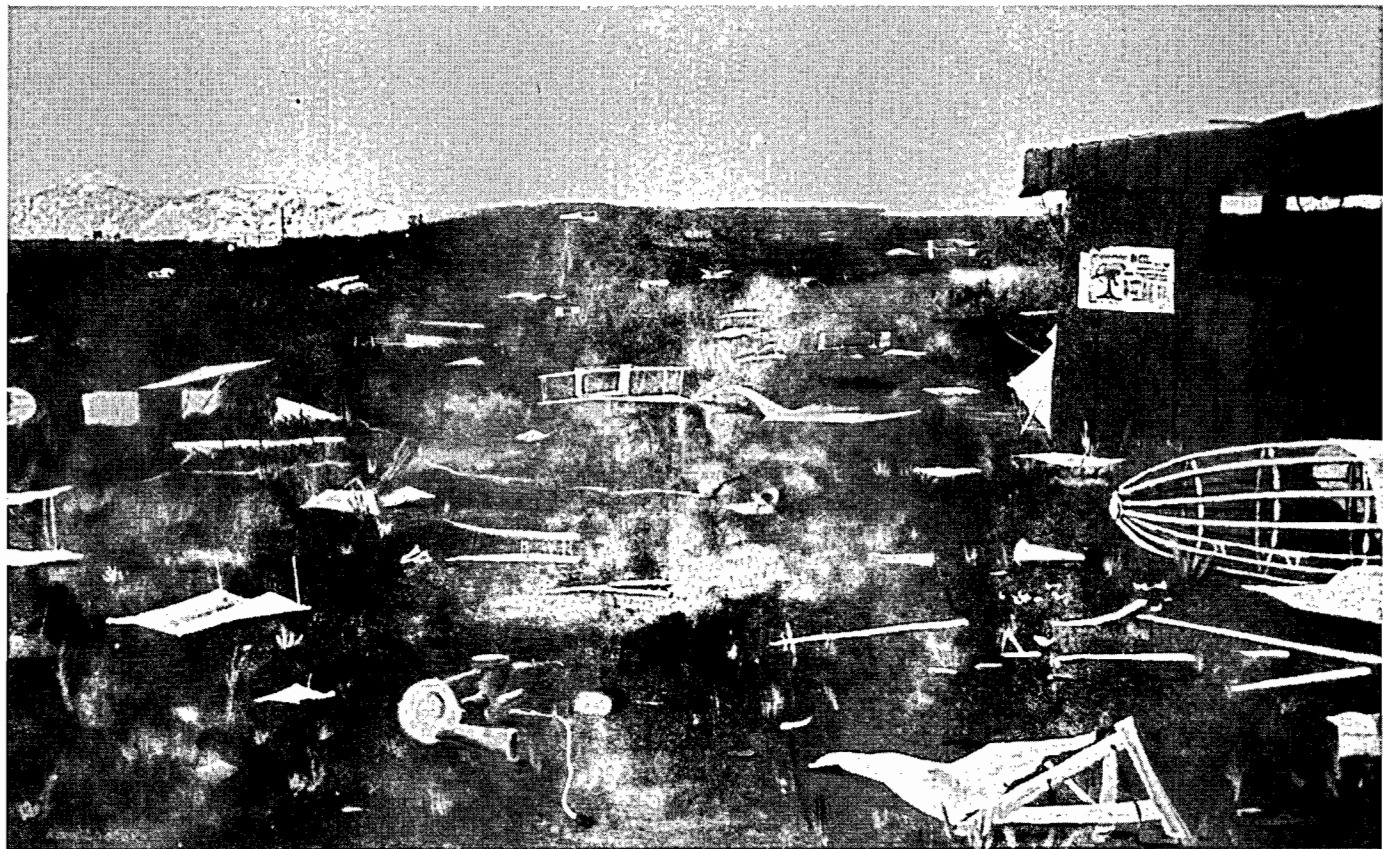
Однако течение обычной жизни в Протекторате, который не был затронут военными действиями до весны 1945 г., не слишком изменилось. Это повлияло на формы литературного и всего интеллектуального сопротивления, которое перешло к иносказанию, к акцентации ценности чешского культурно-исторического наследия. Еще в 1938 г. Художественная беседа организовала выставку "Пражское барокко" — крупнейший выставочный проект за всю историю межвоенного периода, целью которого было не только реабилитировать культуру барокко, но и показать Европе, что Чехия обладает великими ценностями культуры, поэтому нельзя пренебрегать судьбой ее народа. Актуализация барочного патриотизма придавала религиозный акцент духовному неприятию чехами фашизма, развитому затем в стихах Я. Заградничека. Оно позволило сплотить на общей антифашистской национальной платформе все группировки чешской творческой интеллигенции, что во многом было результатом двадцатилетнего непрерывного развития чешской демократии. Гордость национальным прошлым, вкладом в мировую культуру и историю наиболее четко, программно была выражена в сборнике "Что дали наши земли Европе и человечеству" (1939 — 1940, ред. В. Матезиус), став-

шем основой того направления антифашизма, которое можно назвать национальным культурно-историческим сопротивлением.

Более действенные патриотические призывы содержались в поэтическом сборнике, сформированном Й.Паливцем и Ф. Галасом в подполье и опубликованном в Париже и США, "Крик Короны чешской" ("Песни родины"). Культурно активна была чешская эмиграция. В Москве ее представляли коммунисты: профессор МГУ, зам. председателя Антифашистского славянского комитета З. Неедлы и поэт, переводчик левой русской поэзии И. Тауфер. В Лондоне была опубликована антология чешской литературы, ряд новых произведений чешских авторов. В США, где оказались многие представители чешской творческой интеллигенции, также выходили чешские периодические и книжные издания, организовывались радиовыступления. Особенно творчески активен был мастер психологического романа Эгон Гостовский (1908 — 1973), заявивший о себе еще на родине романом "Дом без хозяина" (1937). Его "Письма изгнанника" (1941) затрагивали широкий круг проблем антифашистской эмиграции, придавая им трагедийный оттенок. В 1949 г., опять находясь в эмиграции, Э. Гостовский, отвергавший все виды тоталитаризма, опубликовал роман "Всеобщий заговор" о коммунистическом перевороте февраля 1948 г.

Антифашистская поэзия и проза публиковалась в Чехии в нелегальных, подпольных периодических изданиях. Выходили также подцензурные периодические издания, число которых сокращалось. Центром "культурного сопротивления" стал "Критицки мнесичник" Вацлава Черного, при котором сформировалась группа писателей, присоединившихся к Сопротивлению. На страницах журнала появлялись новые произведения, внешне политически нейтральные, почти всех ведущих авторов. Затем ту же роль взял на себя "Акорд" — католический журнал, руководимый Я. Заградничеком, привлечшим в издание широкий круг известных писателей и поэтов.

Относительно спокойные условия существования сделали возможным резкую творческую активизацию поэтов и писателей: количественные показатели литературной продукции военных лет весьма внушительны. Наряду с маститыми авторами печатаются молодые поэты, такие как Ф. Грубин, О. Микулашек, Й. Кайнар. Им свойственно разочарование в политических идеях, тонкий лиризм, трагич-

К. Лготак. Метеостанция после грозы, 1944 г.

ность мироощущения. Камил Беднарж (1912 — 1972) нацеливал на новую интерпретацию "вечных ценностей", на "поиски человека", на силу искусства, излечивающего от страха смерти. Иржи Ортен (1919 — 1941) открыто трагичен, у него сильно выражено ощущение затравленности, сложившееся на основе личного опыта, когда ему как еврею приходилось вести полулегальное существование.

В тени исторического и историко-биографического романа развивается психологический роман, генетически связанный с социально-критической прозой межвоенного периода. Социально-психологической точностью характеристик отличаются романы Вацлава Ржезача (1901 — 1956), произведения В. Неффа, Я. Йона, Я. Дрды, "Цирк Умберто" (1941) ветерана журналистики Э. Басса.

Появляется "второе поколение" сюрреалистов, теоретиком которого стал Роберт Каливода (1923 — 1989), впоследствии видный философ неортодоксально-марксистского направления, укорененный в гуситско-чешскобратской традиции культуры, с которой он связывал прогрессивность чешской мысли. В годы оккупации многие сюрреалисты "старшего призыва" умерли, эмигрировали или отошли от сюрреализма. Инициатива его продолжения переходит к молодым, образовавшим в 1942 г. "Группу РА", куда входили литераторы и художники, такие как Й. Истлер и В. Тикал. Их темные фантазии в абстрактно-биологических формах, где живое предстает таинственно-ужасным, соответствовали настроению военных лет. В это же время И. Халупецкий, поняв определенную исчерпанность сюрреалистического дискурса, организует "Группу 42", куда вошли Ф. Гросс, Ф. Гудечек, Я. Котик, Л. Зивр, К. Лготак. Они обратились к урбанистической цивилизации, продолжив линию "социального искусства" и привнеся в нее мифологизацию повседневности, волшебность (часто негативную) будничности. Их картины безрадостны, иногда отрешенно фотографичны, наполнены загадочностью, скрывающейся за внешним видом обычных вещей. Камил Лготак (1912 — 1990) привнес мотивы гибели цивилизации ("Метеорологическая станция после грозы", 1944) и амбивалентности отношений природы и техники, когда машины биологизируются, а природа становится техногенной ("Сад-машина", 1944).

Проблемы трагического смысла бытия воплощают в фигуративной и нефигуративной живописи, впитавшей в себя весь опыт чешского модернизма, художники, также заявив-

шие о себе в годы оккупации, такие как Я. Баух, А. Дивиш, В. Хад, К. Черный, З. Скленаж. Появление целого нового поколения художников в условиях политической несвободы и отрицательного отношения фашизма к искусству модернизма говорит о стойкости чешской культуры и укоренению в ней к концу 30-х годов модернистского дискурса как главного, основного течения современной культуры.

Немецкая оккупация была временем тяжелых испытаний для всей чешской культуры, но особенно для музыки. Со сцены сошел авангард. Немецкая политика инфильтрации привела к расколу в музыкальной жизни, к утрате ориентиров. Так, частью музыкального наследия Великой Германии были объявлены Б. Сметана и А. Дворжак, по торжественным случаям для фашистских властей давали "Проданную невесту", а симфонические поэмы Б. Сметаны из цикла "Моя родина" — основа чешской музыкально-патриотической традиции — часто исполнялись по указанию Геббельса в Берлине на концертах в честь дня рождения фюрера. Внешне создавалось впечатление непрерывности музыкальной жизни в Чехии, стагнация и упадок наступили лишь с 1943 г. С другой стороны, фашисты установили надзор за самыми известными композиторами, писавшими в это время патриотические сочинения, как В. Новак, расстреляли, арестовав прямо на концерте, критика З. Немеца за его статью о чешском патриотизме "Моей родины" Б. Сметаны. Поражает творческая активность чешских композиторов во время оккупации, своими сочинениями, даже самым фактом их создания, сопротивлявшихся фашистской идеологии и предчувствовавших временность оккупации и грядущее освобождение. Именно этим объясняется мажорный характер многих произведений этого периода, оставшихся, по вполне понятным причинам, большей частью неисполненными. В сложном положении оказались музыкально-исполнительские коллективы, среди которых ведущую роль по-прежнему играли Национальный театр и Чешская филармония, руководимые В. Талихом, придерживавшимся тактики сохранения тех ценностей, которые дозволялись фашистами, за что после войны он был обвинен в коллаборации, но затем оправдан.

В Протекторате в упадок приходит театральное искусство, резко сокращается количество чешских фильмов, ставятся лишь бульварные комедии, сельские пасторали, хотя иногда прорываются историко-патриотические сюжеты.

Особую, страшную, но полную мужества и напряженного творчества главу представляет развитие культуры в фашистских концлагерях. Образцово-показательным стал Терезин, куда приглашали международные организации для показа "нормальной" жизни заключенных, большинство из которых составляли чешские евреи. В Терезине была налажена работа культурных институций. Существовал симфонический оркестр, которым дирижировал ставший после войны крупнейшим чешским дирижером К. Анчел. Был свой театр. Особо плодотворно работала студия детского рисунка, добившаяся замечательных результатов. Для заключенных культуротворчество стало знаком внутреннего сопротивления, символом жизни, для фашистских властей — показухой, камуфляжем геноцида.

В целом чешская культура периода оккупации свидетельствовала о сохранении национальной культуры, более того, решительно отвергнув призыв захватчиков к сотрудничеству, она сохранила честь и достоинство чешской интеллигенции, стала вновь сущностно патриотичной и продолжила чешскую демократическую традицию, передав ее культуре послевоенного периода.

Культура в Словацкой республике 1939—1945 гг.

Для культурной ситуации в Словацкой республике характерна поляризация¹. В оппозицию режиму сразу становятся такие старые чехословакисты, как Я. Есенский. Часть интеллигенции покидает страну. Лишь малая часть, активно призывая к "единству во всем", сотрудничает с людакскими властями и становится функционерами режима Тисо, например, Т. Гашпар, М. Урбан, В. Беняк. Большинство же творческой интеллигенции вначале испытывает некоторую эйфорию, а затем разочарование, поэтому стремится к активизации культурного строительства, которое заметно ослабело с уходом чехов. Укрепляются позиции национального языка в театре, в Братиславском университете, в научных учреждениях. Затем, с вступлением Словакии во Вторую мировую войну и в особенности в боевые действия против СССР, что глубоко противоречило русофильской традиции словаков, происходит консолидация культурных сил на общедемократической, антифашистской и антимилитаристской основе, что, в частности, сказалось в под-

держке многими деятелями культуры Словацкого национального восстания.

Первенствующую роль в культуре Словацкой республики играла поэзия как самый мобильный и в то же время интимный жанр словесности. Коллективный сборник "Пред огнедышащим драконом" (1939, редактор Э.Б. Лукач), объединивший авторов самых разных направлений в протесте против "катаклизма ценностей", стал поворотным явлением словацкой культуры. С другой стороны, журнал "Словенске погляды" под руководством С. Мечяра превратился в рупор официоза, орган борьбы за "чисто словацкие" ценности. С 1939 г. самый влиятельный словацкий художественный журнал "Элан", оформлявшийся ведущими художниками, начал вместо Праги издаваться в Братиславе, не потеряв своего демократического характера. В нем даже публикуются политически оппозиционные стихи Л. Новомеского. Как ни парадоксально, военные годы или, иначе говоря, период существования Словацкой республики, стал временем расцвета поэзии, когда интенсивно звучали голоса коммунистов, сюрреалистов, католиков-модернистов, катастрофистов, поэтов умеренного модернизма, авторов старшего поколения, не принявших нового режима, и видных поэтов, пошедших на сотрудничество с ним. Очевидно, ситуация независимости и войны предельно обострила поэтическую отзывчивость, поскольку ставила перед поэтами почти неразрешимо противоречивые проблемы суверенитета нации и марионеточной государственности, национально-культурного строительства и национализма, провинциальной самодостаточности и европейскости. Надо отметить, что словацкое государство и глинковская партия не проводили диктата в сфере стилистики культуры, поэтому левые направления не подвергались открытой травле, как в Германии, что давало возможность и дальше развиваться многим модернистским течениям. Но все же официально предпочтение отдавалось деревенской прозе и ура-патриотической поэзии.

Глубокую и образную поэзию еще до войны создавали Валентин Беняк (1894—1973) и Андрей Жарнов (Ф. Шубик, 1903—1982), затем ставшие репрезентантами официальной литературы Словацкой республики. У А. Жарнова в 40-е годы лирика становится трагической, полной размышлений о смерти. В. Беняк стилистически синтетичен, его поэзия, относящаяся к вершинным явлениям словацкой литературы, охватывает спектр от символизма до сюрреализма, она

Я. Зрзавый. Клеопатра, 1942–1957

виртуозна, полна жизненных впечатлений. Но оба поэта — кто эмиграцией, кто долгим молчанием — заплатились за свои политические иллюзии. В мрачные годы войны в сферу прекрасного, в стихию родной природы бежит тонкий лирик Ян Костра (1910 — 1975), желая сохранить в себе гуманизм и скопить ненависть к сумасшедшему веку, которая выльется на страницы его стихов сразу после войны. Новый всплеск пережил сюрреализм: благодаря энергии М. Поважана было издано несколько альманахов "надреалистов", как они стали себя называть. В прозе продолжал господствовать лиризованный стиль. "Тоской поисков" человечности в этом мире проникнуто раннее творчество Доминика

Татарки (1913 — 1989) с его авангардистской гротескностью и беспощадностью (рассказ "Зловоние", 1943). Новые веяния, связанные с "драмой идей" и театральной условностью, в начале 40-х годов приносят пьесы Ю. Барч-Ивана, склонного к эстетике экспрессионизма.

В Словацкой республике из-за отъезда чешских музыкантов обозначился упадок музыкальной жизни, тон стал задавать неразвитый вкус нуворишей. Государственное строительство в республике в музыкальной и театральной сфере, однако, имело положительные стороны: государственными стали Словацкий национальный театр и Музыкально-драматическая академия, что позволило решить их финансовые проблемы; оперная труппа перешла на словацкий язык; регулярными стали концерты Симфонического оркестра Словацкого радио. В композиторском творчестве продолжал господствовать стиль, который можно назвать фольклористическим неоклассицизмом. Э. Сухонь начал работать над оперой "Крутнява", задумав ее как концентрированное выражение народной жизни современными музыкальными средствами, что должно было обеспечить словацкой музыке именно как национальной школе свое место в европейском музыкальном развитии. Однако музыка оперы (премьера 1949) оказалась несколько консервативной, излишне фольклорной и в то же время тяжеловесной, что не позволило ей, несмотря на восторги чехословацкой критики и музыковедения², занять достойное место в репертуаре. Свежую струю внесло творчество Яна Циккера, во время войны своим экспрессивным витализмом, антимилитаристской и неофольклористской программой симфонической музыкой сохранявшего высокий уровень новой словацкой музыки.

Своеобразный итог межвоенному изобразительному искусству Словакии подвели выставки в Кошице и Нью-Йорке, состоявшиеся в 1938 г. Людацкий режим оказал негативное воздействие на искусство: вернулись в Прагу чешские художники и профессора, туда же переехала часть словацких мастеров, была закрыта за свою левизну Школа художественных ремесел, ликвидированы все художественные объединения, вместо которых был создан в 1939 г. Союз словацких художников. Новая программа создания "национал-социалистической" культуры носила скорее риторический характер, что позволило сохранить в словацком искусстве живые силы. Старшие мастера, такие как М. Бенка, продол-

жали создавать "национальный стиль", основанный на историческо-фольклорной ретроспекции, выражающей "исконный дух народа". "Официальное" искусство возвращалось к реализму и классическим традициям, кризис пережил Л. Фулла, дискурсу модернизма оставался верен лишь М. Базовский. Творчество художников "поколения 1909 года" расщепилось на братиславскую и пражскую ветви. Оставшиеся на родине сблизились с поэтами-надреалистами. Работы этих художников (Я. Мудрох, П. Матейка, Я. Желибский, В. Гложник, Л. Гудерна и др.) лиричны, эмоциональны, камерны, поэтическое воображение и имажинативность составляют их сущность³.

Необходимо отметить, что официальная культурная доктрина, кстати, не обладавшая идеологической цельностью, несмотря на все свои издержки объективно способствовала росту самосознания словацкой нации, чему продолжала содействовать Матица Словацкая, ставшая в новом государстве главным культурным учреждением.

¹ *Kamenec J. Politické manifesty slovenských kultúrnych pracovníkov v rokoch 1936 – 1948 // Evropa mezi Německem a Ruskem: Sborník prací k sedmdesátinám Jaroslava Valenty / Ed. M. Šesták, E. Voráček. Praha, 2000. S. 567 – 573.*

² *Hudba. (Československá vlastivěda. D. IX. Umění. Sv. 3). Praha, 1971. S. 375; Полякова Л. Чешская и словацкая опера XX века. М., 1978. Т. 1; М., 1983. Т. 2. С. 148.*

³ *Bajcurová K., Hrabušický A. Slovenská moderna pod tlakom dvoch totalít 1939 – 1960 // Rusinová Z. a kol. Dejiny slovenského výtvarného umenia. 20. storočie. Bratislava, 2000. Op. cit. S. 25 – 26.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александр Карагеоргиевич 53
 Александровский Сергей Сергеевич 181, 184, 185
 Алексеев Михаил Васильевич 63
 Алекси Янко 336
 Анчерл Карел 434
 Асмолов Алексей Никитович 378, 385
 Аугуста Ярослав 285
 Баар Й.Ш. 124
 Бадени Казимир 29
 Баеран А. 121
 Базовский Людовит 90
 Базовский Милош 338, 438
 Бакош Микулаш 333
 Балан Алоиз 340
 Балшанек Антонин 251
 Бальфур Артур Джеймс 82, 84
 Барачек-Якуиер Павел 60
 Бартошек Теодор 123
 Бартфай Юлиус 340
 Барч-Иван Юлиус 437
 Басс Эдуард 432
 Батя Томаш 119, 315
 Бауер Отто 111
 Баух Ян 433
 Бегоунек Ф. 189
 Беднарж Камил 432
 Безруч Петр 228
 Бек Юзеф 171, 172
 Белла Матей Метод 86
 Белла Ян Левослав 334
 Беллуш Эмил 340
 Бенда Бржетислав 304
 Бендельмайер Бедржих 250
 Бенеш Винцент 270
 Бенеш Эдвард 11, 54, 55, 60, 61, 69, 70, 82, 84, 86, 87, 89, 92, 97, 100, 117, 118, 119, 120, 122, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 133, 143, 144, 145, 150, 151, 152, 163, 164, 165, 168, 169, 171, 173, 174, 175, 177, 180, 181, 184, 185, 186, 192, 193, 201, 206, 319, 346, 348, 349, 350, 353, 355, 356, 358, 374, 376, 380, 384, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 421, 422, 423
 Бенка Мартин 334, 336, 437
 Беньяк Валентин 434, 435
 Беран Рудольф 110, 143, 205, 206, 208
 Берия Лаврентий Павлович 404, 410
 Бернар С. 254
 Бескид Антон 99
 Бехине Рудольф 118, 119, 164
 Бечка Богдан 122, 123
 Библи Константин 298
 Биелик Эрнест 385
 Билек Франтишек 260, 261, 262
 Биргус Владимир 345
 Благо Павол 86, 90, 94
 Бласковиц Й. 215
 Богатырев П.Г. 303
 Богданов Юрий Васильевич 344, 345
 Богомоллов Александр Ефремович 407
 Божинов М.П. 60
 Бонне Жорж-Эжен 173, 217
 Боржковец Павел 320
 Борисов-Мусатов В.Е. 253
 Бородач Йозеф 333
 Борский Лев 26, 54

- Брак Ж. 270
 Бранецкий Й. 90
 Браунер Франтишек Августин 23
 Браунерова Зденка 249
 Браф Албин 23
 Бржак Й. 190
 Бржезина Отакар 228
 Бриан Аристид 81, 153
 Брод Макс 279
 Броди Андрей 204
 Бруннер Вратислав 260
 Брусилов Алексей Алексеевич 49
 Будагова Людмила Норайровна 342, 344, 345
 Буняченко Сергей Константинович 363, 364, 387
 Бурдель Э.А. 262
 Бурега В.В. 134
 Буриан Власта 324
 Буриан Карел 238, 322, 323, 324
 Буриан Эмил Франтишек 321

 Вавра Отакар 324
 Вагнер Йозеф 304, 311
 Вайль Иржи 303
 Вайнер Рихард 302, 344
 Вайнер-Краль Имро 340
 Вайцзеккер Эрнст фон 222
 Ваксман Алоиз 306, 309
 Вамош Гейза 329
 Ванович Ян 86, 90
 Ванчо Милош 212
 Ванчура Владислав 295, 301, 324, 344, 429
 Ваха Л. 189
 Вахал Йозеф 236, 259, 307
 Вацлав, св. князь 58, 304
 Вацлавек Бедржих 300
 Веденяпин М. 84
 Величко Петр Алексеевич 386
 Вениг Йозеф 245
 Вентура Ф. 189
 Вергун Дмитрий Николаевич 30, 50
 Верих Ян 321, 322, 323, 345
 Ветишка Рудольф 357
 Виест Рудольф 378, 380
 Вильсон Вудро 71, 79, 100
 Вильсон Генри Харес 176, 179
 Виноградова Е.К. 343, 344
 Винтер Зигмунд 234
 Вихтерлова Гана 304, 311

 Власов Андрей Андреевич 363, 364, 387
 Влчек Ярослав 237
 Войта Г. 212
 Войцеховский Сергей Николаевич 182
 Волков Владимир Константинович 192, 194
 Волошин Августин 204, 209, 212, 214
 Волькер Иржи 294, 296, 300
 Вольский Николай Владиславович 84
 Волф (Вольф) Ян 65
 Вондрак Вацлав 65
 Ворошилов Климент Ефремович 410, 411
 Восковец Иржи 321, 322, 323
 Вотруба Франтишек 56, 73, 282
 Выцпалек Ладислав 317
 Вышинский Андрей Януарьевич 414

 Габрман Густав 52, 123
 Гавранек Богуслав 303
 Гайда Рудольф 64, 146, 160, 214
 Гайн Антонин 26, 53, 54
 Гакен Йозеф 144
 Галанда Микулаш 337, 338
 Галас Франтишек 299, 300, 428, 430
 Галаша Андрей 284
 Галл Иван 283
 Гампл Антонин 206
 Гаха Эмил 206, 207, 209, 212, 214, 346, 352, 399
 Гашек Ярослав 218, 289, 290, 291, 292, 301, 344
 Гашпар Тидо И. 329, 434
 Гвездослав Павел Орсар 281
 Гебауэр Ян 225, 226
 Геббельс Йозеф 428, 433
 Гейдрих Рихард 355, 356
 Гейровский Я. 189
 Генке А. 180
 Генлейн Конрад 162, 163, 166, 170, 183, 215
 Гербен Ян 234
 Герман М.Ю. 343
 Геровский А.Ю. 76
 Геррманн Игнат 234
 Гётц Франтишек 294
 Гибеш Йозеф 25

- Гилар Гуго 245, 322
 Гиммлер Генрих 380
 Гитлер Адольф 166, 168, 170, 171, 175, 176, 177, 178, 179, 183, 185, 195, 197, 210, 211, 212, 215, 361, 366, 368, 370, 390, 393, 395, 401
 Главачек Карел 227
 Главка Йозеф 225
 Глинка Андрей 37, 39, 56, 80, 86, 90, 118, 120, 143, 144, 147, 148, 163, 165, 172
 Гложник Винцент 339, 438
 Гоголь Николай Васильевич 244
 Годач Франтишек Ксавер 160
 Годжа Милан 39, 40, 48, 56, 110, 122, 143, 163, 173
 Голан Владимир 299, 428
 Голан Карел 306
 Голечек Йозеф 53
 Голиан Ян 373, 376, 380
 Голл Ярослав 225
 Голлар Вацлав 247
 Гольи Милан 306
 Гомола Бедржих 212
 Гонзл Индржих 322
 Гора Йозеф 299, 300, 429
 Горазд (Павлик Матей) 125
 Горват Иван 329
 Горький Максим 245, 290
 Гостинский Отакар 239
 Гостовский Эгон 430
 Готвальд Клемент 11, 149, 160, 182, 356, 357, 358, 376, 406, 411, 421, 422
 Гофман Властислав 270, 274, 276, 277
 Гоффмейстер Адольф 309
 Гочар Йозеф 247, 270, 274, 275, 276, 314
 Грабский В. 129
 Грац Г. 170
 Грегор-Тайовский Йозеф 282, 283
 Грегр Эдвард 25
 Грегр Юлий 25
 Громадко В. 211
 Гросс Франтишек 313, 432
 Гроссман Иржи 340
 Грош Карел 46, 51
 Грубин Франтишек 430
 Грубый В. 53
 Грушовский Ян 329
 Гудец А. 190
 Гудец Йозеф 52
 Гудечек Антонин 253
 Гудечек Франтишек 313, 342
 Гудерна Ладислав 339, 438
 Гурбан-Ваянский Светозар 38, 42, 53, 280, 281
 Гус Ян 142, 176, 220, 262
 Гусак Густав 11, 330, 372, 375, 377, 378, 379, 380, 388, 389, 396
 Гусарек К. 181, 211
 Гуттманн Йозеф 150
 Гутфройнд Отто 247, 270, 273, 274, 304
 Давид Йозеф 182
 Даладье Эдуард 176, 177, 178, 179, 180, 182, 400
 Далюге Курт 356
 Дауэс Чарльс Гейтс 131
 Дворжак Антонин 237, 240, 241, 242, 433
 Дворжак Карел 304
 Дворчак Виктор 97
 Дейл З. 154
 Деканозов Владимир Георгиевич 410
 Делоне Р. 264
 Демл Якуб 232, 233, 235, 301
 Дени Эрнест 60, 61
 Деникин Антон Иванович 126
 Дерер Иван 48, 118
 Дестиннова Эмма 238
 Дивиш Ален 433
 Дик Виктор 26, 48, 54, 120
 Дилонг Рудольф 333
 Димитров Георгий 356, 376, 398, 418
 Диринк Карел 258, 259
 Достоевский Федор Михайлович 244, 315
 Дра Ян 432
 Артикол Франтишек 313
 Артина Франтишек 288
 Дрыак Алоиз 250
 Дубчек Александр 11
 Дула Матуш 38, 80, 86, 90
 Дурих Ярослав 236, 301, 325
 Дуфек Антонин 345
 Дык Виктор 226, 232, 235
 Дюрих Йозеф 57, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67

Дюриш Юлиус 369
Дюрчанский Фердинанд 161, 172,
209, 212, 369

Егоров Алексей Семенович 383,
386

Егорова В.Н. 345
Ежек Ярослав 321, 324
Есенский Ян 48
Есенский Янко 283, 331, 434

Жарнов Андрей (Шубик Ф.) 435
Жаткович Юрий 98
Желибский Ян 339, 438
Женишек Франтишек 106
Жижка Ян 304, 359
Жилинский Я.Г. 50
Жуков Георгий Константино-
вич 383
Жуковский В.Г. 29, 50, 53
Жуфа М. 86, 90

Завада Вилем 299
Завржел Франтишек 245
Заградничек Ян 300, 301, 429, 430
Задорожнюк Элла Григорьевна 4,
9, 93
Запотоцкий Ладислав 25
Заткова Ружена 309
Зелигер Й. 95
Зенкл Петр 182
Зивр Ладислав 313, 432
Зика Ян 206, 353, 354
Зита, супруга императора Карла I
72
Зитек Вилем 321
Зорин Валериан Александрович
419, 423
Зрзавый Ян 247, 259, 267, 277, 306,
307, 436

Иванка Милан 120
Иванов И. (псевдоним Игоря
Инова) 345
Иден Антони 406, 407
Илемницкий Петр 300, 331, 332
Ина Я. 199
Ингр Ян Сергей 182, 376, 384
Иранек Милош 249
Ирасек Алоиз 233, 235
Истлер Йозеф 432

Йеремиаш Отакар 317
Йон Яромир 292, 432
Йоско Мартин 372

Кадец Свата 294
Казандзакис Н. 319
Казанский М. 44
Кайзл Йозеф 25
Кайнар Йозеф 430
Каливода Роберт 432
Калина Антонин 26
Калинин Михаил Иванович 404,
405, 410, 411
Калиста Зденек 294, 300, 302,
344, 429
Каллай Йозеф 122, 144
Каллаш Й. 53
Каменец Иван 371
Каня Калман 199
Каплан В. 22
Карл I Габсбург 48, 68, 71, 72, 81,
89, 120, 131
Кармазин Франц 203, 212
Каройи Михай 97, 111
Кашпар Й. 22
Кейтель Вильгельм 365
Келлер 51
Келлог Франк Биллингс 153
Кеннан Джорж 181, 193
Кепл Рудольф 60
Де Керилис Анри 182
Киллингер фон М. 369
Клеванский Александр Харитоно-
вич 76
Клейменова Н.Е. 155
Клима Властимил 182
Клима Э. 206
Клиmek А. 87
Клофач Вацлав Ярослав 26, 44, 48,
50, 53, 73, 74, 85, 118, 120, 143
Коблига Франтишек 259
Коваржовиц Карел 238
Ковтун Е.Н. 344
Колчак Александр Васильевич 126
Коменский Ян Амос 188, 288, 308
Конев Иван Степанович 378, 383
Конишек-Горский Сватоплук 57,
76
Конрад Курт 300
Конупек Ян 259, 306, 307
Копецкий Вацлав 411
Копта Йозеф 292

Кордач Франтишек 124
 Корнейчук Александр Евдокимович 410
 Коровицына Наталья Васильевна 9
 Костка Фердуш 341
 Костра Ян 436
 Костюшко Иван Иванович 4
 Котера Ян 250, 252, 274
 Котик Православ 306
 Котик Ян 432
 Котрба Карел 306
 Коуцкий Владимир 360
 Коциан Кvido 262
 Коциан Ян 238
 Кочиш А. 172
 Кошик Густав 65
 Крал Ян 306
 Краль Франьо 332
 Крамарж Карел 11, 26, 44, 48, 50, 52, 53, 54, 55, 60, 73, 74, 80, 85, 89, 90, 92, 93, 96, 100, 106, 119, 120, 138, 152, 186, 206, 244
 Краско Иван (Ботто Ян) 283
 Кратохвил Милош В. 429
 Кратохвил Ярослав 300
 Крейбих Карл 104, 112, 114, 122, 126
 Крейн Чарлз 257
 Крейчи Иша 320
 Крейчи Людвиг 182
 Крейцар Яромир 314
 Кремличка Рудольф 247, 277, 306
 Кресак Кирилл 86, 90
 Крети́нин С.В. 111
 Крога Иржи 309
 Крофта Камил 153, 163, 180, 181, 183, 185, 197, 199, 325
 Крушинский 397
 Крчмери Штефан 328, 329
 Кршелина Франтишек 301
 Куба Людвиг 249
 Кубелик Ян 238
 Кубичка Йозеф 304
 Кубин Отакар 270
 Кубишта Богумил 247, 268, 269, 270, 271
 Кубка Франтишек 429
 Кубр Станислав 27
 Кузнецова Р.Р. 342
 Кукучин Мартин 281, 328
 Кулондр Роберт 217

Купка Франтишек 218, 264, 265, 266, 307
 Кутлавашр К. 362, 363, 365
 Кюнцль-Изерский Рудольф 181
 Лада Йозеф 308, 309, 344
 Ламач Карел 324
 Ланг Людовит 37
 Лангер Франтишек 292
 Лаптева Людмила Павловна 342
 Лауда Ян 304
 Лацина Властимил 137
 Лготак Камил 431, 432
 Лебедев Виктор Захарович 413
 Легоцкий Эммануэль 56, 86
 Леже Алексис 179, 180
 Лермонтов Михаил Юрьевич 317
 Леттрих Йозеф 372, 380
 Либра Франтишек 340
 Лидицкий Карел 304
 Липтак Любомир 34, 114, 371, 391
 Лист В. 215
 Литвинов Максим Максимович 215, 404, 410
 Лишчинский Я. 36
 Ллойд Джорж Давид 81
 Лодгман фон Ауен Рудольф 95, 144, 146
 Локкарт Брюс 400
 Лотман Юрий Михайлович 344
 Лудин Ганс Элард 370, 376
 Лужа Войтех Борис 182
 Лукач Эмил Болеслав 329, 331, 435
 Маген Иржи 235, 294
 Майерник Циприан 337, 338
 Майерова Мария 295, 300
 Майоль А. 304
 Майринк Густав 279
 Майский Иван Михайлович 181, 400, 401, 402, 403, 404
 Маковицкий Владимир 86, 90
 Маковицкий Душан 284
 Маковский Винценц 304, 311
 Малевич О.М. 344
 Маленков Георгий Максимилианович 410
 Малер Г. 240, 244, 316
 Малипетр Ян 110, 122, 143, 160, 163, 164
 Малы Густав 285, 336
 Манес Йозеф 246

Мануильский Дмитрий Захарович 356
 Марек Ярослав 244
 Маржатка Йозеф 262
 Маркович Рудольф 48
 Мартину Богуслав 218, 316, 317, 318, 319, 321, 345
 Марцели Павол 395
 Маршалко Ян 90
 Марына Валентина Владимировна 4, 5, 9, 386, 387, 388, 389, 424, 425, 426, 427
 Масаржик Губерт 179, 180, 182, 193, 212
 Масарик Томаш Гарриг 11, 27, 31, 38, 39, 45, 46, 52, 53, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 63, 65, 67, 69, 74, 81, 83, 84, 86, 87, 89, 92, 93, 98, 99, 105, 106, 118, 119, 122, 123, 124, 127, 129, 133, 137, 142, 146, 147, 148, 149, 158, 160, 163, 171, 176, 188, 189, 191, 206, 220, 226, 232, 244, 257, 282, 284, 286, 287, 288, 289, 293, 299, 300, 304, 325, 345, 380
 Масарик Ян 176, 404, 407, 424
 Мастны Войтех 179, 181, 193, 195
 Матезиус Вилем 303, 429
 Матейка Петер 339, 438
 Матгуш Карл 23, 53, 55, 71
 Матула Антонин 301
 Мах Александр (Шанё) 118, 209, 368, 393
 Маха Карел Герман 349
 Махар Йозеф Сватошук 224, 228, 294
 Махатый Густав 324
 Машталка Йиндржих 71
 Мёвцецкий Карол Антон 86, 90
 Медек Рудольф 292
 Медерлы Карол 118, 161
 Мейсснер Альфред 119
 Мельников Георгий Павлович 5, 9, 344
 Менчикова В. 189
 Меньшиков М.О. 15, 30
 Метод Белла 90
 Мечяр Станислав 435
 Мигуле Ярослав 345
 Миколай Й. 36
 Микоян Анастас Иванович 410
 Микулашек Олдржих 430

Милнер А. 82
 Михеева Л.В. 342
 Мичура Мартин 133
 Мойзес Александер 335
 Мойзес Микулаш 285
 Молак Йозеф 357
 Молотов Вячеслав Михайлович 404, 407, 410, 412, 414, 415, 416, 417, 418, 419
 Моравец Эмануэль 182
 Мостовенко П.Н. 127, 128
 Мосъцицкий Игнаций 177
 Моттл В. 190
 Мрштик Алоиз 234, 235, 321
 Мрштик Вилем 234, 235, 321
 Мудронь Павол 38
 Мудрох Ян 339, 438
 Музика Франтишек 309, 311
 Мукаржовский Ян 303, 344
 Мунк Э. 269
 Муравьев-Апостол Корабынский 32, 40
 Мусатов Валерий Леонидович 9
 Муссолини Бенито 177, 178, 371
 Муха Альфонс 218, 229, 251, 254, 255, 256, 257, 258, 343
 Мыслбек Йозеф 261, 262, 304
 Мягков Михаил Юрьевич 425
 Наджафов Джангир Гусейнович 187, 194
 Налепка Ян 395
 Направник В. Э. 342
 Направник Э.Ф. 238, 242
 Наринский Михаил Матвеевич 192
 Недбал Оскар 238, 244, 334
 Нееды(й) Зденек 239, 240, 296, 422, 430
 Незвал Витезслав 297, 298, 300, 312, 428
 Немец Антонин 52
 Немец Зденек 433
 Немец Франтишек 413
 Ненашева Зоя Сергеевна 31, 76
 Нестьев И.В. 343
 Нефф Владимир 432
 Нехватал Франтшек 300
 Нечас Яромир 182
 Нидерле Любор 325
 Николай II Романов 22, 57, 63, 65, 70
 Николс Филипп Б. 409

Никольский Сергей Васильевич
233, 342, 344
Новак Августин 120
Новак Арне 288
Новак Витезслав 240, 244, 315, 433
Новак Ладислав 122
Новакова Тереза 234
Новомеский Ладислав (Лацо) 330,
331, 372, 435
Новотная Ярмила 321
Новотный Вацлав 325
Новый Карел 300, 303, 429
Нога Ян 300
Нойман Станислав Костка 223,
230, 235, 258, 288, 296, 299, 300
Оканик Людовит 86
Оливова Вера 145
Ольбрахт Иван 294, 300, 301, 397
Оман Бедржих 250
Ондрейов Людо 332
Ондржичек Франтишек 238
Оплетал Ян 352
Орландо В.Е. 85
Орген Иржи 432
Осога Ян 369
Островский Александр Николае-
вич 244, 315
Острчил Отакар 238, 240, 244, 316,
321
Осуский Штефан 173
Палацкий Франтишек 23, 55,
262
Палеолог Жорж Морис 75
Паливец Йозеф 430
Панушка Ярослав 267
Пацовский Эмил 285
Пекарж Йозеф 225, 302, 325
Пелц Антонин 306
Пери Габриель 182
Пероутка Фердинанд 288, 327
Перуц Лео 279
Петров Иван Ефимович 413
Пецка-Страговский Й.Б. 25
Пешка П. 108
Пешанек Зденек 310, 311
Пика Гелиодор 376, 383, 402, 403
Пикассо Пабло 270
Пинкас 53
Плечник Йосип 314
Повжан Михал 436

Покорный Карел 304
Поливка Й. 53
Поливка Освальд 251
Полякова Л.В. 343, 438
Поничан Ян 330, 332
Попов 386
Потемкин Владимир Петрович
183, 184, 194, 211
Пражак Альберт 327, 360
Прайслер Ян 252, 253
Прайссиг Войтех 258, 307
Прейсс Ярослав 41, 48, 53, 114,
138
Прейсова Габриэла 235
Пречан Вилем 382
Прохазка Антонин 247, 270, 271,
305
Прохазка Арношт 258
Пружинский Микулаш 212
Пруха Индржих 267
Прхала Лев 182
Пршигода Ваша 321
Псота Ян 53
Пуйманова Мария 296, 300
Пушкаш Андрей Иванович 192,
193
Пушкин Георгий Максимович
369, 392, 393, 394
Пытлик Радко 344
Рабас Вацлав 308
Рада Властимил 308
Райнхардт М. 245
Райс Карел Вацлав 234
Райцин Бедржих 349
Рашин Алоис 48, 54, 55, 73, 87, 88,
110, 119, 120, 122, 138
Рашин Ладислав 182
Ревай Юлиан 213
Резек Антонин 225
Реклю Э. 266
Ренсимен Уолтер 173, 174
Дю Рео Э. 194
Рёсслер Ярослав 313
Ржезач Вацлав 432
Риббентроп Йоахим 200, 201, 212
Ригер Франтишек Ладислав 23,
55
Рипка Губерт 182, 407, 413
Рихтер Ф. 182
Роден Огюст 260
Рой Владимир 283, 328

- Ройт Франтишек 314
 Рудольф II Габсбург 220
 Ружиак Я. 86, 90
 Рыкр Зденек 313
 Рыхлик (Рихлик) Ян 83, 104, 121
 Сабуров Александр Николаевич 395
 Савваитова М.Д. 75
 Савицкий И.П. 69
 Сазонов Сергей Дмитриевич 50, 63, 69, 70, 71, 75, 77
 Сайферт Ярослав 298, 299, 429
 Сарабьянов Д. В. 343
 Сватковский Всеволод Павлович 45, 49, 51, 52, 55, 59, 60
 Свербеев Сергей Николаевич 32
 Свобода Людвик 11, 66, 405, 406, 414, 424
 Сволинский Карел 308
 Седлачек Войтех 308
 Серапионова Елена Павловна 4, 5, 9, 76, 112, 132, 133, 134
 Сетон-Ватсон Роберт Виллиам 37, 52, 54
 Сивак Йозеф 212
 Сидор Карол 118, 212, 213
 Сидоров А.Ю. 155
 Сис Владимир 54
 Сис Франтишек 54
 Скирмунт Константы 130
 Складковский 400
 Скленаж Зденек 433
 Скобла Ян 190
 Скупа Йозеф 245
 Скушинский Александер 130, 151
 Славик Ярослав 271
 Сладавичек Антонин 248
 Сладек Зденек 401
 Сладковский Карел 25
 Сланский Рудольф 358, 411
 Слунечко Ф. 362
 Сметана Бедржих 239, 240, 242, 334, 349, 433
 Смрек Ян 328, 331
 Смрковский Йозеф 360, 365
 Смутны Яромир 193
 Сова Антонин 228, 294
 Сокол Карел Станислав 26
 Сокол Мартин 118, 172
 Солнцева Лариса Павловна 76, 343, 345
 Соукуп Франтишек 52, 55, 87, 88, 164
 София, супруга Франца Фердинанда (урожденная графиня Хотек) 46
 Софокл 321
 Сталин Иосиф Виссарионович 375, 376, 382, 383, 385, 404, 406, 407, 410, 411, 412, 417, 418
 Станек Франтишек 71, 72
 Шташек Богумил 182
 Стейскал Богуш 294
 Стефан Бедржих 304, 309
 Стил Генри Виккхам 54, 59
 Стодола Иван 333
 Стодола Корнел Милан 56, 90
 Стодола Эмил 53, 56, 86, 90
 Стравинский И.Ф. 317
 Странский Адольф 51
 Странский Ярослав 182
 Стригалев А. 344
 Строкач Тимофей Амвросиевич 358, 375, 378
 Стржибный Йиржи 87, 88, 118, 119, 143
 Судек Йозеф 313
 Сук Вацлав (Вячеслав Иванович) 238
 Сук Йозеф 238, 240, 241, 242, 244, 315
 Суту Ж.-А. 194
 Сухарда Станислав 262
 Сухонь Эуген 335, 337
 Сынек В. 206
 Сыроватка В. 190
 Сыровы Ян 175, 180, 182, 201, 203
 Сыхрава Лев 54, 60, 61
 Таафе Эдуард 28
 Тайге Карел 288, 297, 309, 313
 Талих Вацлав 321, 433
 Татарка Доминик 437
 Тауфер Иржи 300, 430
 Тепланский Павол 212
 Тесарж Й. 348
 Тесноглицек Рудольф 294, 316
 Тикал Вацлав 432
 Тимрава (Слачикова Б.) 282
 Тирш М. 30
 Тисо Йозеф 201, 203, 209, 212, 213,

368, 369, 370, 374, 376, 391, 392,
393, 395, 396, 398, 434
Тисо Франьо 392
Тихий Франтишек 311
Тойен (Черминова М.) 310, 311,
312
Толстой Лев Николаевич 284, 315
Томан Йозеф 429
Томан Карел 231, 235, 294
Травничек Франтишек 327
Тржановский (Траносциус) Иржи
326
Трубецкой 58
Тука Войтех 118, 123, 146, 148, 209,
212, 368, 369, 393
Тун Франтишек 47, 51
Турок Владимир Михайлович 192
Тусар Властимил 83, 106, 109,
118
Туссэн Р. 365
Тучек А.В. 57
Тыкал Й. 182
Тыл Йозеф Каэтан 349
Тыл Одржих 314

Удржал Франтишек 110, 120, 143,
148, 149
Урбан Мило 329, 434
Урбан О. 25
Урбанек Ферко 284
Уркс Э. 206
Урсини Ян 372, 380
Ушияк Я. 359

Фабры Рудольф 332
Фанта Йозеф 250
Фарский Карел 124
Фёрстер Йозеф Богуслав 240, 315
Фёрстрова-Лаутерерова Берта
238
Фибих Зденек 240
Фигули Марта 332
Фигуш-Быстрый Вильям 285, 334
Филипчикова Раиса Лаврентьевна
344
Филла Эмил 247, 267, 270, 305
Фиркушный Рудольф 321
Фирлингер Зденек 183, 194, 211,
376, 385, 391, 402, 404, 409, 415,
422, 423
Фирсов Евгений Фридрихович
112, 154

Флориан Йозеф 301
Фойерштайн Бедржих 314
Фолтын Франишек 307
Франк Карел Герман 170, 352
Франке Эмил 118
Франта Богуслав 54
Франц Иосиф I Габсбург 17, 48,
51, 71
Франц Фердинанд д'Эсте, наслед-
ник престола 45, 46
Фрейвальд Индржих 314
Фрейка Иржи 322
Фрич Мартин 324, 333
Фукс Богуслав 315
Фукс Йозеф 314
Фулла Людо 336, 338, 339, 438
Функе Яромир 313
Фучик Юлиус 288, 429
Фюгнер Й. 30

Хаба Алоиз 316, 319
Хад Вацлав 433
Халоупка Йозеф 294
Халуецкий Индржих 313, 432
Хёфле Германн 380
Хитил З. 182
Хохол Йозеф 270, 274, 276
Хорват А. 90
Хорнбек С. 186
Хорти Миклош 131, 404
Хробак Доброслав 332
Хрущев Никита Сергеевич 358,
375, 378
Хэлл Корделл 410

Цабак Я. 56
Цемлинский Александр 279
Цигер-Гронский Йозеф 329, 332
Циккер Ян 335, 437

Чайковский Петр Ильич 240
Чапек Йозеф 247, 269, 270,
271, 272, 273, 292, 293, 305,
306, 343
Чапек Карел 27, 31, 60, 74, 75, 122,
133, 218, 247, 269, 270, 271, 289,
292, 293, 294, 301, 306, 316, 322,
324, 344
Чапек-Ход Карел 234, 294
Чатлош Фердинанд 374, 384
Челаковский Я. 53

Чемберлен Артур Невилл 174, 175,
 176, 177, 178, 179, 180, 181,
 400, 401
 Чеп Ян 301
 Черников И. 75
 Черны Ян 53, 118, 120, 145
 Черный Вацлав 430
 Черный Карел 433
 Черчилль Уинстон 400, 401, 402,
 408
 Чех Сватошлук 244
 Чех Ян 379
 Чехов Антон Павлович 245
 Чиано Галлеаццо 178
 Чичерин Георгий Васильевич 127

Ш
 Шалоун Ладислав 262
 Шальда Франтишек Ксавер 224,
 236, 237, 247, 258, 259, 328, 342
 Шамал Премисл 54, 55
 Швабинский Макс 247, 257, 258,
 305, 343
 Швантнер Франтишек 332
 Швегла Антонин 27, 53, 85, 87, 88,
 92, 109, 110, 118, 119, 122, 142,
 143, 144, 147, 148, 149, 206
 Швегла Антонин (старший) 27
 Швейк 348
 Шверма Ян 150, 356, 411
 Швец Отакар 309
 Шевченко К.В. 112
 Шедивы И. 47
 Шейнер Йозеф 44, 48, 52, 55, 85
 Шернер Ф. 361, 364, 365
 Шиесл Йозеф 164
 Шима Йозеф 311
 Шимачек Матей Анастасия 235
 Шимерова-Мартинчекова Эстер
 340
 Шимко Л. 86, 90
 Шимов Ярослав Владимирович 9
 Широкий Вильям 422
 Шкрдлант З. 190
 Шлейгар Йозеф Карел 235
 Шмейкал Франтишек 343, 345
 Шмераль Богумир 52, 55, 71
 Шмидке Карол 372, 377, 378, 379,
 384
 Шнайдер-Трнавский Микулаш
 285
 Шпала Вацлав 247, 270, 271, 305
 Шпаниэль Отакар 262, 304

Шрамек Франя 230, 231, 235
 Шрамек Ян 26, 80, 119, 120, 133,
 143
 Шробар Вавро 36, 39, 53, 56, 73, 80,
 87, 88, 90, 97, 98, 122, 165, 373,
 377, 380
 Штепанек Зденек 324
 Штефанек Антон 53, 56, 73
 Штефаник Милан Рагислав 60,
 61, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 74, 75, 76,
 81, 84, 87, 92, 93
 Штокар Рудольф 340
 Штурса Ян 262, 263, 264, 304
 Штурц Вацлав 148
 Штырский Индржих 310, 311, 312
 Шуленбург фон Фридрих 215, 216
 Шульгоф Эрвин 320
 Шульц Карел 429
 Шупчик Б. 189
 Шуста Йозеф 325

Щ
 Щербакова Юлия Александр-
 ровна 4

Э
 Эйзенманн Луи 60
 Эйнштейн Альберт 22
 Элиаш Алоиз 348, 351, 352, 355, 356
 Эль Греко 270
 Энгель Антонин 314
 Эрбен Карел Яромир 305
 д' Эспере 111
 Эстерхази Янош 172, 203
 Эштон-Гуэткин Франк Трелоуны
 Артур 179

Ю
 Юнг Рудольф 146
 Юрига Фердинанд 56, 86, 89, 90,
 118

Я
 Яблоницкий Йозеф 371, 373
 Язуш Антон 335
 Якоби Юлиус 335
 Якобсон Р.О. 303
 Яковлев Владимир Георгиевич
 350, 352, 401
 Якубец Ян 237
 Янак Павел 247, 270, 274, 276, 314
 Яначек Леош 218, 240, 242, 243,
 244, 279, 315, 316, 343
 Янда-Сук Ф. 22
 Яноушек Франтишек 313
 Янский Я. 22
 Ярош Отакар 404

- Abelovský J. 344
 Auský A. 387
 Bajcurová K. 438
 Bartoš J. 30, 11, 154, 194
 Bartošek I. 345
 Bartošková Š. 345
 Bartiška V. 345
 Beneš Edvard 93, 425
 Boháč A. 112
 Bohatcová M. 343
 Brabec J. 345
 Branžovský J. 344
 Bruegel J.W. 194
 Břach R. 155
 Buriánek J. 344
 Bydžovská L. 345
 Bystrický Valerian 388
 Cecil Robert 134
 Čapek J. 343
 Čapek K. 344
 Čaplovič M. 133
 Čeněk M. Kadlec 216
 Chalupecký J. 345
 Deák Ladislav 192
 Doležal Jiří 387
 Doubek V. 345
 Durych J. 345
 Fabricius M. 42
 Fierlinger Zdenek 426
 Fučík B. 344
 Gajan K. 134
 Galandauer J. 74, 75, 76, 77, 93
 Gebhart Jan 386
 Gniazdovský M. 42
 Gottwald Klement 387, 427
 Hácha Emil 216
 Hanak W.K. 111, 116
 Harna Jozef 133
 Havel P. 74
 Havelka M. 345
 Heidrich A. 194
 Hitchcock E.B. 192
 Hlavačka M. 30
 Hlinka Andrej 192
 Holec R. 42
 Holý J. 342, 344
 Hrabušický A. 438
 Hrnko A. 388
 Hronský M. 74, 75
 Ivanov M. 342
 Jablonický Jozef 388
 Janaček Oldřich 387
 Jančík D. 133, 154
 Janáčková J. 342
 Kalina T. 133, 154
 Kamenec Ivan 388
 Kamenec J. 438
 Karník Zdenek 113, 132, 133, 134, 154, 190, 191
 Klimek A. 93, 112, 133, 134, 154, 155, 192, 193
 Klofač Václav 31
 Kolář F. 134
 Korček J. 217
 Koreff O.D. 112
 Kotyk V. 193
 Kováč D. 42, 112, 133, 154
 Krajčovičová N. 112
 Králík O. 344
 Krečmer J. 31
 Křen Jan 425
 Kubíková K. 345
 Kubů E. 112, 134, 155, 192, 193
 Kupka F. 343
 Kural V. 193
 Kutnar F. 342
 Kvaček Robert 112, 191, 192, 216, 217, 386
 Lacina Vlastimil 30, 113, 132, 154
 Lada J. 344
 Lahoda V. 343, 344
 Lamač M. 343
 Lébl V. 342
 Lehár J. 342
 Letz Robert 43, 92, 425
 Lipták L'ubomir 42, 74, 75, 132, 154, 191, 192, 424
 Malá J. 387
 Marek J. 343, 344, 345
 Marek P. 134
 Marjina Valentina V. 388
 Masaryk Jan 193
 Masaryk T.G. 345
 Mašin J. 343

Měšt'an A. 345
Mudra M. 387
Novák V. 342
Olivová Vera 94, 111, 112, 133, 134,
154, 191
Opočenský Jan 134
Osuský Štefan 155
Pecka J. 387
Pečinková P. 343, 344
Pekník M. 74, 75, 76
Peška P. 112
Prečan Vilem 389
Rak J. 342
Raková S. 112
Rataj J. 216, 217
Raubal S. 134
Rudný Z. 387
Rusinová Z. 344, 345, 438
Rychlík Jan 93, 94, 112, 133, 191, 192,
216
Savický I. 77
Serapionova Elena 112
Seton-Watson Robert William 42, 75
Sládek Oldřich 386
Sládek Zdenek 425
Slavík J. 343
Srp K. 345
Stich A. 342

Suk J. 342
Svarc Ven 112
Szarka L. 191
Šalda F.X. 342
Šedivý I. 74, 75, 77
Šestak M. 438
Šmatlak S. 344
Šolle Zdenek 93
Šrobár Vavro 42, 43
Štursa J. 343
Tajták L. 111
Tesářová D.
Tiso Jozef 425
Tomášek D. 216, 217, 386
Tomaszewski J. 112, 134
Tomeš J. 30
Tretera J.R. 133, 134
Uhlíř J.B. 193, 215, 217
Urban O. 30
Vachtová L. 343
Vaczy Edvard 112
Valenta J. 438
Vaross M. 345
Vávra Jan 74
Voráček Emil 438
Wandycz P.S. 134
Wittlich P. 342, 343
Zumr J. 345

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ	—	Архив внешней политики Российской империи
АВП РФ	—	Архив внешней политики Российской Федерации
ВКП(б)	—	Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВНР	—	Венгерская Народная Республика
ВНС	—	Временное национальное собрание
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации
ГДР	—	Германская Демократическая Республика
ГНСРП	—	Германская национал-социалистическая рабочая партия
ГСНП	—	Глинковская словацкая народная партия
ГУЛАГ	—	Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
ГШПД	—	Главный штаб партизанского движения
ДМИСЧО	—	Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений
ДП	—	Демократическая партия
Земгор	—	Объединение российских земских и городских деятелей в Чехословацкой республике
ЗН	—	Защита нации
ЗБ	—	Заграничное бюро
ЗНС	—	Законодательное национальное собрание
ИККИ	—	Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
КПС	—	Коммунистическая партия Словакии
КПСС	—	Коммунистическая партия Советского Союза
КПЧ	—	Коммунистическая партия Чехословакии
КСХС	—	Королевство сербов, хорватов и словенцев
КУ	—	Корпус уполномоченных
МВД	—	Министерство внутренних дел
МИД	—	Министерство иностранных дел
МНО	—	Министерство национальной обороны
МНК	—	Местный национальный комитет
НДТМ	—	Национальное движение трудящейся молодежи
НК	—	Национальный комитет

НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел
НКВД	—	Народный комиссариат иностранных дел
НТП	—	Национальная партия труда
НП	—	Народная партия
НФ	—	Национальный фронт чехов и словаков
НФО	—	Национальная фашистская община
НЭП	—	Новая экономическая политика
ОМИ	—	Отдел международной информации
ПКОВ	—	Петиционный комитет "Останемся верными"
ПНЕ	—	Партия национального единства
ПНР	—	Польская Народная Республика
ПОРП	—	Польская Объединенная Рабочая Партия
ПСНЕ	—	Партия словацкого национального единства
ПУРККА	—	Политическое управление рабоче-крестьянской Красной Армии
ПЦ	—	Политический центр
РГАВИ	—	Российский государственный архив военной истории
РГАСПИ	—	Российский государственный архив социально-политической истории
РКП(б)	—	Российская коммунистическая партия (больше- виков)
РОА	—	Русская освободительная армия
РПД	—	Революционное профсоюзное движение
РСФСР	—	Российская советская федеративная социали- стическая республика
СЛНП	—	Словацкая национальная партия
СМЕРШ	—	Смерть шпионам
СМИ	—	Средства массовой информации
СНВ	—	Словацкое национальное восстание
СНП	—	Судето-немецкая партия
СНС	—	Словацкий национальный совет
СР	—	Словацкая республика
СССР	—	Союз Советских Социалистических Республик
США	—	Соединенные Штаты Америки
УШПД	—	Украинский штаб партизанского движения
ЦК	—	Центральный комитет
ЦРВС	—	Центральное руководство внутреннего сопро- тивления
ЦСП	—	Центральный совет профсоюзов
ЧНС	—	Чешский национальный совет
ЧНСП	—	Чехословацкая национально-социалистическая партия
ЧСНС	—	Чехословацкий национальный совет
ЧСПД	—	Чехословацкая социал-демократическая партия
ЧСР	—	Чехословацкая республика
ЧССР	—	Чехословацкая социалистическая республика

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Кавка Ф. Чехословакия: исторический очерк. Прага: Орбис, 1968
Краткая история Чехословакии: с древнейших времен до наших дней. М., 1988
Свобода Л. От Бузулука до Праги: пер. с чеш. Изд. 2-е. М., 1969
Bartošek K. Pražské povstání. Praha, 1965
Belda J., Bouček, Deyl Z., Klimeš M. Na rozhraní dvou epoch. Praha, 1968
Brabcová J. Alfons Mucha. Praha, 1996.
Budinsky L. Třinást' prezidentov. Bratislava, 2004.
Czech Modern Art. 1900 – 1960: Modern Art Collection the Trade Faire Palace. Prague, 1995
Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. Bratislava, 1998. Sv. 1.
Kaplan K. Nekrvavá revoluce. Praha, 1993
Karník Z. České země v éře První republiky (1918 – 1938). Praha, 2000. Díl. 1 – 2
Klimek A. Boj o hrad. Praha, 1996. Sv. 1
Kral V. Pravda o okupaci. Praha, 1962
Křen J. Do emigraci. Zapadni zahranični odboj. 1939 – 1940. Praha, 1969
K dějinám socialistického Československa. Praha, 1986
Kvaček R. České dějiny. Praha, 2002. Sv. II: Učebnice pro střední školy
Lahoda V. Český kubismus. Praha, 1996
Lehar J., Stich A., Janáček, Holý J. Česká literatura od počátku k dnešku. Praha, 1998
Mláďa fronta dnes. 2001. 28 října
Novak V. Cestou boja, pravdy a vítězství. Praha, 1979
Savický I. Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914 – 1938. Praha, 1999
Šedivý I. Češi, České země a velká válka 1914 – 1918. Praha, 2001.
Slovenská národná rada. 1943 – 1949. Bratislava, 1980
Štědroň B. Leoš Janáček. K jeho lidskému a uměleckému profilu. Praha, 1976
Svoboda L. Cestami života. Praha, 1971. T. I
Vdross M. Moderne Maler der Slowakei. Praha, 1961
Za svobodu. 1927. č. 19 – 20

Научное издание

**ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ
В XX ВЕКЕ**

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

В двух книгах

Книга 1

Утверждено к печати

Ученым советом

Института славяноведения

Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.А. Петрова*

Редактор *В.Н. Токмаков*

Художник *В.Ю. Яковлев*

Художественный редактор *Т.В. Болотина*

Технический редактор *Т.А. Резникова*

Корректоры *А.Б. Васильев,*

Р.В. Молоканова, Е.А. Сысоева

Подписано к печати 11.05.2005
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Балтика
Печать офсетная
Усл.печ.л. 28,5 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 29,0
Уч.-изд.л. 27,1. Тираж 550 экз. Тип. зак. 4091

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Чехия и Словакия в XX веке

Книга
1